А. В. КОЛЬЦОВ

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ СССР

(1917-1961 г. г.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

А. В. КОЛЬЦОВ

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ СССР 1917—1961 гг.

24362

Ответственный редактор
академик Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

В монографии освещается роль Академии наук в формировании и развитии региональных научных центров СССР. Главное внимание уделяется проблемам организации филиалов и баз АН СССР, их преобразования в национальные академии наук. Показано значение деятельности АН СССР по совершенствованию территориальной системы организации науки как одного из факторов укрепления ленинской дружбы, единства и интернациональной общности народов СССР. Хронологические рамки монографии охватывают период со времени победы Великого Октября до 1961 г., когда в СССР завершился процесс создания академий наук союзных республик.

Книга рассчитана на историков науки.

Рецензенты: Е. П. АЛЕКСЕЕВ, В. А. ЯДОВ

К $\frac{1402000000-720}{042(02)-88}$ 114-88-*II*

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-027206-X

ВВЕДЕНИЕ

Выдающимся завоеванием Советского государства является быстрый рост науки и культуры. Под руководством Коммунистической партии в нашей стране создан мощный научно-технический потенциал. Достижения советской науки и техники получили признание во всем мире.

Организация и развитие научных исследований в СССР неразрывно связаны с деятельностью высшего научного учреждения страны — Академии наук Советского Союза.

«Ядром отечественного научного потенциала, естественно, является Академия наук СССР, где сосредоточены наиболее квалифицированные кадры ученых. Многие институты академии — это исследовательские центры мирового класса»,[1] — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев.

Академии наук СССР принадлежат огромные заслуги в формировании и развитии сети научных учреждений в СССР, подготовке и воспитании кадров ученых. Велика ее роль в организации научной работы в союзных и автономных республиках, национальных округах, краях и областях СССР.

Отвечая на призыв Коммунистической партии и Советского государства, ученые Академии наук в первые же послереволюционные годы развернули исследования, направленные на подъем экономики и культуры отсталых в прошлом народов нашей страны.

При помощи и поддержке Академии наук СССР формировались первые национальные академии наук СССР — Академия наук Украинской ССР и Академия наук Белорусской ССР. В начале 30-х годов АН СССР приступила к созданию сети филиалов и баз в ряде национальных республик и крупнейших экономических районов РСФСР. В последующие годы сеть академических учреждений на местах все более расширялась и укреплялась.

В период перестройки, обновления всех сторон жизни советского общества значение деятельности региональных научных центров СССР многократно возрастает.

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, в принятой съездом новой редакции Программы КПСС, других документах

съезда получили глубокое творческое развитие проблемы дальнейшего расцвета и сближения социалистических наций и народностей, совершенствования национальных отношений, ускорения научно-технического прогресса. В свете решений съезда перед учеными встали новые ответственные задачи в области совершенствования деятельности региональных научных центров.

«Усиленного внимания от нас требуют региональные отделения, филиалы, первичные научные подразделения», [2] — отмечал президент Академии наук СССР акад. Г. И. Марчук в октябре 1986 г. в речи на сессии Общего собрания АН СССР.

Естественно, что деятельность Академии наук по формированию региональных научных центров привлекает все более пристальное внимание советских ученых.

Большое значение для исследования этой проблемы имеют такие фундаментальные труды, как «Октябрь и научный прогресс» (1967), «Октябрь и наука» (1977), «Ленин и современная наука» (1970), «Ленин. Наука. Молодежь» (1980), «Наука Союза ССР» (1972), «Советская наука: итоги и перспективы» (1982), созданные крупнейшими учеными и организаторами советской науки.

Процесс формирования региональных научных центров СССР, их роль в развитии науки глубоко и всесторонне рассмотрены в статьях и выступлениях президентов АН СССР академиков А. П. Карпинского, В. Л. Комарова, С. И. Вавилова, А. Н. Несмеянова, М. В. Келдыша, А. П. Александрова, Г. И. Марчука и других руководителей Академии наук. [3] В трудах академиков М. А. Лаврентьева, Г. И. Марчука и В. А. Коптюга анализируются проблемы, связанные с созданием и развитием Сибирского отделения АН СССР. [4]

При изучении проблем развития национальных научных центров историки опираются на труды академиков П. Н. Федосеева, М. П. Кима, Ю. В. Бромлея и других советских ученых, в которых раскрывается роль науки в укреплении дружбы и сотрудничества наций и народностей СССР. [5]

Деятельность Академии наук в области организации научных центров, в частности филиалов и баз, получила всестороннее освещение в статьях и выступлениях академиков И. П. Бардина, В. П. Волгина, В. А. Котельникова, М. Д. Миллионщикова, Г. К. Скрябина и других ученых. Этой проблеме посвящены статьи и выступления президентов академий наук союзных республик, председателей президиумов филиалов и баз АН СССР.

Особо следует отметить исследования обществоведов, посвященные национальной политике Коммунистической партии. В этих трудах раскрывается борьба партии за осуществление ленинской национальной политики, укрепление дружбы и сотрудничества всех наций и народностей СССР. Советские ученые показали, насколько несостоятельны попытки буржуазных советологов фальсифицировать национальную политику КПСС. [6] Вместе с тем необходимо указать, что в работах обществоведов, опубликованных на рубеже 70—начала 80-х годов, не вскрывались негативные явления, не анализировались трудности и проблемы в развитии национальных отношений.

Опубликованы работы о дружбе и сотрудничестве народов СССР, в том числе о сотрудничестве в области науки и культуры. [7]

Подготовлены труды о развитии науки в союзных республиках, деятельности национальных академий наук. В числе этих трудов должны быть упомянуты «История Академии наук Украинской ССР» (1979), «Академия наук Белорусской ССР» (1979), «Наука в Узбекистане» (1981). «Наука Советского Казахстана. 1920—1980» (1981), «Академия наук Казахской ССР» (1978), «Академия наук и развитие грузинской науки» (1974), «Академия наук Грузинской ССР» (1981), «Академия наук Азербайджанской ССР» (1975). «Расцвет науки Советского Азербайджана» (1980), «Академия наук Молдавской ССР» (1979), «Развитие науки в Молдавской ССР» (1984), «Академия наук Латвийской ССР. 1946—1986» (1986), «Академия наук Таджикской ССР» (1979), «Достижения науки в Советской Армении» (1984), «Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924—1984)» (1984) и др.

В 1977 г. вторым изданием вышла в свет обобщающая монография Г. Д. Комкова, Б. В. Левшина, Л. К. Семенова «Академия наук СССР: Краткий исторический очерк» (в 2-х т.), авторы которой большое внимание уделяют проблемам создания и развития филиалов и баз АН СССР. Эта же тема получила освещение в монографиях Б. В. Левшина «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» (1966) и «Советская наука в годы Великой Отечественной войны» (1983).

Роль Академии наук в организации региональных научных центров освещается в ряде монографий и сборников документов по истории организации советской науки. [8]

Большой научный интерес представляют труды, посвященные истории организации академических филиалов в Сибири, особенно создания и деятельности Сибирского отделения АН СССР. Таковы коллективные исследования «Академия наук и Сибирь» (1977), «Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957—1982» (1982), «Развитие науки в Сибири. Методология. Историография. Источниковедение» (1986) и др.

Углубленному исследованию проблем, касающихся организации региональных научных центров, содействуют посвященные этой теме публикации в «Вестнике АН СССР», «Вопросах истории естествознания и техники», «Природе», периодических изданиях академий наук союзных республик, филиалов АН СССР.

В работе Е. А. Беляева «КПСС и организация науки в СССР» (1982) раскрывается руководящая и направляющая роль партии в организации научных исследований в стране, показана забота КПСС о развитии науки в национальных районах. Особо следует выделить монографии Е. А. Беляева, Н. С. Пышковой «Формирование и развитие сети научных учреждений СССР» (1979) и В. И. Дуженкова «Проблемы организации науки (региональные аспекты)» (1978); авторы этих монографий анализируют вопросы, связанные со становлением и развитием сети научных учреждений на всей территории Советского Союза.

Как видно, в исследовании проблем, касающихся формирования научных центров, достигнуты существенные успехи. Однако до сих пор в литературе нет монографических трудов, специально посвященных деятельности Академии наук в этой области. Автор и поставил перед собой задачу — на конкретном материале раскрыть роль Академии наук в формировании региональных научных центров.

Проблема развития региональных научных центров — сложная, комплексная проблема. Разработкой ее занимаются философы, социологи, экономисты, науковеды, историки науки. Естественно, что автор ограничил свою задачу рассмотрением только тех вопросов, которые касаются исторического процесса становления и развития филиалов и баз Академии наук СССР.

Методологическую основу работы составляют труды классиков марксизма-ленинизма. Автор руководствовался резолюциями и решениями съездов и конференций КПСС, пленумов ЦК КПСС, постановлениями партии и правительства по вопросам национально-государственного строительства, науки и научно-технического прогресса.

Основополагающее значение для разработки темы исследования имеют решения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, документы XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают период с 1917 — со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции — до 1961 г., когда в СССР завершился процесс формирования академий наук союзных республик. Автор убежден, что для освещения деятельности Академии наук, касающейся организации региональных научных центров в 60—80-е годы, необходимы специальные монографические исследования.

В рассматриваемый в работе период в жизни нашей Родины произошли огромные социально-экономические преобразования. В ходе социалистического строительства страна превратилась в могучую индустриальную державу. В деревне победил колхозный строй. Неизмеримо вырос культурный уровень народа. Был создан сплошной фронт науки.

Достижения нашей страны охарактеризованы в Обращении ЦК КПСС «К советскому народу», в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Одновременно в этих партийных документах говорится о трудностях и испытаниях, которые приходилось преодолевать в ходе строительства социализма. Это были трудности и испытания, вставшие на пути первопроходцев. «Но было и другое, — указывается в Обращении ЦК КПСС. — Дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступления от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе, за волюнтаристские ошибки, за догматизм в мышлении, инерцию в практических действиях».[9]

На всех этапах развития социалистического государства советские ученые всегда были вместе со своим народом. Общепризнанна их роль

в осуществлении ленинской программы экономического и культурного возрождения страны. Велик вклад науки в разгром фашизма, в дело восстановления и развития народного хозяйства в послевоенные годы. Под руководством партии ученые преодолели многие трудности, возникавшие в ходе создания сплошного фронта советской науки. Была решена одна из сложных задач организации исследований — задача преобразования Российской Академии наук в высшее научное учреждение социалистического государства — Академию наук СССР.

Важнейшим направлением развернувшейся на рубеже 20—30-х годов коренной перестройки Академии наук являлось создание ее филиалов и баз. Формирование региональных центров академической науки представляло собой трудный и сложный процесс.

Путь к созданию филиалов и баз АН СССР в национальных районах лежал через решение целого комплекса проблем, направленных на экономическое и духовное возрождение братских народов. Особенно трудной была задача подготовки национальных научных кадров. Для этого необходимо было развернуть работу по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения, создать сеть общеобразовательных школ и вузов. Для организации новых научных учреждений на местах требовались значительные ассигнования.

Создавая региональные центры академической науки, ученые выступали как новаторы, первопроходцы. Примечательно, что в мае 1928 г. акад. А. Е. Ферсман, касаясь перспектив развития Академии наук, писал: «Строительство крупного научного учреждения на новых началах есть одно из звеньев научного и культурного творчества всей страны».[10] Сказанное в полной мере относится к филиалам и базам.

В процессе создания региональных центров науки перед учеными вставали многие научные и научно-организационные вопросы, связанные с определением тематики филиалов и баз, их структуры, планированием и финансированием исследований, подготовкой кадров и др. При этом не всегда сразу удавалось принимать оптимальные решения по рассматриваемым вопросам.

В документах Общего собрания и Президиума, статьях и выступлениях руководителей Академии наук, посвященных проблемам развития филиалов и баз, отмечались достижения в работе научных учреждений на местах, высоко оценивались проводившиеся ими исследования. Вместе с тем вскрывались недостатки, намечались пути их устранения, выдвигались новые задачи. Такой подход к оценке деятельности филиалов и баз способствовал дальнейшему повышению их роли в организации научных исследований.

Автор исходил из принятого в литературе понятия «региональный научный центр».[11] Что касается понятий «филиалы» и «базы» АН СССР, то определение их дано в документах Общего собрания и Президиума, выступлениях руководителей АН СССР, которые приведены в работе.

«Филиалы Академии наук СССР, объединившие научные учреждения на местах, сыграли важную роль в развитии народного хозяй-

ства, науки и культуры республик, в подготовке национальных научных кадров»,[12] — так оценивал значение деятельности филиалов акад. М. В. Келдыш.

Характеризуя процесс становления и развития филиалов АН СССР, акад. В. А. Котельников отмечал: «Основные задачи филиалов, наряду с развитием фундаментальных исследований в области естественных и общественных наук, — разработка проблем, способствующих ускоренному развитию экономики и производительных сил; подготовка квалифицированных научных кадров и координация исследований, проводимых в области естественных и общественных наук различными ведомствами».[13]

Определяя роль и место филиалов в системе академических учреждений, акад. Г. К. Скрябин писал: «В настоящее время филиалы Академии наук СССР — это крупные региональные научные центры, проводящие и координирующие исследования по целому ряду важных фундаментальных и прикладных проблем современной науки и техники».[14]

В той мере, в какой это необходимо для раскрытия темы работы, автор стремился показать деятельность ученых АН СССР по исследованию природных ресурсов союзных и автономных республик, их вклад в решение вопросов национально-культурного строительства. Он видел свою основную задачу в том, чтобы осветить значение деятельности Академии наук, ее филиалов и баз, на основе которых создавались республиканские академии наук, для осуществления ленинской национальной политики, укрепления чувства дружбы и братства народов СССР.

Разумеется, автор не имел возможности исчерпать тему исследования. Напротив, деятельность АН СССР, связанная с совершенствованием территориальной системы организации науки, созданием филиалов и баз, национальных академий наук, настолько многогранна, что она может и должна служить предметом изучения в новых монографических трудах.

[1] *Горбачев М. С.* Избр. речи и статьи. М., 1985. С. 123.

[2] ВАН. 1987. № 1. С. 80.

[3] *Комаров В. Л.* Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. 11. 710 с.; *Вавилов С. И.* Собр. соч. Работы по философии и истории естествознания. М., 1956. Т. 3. 870 с.; *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. М., 1959. Т. 4. 527 с.; *Келдыш М. В.* Избр. тр.: Общие вопросы развития науки. М., 1985. 703 с.; *Александров А. П.*: 1) Атомная энергетика и научно-технический прогресс: Ст. и выступления. М., 1978. 271 с.; 2) Наука — стране: Ст. и выступления. М., 1983. 219 с.; *Марчук Г. И.*: 1) Молодым о науке. М., 1980. 302 с.; 2) Магистрали прогресса. М., 1985. 255 с.; 3) Горизонты научного поиска. М., 1987. 224 с.; 4) Перестройка научной деятельности академических учреждений в свете решений XXVII съезда КПСС // ВАН. 1987. № 1. С. 3—13.

[4] *Лаврентьев М. А.*: 1) Наука. Технический прогресс. Кадры: Сб. ст. и выступлений. Новосибирск, 1980. 288 с.; 2) . . .Прирастать будет Сибирью. 2-е изд. М., 1982. 175 с.; *Марчук Г. И.* Сибирскому отделению Академии наук СССР — двадцать лет // Октябрь и наука. М., 1977. С. 635—656; *Коптюг В. А.* Сибирь научная // Советская наука: Итоги и перспективы. М., 1982. С. 205—229.

[5] *Федосеев П. Н.*: 1) Философия и научное познание. М., 1983. 464 с.; 2) О социальных и идейных основах сближения наций и народностей // Наука Союза ССР.

М.. 1972. С. 46—79; *Ким М. П.* Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983. 557 с.; *Бромлей Ю. В.*: 1) Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. 390 с.; 2) Совершенствование национальных отношений в СССР // Коммунист. 1986. № 8. С. 78—86.

[6] Подробнее см.: Национальная политика КПСС: Очерк историографии. М., 1981. 256 с.

[7] Дружба и братство русского и украинского народов: В 2-х т. Киев, 1982. Т. 2. 471 с.; *Брега Г. С.*: 1) Сотрудничество советских республик в области науки в годы первой пятилетки. Киев, 1978. 167 с.; 2) Сотрудничество ученых советских республик в создании материально-технической базы социализма. Киев, 1984. 207 с.; *Даниленко В. М.* Сотрудничество УССР и РСФСР в области образования и науки в период построения социализма. Киев, 1981. 190 с.; *Петров В. Т.* Творческое сотрудничество народов СССР. М., 1979. 215 с.; Сотрудничество народов СССР в культурном строительстве. М., 1973. 167 с.

[8] *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973. 294 с.; *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет: Документы и факты. Тбилиси, 1974. 238 с.; *Петровец В. М.* Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Фрунзе, 1969. 172 с.; *Тарасов О. Ю.*: 1) Очерки истории организации науки в Советской Молдавии (1921—1961). Кишинев, 1980. 151 с.; 2) Наука и ее организация в Молдавской ССР (1966—1970). Кишинев, 1977. 159 с.; *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). Душанбе, 1975. 240 с.; Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925 гг. Л., 1986. 384 с.; Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л., 1968. 419 с.; Организация советской науки в 1926—1932 гг. : Сб. документов. Л., 1974. 408 с.

[9] Правда. 1987. 14 марта.

[10] Известия. 1928. 23 мая.

[11] *Дуженков В. И.* Проблемы организации науки: (Региональные аспекты). М., 1978. С. 183—185; Научные центры Академии наук Украинской ССР: (Опыт и перспективы). Киев, 1986. С. 10.

[12] *Келдыш М. В.* Избр. тр.: Общие вопросы развития науки. М., 1985. С. 267.

[13] 60-летие образования Союза ССР и развитие советской науки: Доклад вице-президента АН СССР акад. В. А. Котельникова // ВАН. 1983. № 4. С. 13.

[14] *Скрябин Г. К.* Наука Российской Федерации: Центры академической науки // Наука Союза ССР: Итоги и перспективы. С. 179.

I

ОТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК К АКАДЕМИИ НАУК СССР 1917—1925 гг.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР. НОВЫЕ ЗАДАЧИ НАУКИ. РОСТ АКАДЕМИИ НАУК

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы России от господства буржуазии и помещиков, ликвидировала классовый и национальный гнет.

2 (15) ноября 1917 г. Советское правительство приняло «Декларацию прав народов России» — исторический документ, в котором в законодательном порядке устанавливались равенство и суверенность народов России, провозглашалось их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отменялись все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. [1]

Победа Великого Октября положила начало созданию Советского многонационального государства — первого в истории человечества государства, основанного на принципах пролетарского интернационализма, дружбы и братства наций и народностей.

После победы революции была образована Российская Советская Республика. В течение первого полугодия 1918 г. осуществился процесс ее оформления в федерацию. [2]

Созванный в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов утвердил разработанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик», [3] — указывалось в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Состоявшийся в декабре 1917 г. в Харькове I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину республикой Советов рабочих, солдатских и селянских депутатов, избрал ЦИК Советов Украины. Съезд признал необходимым установить федеративные отношения с Советской Россией. [4]

В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское Советское правительство Белоруссии приняло Манифест, провозгласивший образование Белорусской Советской Социалистической Республики. [5]

В 1918—1919 гг. были образованы Литовская, Латвийская и Эстонская советские республики. Вскоре, однако, власть здесь захватила в свои руки националистическая буржуазия, опиравшаяся на помощь международного империализма. Советская власть в Литве, Латвии и Эстонии была восстановлена в 1940 г. [6]

Победа Советской власти в Закавказье, разгром буржуазных националистов создали условия для образования в апреле 1920 г. Азербайджанской ССР, в ноябре 1920 г. — Армянской ССР, в феврале 1921 г. — Грузинской ССР. В марте 1922 г. полномочные представители этих республик подписали договор о федеративном союзе. Состоявшийся в декабре 1922 г. I съезд Советов Закавказья решил преобразовать союз в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). [7]

На территории Средней Азии в апреле 1918 г. была образована Туркестанская АССР — первая советская национальная автономия, вошедшая в состав РСФСР. После свержения власти хана в феврале 1920 г. в Хорезме (Хиве) была создана Хорезмская Народная Советская Республика. В сентябре 1920 г. восставший народ провозгласил Бухарскую Народную Советскую Республику. В последующее время народные республики в Хорезме и Бухаре превратились в социалистические республики. [8]

Братское сотрудничество народов развивалось и крепло в годы гражданской войны и последовавший затем период мирного строительства. Оно закалялось в борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции, стремившихся уничтожить завоевания Великого Октября, реставрировать власть свергнутых революционным народом эксплуататорских классов.

30 декабря 1922 г. в Москве открылся I съезд Советов СССР. Съезд утвердил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Образование СССР — событие всемирно-исторического значения. Объединение братских народов в единое многонациональное государство — результат воплощения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии — политики дружбы всех наций и народностей, населяющих СССР.

«Историческое значение дня образования Советского Союза — огромно, — писал в июле 1925 г. М. И. Калинин. — В этот день мир получил образец нового государства, основанного на взаимном доверии и на общности классовых интересов». [9]

Образование СССР определило дальнейшее развитие национальной государственности советских народов. В 1924 г. произошло национально-территориальное размежевание в Средней Азии. В октябре 1924 г. были образованы Узбекская ССР и Туркменская ССР. Тогда же возникли Таджикская автономная республика (в составе Узбекской ССР) и Кара-Киргизская автономная область, вошедшая в состав РСФСР (в мае 1925 г. она была переименована в Киргизскую автономную область, а в феврале 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР). [10]

В первые послеоктябрьские годы в РСФСР были созданы Башкирская, Бурят-Монгольская, Дагестанская, Карельская, Татарская, Чувашская и Якутская автономные советские социалистические республики. В составе Украинской ССР образовалась Молдавская АССР. В Грузинскую ССР вошли Абхазская и Аджарская автономные советские социалистические республики, в Азербайджанской ССР сформировалась Нахичеванская АССР. Одновременно создавались автономные области. К концу 1925 г. Советский Союз объединял 6 союзных и 15 автономных социалистических республик, 16 автономных областей. [11]

Объединение братских народов в единое многонациональное союзное государство законодательно закрепила Конституция СССР, принятая II съездом Советов СССР в январе 1924 г.

Образование СССР имело выдающееся значение в преодолении унаследованной от прошлого технико-экономической отсталости страны и возрождении экономики и культуры национальных районов.

Известно, что до революции экономика национальных окраин имела главным образом аграрно-сырьевой характер. К числу наименее развитых в экономическом отношении окраин страны принадлежали Средняя Азия и Казахстан, некоторые национальные регионы Северного Кавказа (в частности, Дагестан) и Сибири. Политика русской финансово-промышленной буржуазии, направленная на сохранение Сибири и Дальнего Востока как аграрно-сырьевых придатков центра страны, обусловила экономическую отсталость этих огромных по территории и богатейших по природным ресурсам регионов. [12]

Экономическая отсталость окраинных областей усугублялась культурной отсталостью трудящихся. В течение многих веков народы России создали великую культуру, выдвинули всемирно известных ученых и мыслителей. Но, стремясь увековечить свое господство, царизм, буржуазия и помещики держали народные массы в темноте и невежестве, лишали их возможности овладевать высотами науки и культуры. До победы Великого Октября многие народы России находились на докапиталистических стадиях развития.

Тяжелым наследством дореволюционного периода была массовая неграмотность и малограмотность трудящихся. Накануне Октябрьской революции неграмотность взрослого населения страны достигала 73 %. Количество неграмотных среди сельского населения было еще более высоким и составляло 85 %. [13] 72 % населения Украины и 68 — Белоруссии в возрасте 9—49 лет не умели ни читать, ни писать. Среди 100 узбеков только 2 были грамотными. По переписи 1897 г. процент грамотности среди населения Казахстана в возрасте 9—49 лет составлял лишь 8.1. Большинство (9/10) населения Армении в этом же возрасте также было неграмотным. [14]

В царской России высшее образование являлось одной из привилегий господствующих классов. Прием трудящихся и их детей в вузы всячески ограничивался, а порой был закрыт вовсе. География высшей школы была такова, что на территории нынешних Белорусской,

Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Киргизской, Армянской и Туркменской ССР не имелось ни одного вуза. [15]

Серьезным тормозом на пути экономического и культурного возрождения наций и народностей нашей страны являлось отсутствие у большинства из них письменности. Достаточно сказать, что из 130 языков народов СССР только 20 имели более или менее разработанную письменность. [16]

Примечательно, что в дореволюционный период ученые Академии наук не раз выступали против реакционной политики царизма в области науки и просвещения.

В январе 1905 г. 17 академиков поставили свои подписи под «Запиской о нуждах просвещения в России» — документом, содержавшим резкую критику политики царизма в области просвещения. В феврале-марте 1905 г. академики высказывались за свободу печати, выдвигали требование об отмене притеснений украинской печати. [17]

В декабре 1916 г. общее собрание КЕПС заслушало доклад акад. В. И. Вернадского «О государственной сети исследовательских институтов». В докладе выдвигалась идея создания широкой, разветвленной сети исследовательских институтов, подчеркивалось, что они должны быть не частными, а государственными. Ученый предлагал составить план сети научных учреждений России, выступал за то, чтобы повысить роль высшей школы в организации исследований. «Нужны на местах бальнеологические научные институты, широко поставленные опытные учреждения в области механической техники, металлургии, электротехники, [18] — писал В. И. Вернадский.

Мысль о необходимости экономического и культурного возрождения народов России составляет основное содержание статьи В. И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой», написанной в начале 1917 г. Ученый выступал с требованием обеспечить мощное развитие науки и высшего образования на всей территории страны. Он писал: «Для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан — не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского народа». [19] Политику царского правительства в области науки и культуры В. И. Вернадский охарактеризовал как антинациональную, удивительно близорукую, идущую вразрез с коренными интересами государства. Обосновывая необходимость создания научных учреждений и вузов на местах, он писал: «Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистской организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе недоступные к возбуждению. Этим путем достигается максимальная интенсификация научной работы». [20]

Разумеется, в условиях царской России, не могло быть и речи о создании широкой сети исследовательских учреждений и высших учебных заведений на местах. Это стало возможным только после победы Великого Октября.

Широкую программу подъема экономики и культуры братских народов выдвинул X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 г.

В принятой съездом резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указывалось на необходимость помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию. [21] В целях ликвидации фактического неравенства отсталых народов намечались мероприятия, направленные на укрепление советской государственности в национальных районах, ускоренное создание промышленности, развитие культуры, подготовку национальных кадров.

В апреле 1923 г. XII съезд партии в резолюции «По национальному вопросу» отметил, что борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за повышение культурного и экономического уровня отсталых народов является важнейшей задачей партии. [22]

Практические мероприятия по реализации резолюции XII съезда партии разработало четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшееся в июне 1923 г. Совещание высказалось за усиление темпов хозяйственного строительства в национальных республиках и областях, повышение культурного уровня местного населения. В решениях совещания речь шла о необходимости ликвидации неграмотности трудящихся, расширения сети всех ступеней учебных заведений и о создании рабфаков на местных языках, развитии культурно-просветительной работы, совершенствовании издательского дела.[23]

В борьбе за экономическое и культурное возрождение братских народов почетное место принадлежало науке. В. И. Ленин, Коммунистическая партия глубоко и всесторонне определили роль науки в строительстве социализма и коммунизма.

В марте 1920 г. в речи на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда В. И. Ленин указывал: «Сотрудничество представителей науки и рабочих, — только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано. Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила». [24]

Выступая в октябре 1920 г. с речью на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи, В. И. Ленин говорил: «...мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе». [25]

В. И. Ленин, Коммунистическая партия рассматривали науку как могучее орудие в борьбе за развитие производительных сил страны, преодоление ее технико-экономической отсталости. Науке отводилась выдающаяся роль в идеологическом воспитании трудящихся, повышении культурного уровня народа, осуществлении ленинской программы культурной революции.

Великий Октябрь освободил науку от сковывавших ее развитие пут самодержавно-помещичьего строя царской России. Были созданы реальные предпосылки для осуществления благородных идеалов науки — идеалов служения народу. «Раньше весь человеческий ум,

весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития, — говорил В. И. Ленин в январе 1918 г. в заключительном слове на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации». [26]

В. И. Ленин, Коммунистическая партия определили главнейшие направления государственной системы организации науки в стране.[27]

В апреле 1918 г. В. И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ», в котором сформулировал задачи ученых на многие годы вперед. В. И. Ленин выдвинул предложение немедленно дать от Высшего Совета Народного Хозяйства поручение Академии наук «образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России». [28]

Выдающееся значение для развития советской науки, привлечения старых ученых к решению крупных народнохозяйственных задач имел ленинский план ГОЭЛРО, принятый VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г.

В тяжелейшие годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили крупные организационные мероприятия, направленные на развитие научной деятельности, создание необходимых условий для творческого труда ученых. Наука стала важнейшим государственным делом.

Рождались новые государственные органы управления наукой. В их числе находились работавшие при Наркомпросе РСФСР Отдел мобилизации науки, Научный отдел, Академический центр, Государственный ученый совет, Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука). Главнауку РСФСР возглавлял Ф. Н. Петров. В 1918 г. в системе Высшего Совета Народного Хозяйства был организован Научно-технический отдел, которым руководил Н. П. Горбунов. В 1922—1924 гг. при Совнаркоме СССР функционировал Особый временный комитет науки. [29]

Сложившаяся в дореволюционный период сеть научных учреждений не отвечала потребностям социалистического государства в ускоренном развитии исследований. В 1913 г. в России имелось 298 научных учреждений, а численность научных работников достигала 11 600. [30] Почти все научные учреждения и примерно 3/4 ученых были сконцентрированы в Москве и Петербурге. Что касается таких обширных регионов страны, как Средняя Азия и Закавказье, то здесь сколько-нибудь значительных научных учреждений не было. [31] Поэтому в первые же годы после победы Октября остро встала задача расширения сети исследовательских центров, их рационального размещения на территории страны.

Насколько быстро формировалась сеть научных учреждений Советской республики, свидетельствует тот факт, что только в

1918—1921 гг. было организовано до 50 научно-исследовательских институтов, среди них — Физико-технический, Оптический, Центральный аэрогидродинамический, Радиевый, Гидрологический, Керамический, Институт прикладной химии и др.[32]

Забота партии о развитии обществоведения проявилась в организации в 1918 г. Социалистической академии общественных наук (с 1923 г. Коммунистическая академия). В 1919 г. приступила к работе Государственная академия истории материальной культуры.

В сентябре 1920 г. Совнарком за подписью В. И. Ленина принял декрет «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии».[33] Комиссия получила наименование Истпарт. Бюро Истпарта создавались в столицах союзных и автономных республик, многих городах страны.

Крупным событием в организации советской науки было создание Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921) и Института В. И. Ленина (1923).[34]

В 1921 г. создается Всероссийская научная ассоциация востоковедения, которая позднее, в 1924 г. преобразуется в Научную ассоциацию востоковедения СССР при ЦИК СССР.

О росте исследовательских учреждений говорят следующие данные. Если в 1914 г. на территории РСФСР (в современных границах) имелось 231 научное учреждение, то в 1922 г. численность научных учреждений Российской Федерации достигла 538.[35] Политика Советского государства в области организации науки заключалась в том, чтобы создать прочный фундамент для развития исследований по всему фронту естественных, технических и общественных наук.

Одним из важнейших направлений развития государственной системы организации советской науки являлись привлечение к участию в социалистическом строительстве ученых Российской Академии наук, постепенная перестройка работы старейшего научного центра страны на новых началах.

В 1917 г. Академия наук состояла из трех отделений — Физико-математических наук, Исторических наук и филологии, Русского языка и словесности. В ее системе, помимо библиотеки, архива, типографии, словолитни и книжного склада, работали один институт (Кавказский историко-археологический), 19 лабораторий, станций и музеев, 21 академическая и приакадемическая комиссии.[36]

Почти все учреждения Академии наук размещались в Петрограде. Исключение составляли лишь работавший в Тифлисе (Тбилиси) Кавказский историко-археологический институт (основан в 1917 г.), Севастопольская биологическая станция (создана в 1871 г.), ряд сейсмических станций. В числе сейсмических станций должны быть упомянуты станции первого разряда в Ташкенте, Тифлисе, Баку, Екатеринбурге, Иркутске и Кабанске. Кроме того, функционировали 13 сейсмических станций третьего разряда в Туркестане, Забайкалье, на Кавказе и других регионах.[37]

Основанная в 1725 г. Академия наук прошла большой и славный путь развития. Многие ученые, входившие в состав академии, внесли выдающийся вклад в отечественную и мировую науку.

В 1917 г. общая численность научных и технических сотрудников Академии наук достигала 220. Академия наук объединяла 44 академика. Среди них были математики А. Н. Крылов, А. М. Ляпунов, А. А. Марков и В. А. Стеклов, астроном А. А. Белопольский, геофизик М. А. Рыкачев, физик П. П. Лазарев, химики П. И. Вальден, Н. С. Курнаков, геологи Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский, А. П. Карпинский и А. П. Павлов, физиолог И. П. Павлов, зоологи В. В. Заленский и Н. В. Насонов, ботаники И. П. Бородин, В. И. Палладин и А. С. Фаминцын, историки М. А. Дьяконов, В. С. Иконников, А. С. Лаппо-Данилевский и Ф. И. Успенский, востоковеды В. В. Бартольд, П. К. Коковцов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов и Я. И. Смирнов, языковеды и литературоведы В. М. Истрин, Е. Ф. Карский, Н. А. Котляревский, А. В. Никитский, Н. К. Никольский, Н. Я. Марр, В. Н. Перетц, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, И. В. Ягич и другие ученые.[38]

243362

Во главе Академии наук стояли президент акад. А. П. Карпинский, вице-президент акад. И. П. Бородин [39] и непременный секретарь акад. С. Ф. Ольденбург.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о привлечении старой научной интеллигенции к участию в социалистическом строительстве, в январе 1918 г. Наркомпрос начал переговоры с Академией наук относительно ее деятельности в новых условиях. В ответ на предложение Наркомпроса развернуть работы по исследованию народного хозяйства, 20 (7) февраля 1918 г. Общее собрание Академии наук приняло постановление, в котором отмечалось, что «Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».[40]

Сформировавшиеся в условиях буржуазно-помещичьего строя царской России, ученые Академии наук на первых порах не смогли понять великого значения социалистической революции для судеб науки и культуры. Трудным и длительным был процесс перехода академических ученых на путь активного участия в строительстве новой жизни. Выработанная В. И. Лениным политика бережного отношения к старой научной интеллигенции определила крупные достижения Советского государства в привлечении деятелей науки и техники на сторону революционного народа.

Преодолевая унаследованные от прошлого заблуждения, порой испытывая сомнения и колебания, ученые Академии наук постепенно, но прочно вставали на путь профессионального сотрудничества с органами Советского государства.

Расширялась и укреплялась сеть академических учреждений. Особенно быстро развивалась Комиссия по изучению естественных производительных сил страны — наиболее крупное академическое подразделение. Лишь в 1918 г. в составе КЕПС были организованы

институты: По изучению платины и других благородных металлов, Физико-химического анализа, Московское отделение, ряд новых отделов: По исследованию Севера, Промышленно-географический, Почвенный и др.[41]

На базе лабораторий, кабинетов, музеев и комиссий создавались новые академические институты: Физико-математический (1921), Химический (1924), Физиологический (1925), Яфетический (1921), Почвенный им. В. В. Докучаева (1925) и др.

В 1925 г. в системе Академии наук имелось 62 учреждения, в том числе 42 научных, среди них восемь институтов, две самостоятельные лаборатории (Особая зоологическая, По анатомии и физиологии растений) и восемь лабораторий при отделах учреждений. Общая численность самостоятельных академических музеев (не считая подсобных при учреждениях) достигала восьми. В их числе: Геологический, Минералогический (разделение Геологического и Минералогического на два самостоятельных произошло в 1925 г.), Ботанический, Зоологический, Антропологии и этнографии, Палеографии, Толстовский и Азиатский. Значительную часть академических учреждений составляли комиссии и комитеты: их насчитывалось 35. При Академии наук функционировали Севастопольская биологическая станция, а также свыше 15 сейсмических, биологических, опытных и других станций, входивших в состав учреждений. Продолжали работать такие общеакадемические учреждения, как библиотека с ее более чем двадцатью специальными библиотеками при отдельных учреждениях, издательство, типография, книгохранилище и архив. Нельзя не отметить, что в рассматриваемый период в академических отчетах фигурировали также «учреждения, находящиеся в научной связи с Академией наук». В их числе значились Главная Российская астрономическая обсерватория в Пулкове, Российский гидрологический и Государственный радиевый институты.[42]

Если сопоставить эти сведения с данными, характеризующими сеть академических учреждений в дореволюционный период (см. с. 16), то сразу можно видеть, насколько выросла Академия наук. Особенно значительным был рост академических институтов, число которых увеличилось с одного в 1917 до восьми в 1925 г.

Росту сети учреждений соответствовало увеличение личного состава академии. В 1918—1925 гг. было избрано 23 новых академика. Среди них — физик А. Ф. Иоффе, химик Д. П. Коновалов, геологи Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. С. Федоров и А. Е. Ферсман, биологи В. Л. Комаров, С. П. Костычев, С. Г. Навашин, В. Л. Омелянский, А. Н. Северцов, П. П. Сушкин и В. М. Шимкевич, историки М. М. Богословский, В. П. Бузескул, Н. П. Лихачев и С. Ф. Платонов, востоковеды И. Ю. Крачковский, Б. А. Тураев и Ф. И. Щербатской, языковеды и литературоведы П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, М. Н. Розанов и М. Н. Сперанский.[43]

В 1917—1925 гг. Академия наук избрала 79 новых членов-корреспондентов.[44]

В 1925 г. число действительных членов Академии наук достигало 42. В составе Отделения физико-математических наук работало 22

академика. Отделение русского языка и словесности объединяло 9 академиков, Отделение исторических наук и филологии — 11. Как видно, более половины академиков входили в состав Отделения физико-математических наук.

Число почетных членов Академии наук достигало 19, из них четыре были русскими и 15 иностранными учеными; кроме того, разряд изящной словесности объединял шесть почетных академиков. В состав Академии наук входило 268 членов-корреспондентов, в том числе 103 русских и 165 иностранных ученых. [45]

Росли штаты академических учреждений. В 1925 г. число научных и научно-технических сотрудников Академии составляло 924. [46]

Жизнь, повседневная практика все более убеждали ученых в необходимости замены давно устаревшего академического Устава 1836 г. Работа по подготовке нового Устава началась в 1923 и завершилась через несколько лет, в 1927 г.

Чтобы укрепить связи с научной общественностью страны, в 1920 г. Академия наук пересмотрела порядок избрания новых академиков. Отныне к участию в избирательной коллегии по выборам академиков должны были привлекаться представители других научных учреждений и университетов. [47]

В 1924—1925 гг. Академия наук предприняла первые попытки, имевшие целью организовать подготовку научной смены. В декабре 1925 г. ученые выдвинули предложение об организации в системе академии института практикантов, который был учрежден в 1926 г.

Вне поля зрения Академии наук не осталась работа по учету научных сил страны. С 1916 г. в системе Академии наук работала Комиссия «Наука в России», которая впоследствии была реорганизована в Комиссию по изданию справочника «Наука и научные работники СССР». Руководил комиссией С. Ф. Ольденбург. Комиссия занималась подготовкой справочных изданий, посвященных исследовательским учреждениям и научным работникам страны. В 1920 г. был издан первый выпуск справочника «Наука в России», в котором содержались сведения о научных учреждениях Петрограда по состоянию на 1 января 1920 г. В 1925 г. увидел свет справочник «Научные работники Москвы».

При участии Академии наук создавалась Секция научных работников — профессиональное объединение ученых, игравшее значительную роль в организации науки и высшего образования в стране. [48]

В ноябре 1923 г. состоялся I Всероссийский съезд научных работников. Съезд избрал Центральный совет Секции научных работников и его Бюро. Академию наук в Центральном совете Секции представляли академики Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. Съезд призвал интеллигенцию теснее сплотиться вокруг власти трудящихся и направить все свои силы и знания на развитие ее хозяйственной мощи и культуры. [49]

I Всероссийский съезд научных работников — важное событие в истории организации советской науки. Съезд способствовал объединению усилий ученых вокруг решения неотложных проблем науки и техники.

Отделения Секции научных работников создавались во многих крупных городах РСФСР, столицах союзных республик. Только в течение одного года, с ноября 1923 по ноябрь 1924 г., количество членов секции выросло с 8000 до 10 424.[50] Постепенно сфера деятельности секции стала распространяться на всю страну. В поле зрения секции находились проблемы организации науки и высшего образования в СССР. Поскольку секция объединяла преобладающее большинство ученых СССР, ей принадлежала значительная роль в консолидации научной интеллигенции страны, интернациональном воспитании работников науки.

Для подведения итогов исследований и определения перспектив их дальнейшего развития созывались научные съезды, конференции и совещания. Многие из них проходили при руководящем участии Академии наук.

Ученым Академии наук принадлежали крупные заслуги в формировании государственной системы организации советской науки. При руководящем участии академии создавались многие институты, вошедшие в систему наркоматов и Научно-технического отдела ВСНХ. Академики и члены-корреспонденты Академии наук возглавляли деятельность ряда институтов: Радиевого — акад. В. И. Вернадский, Физико-технического — акад. А. Ф. Иоффе, Прикладной химии — акад. Н. С. Курнаков, Биологической физики — акад. П. П. Лазарев, Опытной агрономии и Института прикладной ботаники и новых культур — чл.-корр. АН СССР Н. И. Вавилов. Акад. Н. Я. Марр стоял во главе Государственной академии истории материальной культуры, акад. А. Е. Ферсман был директором Института археологической технологии этой академии.

Участвуя в формировании сети центральных научных учреждений, ученые Академии наук заботились и о развитии науки на местах, особенно в национальных регионах страны.

Сформулированные В. И. Лениным в «Наброске плана научно-технических работ» задачи развития исследований по проблемам, касающимся рационального размещения производительных сил, обеспечения народного хозяйства сырьем, электрификации промышленности, сельского хозяйства и транспорта, могли быть успешно реализованы лишь при условии создания обширной сети региональных научных центров.

О стремлении ученых содействовать развитию научной работы на местах свидетельствовало обсуждение в мае 1918 г. на заседании совета КЕПС вопроса «об учреждении провинциальных отделений Комиссии и о создании института корреспондентов ее». 18 мая 1918 г. ученый секретарь КЕПС А. Е. Ферсман внес этот вопрос на рассмотрение совета КЕПС. Было принято решение образовать комиссию для подготовки соответствующих рекомендаций. В ее состав входили Н. И. Андрусов, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. Руководил комиссией Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.[51] 27 мая 1918 г. он докладывал совету КЕПС выработанное комиссией заключение о необходимости создания института особых корреспондентов КЕПС в разных областях страны и учреждения ее отделений на местах. Эти предложения

были направлены на то, чтобы дать «толчок существующему уже в разных местах стремлению к изучению естественных производительных сил отдельных районов».[52] Поддержав изложенные Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом соображения, совет КЕПС рекомендовал А. Е. Ферсману посетить в июле 1918 г. ряд городов (Нижний Новгород, Казань, Уфу, Пермь, Екатеринбург, Вологду, Вятку и другие) в целях «установления более тесной связи Комиссии с провинциальными организациями».[53]

В условиях гражданской войны приведенные выше соображения не могли быть реализованы. Правда, в мае 1920 г. по инициативе ученых при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы была образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма. После установления в Крыму Советской власти она перешла сначала в ведение Крымского совнархоза, а затем КЕПС и стала именоваться Крымским отделением КЕПС. В работе отделения участвовали Н. И. Кузнецов, Н. М. Крылов, В. И. Лучицкий, В. А. Обручев, П. П. Сушкин и другие ученые. До 1921 г. исследованиями по изучению природных богатств Крыма руководил В. И. Вернадский.[54]

Как известно, в июне 1918 г. КЕПС по поручению В. И. Ленина подготовила «Записку о задачах научного строительства». В этом документе большое внимание уделялось вопросам организации исследований на местах. «. . . научная работа не может замыкаться в отдельные немногие центры, но должна искать опоры в научных силах, широко рассеянных по территории России, где уже пробуждается стремление к изучению местного края и подготовляется тот живой интерес к познанию страны, на котором воспитывается любовь к Родине, — отмечалось в «Записке». — Изучение России во всей сложности ее природы и взаимоотношений отдельных факторов возможно лишь путем всемерной поддержки как тех местных начинаний, которые уже давно работали в этом направлении, так и тех новых ячеек, начиная с кружков любителей природы местного края и кончая совершенными исследовательскими научно-промышленными институтами, из которых наука будет черпать свежие силы для будущей работы».[55]

«Записка о задачах научного строительства» — наглядное свидетельство заботы академических ученых о развитии науки не только в центре страны, но и на местах, в республиках и областях. «Содействие местным научным обществам и кружкам по изучению местного края»,[56] — так в «Записке» формулировалась одна из задач в области организации науки. Достойно внимания, что развитие исследований на местах ученые рассматривали как неразрывную органическую часть научного строительства в стране.

Насколько позволяла обстановка, Академия наук стремилась обеспечить необходимые условия для работы своих региональных научных учреждений.

26 июня 1918 г. академик Н. Я. Марр выступил на заседании Общего собрания с «Запиской по вопросу о Кавказском историко-археологическом институте», в которой высоко оценивалась работа

института и говорилось о необходимости оказания ему помощи.[57] Однако в условиях гражданской войны деятельность института не смогла получить значительного развития. Это стало возможным только после установления Советской власти в Грузии. В частности, в 1922 г. сотрудники института совершили ряд поездок для изучения памятников материальной и духовной культуры Грузии.[58] В последующие годы институт развернул исследования по истории, археологии, этнографии, истории литературы и искусства народов Кавказа и сопредельных стран. Одновременно разрабатывались проблемы языкознания, нумизматики, исторической географии и др.[59] В 1923 г. был опубликован 1-й том «Известий» института. Институтом руководил акад. Н. Я. Марр, в его работе принимали участие профессор Тифлисского университета филолог-эллинист и палеограф Г. Ф. Церетели, избранный в декабре 1917 г. членом-корреспондентом Академии наук.

Отрезанная фронтами от Петрограда, Севастопольская биологическая станция фактически не имела связи с Академией наук. Станция испытывала тяжелые материальные затруднения, поскольку не получала необходимых ассигнований. Это отрицательно сказалось на научной работе станции.[60] Лишь с 1922 г. она начинает интенсивно развиваться. В 1923 г. сотрудники станции участвовали в предпринятых Главным гидрографическим управлением систематических глубоководных исследованиях Черного моря путем гидробиологических разрезов.[61] В 1925 г. ее директором был избран академик Н. В. Насонов.

Академия наук стремилась восстановить сеть сейсмических станций, разрушенных интервентами во время гражданской войны. В 1925 г. в состав сейсмической сети Физико-математического института входили станции в Ташкенте, Баку, Свердловске, Самарканде, Томске, Пятигорске, Макеевке и других городах.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (КИПС)

Для решения задач, связанных с национально-государственным строительством, развитием экономики и культуры братских народов, необходимо было развернуть исследования, касающиеся этнического состава населения ряда регионов страны.

Примечательно, что в июне 1920 г. В. И. Ленин в «Замечаниях на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане» указывал на необходимость «составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению».[62]

В свете сказанного становится ясным, насколько важное значение приобретала деятельность академической Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), основанной в 1917 г. (первоначально она называлась: Комиссия по изучению племенного состава населения России).

В 1918 г. работу КИПС возглавлял академик С. Ф. Ольденбург. Ее членами являлись академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский,

М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. Я. Марр, В. Н. Перетц, А. А. Шахматов, а также Л. С. Берг, Б. Я. Владимирцов, Д. А. Золотарев, И. А. Орбели, С. И. Руденко, А. Д. Руднев, В. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Чубинов (Чубинашвили), Л. Я. Штернберг, Л. В. Щерба и другие ученые.[63]

В 1918 г. КИПС выполняла ответственные поручения народных комиссариатов По делам национальностей, По иностранным делам, По просвещению и Военно-топографического отдела Генерального штаба. В распоряжение этих государственных органов были предоставлены материалы по этнографии народов России и соседних с ней западных государств.

Основные усилия сотрудников КИПС были направлены на подготовку этнографических карт. Насколько позволяла обстановка гражданской войны, осуществлялись исследования в области культуры и быта наций и народностей. В 1918 г. работы на территории Белоруссии проводил Е. Ф. Карский, на территории Бессарабии — Л. С. Берг.[64]

Структура КИПС строилась с таким расчетом, чтобы обеспечить всестороннее этнографическое изучение населения страны. В 1919 г. в составе КИПС были созданы четыре отдела: Европейский, Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский.[65] «Подводя итог работам, произведенным комиссией, следует отметить несомненный успех в осуществлении первоочередной задачи комиссии — составлении карт. В настоящее время комиссия располагает почти всем необходимым ей для работ картографическим материалом»,[66] — говорилось в отчете о деятельности КИПС в 1922 г.

Благодаря усилиям сотрудников КИПС были достигнуты существенные результаты в подготовке этнографических карт Европейской части СССР, Сибири, Кавказа и Средней Азии, исследовании племенного и национального состава населения страны.

Начиная с 1923 г. КИПС принимала участие в подготовке всесоюзной переписи населения, которая была проведена в 1926 г. КИПС работала в сотрудничестве с народными комиссариатами По делам национальностей и По просвещению, Центральным статистическим управлением и другими государственными органами. Она стремилась привлечь для проведения исследований местных ученых.

Оценивая достижения Академии наук, в 1925 г. А. В. Луначарский отмечал: «Мы опирались на нее в переговорах с соседними державами о мире, она создала по нашему заказу точнейшие этнографические карты Белоруссии и Бессарабии».[67]

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Восстановление и развитие народного хозяйства, подъем экономики и культуры союзных и автономных республик, ликвидация диспропорций в экономике страны невозможны были без расширения фронта исследовательских работ по изучению и освоению природных богатств СССР.

Стремление ученых содействовать исследованию природных ресурсов выразилось в организации в 1918 г. Туркестанского отдела КЕПС, а в 1919 г. Карабугазского комитета, входившего в состав Института физико-химического анализа КЕПС. Туркестанским отделом КЕПС первоначально руководил Д. И. Мушкетов, а затем — Л. С. Берг. Председателем Карабугазского комитета был Н. С. Курнаков.[68]

В целях более глубокого изучения производительных сил страны по ее районам в феврале 1920 г. совет КЕПС образовал Комитет порайонного описания России во главе с А. Е. Ферсманом.

Одной из основных форм организации работ по изучению природных богатств стали экспедиции. Для руководства экспедиционной деятельностью Академии наук 1 октября 1921 г. Общее собрание образовало Комиссию по научным экспедициям. Возглавлял ее С. Ф. Ольденбург.[69]

В первые советские годы ученые вели исследования калийных месторождений Соликамска и Тихвинского месторождения бокситов.

Начиная с 1919 г. Академия наук развернула работы по исследованию Курской магнитной аномалии. В этих целях в составе Московского отделения КЕПС был организован Отдел изучения Курской магнитной аномалии, которым руководил акад. П. П. Лазарев.[70]

В 1920 г. под руководством акад. А. Е. Ферсмана начались многолетние исследования природных богатств Кольского полуострова. Совместно с Северной научно-промысловой экспедицией в 1921 г. Академия наук вела геологические работы на Новой Земле. В 1922 г. Академия наук и Русское географическое общество приступили к организации Западно-Сибирской экспедиции. Работавшая в 1923 г. под руководством сотрудника Ботанического музея Б. Н. Городкова, эта экспедиция выполнила ценные географические и ботанические наблюдения.[71] В 1922 г. была организована Монголо-Урянхайская экспедиция. Проводившиеся в 1923—1925 гг. экспедиционные работы на Урале имели своей целью изучение природных ресурсов этого региона.

Началось многолетнее изучение природных богатств национальных регионов СССР.

В 1919 г. Академия наук совместно с Гидрологическим институтом направила в Карелию Олонецкую научную экспедицию, которую возглавлял сотрудник Зоологического музея Г. Ю. Верещагин. В течение ряда лет участники экспедиции изучали природные богатства Олонецкого края, обратив особое внимание на исследования по гидробиологии.[72]

В 1921 г. Институт физико-химического анализа совместно с ВСНХ направил экспедицию для исследования Кара-Богаз-Гола. В 1922 г. вторым изданием вышел сборник статей «Карабугаз и его промышленное значение» (авторы Н. И. Андрусов, Н. С. Курнаков и другие). Эта книга имеется в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.[73]

Развернулись экспедиционные исследования на территории Якутской АССР. 25 апреля 1924 г. представитель Якутской АССР при ВЦИК М. К. Аммосов направил в Академию наук письмо с просьбой

начать всестороннее изучение производительных сил республики. Отвечая на это письмо, Академия наук провела специальное совещание под председательством С. Ф. Ольденбурга, на котором обсуждались вопросы, связанные с организацией экспедиции в Якутскую АССР.[74] 3 мая 1924 г. Общее собрание образовало Комиссию по исследованию Якутской АССР, в состав которой входили М. К. Аммосов, А. А. Бялыницкий-Бируля, П. В. Виттенбург, В. Л. Комаров, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. Е. Ферсман и др.[75] Первоначально она функционировала как временный орган. В апреле 1925 г. комиссия была преобразована в постоянное академическое учреждение. Работой комиссии руководили С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. Л. Комаров.[76]

Комиссия занималась организацией экспедиции в Якутию. «Академия надеется, что экспедиция состоится и будет, таким образом, положено начало систематических исследований отдельных республик и областей, одной из важнейших задач которых будет подготовка местных исследователей: помогая опытным специалистам, они пройдут необходимую исследовательскую подготовку»,[77] — указывалось в «Отчете» о деятельности Академии наук в 1924 г.

В 1925 г. на территории Якутской АССР работали Алданский комплексный, Ленский ихтиологический, Вилюйский врачебно-санитарный, а также гидрологический и аэро-метеорологический отряды. Простое перечисление экспедиционных отрядов позволяет видеть, что Академия наук приступила к широкому комплексному исследованию Якутской АССР.[78]

Комиссия по исследованию Якутской АССР и Якутская экспедиция опирались на краеведов, местных научных работников и студентов из Якутии, обучавшихся в вузах страны. Они установили связь с Якутским научно-просветительным обществом «Саха-Кескиле» («Возрождение Якутии»). В числе почетных членов общества был А. Е. Ферсман. Участники экспедиции приступили к организации в Якутии геофизической обсерватории, краеведческого музея и республиканской библиотеки. В распоряжение будущей библиотеки выделялись многие издания Академии наук.[79]

В 1924 г. Академия наук направила две экспедиции в Бурят-Монгольскую АССР, которые занимались изучением природы республики. В 1925 г. в республику прибыла академическая экспедиция во главе с Г. Ю. Верещагиным, развернувшая исследования озера Байкал.[80]

В 1925 г. союзные и автономные республики неоднократно обращались в Академию наук с предложениями об организации экспедиционных работ на их территории. В октябре 1925 г. президиум Экономического бюро Средней Азии просил Академию наук обсудить вопрос об экспедиционном исследовании территории Таджикистана, включая Памир. Откликаясь на эту просьбу, в декабре 1925 г. Академия наук пришла к выводу о необходимости организации экспедиции для этнологического и антропологического исследования Таджикистана.[81] В ноябре 1925 г. представительство Казахской АССР при ВЦИК возбудило перед Академией наук ходатайство —

направить экспедицию в районы кочевого и полукочевого хозяйства республики для проведения исследований, касающихся государственного землеустройства. 5 декабря 1925 г. Общее собрание признало необходимым удовлетворить это ходатайство.[82]

Велись переговоры об усилении экспедиционных работ на территории Туркменской ССР и Бурят-Монгольской АССР, намечалось проведение исследований в Чувашской АССР и Коми автономной области.[83]

Развитию экспедиционных работ способствовали поездки крупных ученых в союзные и автономные республики. В 1924 г. Высший Совет Народного Хозяйства направил в Среднюю Азию бригаду ученых во главе с А. Е. Ферсманом, которая ознакомилась с местными месторождениями неметаллических полезных ископаемых. А. Е. Ферсман посетил радиевый рудник Тюя-Муюп и ряд других месторождений полезных ископаемых на территории Узбекской ССР.[84] Как отмечалось в литературе, приезд А. Е. Ферсмана с группой ведущих минералогов и геохимиков в Узбекистан стимулировал развитие геологических работ в республике.[85] В 1925 г. А. Е. Ферсман дважды выезжал в Среднюю Азию. Ученый знакомился с месторождениями полезных ископаемых в Узбекской и Туркменской ССР. В Туркмении он вместе с сотрудником КЕПС Д. И. Щербаковым исследовал каракумские серные месторождения.[86]

Представление о развитии экспедиционной деятельности Академии наук можно составить на основании следующих данных. В 1924 г. Академия наук организовала 46 экспедиций. Общее же количество экспедиций и командировок, по своему характеру приближавшихся к экспедициям, достигло в 1924 г. 78. Экспедиции и командировки ученых охватывали обширные районы СССР. Экспедиционные отряды работали в Карелии и за Полярным кругом, в центральных районах страны и на Кавказе, на Урале и в Сибири, в Средней Азии и Казахстане.[87]

Академические экспедиции, поездки ученых в различные районы страны являлись важным фактором повышения экономического и культурного уровня народов СССР. Они способствовали развитию и укреплению связей Академии наук с местными научными силами.

УЧЕНЫЕ — НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Великий Октябрь положил начало духовному возрождению народов СССР, ликвидации их фактического неравенства в области культуры.[88] Большая роль в борьбе за повышение культурного уровня отсталых народов принадлежала ученым.

Изучение истории и культуры народов СССР являлось одним из основных направлений в деятельности гуманитарных учреждений Академии наук. Принципы, которыми ученые руководствовались в исследовательской работе по этой тематике, были сформулированы в «Заключении Отделения русского языка и словесности по вопросу о введении латинского шрифта для всех народностей, населяющих

территорию Российской республики», — документе, подготовленном отделением в декабре 1919 г. по поручению Научного отдела Наркомпроса РСФСР (6 декабря 1919 г. этот документ был одобрен Общим собранием). «Отделение русского языка и словесности готово приветствовать все целесообразные меры, направленные к укреплению международных культурных связей, в особенности же связей между населяющими Российскую Республику народностями; все то, что может скрепить единство России, содействовать в ней единению на почве социальных и экономических отношений, должно быть использовано руководящими правительственными кругами»,[89] — говорилось в «Заключении».

При подготовке декрета о реформе русского правописания, принятого Советским правительством в октябре 1918 г., были использованы материалы Отделения русского языка и словесности. Реформа готовилась еще в дореволюционный период; в ее разработке участвовали академики Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и другие ученые. «Мы взяли у академии новое правописание»,[90] — писал впоследствии А. В. Луначарский. Реформа орфографии имела большое значение в повышении культуры трудящихся, в распространении грамотности среди рабочих и крестьян.

Значительны заслуги Академии наук в изучении языков народов СССР. «Вопрос о языке для большинства национальностей начинает приобретать особенное значение и на него обращается особенное внимание»,[91] — указывалось в «Отчете о деятельности АН СССР в 1925 г.». Проблемы, касающиеся национальных языков, получили разработку в трудах ученых Яфетического и Кавказского историко-археологического институтов, Азиатского музея и других академических учреждений. Крупные достижения в изучении белорусского языка связаны с именем акад. Е. Ф. Карского, кавказских языков — акад. Н. Я. Марра, тюркских языков — с именами А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др.[92]

Известно, какое огромное значение В. И. Ленин придавал развитию лексикографии, работе по созданию словарей. Академия наук продолжала подготовку «Словаря русского языка», начатую А. А. Шахматовым еще в дореволюционный период. Одним из учреждений, занимавшихся проблемами русской лексикографии, была Комиссия по изданию «Словаря русского языка», которой руководил акад. В. М. Истрин.

В 1923 г. Академия наук издала VI выпуск III-го тома «Словаря якутского языка», составленного Э. К. Пекарским.

Исследования ученых в области национальных языков использовались в развернувшейся тогда сложной и длительной работе, связанной с созданием письменности братских народов. «Мы получили мощную поддержку ее (Академии наук. — *А. К.*) при введении грамотности на материнском языке для национальностей, не имевших письменности или имевших письменность зародышевую»,[93] — писал А. В. Луначарский.

Заботой о развитии науки и культуры народов Средней Азии была проникнута Записка В. В. Бартольда с предложениями, направ-

ленными на создание условий для успешной работы Туркестанской публичной библиотеки и Туркестанского музея (май 1918 г.).[94] Эта Записка встретила одобрение Отделения исторических наук и филологии, и 28 июня 1918 г. С. Ф. Ольденбург от имени Академии наук обратился в Совнарком и Наркомпрос с просьбой оказать помощь упомянутым учреждениям.[95]

Становлению и развитию очагов науки и культуры на местах содействовали командировки ученых в национальные регионы страны.

В. В. Бартольд выезжал в Среднюю Азию в 1920 и 1925 гг. В ноябре 1920 г. ученый выступил в Ташкенте с докладом «Ближайшие задачи изучения Туркестана». В 1925 г. он посетил Ташкент, Самарканд, Бухару, где работал в архивах и библиотеках, знакомился с материальными памятниками прошлого. В. В. Бартольд оказывал большую помощь Среднеазиатскому комитету по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.[96] В мае-июне 1925 г. он участвовал в заседаниях секции охраны памятников старины и искусства этого комитета.[97]

В 1924—1925 гг. Н. Я. Марр находился в научных командировках в Грузии, Азербайджане, Армении, Дагестане, Чувашии и Абхазии. Он занимался исследованиями в области национальных языков, выполняя работы, связанные с введением нового абхазского алфавита и подготовкой абхазо-русского словаря. В 1924 г. Ф. И. Щербатской был командирован в Баку для изучения восточных рукописей. В 1925 г. И. И. Мещанинов выезжал в Грузию и Армению для исследования эпиграфических памятников.[98] «Ряд поездок на места членов академии и ее других научных работников все более и более укрепляет научную связь академии с научною и культурною работою Союза»,[99] — отмечалось в «Отчете» о деятельности АН СССР в 1925 г.

УЧАСТИЕ АКАДЕМИИ НАУК В СОЗДАНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ

Ученые Академии наук участвовали в формировании советской системы высшего образования. Свидетельством быстрого развития высшей школы служил тот факт, что только в 1918 г. в стране было организовано 15 государственных университетов, среди них — Воронежский, Днепропетровский, Иркутский и Нижегородский (ныне Горьковский).[100] В 1923 г. начал работать Дальневосточный университет во Владивостоке.

В 1918 г. по инициативе группы ученых во главе с И. А. Джавахишвили был открыт первый на Кавказе Тбилисский университет, становление и развитие которого протекало в тесной связи с деятельностью Кавказского историко-археологического института Академии наук. Преподавание в университете вели акад. С. Г. Навашин, чл.-корр. Академии наук Г. Ф. Церетели и другие ученые. Первым ректором университета был П. Г. Меликишвили, впоследствии избранный членом-корреспондентом АН СССР.[101]

Академия наук оказывала помощь Азербайджанскому университету, который был открыт в 1919 г. В 1922 г. в университет из Ленинграда поступил большой груз — весом свыше 200 пудов. Это была научная литература, в том числе и академические издания. По приглашению университета в 1924 г. в Баку выезжал В. В. Бартольд. Здесь он занимался исследованием восточных рукописей и читал курс лекций по истории Азербайджана, который впоследствии был издан под названием «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира».[102]

В 1918 г. в Ташкенте были открыты Туркестанский народный университет, Туркестанский восточный и Мусульманский учительские институты.

7 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома «Об учреждении Туркестанского государственного университета».[103] Созданию университета предшествовала большая подготовительная работа, в которой участвовали многие ученые Москвы, Петрограда и Ташкента. В становлении университета большие заслуги принадлежали В. В. Бартольду. Он читал лекции в университете, содействовал организации его гуманитарных факультетов. В ноябре 1920 г., когда В. В. Бартольд завершил здесь чтение курса лекций по истории Туркестана, историко-филологический факультет возбудил перед советом университета ходатайство об избрании ученого почетным членом университета «ввиду его крупных научных заслуг в области изучения Туркестана и деятельного участия в организации Туркестанского университета».[104] Посетив Ташкент в 1925 г., В. В. Бартольд прочитал в университете курс лекций «Методология истории Туркестана».[105]

Среди организаторов Туркестанского университета был профессор Петроградского университета арабист и исламовед А. Э. Шмидт. «С 1920 г. он перенес свою деятельность в Ташкент и здесь немало потрудился над созданием нового университета и местных очагов востоковедения»,[106] — писал позднее академик И. Ю. Крачковский. А. Э. Шмидт избирался проректором Туркестанского университета и деканом его восточного факультета. В 1925 г. Академия наук избрала А. Э. Шмидта членом-корреспондентом.

19 октября 1920 г. Совнарком за подписью В. И. Ленина принял постановление «Об учреждении Уральского государственного университета».[107] Новый университет формировался при содействии и помощи ученых Академии наук. А. Е. Ферсман входил в состав оргкомитета по его созданию. В распоряжение университета из Петрограда было отправлено свыше 80 000 книг, в том числе издания Академии наук.[108] В приветствии, направленном университету в январе 1921 г., С. Ф. Ольденбург выразил уверенность, что наряду с подготовкой кадров, университет будет заниматься проведением научных исследований. «Усиленная работа на местах в теснейшем единении с центром — вот лозунг работы новой России»,[109] — говорилось в приветствии.

В 1920 г. был организован Ереванский народный университет, первым ректором которого стал будущий академик Я. А. Манандян.[110]

В 1921 г. в Минске начал работать Белорусский университет. Председателем комиссии по подготовке к его открытию был акад. Е. Ф. Карский. Возглавил университет В. И. Пичета, впоследствии избранный академиком.[111] В июле 1921 г. Наркомпрос Белорусской ССР специальной телеграммой сообщал Академии наук о предстоящем открытии университета. Откликаясь на это сообщение, Академия наук горячо приветствовала создание нового центра подготовки национальных кадров.[112]

Среди вузов, организованных в первые годы Советской власти, должен быть упомянут Таврический университет (1918). С сентября 1920 по февраль 1921 г. его ректором был В. И. Вернадский. В марте 1921 г. Общее собрание приняло постановление о передаче ряда академических изданий этому университету.[113]

Находившийся в 1918—1920 гг. в Самаре академик В. Н. Перетц участвовал в работе по созданию Самарского университета.[114]

За помощью к Академии наук по разным вопросам неоднократно обращались и те высшие учебные заведения, которые были созданы в дореволюционный период. В частности, в сентябре 1918 г. Пермский университет просил академию выделить в его распоряжение ряд изданий. Эта просьба была удовлетворена. В сентябре 1919 г. Общее собрание удовлетворило аналогичное ходатайство Киевского университета.[115]

Насколько быстрыми темпами развивалась сеть высших учебных заведений, видно из следующих данных. К 1921/22 уч. г. было организовано семь вузов в Белоруссии, четыре — в Узбекистане, пять — в Азербайджане, по одному — в Казахстане и Армении. Численность вузов в Грузии увеличилась до пяти. В 1922/23 уч. г. в стране работало 248 вузов, т. е. в два раза больше, чем до революции.[116] Высшая школа вела подготовку специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры. Вместе с тем в вузах стали развиваться и научные исследования.

Одновременно с формированием сети вузов создавались национальные научные центры.

В 1918 г. развернулась работа по созданию Украинской Академии наук. В ней активно участвовал В. И. Вернадский, который в 1918 г. переехал из Петрограда в Киев.[117]

11 февраля 1919 г. Народный комиссариат УССР издал приказ о материальном обеспечении Академии наук и создании условий для ее развития. На другой день, 12 февраля, в Киеве было созвано общее собрание ученых — основателей Украинской Академии наук (УАН), избравшее ее руководящие органы. Президентом академии стал В. И. Вернадский.[118]

Был опубликован устав Украинской Академии наук, при подготовке которого использовался опыт организации научной деятельности, накопленный Российской Академией наук. К концу 1920 г. УАН включала в свой состав три отдела (Физико-математических, Социально-экономических и Историко-филологических наук), объединявших три института, 26 научно-исследовательских кафедр, 15 комиссий. Количество сотрудников академии достигало 140.[119]

В Положении об академии, утвержденном Совнаркомом УССР в июне 1921 г., она определялась как высшее научное государственное учреждение Украины. Украинская Академия наук была переименована во Всеукраинскую Академию наук (ВУАН). Всеукраинская академия наук развивалась весьма интенсивно. В 1923 г. в ее системе функционировало 35 научно-исследовательских учреждений (институтов, кафедр, кабинетов, комиссий), а также пять научных обществ. В академических учреждениях трудились 37 академиков ВУАН, 111 штатных и 275 внештатных научных сотрудников.[120]

В. И. Вернадский возглавлял УАН в 1919—1921 гг. В 1922—1928 гг. президентом академии был В. И. Липский.

«Традиции творческого содружества ученых Академии наук СССР и Академии наук УССР восходят еще ко дням создания Украинской Академии»,[121] — писал впоследствии президент Академии наук УССР акад. Б. Е. Патон.

В мае 1919 г. в Киев выезжал А. Е. Ферсман. 10 мая 1919 г. он выступил на заседании Украинской Академии наук с докладом о деятельности Российской Академии наук (РАН). О результатах своей командировки А. Е. Ферсман докладывал Общему собранию Российской Академии наук 31 мая 1919 г. На страницах журнала «Природа» он опубликовал статью, посвященную научной деятельности на Украине.[122]

Командировка А. Е. Ферсмана в Киев свидетельствовала о стремлении Российской и Украинской академий наук поддерживать тесные творческие связи. В «Общем отчете» о деятельности РАН в 1919 г. С. Ф. Ольденбург отмечал: «Академия командировала в Киев одного из своих членов, который затем сделал чрезвычайно ценный доклад о научной работе на юге и познакомил киевские научные круги с работами у нас».[123]

Российская Академия наук считала своим долгом оказывать содействие формированию библиотечных фондов Украинской Академии наук.

В ответ на просьбу Украинской Академии наук о выделении в ее распоряжение изданий Российской Академии наук 31 мая 1919 г. Общее собрание РАН приняло постановление удовлетворить эту просьбу «возможно полнее».[124] 5 марта 1921 г. оно признало необходимым выполнить просьбу Украинской Академии наук о выдаче изданий РАН «историко-филологического содержания».[125] Издания Российской Академии наук поступили в Украинскую Академию наук в 1921 г.[126]

Следует отметить, что Украинская Академия наук помогала Российской Академии наук в пополнении ее библиотечных фондов. В мае 1919 г. РАН командировала в Киев ученого хранителя рукописей Библиотеки А. Л. Бема, поручив ему произвести закупку книг и периодических изданий на украинском языке. По свидетельству А. Л. Бема, в Киеве он встретил «весьма внимательное и предупредительное отношение... как представитель Российской Академии наук».[127] В результате командировки Славянское отделение Библиотеки РАН было пополнено ценными изданиями.

Росту творческого сотрудничества академий способствовало то, что уже с 1919 г. Украинская Академия наук стала избирать в свой состав академиков и членов-корреспондентов РАН. В 1919—1925 гг. она избрала академиками Н. И. Андрусова, С. Н. Бернштейна, И. П. Бородина, В. П. Бузескула, В. С. Иконникова, А. П. Карпинского, С. Г. Навашина, С. Ф. Ольденбурга, В. Н. Перетца, А. Н. Северцова и В. А. Стеклова. В свою очередь украинские ученые избирались академиками и членами-корреспондентами РАН. Среди избранных в 1923—1924 гг. членами-корреспондентами Российской Академии наук были академики Всеукраинской Академии наук Д. А. Граве, В. А. Кистяковский, В. И. Липский и А. М. Лобода. [128]

Создание Украинской Академии наук стало крупным событием в научной жизни страны. Достойно внимания, что первая республиканская академия наук формировалась при помощи и поддержке ученых Российской Академии наук. В основе взаимоотношений двух академий лежали благородные идеи братской дружбы и сотрудничества русского и украинского народов.

Формировались научные учреждения в Белорусской ССР. 10 февраля 1921 г. при Наркомпросе республики была организована Научно-терминологическая комиссия по разработке белорусской научной терминологии, состоявшая из гуманитарной, естественной и математической секций. [129] Менее чем через год, 30 января 1922 г. на основе Научно-терминологической комиссии создается Институт белорусской культуры (Инбелкульт). Возглавил Инбелкульт С. М. Некрашевич; среди действительных членов института был Е. Ф. Карский. В апреле 1922 г. Академия наук направила приветствие институту в связи с его открытием. [130]

В первые годы своей деятельности Инбелкульт делился на две секции, гуманитарную и природоведческую. В 1924 г. при нем стало функционировать Центральное бюро краеведения. В Инбелкульте развернулись работы по изучению экономики, истории, этнографии, языка, литературы, природы Белорусской ССР. В соответствии с новым уставом Инбелкульта, утвержденным ЦИК и СНК Белорусской ССР в июле 1924 г., он определялся как ведущее научно-исследовательское учреждение республики. [131]

Главным центром науки в республиках Средней Азии был Туркестанский университет. В 1920—1921 гг. при нем стали функционировать небольшие научно-исследовательские институты: Физико-математический, Химический, Географический, Ботанический, Зоологический и др. В 1923 г. на сельскохозяйственном факультете университета было создано Научно-исследовательское бюро по экономике и организации сельскохозяйственного производства. При университете формировались и научные общества. [132] Создание институтов, бюро и обществ при университете имело первостепенное значение не только для развития исследований, но и для приобщения преподавателей и студентов к научной деятельности, подготовки кадров ученых из местных национальностей.

Организовывались научные учреждения в Казахстане. В 1919 г. в Оренбурге при Киргревкомате начал функционировать историко-

статистический отдел, а после образования Казахской АССР при Наркомпросе республики был создан Академический центр. После окончания гражданской войны в республике организуются общества: Изучения Казахстана, Физико-медицинское и Научно-педагогическое, возобновляют работу Семипалатинский подотдел Западносибирского отделения и Верненский отдел Русского географического общества.

Значительное развитие получила деятельность Общества изучения Казахстана, состоявшего из естественно-географической, этнографической и историко-археологической секций. Филиалы общества работали в Уральске, Урде, Петропавловске и Кокчетаве. В 1925 г. количество членов общества достигло 112. Для проведения исследований в области сельского хозяйства в Казахстане были организованы Плодово-ягодная станция в Семиречье (1919), Краевая станция защиты растений (1924). В 1925 г. приступил к работе Санитарно-бактериологический институт (впоследствии Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней Министерства здравоохранения Казахской ССР).[133]

Становление науки в Казахстане проходило при постоянной помощи и поддержке ученых Москвы и Ленинграда, в том числе сотрудников Академии наук.

Ведущими центрами научной деятельности в Грузии являлись упоминавшиеся выше Тбилисский университет и Кавказский историко-археологический институт. После победы Советской власти на территории Грузии в университете было положено начало формированию научно-исследовательских институтов математики, физики, геологии, физиологии, психологии, литературы, которые позднее вошли в состав Грузинского филиала АН СССР и Академии наук Грузинской ССР.[134]

Закладывались основы для развития научных исследований в Азербайджане. В 1920 г. в республике было организовано Геологическое бюро «Азнефти», объединявшее вокруг себя ученых-геологов. Вскоре при «Азнефти» приступила к работе Центральная химическая лаборатория. В 1921 г. была организована Бакинская морская обсерватория, в 1925 г. стал функционировать Азербайджанский научно-исследовательский институт животноводства и ветеринарии.[135]

Ведущая роль в организации науки в республике принадлежала Обществу обследования и изучения Азербайджана, созданному в ноябре 1923 г. В его организации непосредственное участие принимал первый председатель Совнаркома Азербайджанской ССР Н. Н. Нариманов. Почетным председателем общества был избран председатель ЦИК Азербайджанской ССР С. Агамали-оглы, почетными членами стали В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. Ф. Ольденбург и др. Работу Общества возглавлял писатель А. Ахвердиев, в 1924 г. избранный членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения Академии наук. Общество делилось на секции: историко-этнографическую, экономическую, естественно-научную и тюркологическую. Оно имело свои отделения на местах.

Количество его членов превышало 1000. Члены общества занимались изучением природных ресурсов республики, истории, культуры и быта азербайджанского народа. Им издавались научные труды.[136]

Становление науки в Киргизии было связано с деятельностью Киргизской научной комиссии, созданной в 1924 г. при Наркомпросе Туркестанской АССР. В сентябре 1924 г. на одном из заседаний Киргизской научной комиссии рассматривался вопрос о подготовке труда по истории Киргизии. Было принято решение обратиться к В. В. Бартольду с просьбой написать такой труд.[137] Откликаясь на эту просьбу, В. В. Бартольд написал исследование «Киргизы», изданное во Фрунзе в 1927 г.

После образования Киргизской автономной области был учрежден Академический центр (декабрь 1924 г.), а позднее, в декабре 1925 г., при Областном отделе народного просвещения стала функционировать Научная комиссия. Развернулась работа по созданию письменности, подготовке учебников и программ для школ, началось изучение истории, этнографии, литературы и языка киргизского народа.[138]

Проблемы истории и этнографии таджикского народа разрабатывались Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, образованным в Ташкенте в 1925 г. Инициаторы создания общества — В. В. Бартольд, М. С. Андреев, А. А. Семенов, Н. Л. Корженевский и другие ученые. В Душанбе и Хороге были созданы отделения общества. Изданные обществом труды представляли значительный научный интерес.[139] Деятельность общества высоко оценивали И. Ю. Крачковский и С. Ф. Ольденбург. Характеризуя ее, И. Ю. Крачковский писал: «Создался новый очаг научной работы, который приобрел уже своими изданиями право на внимание со стороны всех, интересующихся Туркестаном».[140]

Научные исследования в Армянской ССР были сконцентрированы главным образом в Ереванском университете, который, по словам президента Академии наук Армянской ССР акад. В. А. Амбарцумяна, играл «в течение многих лет роль основного научного центра Армении».[141] Одновременно создавались институты, занимавшиеся изучением истории и культуры армянского народа: Культурно-исторический научный (1921), Истории и культуры Армении (1923, впоследствии реорганизован в Институт истории и литературы), Науки и искусства Армении.[142]

Становлению науки в Туркменской ССР способствовало создание в 1924 г. при Наркомпросе республики Государственного ученого совета. В 1925 г. стал функционировать Туркменский научно-исследовательский институт, развернувший работы в области экономики, географии, истории и культуры Туркменистана.[143]

Принимались меры по организации научной деятельности в автономных республиках и областях РСФСР.

Созданный при Наркомпросе Башкирии Академцентр главное внимание сосредоточил на разработке алфавита, орфографии, терминологии башкирского литературного языка, подготовке и издании

программ для школ, научной и научно-педагогической литературы. В 1922 г. при Академцентре начало функционировать Научное общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии.[144]

В 1922 г. конференция по культурным делам двух бурят-монгольских автономных областей РСФСР и ДВР приняла постановление об организации Бурятского ученого комитета (Буручкома) с местопребыванием в с. Додо-Анинском Хоринского аймака. После образования Бурят-Монгольской АССР Буручком вошел в состав Наркомпроса республики и был переведен в г. Верхнеудинск. В соответствии с Положением о Буручкоме, утвержденном ЦИК Бурят-Монгольской АССР в декабре 1923 г., он должен был заниматься изучением родного края и содействовать культурно-национальному строительству. В 1924 г. приступило к работе Научное общество им. Доржи Банзарова.[145]

В 1924 г. в г. Махачкале был организован Дагестанский научно-исследовательский институт, объединявший и координировавший проводившиеся в республике исследовательские работы. Созданная в 1925 г. Дагестанская научно-промышленная лаборатория занималась проблемами рационализации производства на промышленных предприятиях республики. Организовывались первые научные учреждения для проведения исследований в области сельского хозяйства Дагестанской АССР.[146]

Крупным научным центром Поволжья был Казанский университет. Здесь велись работы, связанные с изучением природных ресурсов Татарской АССР и прилегающих к ней районов. Восстановлению народного хозяйства страны содействовали работы, проводимые химическими и биологическими кафедрами. Среди ученых университета был представитель казанской школы химиков А. Е. Арбузов.[147]

В числе первых научных ячеек Чувашии находилось Архивное бюро при облисполкоме, основанное в 1922 г. В 1923 г. при областном земельном управлении было создано Бюро энтомологии и фитопатологии, позднее преобразованное в станцию защиты растений. В 1925 г. в Чувашии открывается сельскохозяйственная опытная станция.[148]

Основным центром научных исследований в Сибири являлся Томск. Здесь работали университет и Технологический институт. В 1923 г. при Технологическом институте был создан Научно-исследовательский институт прикладной физики, позднее преобразованный в Сибирский физико-технический институт.[149]

В 1920 г. в Томске был учрежден Институт исследования Сибири. В мае 1920 г. С. Ф. Ольденбург докладывал Общему собранию Академии наук телеграмму с сообщением о создании этого института. В письме, которое 11 мая 1920 г. С. Ф. Ольденбург направил институту, говорилось, что «Академия охотно окажет всяческое содействие научной работе Сибирского института, так как академия с первых лет своего существования занималась исследованием Сибири и продолжала и продолжает эти исследования и теперь».[150]

ПРИЗНАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК ВЫСШИМ НАУЧНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ СССР

В первые советские годы велась большая работа по подготовке к празднованию 200-летнего юбилея Академии наук. В ходе этой работы правительственные органы и руководящие деятели Академии наук неоднократно рассматривали вопрос о ее роли и месте в системе научных учреждений Советского государства, перспективах ее развития. При этом все более настойчиво выдвигалась мысль о преобразовании Академии наук в высшее научное учреждение Советского Союза.

Обсуждая проект устава Академии наук, 15 декабря 1924 г. Президиум Коллегии Наркомпроса РСФСР счел необходимым включить в этот документ положение о том, что «Российская Академия наук является учреждением общесоюзного значения при условии, если это не повлечет за собой изъятия Академии из ведения НКП».[151] В пользу признания Академии наук высшим научным учреждением СССР в феврале 1925 г. высказалась правительственная комиссия по рассмотрению проекта нового академического устава.[152]

Предложение о признании Академии наук всесоюзным учреждением получило обоснование в Записке В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга, которая 25 февраля 1925 г. была направлена ими в Совнарком СССР. В Записке указывалось, что «наиболее целесообразным было бы сделать Российскую Академию наук ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров СССР, через который удобно было бы проводить смету академии».[153]

Изложенные в Записке соображения встретили поддержку Наркомпроса РСФСР. В начале 1925 г. он обратился в Совнарком СССР с «Докладной запиской о всесоюзном значении Российской Академии наук».[154] В этом документе приводились факты о том, что значение деятельности Российской Академии наук выходит далеко за пределы РСФСР и распространяется на всю территорию Советского Союза. «Такой масштаб деятельности старейшего научного учреждения Союза, исключительное богатство его оборудования, имеющие широкую славу его музеи — Азиатский, Антропологии и этнографии, Геологический, Минералогический, Зоологический, Ботанический, лаборатории — Химическая, Зоологическая и руководимая акад. Павловым Физиологическая; персональный состав ее научных работников, многие из которых пользуются заслуженной известностью далеко за пределами Союза, — все это говорит за всесоюзный охват деятельности Российской Академии наук и за целесообразность признания ее всесоюзным высшим научным учреждением»,[155] — говорилось в «Докладной записке» Наркомпроса.

Наркомпрос настаивал на том, чтобы Академия наук и после признания ее высшим научным учреждением страны оставалась в его непосредственном ведении. Однако это соображение нельзя было признать целесообразным, поскольку сфера деятельности Ака-

демии наук должна была все более широко распространяться не только на территорию РСФСР, а на всю территорию Советского Союза.

Упомянутые выше Записка В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга, а также подготовленная Наркомпросом РСФСР «Докладная записка о всесоюзном значении Российской Академии наук» не остались без внимания. «По-видимому, правительством уже предрешено преобразование академии во всесоюзное учреждение», [156] — сообщал А. В. Луначарский С. Ф. Ольденбургу 20 июля 1925 г.

27 июля 1925 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». В этом постановлении говорилось:

«1. Признать Российскую Академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и действующим на основе Устава, утвержденного последним.

2. Присвоить означенной Академии наименование: «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик».[157]

Приведенное постановление — важнейший законодательный акт Советского государства в области организации науки. Отныне Академия наук выделялась из разраставшейся сети научных учреждений страны как главный центр советской науки.

Советское государство заботилось о развитии как фундаментальных, так и прикладных исследований. Созданные при ВСНХ и народных комиссариатах институты развернули работы главным образом по проблемам прикладных исследований. В вузах велись и фундаментальные и прикладные исследования. «Академия наук развивалась как центр фундаментальных исследований в стране», [158] — отмечал впоследствии акад. М. В. Келдыш. Признание Академии наук высшим научным учреждением Советского Союза означало одновременно признание возрастающего значения фундаментальных исследований в развитии науки в стране.

О новых задачах Академии наук, вытекавших из постановления ЦИК и СНК СССР, говорилось в статье А. В. Луначарского «К 200-летию Всесоюзной Академии наук». А. В. Луначарский указывал, что «одной из важнейших обязанностей академии является разливать свет знаний и культуры повсюду, и прежде всего в самые темные углы страны, что она должна протянуть руку прежде всего отсталым нациям, что для ученых не великорусских не только может, но и должно найтись место в ее креслах». [159]

Знаменательно, что постановление ЦИК и СНК СССР было принято в дни подготовки к празднованию 200-летнего юбилея Академии наук. Накануне юбилея и в юбилейные дни Академию наук приветствовали руководители партийных, государственных и общественных организаций СССР, представители фабрик и заводов, деревень и сел, научных учреждений и обществ, учебных заведений, деятели литературы и искусства.

Выдающаяся роль ученых Академии наук в развитии отечественной и мировой науки была охарактеризована в приветствии Украинской Академии наук и других научных учреждений страны. [160]

О том, что народы братских республик СССР нуждались в помощи ученых, свидетельствовали приветствия, поступившие от правительственных, общественных организаций, а также представителей трудящихся национальных районов СССР. В приветствии Правительства Таджикской АССР была выражена надежда, что «в третьем столетии своего существования Академия наук расширит свою работу во всех отраслях знания, и в частности в области востоковедения, до невиданных размеров и вовлечет в орбиту своего притяжения пробудившиеся силы Средней Азии».[161]

Приветствуя Академию наук, облисполком и бюро краеведения Коми автономной области писали: «Пусть теснее объединятся в братской работе на пользу Союза ученые, академики с трудящимися народами автономных областей и республик... Пусть исполнится наше пожелание, чтобы третье столетие существования Академии наук увидело в своей летописи труды ученых — зырян, ненцев, которых коми и ненецкий народ стремится выдвинуть из своей среды на славное ученое поприще».[162]

Признанием высокого международного авторитета Академии наук стали многочисленные адреса и приветствия, поступившие из-за границы. В них выражалось стремление прогрессивных зарубежных ученых поддерживать и развивать контакты с высшим научным учреждением Советского Союза. Общее количество адресов и приветствий, поступивших в Академию наук, превышало 2000.[163]

Юбилейные торжества начались в Ленинграде 5 сентября 1925 г. и продолжались здесь по 10 сентября. С 11 по 14 сентября 1925 г. они проходили в Москве. В юбилейных торжествах участвовали партийные и государственные деятели СССР, крестьяне и рабочие, сотрудники научных учреждений, работники высшей школы. Среди участников юбилея находились представители союзных и автономных республик, автономных областей СССР. Число советских участников юбилея достигало 1000. Кроме того, отметить юбилей Академии наук в СССР прибыл 131 иностранный ученый из 25 зарубежных стран.[164]

6 сентября 1925 г. состоялось первое торжественное заседание, посвященное юбилею. С речью на нем выступил Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, приветствовавший Академию наук от имени Советского правительства.

М. И. Калинин говорил о тех неблагоприятных условиях, в которых приходилось работать Академии наук в дореволюционный период. Он остановился на задачах Академии наук, связанных с ее признанием высшим научным учреждением Советского Союза.

«Итак, мое первое пожелание юбиляру: теснее связаться с революционными массами, черпать из них творческие соки и давать массам результаты побед человеческого разума над силами природы, — говорил М. И. Калинин. —

Мое второе пожелание: так как по решению правительства всероссийская Академия наук преобразуется во всесоюзную, я бы хотел, чтобы она пришла на помощь союзным и автономным республикам

и областям в развитии их языка и культуры. Одним словом, с сегодняшнего дня наша Академия наук становится не только российской, а общесоюзной, и она должна сконцентрировать в себе творчество всех народов, населяющих наш Союз».[165]

М. И. Калинин выразил уверенность в том, что «Академия наук Союза Социалистических Республик займет подобающее ей место в строительстве нового общества, обеспечивающего действительное братство народов».[166]

М. И. Калинин огласил приветствие ЦИК и СНК СССР, в котором отмечалось, что наука лежит в основе всей деятельности Советского государства. ЦИК и СНК СССР указывали, что «правительство Союза ставит одной из первых своих задач обеспечение широкой научной работы в Союзе, широкое распространение научных знаний среди новых миллионов трудящихся, пробужденных к исторической жизни, а также приобщение к научной работе тех десятков национальностей, которые, после долгих лет угнетения, впервые в условиях Советского государства получили возможность широкого культурного и хозяйственного развития».[167]

В приветствии ЦИК и СНК СССР, в речи М. И. Калинина определялись перспективы развития Академии наук как высшего научного учреждения СССР.

Юбилей Академии наук отмечался не только в Москве и Ленинграде, но и во многих других городах СССР. Советская печать, как центральная, так и местная, широко освещала празднование юбилея. Выходили специальные издания, посвященные знаменательной дате. Среди них должен быть упомянут подготовленный крупными грузинскими учеными 3-й том «Известий Кавказского историко-археологического института» (1925).

200-летний юбилей Академии наук стал подлинным праздником советской науки. Оценивая его значение, С. Ф. Ольденбург писал: «Юбилей, на который съехалось так много представителей правительств и научных организаций республик Союза, послужил, таким образом, к выявлению научных потребностей республик и вместе с тем к обмену мнений по важнейшим вопросам внутренней научной работы, дав новые подходы к организации научных исследований во всесоюзном масштабе».[168]

Под руководством В. И. Ленина, Коммунистической партии в первые послеоктябрьские годы развернулась борьба за ликвидацию фактического неравенства наций и народностей, преодоление их экономической и культурной отсталости.

На повышение культурного уровня трудящихся, приобщение миллионов рабочих и крестьян к науке и культуре была нацелена ленинская программа культурной революции. Начался сложный и длительный процесс создания единой многонациональной культуры советского народа.

В неразрывной связи с развитием культуры, народного образования формировалась государственная система организации совет-

ской науки. Принимались меры, направленные на изменение регионального размещения исследовательских учреждений. Организовывались научные ячейки в национальных республиках и областях СССР.

Предпринимались первые шаги по перестройке работы Академии наук в соответствии с новыми требованиями. Постепенно расширялись масштабы ее исследований, развивалось профессиональное сотрудничество ученых с пролетарским государством. История советской науки навсегда сохранит тот знаменательный факт, что именно Академия наук, ее ученые сразу же после революции включились в изучение природных ресурсов страны, содействовали росту культуры трудящихся, принимали непосредственное участие в организации научных учреждений и вузов на местах.

Пусть академические ученые, мировоззрение которых сформировалось в дореволюционный период, не смогли сразу и полностью осознать великого значения ленинской национальной политики, но своими практическими делами они оказали огромную помощь братским народам в становлении и развитии их национальной государственности, экономики, науки и культуры.

Образование СССР обусловило неуклонный рост научных учреждений на местах и постепенное распространение деятельности Академии наук на всю территорию страны. В такой обстановке, естественно, встал вопрос о создании всесоюзного высшего научного центра. Признание Академии наук высшим научным учреждением СССР свидетельствовало о том высоком доверии, которое оказывали ее ученым Коммунистическая партия и Советское правительство. Вместе с тем на Академию наук возлагались новые ответственные задачи, выполнение которых предполагало перестройку ее деятельности. Перестройка была необходима для того, чтобы Академия наук смогла выполнять те функции, которые возлагались на нее постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. «Сконцентрировать в себе творчество всех народов, населяющих наш Союз», [169] — в этих словах М. И. Калинина глубоко раскрывалась благородная цель всей деятельности Академии наук, определялись перспективы ее перестройки. .

То обстоятельство, что постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. имело основополагающее значение для всего последующего развития Академии наук, осознавалось ее ведущими учеными. В «Общем отчете о деятельности Академии наук СССР в 1925 г.» С. Ф. Ольденбург отмечал, что, «кроме чисто научно-исследовательской работы, она ставит себе целью и всестороннее исследование всего Союза. . . Декрет от 27 июля 1925 г., объявивший Академию наук всесоюзной, имел в виду эту сторону деятельности академии». [170]

Не будет преувеличением сказать, что государственный акт признания Академии наук высшим научным учреждением Советского государства открывал новую страницу в ее двухвековой истории.

Глубокая целесообразность этого акта была подтверждена всем дальнейшим ходом развития Академии наук.

В третье столетие своей истории Академия наук вступала как высшее всесоюзное научное учреждение. И это обстоятельство определило всенародный характер празднования 200-летнего ее юбилея. Юбилей показал ученым, насколько рабочие и крестьяне дорожат наукой, какое почетное место они отводят деятелям науки в борьбе за преобразование всей жизни страны на новых социальных началах. Академики смогли наглядно убедиться в том, что их творческий труд жизненно необходим пролетарскому государству, всем нациям и народностям Советского Союза, которых революция приобщила к сознательному историческому творчеству.

«Пусть академия и ее работники будут достойными того доверия и уважения, которое было оказано им в эти праздничные юбилейные дни», [171] — говорилось в «Общем отчете о деятельности Академии наук СССР в 1925 г.» Вся последующая история АН СССР убедительно показала, что ученые с честью оправдали высокое доверие партии и народа.

В первые годы после победы Великого Октября закладывался прочный фундамент братской дружбы и сотрудничества наций и народностей СССР. Образование СССР стимулировало быстрый рост экономики, науки и культуры в национальных районах. Тем самым создавались необходимые предпосылки для организации региональных научных центров, формирования сплошного фронта науки в нашей стране.

[1] В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 100.

[2] От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 359.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 221.

[4] История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978: В 2-х т. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1979. Т. 1. С. 48; Союз нерушимый. 1922—1982: Справ. (далее — Союз нерушимый). М., 1982. С. 71.

[5] Союз нерушимый. С. 99.

[6] История национально-государственного строительства в СССР. Т. 1. С. 119—147.

[7] Краткая история СССР: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней: В 2-х ч. 4-е изд., испр. и доп. М., 1983. Ч. 2. С. 115—116, 140.

[8] Там же. С. 114—115; История национально-государственного строительства в СССР. Т. 1. С. 208—230.

[9] *Калинин М. И.* Избр. произв. М., 1960. Т. 1. С. 690.

[10] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1970. Т. 4, кн. 1. С. 394—398; Краткая история СССР. Ч. 2. С. 147—148.

[11] Краткая история СССР. Ч. 2. С. 146—147, 149.

[12] История социалистической экономики СССР: В 7-ми т. М., 1976. Т. 2. С. 188.

[13] От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. Т. 1. С. 421.

[14] Союз нерушимый. С. 89, 119, 135, 157, 273.

[15] Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. М., 1967. С. 8.

[16] *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР: (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 40.

[17] История Академии наук СССР. 1803—1917. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 457—458.

[18] *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Пг., 1922. 1. С. 30.

[19] Там же. С. 152.

[20] Там же. С. 157.

[21] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях ...). 9-е изд. доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 386.

[22] Там же. М., 1984. Т. 3. С. 84.

[23] Там же. С. 135—136.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 189.

[25] Там же. Т. 41. С. 307.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 289.

[27] Подробнее см.: *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. С. 8—26.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228.

[29] Подробнее см.: Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л., 1968. С. 19—102.

[30] Народное хозяйство СССР. 1922—1972: Юбил. стат. ежегодник. М., 1972. С. 103.

[31] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Ист. очерк. М., 1979. С. 165; *Беляев Е. А.* География советской науки // ВАН. 1967. № 10. С. 27.

[32] Советская наука: Итоги и перспективы. М., 1982. С. 7.

[33] СУ. 1920. № 80. Ст. 386.

[34] Идейный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 3—9.

[35] РСФСР за 40 лет: Стат. сб. М., 1957. С. 140.

[36] Сведения составлены на основании «Отчета о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 г.» (Пг., 1917).

[37] Отчет о деятельности РАН за 1917 г. С. 245—250.

[38] Академия наук СССР: Персональный состав. 1917—1974. М., 1974. Кн. 2. С. XII—XIII.

[39] В мае 1919 г. вице-президентом Академии наук был избран акад. В. А. Стеклов.

[40] ВАН. 1957. № 10. С. 152.

[41] Отчет о деятельности РАН за 1918 г. Пг., 1919. С. 219—306; Работы РАН в области исследования природных богатств России: Обзор деятельности КЕПС за 1915—1921 гг. Пг., 1922. С. 7—89.

[42] Культурное строительство СССР. М.: Л., 1940. С. 239; Академия наук СССР: Ее задачи, разделение и состав. Л., 1925. С. 59; Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. Л., 1926.

[43] Академия наук СССР: Персональный состав. 1917—1974. Кн. 2. С. 2—8.

[44] Там же. С. 138—152. — Первые после революции выборы членов-корреспондентов Академии наук состоялись 2 декабря 1917 г.

[45] Академия наук СССР: Ее задачи, разделение и состав. С. 58—59.

[46] *Митрякова Н. М.* Структура, научные учреждения и кадры АН СССР (1917—1940 гг.) // Организация научной деятельности. М., 1968. С. 215.

[47] Протоколы ОС РАН. 1920; Прил. к протоколу II заседания ОС от 7 февр. 1920 г. // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 167.

[48] Подробнее см.: *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). М., 1980. С. 207—245.

[49] Известия. 1923. 28 нояб.

[50] *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). С. 224.

[51] Отчеты о деятельности КЕПС. 1918. № 12. С. 16.

[52] Там же. С. 25.

[53] Там же.

[54] *Вернадский В.* О научной работе в Крыму в 1917—1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 7; *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский

(1863—1945). М., 1982. С. 229; Работы РАН в области исследования природных богатств России: Обзор деятельности КЕПС за 1915—1921 гг. С. 5, 10—11.

[55] Ленин и Академия наук: Сб. документов. М., 1969. С. 51—52.

[56] Там же. С. 52.

[57] Протоколы ОС, 1918; Прил. II к протоколу X заседания ЭОС РАН от 26 (13) июня 1918 г. // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 165.

[58] ААН. ф 2, оп. 1-1922, д. 7, л. 283—284.

[59] Академия наук СССР : Ее задачи, разделение и состав. С. 26.

[60] ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 4, л. 5—6; оп. 1-1922, д. 7, л. 181—186.

[61] Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927. Л., 1927. С. 80.

[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 436.

[63] Отчет о деятельности РАН за 1918 г. Пг., 1919. С. 315—316.

[64] Там же. С. 312—313.

[65] Отчет о деятельности РАН за 1919 г. Пг., 1920. С. 293.

[66] ААН, ф. 2, оп. 1-1922, д. 7, л. 357.

[67] *Луначарский А. В.* К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. № 10. С. 109.

[68] Академия наук СССР : Ее задачи, разделение и состав. С. 27, 31; Работы РАН в области исследования природных богатств России. С. 14—17, 43—44.

[69] Протоколы ОС, 1921, § 145 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 168.

[70] Работы РАН в области исследования природных богатств России. С. 49—53.

[71] *Соскин В. Л.* Академия наук и Сибирь в первое десятилетие Советской власти// Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 20; ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 12, л. 240—243, 248—254, 342—343.

[72] ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 16, л. 173—174; Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970. С. 182.

[73] Библиотека В. И. Ленина в Кремле : Кат. М., 1961. С. 326—328.

[74] Отчет о деятельности РАН за 1924 г. С. 186—189.

[75] Протоколы ОС, 1924, § 111 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 171.

[76] *Новгородов А. И., Антипин В. Н., Еремеев В. Н.* Академия наук — организатор научных исследований в Якутии // Академия наук и Сибирь. С. 266—267.

[77] Отчет о деятельности РАН за 1924 г. С. XV.

[78] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. 239—253.

[79] Там же. С. 250—252; Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР. Якутск, 1982. С. 12.

[80] *Мохосоев М. В.* Прогресс науки в Бурятии. Улан-Удэ, 1983. С. 27; Деятели советской гидробиологии В. М. Рылов, Г. Ю. Верещагин, А. Л. Бенинг. М.; Л., 1963. С. 51—52.

[81] ААН, ф. 2, оп. 1-1925, д. 4, л. 429—430.

[82] Протоколы ОС, 1925, § 160 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 172.

[83] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. IV.

[84] Отчет о деятельности РАН за 1924 г. С. 13; *Перельман А. И.* А. Е. Ферсман. 1883—1945. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 83—84.

[85] Наука в Узбекистане. Ташкент, 1974. Т. 1. С. 345.

[86] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. 276; Академия наук СССР республикам Средней Азии. 1924—1934. М.; Л., 1934. С. 12.

[87] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. 2-е изд. Л., 1929. С. 3—4; Отчет о деятельности РАН за 1924 г. С. XIV.

[88] Подробнее см.: Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927. М., 1985. С. 394—430.

[89] Протоколы ОС, 1919, § 231. Прил. I к протоколу XI заседания ОС от 6 дек. 1919 г. // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 166.

[90] Новый мир. 1925. № 10. С. 109.

[91] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. IV.

[92] Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 55—58, 250—252, 314—325.

[93] *Луначарский А. В.* К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. № 10. С. 109—110.

[94] Изв. РАН. VI сер. 1918. № 14. С. 1462—1964.

[95] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 41, л. 22—23.

[96] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. 272, 278; *Акрамов Н. М.*

Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд : Науч.-биогр. очерк. Душанбе, 1963. С. 79—82; *Пак Б. И.* О роли В. В. Бартольда в становлении науки и высшего образования в Советском Туркестане // История СССР. 1970. № 4. С. 117—129.

[97] ААН, ф. 2, оп. 1-1925, д. 3, л. 786—806.

[98] Отчет о деятельности РАН за 1924 г. С. 207; Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. 277—279.

[99] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. V.

[100] От капитализма к социализму : Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. Т. 1. С. 423; *Беляев Е. А.* География советской науки // ВАН. 1967. № 10. С. 27.

[101] Подробнее см.: *Джорбенадзе С. М.*: 1) Учреждения АН СССР и Тбилисский университет : Документы и факты. С. 36—72; 2) Тбилисский университет. Тбилиси, 1980. С. 3—8.

[102] Расцвет азербайджанской науки — торжество ленинской национальной политики. Баку, 1982. С. 153; *Алимирзоев Х. О.* Азербайджанский государственный университет за 50 лет : Ист. очерк. Баку, 1969. С. 22—23, 61, 108.

[103] В. И. Ленин о науке и высшем образовании. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 339.

[104] История СССР. 1970. № 4. С. 128. — «В 1920 г. был командирован в Ташкент для организации преподавания истории Востока в Туркестанском университете», — писал В. В. Бартольд в 1924 г. в отчете о своей работе в 1918—1923 гг. (ААН, ф. 2, оп. 1-1924, д. 25, л. 2).

[105] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. 278.

[106] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 241.

[107] В. И. Ленин о науке и высшем образовании. С. 343—344; Владимир Ильич Ленин : Биографическая хроника. Июнь 1920—Январь 1921. М., 1978. С. 386.

[108] Уральский государственный университет. Свердловск, 1980. С. 11; *Перельман А. И.* А. Е. Ферсман. С. 260.

[109] ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 19, л. 21.

[110] Наука в Ереванском государственном университете. Ереван, 1981. С. 6.

[111] *Булахов М. Г.* Е. Ф. Карский : Жизнь и научная деятельность. Минск, 1981. С. 30; Академик В. И. Пичета : Страницы жизни. Минск, 1981. С. 12, 25; ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 19, л. 24.

[112] Протоколы ОС, 1921, § 127 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 168.

[113] *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский (1863—1945). С. 229—231; Протоколы ОС, 1921, § 34 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 168.

[114] ААН, ф. 2, оп. 1-1924, д. 25, л. 16.

[115] Протоколы ОС, 1918, § 272; 1919, § 192 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 165, 166.

[116] Высшая школа СССР за 50 лет. С. 24.

[117] Подробнее см.: *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский (1863—1945). С. 222—225.

[118] *Тонкаль В. Е., Пелых В. М., Стогний Б. С.* Академия наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 10.

[119] История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 13.

[120] *Тонкаль В. Е., Пелых В. М., Стогний Б. С.* Академия наук Украинской ССР. С. 14, 16.

[121] *Патон Б. Е.* Расцвет науки Советской Украины // Наука Союза ССР. М., 1972. С. 110.

[122] *Ферсман А. Е.* Из научной деятельности на Украине // Природа, 1919. № 4—5. Стб. 265—272.

[123] Отчет о деятельности РАН за 1919 г. С. 11.

[124] Протоколы ОС, 1919, § 167 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 166.

[125] Протоколы ОС, 1921, § 35 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 168.

[126] История Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР. Киев. 1979. С. 60. — В первой половине 20-х годов академии установили регулярный обмен изданиями. Показательно следующее письмо, поступившее в РАН в апреле 1924 г.: «Всеукраинская академия наук сим приносит Вам свою благодарность за Ваши издания, которые мы получили в 7 пачках 31 марта 1924 г.» (ААН, ф. 2, оп. 1-1924, д. 3, л. 230). Под письмом стоит подпись А. Е. Крымского.

[127] Протоколы ОС, 1919, § 164. Прил. II к протоколу ЭОС от 31 мая 1919 г. // ААН, ф 1, оп. 1а, д. 166.

[128] Сведения приводятся на основании следующих изданий: Академия наук СССР : Персональный состав. 1917—1974. Кн. 2; История Академии наук Украинской ССР.

[129] Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 15; *Купревич В. Ф.* Академия наук Белорусской ССР : Очерк истории и деятельности. 3-е изд., доп. Минск, 1968. С. 5.

[130] ААН, ф. 2, оп. 1-1918, д. 19, л. 36; Протоколы ОС, 1922, § 63 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 169.

[131] *Купревич В. Ф.* Академия наук Белорусской ССР : Очерк истории и деятельности. С. 6; *Петриков П. Т., Токарев Н. В., Либезин О. В.* Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 10.

[132] *Абдуллаев Х. М.* 40 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 36; Наука в Узбекистане. Ташкент, 1974. Т. 2. С. 21.

[133] Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1978. С. 24—25.

[134] *Харадзе Е. К.* Наука Советской Грузии // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 324—325; Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724—1974. Тбилиси, 1974. С. 10.

[135] Академия наук Азербайджанской ССР. Баку, 1975. С. 9; Развитие науки в Советском Азербайджане. Баку, 1967. С. 6—7.

[136] Расцвет азербайджанской науки — торжество ленинской национальной политики. С. 152; *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. М., 1976. С. 155—156.

[137] Культурное строительство в Киргизии. 1918—1929; Сб. документов и материалов. Фрунзе, 1957. Т. 1. С. 240.

[138] История Киргизской ССР. Фрунзе, 1967. Т. 2, кн. 1. С. 361; *Каракеев К. К.* Наука Советской Киргизии // Ленин и современная наука : В 2-х кн. М., 1970. Кн. 2. С. 559.

[139] Академия наук Таджикской ССР. Душанбе, 1979. С. 13; *Искандаров Б. И.* Развитие исторических наук в Таджикистане. Душанбе, 1977. С. 18—19.

[140] *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР : (Краткий очерк). М., 1964. С. 11.

[141] *Амбарцумян В. А.* Наука Советской Армении // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 462.

[142] Академия наук Армянской ССР за 25 лет. Ереван, 1968. С. 410.

[143] *Бабаев А. Г.* Наука Советского Туркменистана // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 478; 25 лет Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад, 1976. С. 9.

[144] Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969. С. 4.

[145] *Мохосоев М. В.* Прогресс науки в Бурятии. С. 25—26; Развитие науки в Бурятии. Улан-Удэ, 1982. С. 19.

[146] *Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана : От времени присоединения к России до наших дней. М., 1971. С. 244—245.

[147] *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М., 1957. С. 149—150; *Гречкин Н. П., Кузнецов В. И.* А. Е. Арбузов. М., 1977. С. 55—56, 187—191.

[148] Развитие технических и естественных наук в Чувашской АССР. Чебоксары, 1980. С. 5.

[149] *Левдикова Т. Л.* Из истории Сибирского физико-технического института им. акад. В. Д. Кузнецова // Академия наук и Сибирь. С. 142.

[150] Протоколы ОС, 1920. § 77, 99 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 167; Организация науки. С. 191.

[151] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2943, л. 1; ф. 2307, оп. 10, д. 328, л. 57.

[152] Там же, ф. 259, оп. 96, д. 4388, л. 4—5, 9—11; ф. 2307, оп. 10, д. 328, л. 9—10.

[153] Организация науки. С. 202.

[154] Там же. С. 203.

[155] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 10, д. 328, л. 3.

[156] ААН, ф. 2, оп. 1-1925, д. 1, л. 269.

[157] СЗиР. 1925. № 48. Ст. 351.

[158] *Келдыш М. В.* Избр. тр.: Общие вопросы развития науки. М., 1985. С. 263.

[159] Новый мир. 1925. № 10. С. 111.

[160] ААН, ф. 12, оп. 2, д. 96, л. 1.

[161] Вопр. истории естествознания и техники. 1980. № 3. С. 5—6.

[162] Культурное строительство в Коми АССР. 1918—1937. Сб. документов. Сыктывкар, 1979. С. 121.
[163] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. XIX.
[164] *Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932. М., 1975. С. 127.
[165] *Калинин М. И.* Избр. произв. Т. 1. С. 688.
[166] Там же.
[167] Организация науки. С. 205.
[168] *Ольденбург С. Ф.* Научно-культурные итоги академического юбилея // Науч. работник. 1925. № 3. С. 7.
[169] *Калинин М. И.* Избр. произв. Т. 1. С. 688.
[170] Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. С. III—IV.
[171] Там же. С. XX.

II

АКАДЕМИЯ НАУК — ВЫСШЕЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ СССР. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ 1926—1941 гг.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЗАДАЧИ НАУКИ

Период, наступивший после признания Академии наук высшим научным учреждением Советского Союза, характеризуется дальнейшим возрастанием роли науки в жизни социалистического государства.

В годы борьбы за социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и реконструкцию всего народного хозяйства масштабы научных исследований в Советском Союзе значительно возросли.

Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) выдвинул как центральную задачу партии борьбу за социалистическую индустриализацию. Спустя два года, в декабре 1927 г., XV съезд ВКП(б) принял решение о коллективизации сельского хозяйства.

Переход к политике индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства означал, что советский народ приступил к строительству экономического фундамента социализма. Развернулась борьба за преодоление технико-экономической отсталости страны, создание новых отраслей промышленности, за техническую реконструкцию народного хозяйства. Вырос экономический потенциал Советского Союза, укрепилось его оборонное могущество, произошли коренные преобразования в духовной жизни трудящихся.

Большие победы одержал советский народ в области культурного строительства. В стране развернулась культурная революция. Была ликвидирована неграмотность миллионов рабочих и крестьян. Значительно выросло количество учащихся всех типов школ. Дальнейшее развитие получила массовая культурно-просветительная работа. Замечательным завоеванием социализма было создание народной советской интеллигенции. Социалистический строй обеспечил расцвет литературы и искусства в нашей стране.

Социально-экономические изменения, происшедшие в жизни страны, законодательно закрепила новая Конституция СССР, которая после всенародного обсуждения была принята Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов, состоявшимся в ноябре—декабре 1936 г.

Достижения в развитии промышленности, сельского хозяйства, в культурном строительстве, коренные изменения в классовом составе населения свидетельствовали о том, что к концу второй пятилетки в СССР в основном был построен социализм. Это явилось событием всемирно-исторического значения, оказавшим огромное воздействие на весь ход мировой истории.

Период социалистического строительства был отмечен крупными достижениями в области осуществления национальной политики партии. Росла и крепла братская дружба народов СССР. Укреплялась советская национальная государственность. В составе СССР создавались новые союзные и автономные республики.

В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в союзную республику. В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. Казахская и Киргизская автономные республики превратились в союзные. Тогда же Закавказская Федеративная Республика, как выполнившая свою задачу, была упразднена, а Грузинская, Азербайджанская и Армянская советские социалистические республики вошли непосредственно в состав Союза ССР.

Ярким свидетельством дальнейшего расширения братской семьи народов СССР стало воссоединение в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии с Советской Украиной и Советской Белоруссией. В 1940 г. произошло воссоединение молдавского населения Бессарабии и Молдавской АССР, в результате которого была образована Молдавская союзная республика. Свергнув господство буржуазии и помещиков, в 1940 г. восстановили Советскую власть трудящиеся прибалтийских государств — Литвы, Латвии и Эстонии. Были образованы Литовская, Латвийская и Эстонская ССР, добровольно вошедшие в состав Советского Союза. В 1940 г. Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую союзную республику. Расширение братской семьи советских народов отвечало коренным интересам трудящихся, являлось замечательным выражением торжества национальной политики Коммунистической партии.[1]

Накануне Великой Отечественной войны в состав СССР входило 16 союзных республик.

Коммунистическая партия и Советское государство обеспечили ускоренное развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры в национальных районах СССР. В резолюции XV съезда партии «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» указывалось: «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза».[2]

В период социалистической индустриализации особо важное значение приобрели проблемы размещения производительных сил, в первую очередь промышленности. Без решения этих проблем невозможно было обеспечить подъем экономики и культуры нацио-

нальных республик. XVII съезд ВКП(б) в резолюции «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» отмечал, что «устанавливаемая программа размещения производительных сил во втором пятилетии обеспечивает изживание хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей, более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья, специализацию основных районов по сельскохозяйственным культурам и отраслям, завершение экономического районирования страны в целом».[3]

В результате выполнения планов предвоенных пятилеток коренным образом изменился экономический облик национальных районов СССР. Если в период первой пятилетки объем промышленного производства по старым промышленным районам увеличился в 2 раза, то в национальных и автономных республиках он возрос более чем в 3.5 раза.[4] Только в Узбекской, Киргизской и Туркменской ССР в течение первой и второй пятилеток вступили в строй около 700 предприятий.[5] Особенно быстрыми темпами развивалась крупная промышленность. В 1940 г. валовая продукция крупной промышленности увеличилась по сравнению с 1913 г.: в Узбекской ССР в 7.2 раза, в Казахской ССР — в 20, в Грузинской ССР — в 27, в Киргизской ССР — в 153, в Таджикской ССР в 324, в Армянской ССР — в 23 раза.[6]

Создавались новые промышленные предприятия на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, Крайнем Севере, в Казахстане, республиках Средней Азии и Закавказья. Тем самым решалась задача наиболее рационального размещения производительных сил по экономическим районам, приближения промышленных предприятий к источникам сырья. Преодолевались диспропорции в экономике страны, сближались уровни индустриального развития отсталых в прошлом национальных республик. Это стало возможным благодаря взаимопомощи, дружбе и сотрудничеству братских народов Советского Союза.[7]

Процесс формирования единой, социалистической, многонациональной культуры советского народа нашел воплощение в достижениях культурного строительства в союзных и автономных республиках. Особенно велики были успехи в борьбе за ликвидацию неграмотности взрослого населения. К 1939 г. в РСФСР процент грамотности среди мужчин составлял 96, среди женщин — 83.9, в Украинской ССР — соответственно 93.9 и 82.9, в Белорусской ССР — 90.7 и 71.4, в Узбекской ССР — 83.6 и 73.3, в Казахской ССР — 90.3 и 78.8, в Грузинской ССР — 93.4 и 85.2, в Азербайджанской ССР — 88.8 и 76.1, в Киргизской ССР — 84.9 и 74.4, в Таджикской ССР — 87.4 и 77.5, в Армянской ССР — 92.7 и 74.7, в Туркменской ССР — 83 и 71.9. Наиболее быстрые темпы ликвидации неграмотности были характерны для Казахстана и республик Средней Азии. В период с 1926 по 1939 г. в Узбекистане число грамотных мужчин увеличилось в 5.4 раза, женщин — в 9.9, в Казахстане — соответственно в 2.6 и 5.3, в Киргизии — в 3.7 и 8.6, в Туркмении — в 4.5 и 8.2 раза.[8]

Во всех национальных районах СССР сформировалась обширная сеть общеобразовательных школ, высших и средних специальных учебных заведений. Представление о росте сети вузов дают следующие сведения. В 1926/27 уч. г. в стране работало 148 вузов, а в 1940/41 уч. г. — 817 вузов. Количество студентов соответственно выросло со 168 000 до 811 700.[9] Глубокие изменения претерпела география вузов. Во всех союзных республиках были организованы новые вузы, которые осуществляли подготовку специалистов из местных национальностей. В 1940/41 уч. г. на территории Российской Федерации функционировал 481 вуз, на территории Украинской ССР — 173, Белорусской ССР — 25, республик Средней Азии — 67, республик Закавказья — 46, республик Прибалтики — 19, Молдавской ССР — шесть вузов.[10] В большинстве союзных республик, а также в центрах крупных экономических районов работали университеты. Новые вузы были созданы в 76 городах РСФСР, 28 — Украинской ССР, семи — Белорусской ССР, восьми — Узбекской ССР, восьми — Казахской ССР, пяти городах Грузинской ССР.[11]

Составной, органической частью социалистического строительства в СССР являлось развитие науки. Осуществление исторических задач индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, социалистической реконструкции всего народного хозяйства, культурной революции невозможно было без дальнейшего расширения фронта научных исследований.

XV съезд ВКП(б) выдвинул задачу социалистической рационализации, рационализации производства и управления.

«Эта рационализация не может быть проведена без повышения роли науки и научной техники, — отмечалось в резолюции съезда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». — Широкое развитие сети научно-исследовательских индустриальных институтов и фабрично-заводских лабораторий, решительное приближение академической научной работы к промышленности и сельскому хозяйству, самое широкое использование западноевропейского и американского научного и научно-промышленного опыта, тщательное изучение всех новейших открытий и изобретений, новых индустрий, нового сырья, новых металлов и т. д., а равно новых организационных форм — должно быть поставлено как очередная задача дня».[12]

В резолюции XVII съезда партии «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» были отмечены значительные успехи советской научно-технической мысли. Определяя задачи второго пятилетнего плана, съезд указывал: «Решающим же условием завершения технической реконструкции народного хозяйства во второй пятилетке должно явиться освоение новой техники и новых производств».[13]

В первых пятилетних планах содержалась конкретная программа ускорения научно-технического прогресса, перестройки работы исследовательских учреждений в соответствии с потребностями социалистического строительства. Научная политика Советского государ-

ства была нацелена на создание сплошного фронта науки в нашей стране.

Насколько важное значение Коммунистическая партия придавала проблемам организации научных исследований, свидетельствовал тот факт, что в мае 1935 г. в составе аппарата ЦК ВКП(б) был создан Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий, которым руководил видный деятель партии и государства К. Я. Бауман.[14]

Совершенствовалась система государственных органов управления наукой. В 1926—1929 гг. работал Отдел научных учреждений Совнаркома СССР. Общее руководство этим органом осуществлял управляющий делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунов. Тогда же под руководством секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе функционировала Комиссия Совнаркома СССР по содействию работам Академии наук.[15]

30 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР утвердил «Положение о Комитете по заведованию учеными и учебными учреждениями Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР». Этот орган (в официальных документах он именовался Ученым комитетом) создавался для руководства деятельностью ученых, учебных и издательских учреждений, состоявших при ЦИК СССР. В 1932 г. в ведении Ученого комитета находились 45 учреждений, в том числе 15 научных (Академия наук СССР, Комакадемия, Институт народов Советского Севера, Комиссия по составлению и изданию индексов научной литературы и др.). Работой Ученого комитета последовательно руководили Ф. Н. Петров, А. В. Луначарский, Ю. М. Стеклов и В. П. Милютин.[16]

Проблемы, касающиеся совершенствования организационных форм научной работы, повышения эффективности исследований, занимали видное место в деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства, Госплана СССР и народных комиссариатов. В 1930 г. в результате реорганизации Наркомпроса РСФСР была упразднена Главнаука и на ее базе основан Сектор науки, возглавивший работу подведомственных Наркомпросу РСФСР научных учреждений. Руководил сектором И. К. Луппол.

Росли государственные ассигнования на нужды науки. Расходы на науку по союзному бюджету в годы первой пятилетки составляли 826.4 млн. руб., в годы второй пятилетки — 3014 млн. руб. Как видно, ассигнования на научные исследования в период второй пятилетки увеличились по сравнению с первой пятилеткой в 3.6 раза.[17]

Быстро развивалась государственная сеть научных учреждений. В 1929 г. в СССР работали четыре академии комплексного типа, 406 научно-исследовательских институтов и 32 их филиала. В 1939 г. в стране функционировали четыре академии комплексного типа, 694 научно-исследовательских института и 63 их филиала.[18] В 1940 г. общая численность научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений достигла 786.[19]

В государственной системе организации исследований с каждым годом возрастала роль Академии наук СССР, Всеукраинской акаде-

мии наук и открытой в 1929 г. Белорусской академии наук. Возникли новые отраслевые академии: Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (1929) и Коммунального хозяйства (1931).

В системе научных учреждений страны преобладали отраслевые институты, проводившие исследования в области промышленности, транспорта и сельского хозяйства. В тесном сотрудничестве с отраслевыми институтами работали фабрично-заводские лаборатории.

Забота партии и правительства о народном здравоохранении проявилась в создании новых исследовательских медицинских институтов. В 1930 г. стали самостоятельными учреждениями те институты, которые ранее входили в состав Государственного института народного здравоохранения. В 1932 г. на базе Института экспериментальной медицины был организован Всесоюзный институт экспериментальной медицины, развернувший теоретические исследования в области медицинской науки.[20]

Особо должна быть отмечена организация в 1931 г. Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), который объединил в своем составе Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт Ленина.[21] Новый институт вырос в крупный центр по собиранию, разработке и изданию научного наследия основоположников марксизма-ленинизма.

Научные исследования велись учеными высшей школы. В ряде ведущих университетов страны (Московский, Ленинградский и др.) имелись научные институты. Кафедры, кабинеты и лаборатории вузов стремились обеспечить органическое единство учебно-воспитательной и научной работы.

Как и в прежние годы, большую роль в консолидации ученых, укреплении связи науки с производством играли научные и научно-технические общества.

Научные центры формировались с таким расчетом, чтобы обеспечить развертывание фундаментальных и прикладных исследований по всем главнейшим направлениям естественных, технических и общественных наук.

РАЗВИТИЕ СЕТИ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ СССР

В период социалистического строительства особенно актуальной стала задача дальнейшего совершенствования территориальной организации научной деятельности. Проблема рационального размещения научных учреждений являлась одной из главных проблем организации исследований. Без ее решения невозможно было выполнение заданий пятилетних планов, касающихся рационального размещения производительных сил страны.

О необходимости рационального размещения научных учреждений говорилось в документах партии и правительства, выступлениях руководителей партии и государства, ученых и организаторов совет-

ской науки. Характеризуя перспективы развития Академии наук, в феврале 1929 г. Н. П. Горбунов говорил о важном значении децентрализации науки, использования местных научных сил. Он высказывался за то, чтобы в столицах союзных республик и в крупных промышленных районах «создавать новые научные центры всесоюзного значения с привлечением туда научных сил из центра».[22]

Вопросам рационального размещения научных учреждений значительное внимание уделила I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, состоявшаяся в Москве в апреле 1931 г. В частности, в докладе о перспективных планах научно-исследовательских учреждений Наркомпроса РСФСР, с которым выступил на конференции И. К. Луппол, говорилось о необходимости рационального размещения исследовательских центров.[23] В принятой конференцией резолюции «Организационные вопросы научно-исследовательской работы» отмечалось: «Конференция предлагает всем ведомствам, имеющим свои научно-исследовательские учреждения, произвести районирование своей сети, исходя из основной установки на приближение научно-исследовательских учреждений к источникам сырья и местам производства».[24]

На дальнейшее совершенствование структуры сети исследовательских центров было направлено постановление Совнаркома РСФСР «О рационализации сети научно-исследовательских учреждений РСФСР», принятое 29 октября 1931 г. В постановлении отмечалась необходимость «создания научных учреждений в новых районах развития промышленности, приближения научно-исследовательских учреждений к источникам сырья», рекомендовалось учитывать «задачи развертывания культурной революции, в особенности в национальных районах».[25]

Определяя задачи научных учреждений, заместитель председателя Совнаркома СССР Я. Э. Рудзутак в январе 1932 г. в речи на XVII партийной конференции говорил: «Сеть научно-исследовательских учреждений должна быть географически максимально связана с теми новыми очагами производства, которые у нас возникают на бывших окраинах».[26]

Сеть научных учреждений в национальных районах СССР формировалась в неразрывной связи с решением задач подъема экономики и культуры братских народов.

Главным исследовательским центром Украинской ССР являлась Всеукраинская академия наук, которая в феврале 1936 г. была переименована в Академию наук УССР. Укреплялась сеть научных учреждений академии, совершенствовалась ее структура. В марте 1939 г. в соответствии с решением Общего собрания академии в ее составе были образованы вместо функционировавших ранее трех четыре отдела: Физико-химических и математических, Технических, Биологических, Общественных наук. К 1941 г. в Академии наук УССР имелись 26 институтов, одна биологическая станция, две обсерватории, Центральная научная библиотека с филиалом во Львове;

в учреждениях академии работало 3092 человека, в том числе около 1200 научных сотрудников. Число академиков АН УССР достигло 60, членов-корреспондентов — 66. Во главе академии последовательно стояли Д. К. Заболотный и А. А. Богомолец.[27]

«В 1930—1940 гг. развитие АН УССР проходило по пути концентрации научных сил и мобилизации их на решение актуальных задач»,[28] — писал впоследствии акад. Б. Е. Патон.

Как упоминалось выше, в 1929 г. была организована Белорусская Академия наук (позднее стала именоваться Академией наук Белорусской ССР). Новая академия создавалась на основе Института белорусской культуры. Ее торжественное открытие состоялось 1 января 1929 г. Обращаясь с приветственной телеграммой к академии, 29 декабря 1928 г. А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург писали: «В тех громадных задачах, которые стоят перед Белорусской Академией наук, ее старший товарищ — двухсотлетняя Всесоюзная Академия наук, которой всегда были близки вопросы изучения Белоруссии, готова делиться с молодой академией своим опытом и силами, твердо помня, что только единой, дружной работой научных сил всего Союза мы можем достигнуть результатов, которых ждет от нас страна, бурно строящая новую жизнь».[29]

Насколько быстрыми темпами развивалась Академия наук Белорусской ССР, свидетельствуют следующие данные. К началу 1941 г. в академии функционировали 12 научных учреждений, в том числе девять институтов. В 1935 г. в академии трудилось 565 человек, среди них 253 научных сотрудника. В 1941 г. общее число сотрудников академии достигло 610 человек, в том числе 277 научных работников. В ее состав входили 27 академиков и 23 члена-корреспондента АН БССР. Президентами Академии наук БССР последовательно были В. М. Игнатовский. П. О. Горин, И. З. Сурта и К. В. Горев.[30]

Академия наук Белорусской ССР развивалась как главный, руководящий центр науки в республике. Усилия ее ученых были направлены на решение неотложных задач, связанных с подъемом экономики и культуры Белоруссии. «Если вы посмотрите только рубрику работ академии, то увидите, что это полноценная академия, имеющая программу, стоящую на уровне Всесоюзной академии наук».[31] — так в феврале 1933 г. А. В. Луначарский оценивал работу Академии наук БССР.

Центром научных исследований Молдавии являлся Научный комитет, созданный в 1926 г. при Наркомпросе республики. Позднее, в 1935 г. он был преобразован в Научно-исследовательский институт молдавской культуры. В 1939 г. на базе этого института организуется Молдавский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, состоявший при Наркомпросе республики.[32]

В 1940 г. в Молдавской ССР работали 10 научных учреждений и вузов, проводивших исследования в области экономики, сельского хозяйства, истории и филологии.[33]

Продолжалась целенаправленная работа по формированию сети научных учреждений в Киргизии. В начале 1927 г. стал работать Государственный музей Киргизстана.[34] В 1928 г. на основе Госу-

дарственного музея, Почвенно-ботанического бюро и Сейсмической станции был создан Киргизский научно-исследовательский институт краеведения, занимавшийся изучением природных богатств республики, истории, языка и культуры киргизского народа. Позднее на базе этого института организуются Киргизский научно-исследовательский институт животноводства и Институт культурного строительства. Для проведения исследований, связанных с развитием сельского хозяйства, в республике был открыт ряд опытных станций. Среди организованных в Киргизстане новых научных учреждений должны быть упомянуты Санитарно-бактериологический институт, Ботанический сад и др. Работы по истории, языку и литературе концентрировались в Институте истории, языка и литературы, созданном в 1940 г. на основе Института языка и письменности, который функционировал с 1936 г. после реорганизации Института культурного строительства. Руководство научными исследованиями в Киргизской ССР осуществлял Комитет наук, организованный в 1936 г. при Совнаркоме республики.[35]

Восстановление Советской власти открыло новый этап в развитии науки, организации исследований в Литве, Латвии и Эстонии.

16 января 1941 г. Совнарком Литовской ССР принял постановление «Об учреждении Академии наук Литовской ССР».[36] 10 марта 1941 г. был утвержден первый ее Устав. Первая сессия Общего собрания действительных членов академии состоялась 18 апреля 1941 г. Президентом академии был избран литовский писатель и литературовед В. Креве-Мицкявичюс.[37]

Насколько успешно велась работа по созданию Академии наук Литовской ССР, свидетельствовал тот факт, что уже в мае 1941 г. начали функционировать шесть ее институтов: Литовского языка; Литовской литературы; Истории; Энтологии; Экономики; Права и истории народного хозяйства.[38] Одновременно укреплялась сеть вузов республики, началась разработка перспективного плана крупных научных исследований.

В 1940 г. рассматривался вопрос о создании Академии наук Латвийской ССР или Латвийского филиала Академии наук СССР.[39] В соответствии с решением Совнаркома Латвийской ССР и ЦК КП (б) Латвии, принятым 13 февраля 1941 г., был утвержден организационный комитет, которому поручалось подготовить план создания филиала Академии наук СССР в республике.[40]

Разработка актуальных научных проблем велась в 1940—1941 гг. в Латвийском университете, Сельскохозяйственной академии, на некоторых сельскохозяйственных опытных станциях республики.[41]

Проводились подготовительные работы по созданию Академии наук Эстонской ССР. 6 мая 1941 г. Совнарком Эстонской ССР принял постановление об организации при Тартуском университете Научно-исследовательского института в составе восьми секций, которые представляли как естественные, так и общественные науки. Директором института был назначен ректор Тартуского университета историк Х. Х. Круус. Институт рассматривался как предшественник Академии наук Эстонской ССР.[42]

Как видно, за короткий исторический период — после восстановления Советской власти и до начала Великой Отечественной войны — в Литве, Латвии и Эстонии был заложен прочный фундамент для создания республиканских академий наук. Война и временная оккупация республик Советской Прибалтики прервали эту созидательную работу.

Сведения о создании новых научных учреждений в Узбекской, Грузинской, Азербайджанской, Таджикской, Армянской и Туркменской ССР — союзных республиках, где в рассматриваемое время стали работать филиалы и базы АН СССР, будут приведены ниже. Представление о численности научных учреждений к концу 1940 г. по союзным республикам дают возможность составить следующие данные [43] (табл. 1).

Таблица 1

Научные учреждения по союзным республикам на конец 1940 г.

Союзные республики	Всего научных учреждений (включая вузы)	В том числе научно-исследовательские институты, их филиалы и отделения
РСФСР	1318	447
Украинская ССР	442	163
Белорусская ССР	67	26
Узбекская ССР	94	25
Казахская ССР	57	17
Грузинская ССР	89	33
Азербайджанская ССР	70	23
Литовская ССР	20	2
Молдавская ССР	10	1
Латвийская ССР	39	15
Киргизская ССР	16	3
Таджикская ССР	30	6
Армянская ССР	43	11
Туркменская ССР	38	7
Эстонская ССР	26	7
Всего по СССР	2359	786

Как видно, к концу 1940 г. в Советском Союзе имелась обширная сеть научных учреждений, при этом были достигнуты выдающиеся успехи в создании исследовательских центров во всех союзных республиках.

Увеличивалась сеть вузов и научных учреждений в автономных республиках и областях СССР.

В конце 20—начале 30-х годов в Башкирской АССР были открыты Педагогический, Медицинский и Сельскохозяйственный вузы. В числе исследовательских центров республики следует упомянуть Башкирский научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства и Почвенно-ботанический институт, созданные в 1931 г. В 1932 г. стали функционировать Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры и Баш-

кирский научно-исследовательский институт промышленности, в 1934 г. был открыт Башкирский научно-исследовательский институт здравоохранения и гигиены. В 1935 г. на основе институтов сельскохозяйственного профиля создается Башкирский научно-исследовательский институт земледелия и животноводства.[44]

Ведущая роль в организации исследовательской работы в Бурят-Монгольской АССР принадлежала Бурят-Монгольскому ученому комитету. В 1929 г. он был преобразован в Бурят-Монгольский государственный научно-исследовательский институт культуры (с 1936 г. Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы и истории). Продолжало работать Научное общество им. Доржи Банзарова; в 1927 г. его почетными членами стали академики А. П. Карпинский, Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург.[45] В 1930—1933 гг. в республике было открыто несколько вузов и научно-опытных станций. В 1932 г. началась деятельность Бурят-Монгольского агропедагогического института (впоследствии Бурятский педагогический и Бурятский сельскохозяйственный институты).[46]

Работавший в Махачкале Дагестанский научно-исследовательский институт в 1928 г. был преобразован в Институт дагестанской культуры (впоследствии Научно-исследовательский институт национальных культур Дагестанской АССР, а затем Дагестанский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы). Сеть научных учреждений Дагестанской АССР пополнилась Тропическим институтом (1927), НИИ промышленности и НИИ сельского хозяйства (1931), рядом опытных станций и лабораторий. Уже к началу 1934 г. в Дагестане имелось 22 научно-исследовательских учреждения. Количество научных и научно-технических сотрудников достигало 236. Исследовательская работа проводилась и в вузах республики — Педагогическом и Медицинском.[47]

В Калмыкии, где до Великого Октября отсутствовали специалисты с высшим образованием, в начале июня 1941 г. был открыт Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.[48]

В целях изучения рек и озер Карельской АССР в 1926 г. в республику была переведена Пресноводная биологическая станция Ленинградского общества естествоиспытателей, основанная акад. И. П. Бородиным в 1896 г. на оз. Бологое. Она стала именоваться Бородинской биологической станцией. Общее руководство работой станции осуществлял акад. В. Л. Комаров. Среди научных учреждений Карельской АССР следует упомянуть станции: Болотную, Лесную опытную (в 1933 г. преобразована в Карельский филиал Института механизации и энергетики лесной промышленности), Карельскую научно-исследовательскую рыбохозяйственную (позднее Карельский филиал Государственного научно-исследовательского института озерно-речного рыбного хозяйства), Сельскохозяйственную опытную и др.[49]

В 1930 г. был создан Карельский научно-исследовательский институт, состоявший из ряда секций естественнонаучного и гуманитарного профиля (естественно-производительных сил, сельскохозяйственная, историко-революционная, этнографо-лингвистическая, со-

циально-экономическая и др.). Институт, которым руководил председатель Совнаркома Карельской АССР Э. А. Гюлинг, развивался как комплексное научное учреждение.[50] Новое научное учреждение опиралось на поддержку ученых АН СССР. В апреле 1931 г. в АН СССР работала комиссия «по вопросу о принятии Академией наук шефства над Карельским научно-исследовательским институтом». Было решено взять над ним шефство. Академия наук помогала в комплектовании его штата высококвалифицированными кадрами.[51] В 1937 г. он реорганизуется в Карельский научно-исследовательский институт культуры.

В 1940 г., когда Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, в столице республики — Петрозаводске — стал работать Карело-Финский университет, созданный на базе Педагогического института.[52]

Формировались научные учреждения в Коми АССР. В 1934 г. в Сыктывкаре был организован комплексный научно-исследовательский институт по изучению экономики, культуры и истории Коми автономной области (с 1936 г. Коми АССР). Развитию исследований в республике способствовало создание в 1939 г. в Сыктывкаре постоянной группы научных сотрудников Северной базы АН СССР. К июню 1941 г. в Коми АССР имелось семь научно-исследовательских учреждений (не считая геологических и других научно-исследовательских служб промышленных предприятий).[53]

Расширялся фронт исследований, которые проводились учеными Татарской АССР. Это проявилось, в частности, в создании научных институтов в Казанском университете. В их числе — открытый в 1929 г. Научно-исследовательский химический институт им. А. М. Бутлерова, директором которого стал А. Е. Арбузов, в 1932 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР. В 1935 г. в университете начал работать Научно-исследовательский институт математики и механики. Организатором и первым директором института являлся чл.-кор. АН СССР Н. Г. Чеботарев (избран в 1929 г.). Кафедру физики университета с 1933 г. возглавлял Е. К. Завойский, впоследствии избранный академиком.[54]

Основным очагом научной работы в Удмуртии являлся образованный в 1931 г. Удмуртский комплексный научно-исследовательский институт, который в 1936 г. был преобразован в Институт социалистической культуры (позднее Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы). Научные исследования стали проводиться также в первых вузах республики — Педагогическом и Медицинском.[55]

О росте исследований в Чувашии свидетельствовала организация в 1928 г. при Совнаркоме Чувашской АССР Совета науки и культуры, вскоре преобразованного в Чувашский комплексный научно-исследовательский институт (впоследствии Научно-исследовательский институт социалистической культуры). В начале 30-х годов в республике открываются Научно-исследовательский трахоматозный институт (позднее реорганизованный в филиал Научно-исследовательского трахоматозного института им. Гельмгольца), а также Педагогический

и Сельскохозяйственный вузы. Работы, касающиеся изучения и освоения природных ресурсов Чувашской АССР, вел Институт промышленности.[56]

При помощи Якутской экспедиции АН СССР формировалась сеть научных учреждений Якутской АССР. В 1926 г. был создан Ветеринарно-бактериологический институт, в 1929 г. — Якутская областная опытная сельскохозяйственная станция. В 1939 г. на базе этой станции возникли две научные станции: Якутская государственная селекционная и Якутская республиканская животноводческая опытная. Первым исследовательским учреждением гуманитарного профиля стал Институт языка и культуры Якутской АССР, образованный в 1935 г. Институтом руководил государственный и общественный деятель, основоположник якутской советской литературы П. А. Ойунский.[57]

Приведенные выше факты говорят о больших достижениях автономных республик в формировании сети научных учреждений.

ПЕРЕСТРОЙКА И ОБНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК

Вместе со всей советской наукой росла и крепла Академия наук СССР. Были осуществлены крупные организационные мероприятия по ее перестройке. Необходимость перестройки вытекала из тех новых задач, которые встали перед наукой в конце 20—начале 30-х годов. Процесс перестройки коснулся буквально всех сторон деятельности высшего научного учреждения страны. Важнейшим его направлением была борьба за овладение учеными марксистско-ленинской методологией, за проведение исследований на основе принципов диалектического и исторического материализма. Пересмотр и расширение сети академических учреждений, организация первых филиалов и баз, обновление кадров, повсеместный переход к планированию и коллективным формам исследований, создание аспирантуры, проведение выездных сессий — таковы некоторые из аспектов перестройки Академии наук.

На путях перестройки встретились значительные трудности. На первых порах не все сотрудники академии смогли осознать необходимость коренных преобразований ее деятельности, некоторые из них вначале стремились уклониться от участия в перестройке, а другие даже пытались противодействовать ей.

Процесс советизации академии, обновление ее кадров проявились в создании в 1927 г. партийной организации АН СССР. Первое организационное ее собрание состоялось 25 марта 1927 г. Вначале в состав партийной организации входили главным образом научно-технические сотрудники академических учреждений.[58]

Совершенствовались организационные формы деятельности Академии наук.

18 июня 1927 г. Совнарком СССР утвердил новый Устав Академии наук, заменивший Устав 1836 г.[59] В его подготовке принимали участие представительства союзных республик при Совнаркоме СССР;

высказанные ими заключения о проекте этого документа были приняты во внимание при окончательном его редактировании.

Устав определял Академию наук как высшее научное учреждение Советского Союза, состоявшее при Совнаркоме СССР, которому она ежегодно должна была представлять отчеты о своей деятельности.[60] Вносились изменения в структуру академии. Вместо трех отделений (Физико-математических наук, Историко-филологического, Русского языка и словесности) устанавливались два — Физико-математических наук и Гуманитарных наук.

Уставом предусматривались мероприятия, направленные на повышение руководящей роли Академии наук в системе исследовательских центров СССР, укрепление ее связей с союзными республиками. Отмечалось, в частности, что при проведении экспедиционной работы Академия наук должна учитывать нужды и пожелания союзных республик. Академии наук вменялось в обязанность представлять планы своей работы на утверждение Совнаркома СССР, одновременно рассылая их для заключения правительствам союзных республик.

Право выдвижения кандидатов в академики предоставлялось научным учреждениям, общественным организациям, отдельным ученым и группам ученых. Такой порядок выборов обеспечивал широким кругам научной общественности СССР возможность участия в выдвижении и обсуждении кандидатов в действительные члены АН СССР.

Усиление роли Академии наук как высшего научного учреждения СССР, укрепление ее связей с исследовательскими центрами страны нашли отражение в академических уставах, принятых в 1930 и 1935 гг.

В соответствии с Уставом 1930 г. изменялись названия отделений. Отделение физико-математических наук стало именоваться Отделением математических и естественных наук, Отделение гуманитарных наук — Отделением общественных наук.

Вопрос о роли и месте Академии наук в системе научных учреждений СССР, ее задачах получил дальнейшую разработку в академическом уставе, который был принят 23 ноября 1935 г. «Основной задачей Академии наук является всемерное содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, изучение и развитие достижений мировой научной мысли. В основу своей работы Академия наук полагает планомерное использование научных достижений для содействия строительству нового социалистического бесклассового общества»,[61] — говорилось в этом документе. Как и в предыдущих уставах, в Уставе 1935 г. указывалось на необходимость координации деятельности АН СССР с работой других научных центров Советского Союза. Уставом предусматривались изменения в структуре Академии наук, выразившиеся в создании нового отделения — Отделения технических наук.

Возрастание руководящей роли Академии наук как главного научного центра страны проявлялось и в том, что она находилась в непосредственном ведении высших государственных органов СССР. Как говорилось в первой главе, в июле 1925 г. академия перешла

из ведения Главнауки Наркомпроса РСФСР в ведение Совнаркома СССР, что было закреплено академическим уставом 1927 г. 26 марта 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О передаче в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР Академии наук Союза ССР и Комиссии по составлению и изданию индексов научной литературы».[62] 14 декабря 1933 г. состоялось постановление ЦИК СССР «О передаче Академии наук СССР в ведение СНК СССР».[63] То обстоятельство, что Академия наук находилась в ведении Совнаркома СССР, способствовало укреплению ее связей с народными комиссариатами и Госпланом СССР, государственными органами союзных республик.

Важнейшим государственным мероприятием, которое положило начало новому этапу в развитии Академии наук, стал перевод ее из Ленинграда в Москву. Это мероприятие было осуществлено в 1934 г. в соответствии с постановлением Совнаркома СССР «О переводе Академии наук СССР в Москву», принятым 25 апреля 1934 г.[64] Необходимость перевода Академии наук в столицу СССР логически вытекала из государственного акта признания ее высшим научным учреждением страны.

Расширялась и укреплялась сеть научных учреждений Академии наук. Среди них стали преобладать институты.

В ноябре 1927 г. Президиум АН СССР принял постановление о выделении из состава Физико-математического института сейсмического отдела и образовании на основе этого отдела самостоятельного Сейсмологического института.[65] Принимались меры к расширению сети сейсмических станций института. В 1928 г. их количество достигло 17.[66] В 1941 г. в состав сети станций института входили Центральная сейсмическая в Москве, семь телесейсмических и 16 региональных, расположенных в различных районах страны.[67]

В 1927 г. из состава КЕПС был выделен как самостоятельное академическое учреждение Почвенный институт им. В. В. Докучаева. Тогда же сеть академических учреждений пополнилась Институтом буддийской культуры и Туркологическим кабинетом. В 1928 г. на базе Отдела изучения живого вещества КЕПС выросла Биогеохимическая лаборатория, которую возглавлял В. И. Вернадский.

Начавшийся в конце 1929 г. пересмотр сети академических учреждений привел к созданию новых институтов. В 1930 г. был организован Институт востоковедения, объединивший в своем составе Азиатский музей, Институт буддийской культуры и Туркологический кабинет. В 1931 г. приступил к работе Ботанический институт, созданный на базе Главного ботанического сада и Ботанического музея АН СССР.

Ряд академических музеев и комиссий были расширены и преобразованы в институты: в 1930 г. Институт по изучению народов СССР (на основе Комиссии по изучению племенного состава населения СССР), который позднее, в 1933 г., был объединен с Музеем антропологии и этнографии, в результате чего образовался Институт антропологии и этнографии (с 1935 г. Институт этнографии); в 1931 г. Зоологический (создан на базе Зоологического музея), Институт

по изучению леса (образован на основе Лесного музея), Историко-археографический (создан на базе Археографической комиссии), в 1932 г. — Истории науки и техники (организован на основе Комиссии по истории знаний) и др.

Среди новых академических учреждений, организованных в первой половине 30-х годов, должны быть упомянуты Математический институт им. В. А. Стеклова, Физический им. П. Н. Лебедева, Органической химии, Общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова, Геологический, Геохимии, минералогии и кристаллографии им. М. В. Ломоносова, Энергетический, Генетики, Русской литературы, Славяноведения и др. В 1934 г. в ведение Академии наук перешла Пулковская обсерватория, ранее находившаяся в системе Наркомпроса РСФСР.[68] Рост сети учреждений Академии наук интенсивно продолжался после перевода ее в Москву.

В феврале 1936 г. Совнарком СССР и Центральный Комитет партии приняли постановление о ликвидации Коммунистической академии ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий и в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки. Было признано необходимым передать Академии наук учреждения, институты и основных работников Коммунистической академии.[69] В состав Отделения общественных наук АН СССР вошли институты: Философии, Права, Экономики, Советского строительства, Мирового хозяйства и мировой политики и другие учреждения Коммунистической академии. В ведение АН СССР передавалась также библиотека Комакадемии, насчитывавшая 2.5 млн. томов. На основе экономических учреждений Комакадемии был образован Институт экономики АН СССР, а на базе Института истории Комакадемии и Историко-археографического института АН СССР — Институт истории АН СССР. Библиотека Комакадемии была преобразована в Фундаментальную библиотеку Отделения общественных наук АН СССР.[70]

Личный состав Академии наук пополнился учеными-марксистами, ранее работавшими в Комакадемии. Теперь Академия наук становилась главным научным центром СССР не только по естественным и техническим наукам, но и по общественным.

В июне 1937 г. Совнарком СССР признал целесообразным передать в систему Академии наук СССР Академию истории материальной культуры, которая была преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР (впоследствии Институт археологии АН СССР). В апреле 1938 г. в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР в ведение Академии наук передавались Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР в Москве с его Ленинградским отделением (последнее вошло в состав Института языка и мышления АН СССР), Советская секция Международной ассоциации почвоведов, Всесоюзный комитет общества им. Д. И. Менделеева, Географическое и Астрономо-геодезическое общества, Институт мировой литературы им. А. М. Горького с состоявшими при нем музеем и архивом.[71]

Следует отметить, что в систему Академии наук из народных комиссариатов были переданы такие институты, как Физико-технический, Радиевый, Химической физики и др. В общей сложности в 1939—1940 гг. Академия наук пополнилась 11 институтами, находившимися ранее в ведении народных комиссариатов. К началу 1941 г. в Академии наук функционировали 76 институтов, 11 самостоятельных лабораторий, 42 сейсмических, биологических и других станций, шесть обсерваторий и их отделений.[72]

При Общем собрании АН СССР работали Совет по изучению производительных сил, Редакционно-издательский совет и Издательство, при Президиуме АН СССР — Библиотека, Фундаментальная библиотека по общественным наукам, ряд комиссий и других учреждений.

Рост сети учреждений обусловил необходимость изменений в структуре АН СССР. 29 сентября 1938 г. Общее собрание приняло постановление об образовании (вместо существовавших трех) восьми академических отделений: Физико-математических наук, Химических, Геолого-географических, Биологических, Технических наук, Истории и философии, Экономики и права, Литературы и языка.[73] 4 октября 1938 г. Совнарком СССР утвердил новую структуру Академии наук.[74] Создание восьми отделений отражало дальнейшее возрастание ее роли как высшего научного учреждения СССР. Отделения стали высокоавторитетными центрами организации исследований, их координации и планирования в масштабах всей страны.

Росту сети учреждений соответствовало увеличение личного состава Академии наук.

В 1929 г. состоялись очередные выборы в Академию наук, проходившие при активном участии научной общественности СССР. В работе выборных комиссий, образованных в соответствии с Уставом 1927 г., участвовали представители союзных республик. Академиками были избраны 42 ученых, членами-корреспондентами АН СССР — 54 (из них 36 советских и 18 зарубежных ученых).

Среди ученых, избранных в академики, находились математики С. Н. Бернштейн, И. М. Виноградов, Н. М. Крылов и Н. Н. Лузин, физики Л. И. Мандельштам и Д. С. Рождественский, химики А. Н. Бах, Н. Я. Демьянов, Н. Д. Зелинский, В. А. Кистяковский и А. Е. Фаворский, геологи А. Д. Архангельский, А. А. Борисяк и В. А. Обручев, биологи Н. И. Вавилов, К. К. Гедройц, В. С. Гулевич, Д. К. Заболотный, Г. А. Надсон, М. А. Мензбир и Д. Н. Прянишников, аэро- и гидродинамик С. А. Чаплыгин, энергетик В. Ф. Миткевич, историки М. С. Грушевский, Н. М. Лукин, М. К. Любавский и Д. М. Петрушевский, востоковеды В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов и А. Н. Самойлович, филологи и литературоведы М. М. Покровский, П. Н. Сакулин и др.

Впервые в истории Академии наук академиками были избраны ученые-коммунисты: геолог И. М. Губкин, энергетик Г. М. Кржижановский, философ А. М. Деборин, историки Н. М. Лукин и М. Н. Покровский, деятель партии, ученый-обществовед Н. И. Бухарин.

Крупные ученые и организаторы науки вошли в состав Академии наук в результате выборов, проведенных в 1930—1932 гг.

В 1930 г. Общее собрание избрало академиками трех ученых-коммунистов: теоретика и историка литературы и искусства А. В. Луначарского, историка В. П. Волгина и химика Л. В. Писаржевского.

В 1931 г. академиками стали шесть ученых, в том числе биологи В. Р. Вильямс, Б. А. Келлер и С. А. Зернов, экономист С. Г. Струмилин, славяновед Н. С. Державин и литературовед А. С. Орлов. Двое из числа вновь избранных академиков — Б. А. Келлер и С. Г. Струмилин — были коммунистами.

Среди ученых, избранных академиками в 1932 г., находились физик С. И. Вавилов, химики Э. В. Брицке, И. В. Гребенщиков, С. В. Лебедев, Н. Н. Семенов и А. Н. Фрумкин, биологи, члены ВКП(б) Н. М. Тулайков и А. А. Рихтер, патофизиолог А. А. Богомолец, историк А. И. Тюменев, языковед и археолог И. И. Мещанинов, ученые-коммунисты — философ В. В. Адоратский, экономист М. А. Савельев и др. Академиками были избраны представители различных отраслей технических наук: А. А. Байков, И. П. Бардин, Б. Е. Веденеев, А. В. Винтер, Г. О. Графтио, М. А. Павлов, Н. Н. Павловский, К. И. Шенфер и А. А. Чернышев.

В 1931—1934 гг. ежегодно проводились выборы членов-корреспондентов АН СССР. В результате выборов членами-корреспондентами стали 94 советских ученых.[75]

Избрание академиками ученых-коммунистов положило начало быстрому росту партийной организации Академии наук. В 1929 г. была образована фракция академиков-коммунистов, которую первоначально возглавлял М. Н. Покровский, а затем Г. М. Кржижановский. Если в 1929 г. коллектив ВКП(б) Академии наук насчитывал 19 членов и кандидатов в члены партии, то в 1933 г. он включал в свой состав 348 членов и кандидатов в члены партии, в том числе 17 академиков, 82 научных сотрудника, 137 аспирантов.[76] Ученые-коммунисты стояли во главе трудной и сложной работы, связанной с перестройкой Академии наук.

Проведенные в конце 20-х — начале 30-х годов выборы в Академию наук свидетельствовали о том, что она стремилась пополнить состав академиков и членов-корреспондентов учеными, которые жили и работали не только в Москве и Ленинграде, но и в других научных центрах Советского Союза. Показательно, что 12 % от общего числа ученых, избранных академиками в 1929 г., жили и работали на Украине.[77]

В 1935 г. Общее собрание избрало 15 новых академиков, в числе которых были геофизик, математик, астроном и географ О. Ю. Шмидт, астроном В. Г. Фесенков, химики А. Е. Порай-Кошиц и В. Е. Тищенко, инженер-технолог, географ, химик Н. П. Горбунов, физиологи Л. А. Орбели и А. А. Ухтомский, зоолог-морфолог И. И. Шмальгаузен, почвовед, геолог, географ Л. И. Прасолов, историк Б. Д. Греков, востоковеды И. А. Орбели и В. В. Струве. По Отделению технических наук академиками стали Б. Г. Галеркин, А. А. Скочинский и А. М. Терпигорев.[78]

Большое пополнение Академия наук получила в 1939 г., когда проходили очередные выборы академиков и членов-корреспондентов. Кандидатами к избранию в академики было выдвинуто 248 ученых, к избранию в члены-корреспонденты АН СССР — 542. 16 января 1939 г. в газете «Правда» в передовой статье «Накануне выборов новых академиков» отмечалось: «В списке тех научных учреждений, которые выдвинули своих кандидатов, фигурируют рядом с Москвой и Ленинградом Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Свердловск, Тбилиси, Ереван, Баку, Ташкент... Крупнейшие ученые выросли в национальных республиках Советского Союза».[79]

В числе 56 ученых, избранных академиками 28 января 1939 г., были: по физико-математическим наукам — П. Л. Капица, А. Н. Колмогоров, Н. Е. Кочин, В. П. Линник, Н. И. Мусхелишвили, Н. Д. Папалекси, С. Л. Соболев, В. А. Фок, Г. А. Шайн; по химическим — С. С. Наметкин, А. П. Орехов, А. Н. Теренин, В. Г. Хлопин, П. П. Шорыгин; по геолого-географическим — А. А. Григорьев, А. Н. Заварицкий, П. И. Степанов, М. А. Усов, П. П. Ширшов; по биологическим — И. С. Бериташвили, Е. Н. Павловский, К. И. Скрябин, Н. В. Цицин; по медицинским — А. И. Абрикосов, М. И. Авербах, Н. Н. Аничков, Н. Н. Бурденко, А. Д. Сперанский; по общественным — Е. С. Варга, Ю. В. Готье, И. А. Джавахишвили, И. К. Луппол, Я. А. Манандян, М. Б. Митин, С. П. Обнорский, Ф. А. Ротштейн, А. Н. Толстой, И. П. Трайнин, И. А. Трахтенберг, М. А. Шолохов, Е. М. Ярославский. В Отделение технических наук вошли А. П. Герман, Н. Т. Гудцов, М. В. Кирпичев, В. С. Кулебакин, В. П. Никитин, В. Н. Образцов, В. Л. Поздюнин, Н. П. Чижевский, Е. А. Чудаков, Л. Д. Шевяков, М. В. Шулейкин и другие ученые.[80]

Как видно, академиками были избраны грузинские ученые: математик, специалист в области механики Н. И. Мусхелишвили, физиолог И. С. Бериташвили, историк и востоковед И. А. Джавахишвили, армянский историк, востоковед и филолог Я. А. Манандян. В состав действительных членов АН СССР вошли уральский геолог Л. Д. Шевяков и сибирский геолог М. А. Усов.

Среди 102 ученых, избранных членами-корреспондентами АН СССР, находились астроном, астрофизик В. А. Амбарцумян, филолог, языковед Г. С. Ахвледиани, историк Г. В. Хачапуридзе, филолог-армяновед и грузиновед А. Г. Шанидзе и многие другие ученые.

Выборы в Академию наук являлись подлинным смотром достижений советской науки, свидетельством творческой зрелости ученых СССР. В результате выборов в состав Академии наук вошли крупнейшие ученые и организаторы научной деятельности.

К 1 января 1935 г. количество академиков достигло 84.[81] К 1 января 1941 г. в АН СССР насчитывалось пять почетных академиков, 119 академиков и 182 члена-корреспондента.[82]

Произошли изменения в составе руководства Академии наук. 15 июля 1936 г. скончался академик А. П. Карпинский, бывший президентом АН СССР почти 20 лет, с первых дней Советской власти. Состоявшаяся в декабре 1936 г. сессия Общего собрания избрала президентом акад. В. Л. Комарова. Во второй половине 1920-х и

в 1930-е годы вице-президентами АН СССР избирались академики А. Е. Ферсман, Г. М. Кржижановский, В. Л. Комаров, Н. Я. Марр, Э. В. Брицке, И. М. Губкин, Е. А. Чудаков и О. Ю. Шмидт. Непременными секретарями АН СССР были академики В. П. Волгин и Н. П. Горбунов.

С каждым годом увеличивалась численность научных кадров академических учреждений.

Как упоминалось выше, в 1926 г. в целях подготовки научных кадров Академия наук учредила институт практикантов. В 1928 г. в АН СССР обучалось 30 практикантов. В 1929 г. в процессе развернувшейся перестройки Академии наук институт практикантов был упразднен и организована аспирантура. При ее комплектовании Академия наук опиралась на помощь партийных и комсомольских организаций республик, краев и областей.

Был взят курс на привлечение в аспирантуру представителей рабочих и крестьян. Особое внимание обращалось на подготовку национальных научных кадров. К концу 1934 г. в учреждениях Академии наук обучалось 246 аспирантов. Кроме того, осуществлялась подготовка 22 аспирантов, прикомандированных из Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Таджикской и Армянской ССР. Готовились научные кадры для Монгольской Народной Республики.[83]

В 1936 г. для подготовки научных работников высшей квалификации в Академии наук была учреждена докторантура.[84] К концу 1940 г. количество аспирантов академии увеличилось до 1162 человек; среди них 236 — состояли в докторской аспирантуре и 926 — в кандидатской.[85]

Аспирантура стала главным источником пополнения Академии наук, других научных учреждений и вузов высококвалифицированными специалистами. Одновременно в штаты академических учреждений зачислялись ученые, ранее работавшие в отраслевых институтах, на производстве, в вузах, а также выпускники высшей школы.

К 1 января 1941 г. в Академии наук работали 4700 научных сотрудников, в том числе 402 доктора и 1271 кандидат наук.[86] Общее число сотрудников академии составляло в 1938 г. 6870 человек, в 1939 — 8240; к концу 1940 г. в ее системе всего работало 10 282 сотрудника.[87] В период с 1917 до 1941 г. общее количество сотрудников АН СССР увеличилось почти в 50 раз.[88]

В учреждениях Академии наук были сконцентрированы высококвалифицированные специалисты по всем главнейшим направлениям естественных, технических и общественных наук, способные творчески решать сложнейшие проблемы науки и техники, обогащать фундаментальные и прикладные исследования новыми открытиями.

В середине 30-х годов завершился сложный и длительный процесс перехода старой интеллигенции, в том числе и научной, на позиции социализма.[89] Под влиянием происходивших в стране социально-экономических преобразований постепенно преодолевалась былая корпоративная замкнутость Академии наук. Убедившись в преимуществах социалистического общества, в короткий исторический срок обеспечившего подъем экономики и культуры нашей страны, увидев

ясный путь служения своему народу, ученые посвятили все свои силы и знания благородному делу укрепления экономического и оборонного могущества Советского государства.

Крупнейшим завоеванием социализма являлось создание новой, советской, народной интеллигенции. Это оказало благотворное влияние на социальный состав научных кадров Академии наук. В академических учреждениях в тесном творческом сотрудничестве с учеными старшего поколения трудились молодые исследователи — выпускники вузов и аспирантуры, вышедшие из рядов советского рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Широкий доступ в Академию наук получили представители наций и народностей СССР. Уже в 1933 г. среди научных работников АН СССР были представлены 23 национальности Советского Союза.[90]

С каждым годом возрастала роль ученых-коммунистов в организации научной деятельности Академии наук, повышении эффективности исследований. Партийные организации академических учреждений проявляли постоянную заботу о политическом просвещении, повышении общественной активности ученых. Вопросы перестройки Академии наук, идеологического воспитания ученых занимали центральное место в деятельности комсомольских и профсоюзных организаций, Локального бюро Секции научных работников АН СССР, академического коллектива Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО).

Научная и научно-организационная деятельность академии строилась на основе принципов планирования. Хотя первые попытки планирования исследований предпринимались ранее, повсеместный переход к планированию научной работы стал осуществляться в академии в конце 20-х — начале 30-х годов. Вначале ряд сотрудников академии, в том числе и некоторые видные ученые, отрицательно относились к идее пранирования науки. Президиум АН СССР, ученые-коммунисты потратили много сил, чтобы убедить сотрудников академических учреждений в жизненной необходимости планирования.

В декабре 1930 г. Общее собрание утвердило план работы Академии наук на 1931 г. Позднее, в 1932 г. был подготовлен план ее деятельности на вторую пятилетку. Характеризуя работу Академии наук в области планирования, в июне 1931 г. А. В. Луначарский писал: «В настоящее время она занимает, пожалуй, одно из первых, если не первое место, в своих попытках создать настоящий научный план для своей работы».[91]

Планы нацеливали ученых на разработку главнейших направлений естественных, технических и общественных наук, внедрение новейших научно-технических достижений в производство. Планы свидетельствовали о стремлении академии обеспечить в своей деятельности оптимальное соотношение фундаментальных и прикладных исследований. Переход к планированию способствовал укреплению связей академии с практикой, развитию принципов коллективизма в науке, повышению руководящей роли АН СССР в государственной сети исследовательских центров страны.

Как высшее научное учреждение страны Академия наук большое внимание уделяла проблемам координации исследований, согласования своей деятельности с работой других научных центров и высшей школы.

Укреплялось сотрудничество Академии наук СССР, академий наук УССР и БССР. Многие ученые АН СССР избирались академиками и членами-корреспондентами республиканских академий. В свою очередь ученые академий наук УССР и БССР становились действительными членами АН СССР. Академия наук СССР помогала братским академиям в работе по подготовке научных кадров, повышению квалификации ученых. В 1933 г. в аспирантуре АН СССР обучались 17 аспирантов, прикомандированных Академией наук Белорусской ССР.[92]

Рост сотрудничества трех академий наук нашел концентрированное выражение в договорах о социалистическом соревновании, которые заключались между ними в начале 30-х годов. Договоры были нацелены на совершенствование организации и повышение эффективности исследований, приближение тематики научной работы к практике социалистического строительства.

Важное значение согласования деятельности трех академий отмечалось в постановлении Президиума ЦИК СССР по докладам Всесоюзной, Всеукраинской и Белорусской академий наук, принятом в июле 1933.[93]

Свидетельством крепнувших связей трех академий стала их перекличка по радио, организованная АН СССР 5 ноября 1933 г. в ознаменование 16-й годовщины Великого Октября. Перекличку транслировали радиостанции Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и Харькова. Участвовавшие в перекличке А. П. Карпинский, А. А. Богомолец, С. И. Вавилов, В. П. Волгин, П. О. Горин, А. С. Орлов и другие ученые рассказали о достижениях академий, о вкладе ученых в общенародную борьбу за построение социализма.[94]

О необходимости укрепления связей АН СССР с национальными академиями и крупнейшими научно-исследовательскими институтами страны говорилось в докладе Г. М. Кржижановского «Программа работ Академии наук СССР на 1936 г.», произнесенном в марте 1936 г. на сессии АН СССР.[95] Выступивший в прениях по докладу непременный секретарь Президиума АН УССР А. В. Палладин отмечал: «Если мы будем работать единым мощным научным коллективом, если мы сумеем хорошо увязать работу всех наших академий и всех других научно-исследовательских институтов Союза, то задачи, стоящие перед нами, мы выполним».[96]

Проблема Большого Днепра, комплексное изучение Донецкого каменноугольного бассейна, исследование Полесья — таковы некоторые из направлений совместной научной деятельности трех академий в 30-е годы. Плодотворными были работы ученых в области истории, этнографии, культуры, языка и литературы украинского и белорусского народов.

Братское сотрудничество АН СССР, академий наук УССР и БССР свидетельствовало о торжестве ленинских идей дружбы народов

Советского Союза. Оно способствовало концентрации усилий ученых трех академий на решении крупнейших проблем научно-технического прогресса.[97]

Одной из основных форм координации работы ученых являлись научные съезды, конференции и совещания; многие из них проходили под руководством Академии наук. Только в 1940 г. она провела 70 конференций и совещаний; в них участвовали свыше 8000 человек, в том числе около 5000 сотрудников различных научно-исследовательских институтов и работников промышленности.[98]

Академия наук стремилась к тому, чтобы законченные исследования не консервировались, а внедрялись в производство. В апреле 1939 г. Совнарком СССР образовал специальную комиссию для рассмотрения и внедрения в практику законченных академическими учреждениями работ.[99] В 1939 г. Академия наук представила в комиссию 55 завершенных исследований, из которых к концу года уже 23 работы были рассмотрены и приняты для практического использования.[100]

Расширялась издательская деятельность Академии наук. Если в период с 1923 по 1933 г. Издательство АН СССР выпустило 1752 названия книг и журналов общим объемом 13 547 изд. листов, то в период с 1933 до 1941 г.— 4134 названия объемом 50 841 изд. листов. По сравнению с 1913 г. общий объем научной литературы, изданной Академией наук в 1940 г., увеличился почти в девять раз.[101] Руководство издательской деятельностью осуществлял Редакционно-издательский совет (РИСО), организованный в 1930 г.

Создание новых учреждений, пополнение научных кадров, расширение масштабов проводимых академией исследований стали возможными благодаря тем огромным средствам, которые Советское государство отпускало в ее распоряжение. Бюджет Академии наук вырос с 3.9 млн. р. в 1928 г. до 126.7 млн. р. в 1938 г. В 1940 г. бюджет всех научных учреждений, которые входили в систему АН СССР, составил 176 912 тыс. р.[102]

Дальнейшее развитие получили международные связи Академии наук, что отражало рост авторитета советской науки за рубежом.

То обстоятельство, что основные усилия Академии наук были направлены на разработку фундаментальных исследований, обусловило возрастание ее роли как главного, руководящего научного центра социалистического государства. Именно в Академии наук были сконцентрированы ведущие научные учреждения страны, здесь трудились крупнейшие ученые, представлявшие главные направления естественных, технических и общественных наук.

Животворным источником быстрого роста и планомерного развития Академии наук была государственная система научных учреждений и высших учебных заведений СССР: «Руководящие кадры приходят в академию со всего Советского Союза, из всех его республик, из всей сети научных учреждений, — писал С. И. Вавилов. — Академия стала верным зеркалом лучшего в советской науке. Академия тем самым подпялась и количественно, и качественно и стала дейст-

вительно, а не только по уставу, высшим научным учреждением страны».[103]

Развитию советской науки, деятельности Академии наук мешал культ личности Сталина. В результате отступлений от ленинских принципов и методов строительства нового общества, нарушений социалистической законности ряд ученых Академии наук подвергся необоснованным репрессиям. В числе репрессированных были академики Н. И. Вавилов, Н. П. Горбунов, Н. М. Лукин, И. К. Луппол, Н. М. Тулайков, Н. И. Бухарин и другие ученые.

Трудная обстановка сложилась в области генетики. Развитие исследований по генетике всячески тормозили Лысенко и его сторонники. С ними мужественно боролись Н. И. Вавилов и его соратники. «... от ученого, как, впрочем, и от каждого советского человека, требуется проявление гражданского и нравственного мужества в отстаивании своих взглядов против различных внешних давлений и субъективизма, — писал академик Г. И. Марчук. — Таким мужеством обладали А. Н. Крылов, Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов, И. И. Шмальгаузен и многие другие советские ученые».[104]

Творческой деятельности ученых-обществоведов мешали обусловленные культом личности догматизм, схематизм, субъективизм. Но несмотря на это, ученые Академии наук сумели добиться крупных научно-технических достижений.

В июле 1987 г. на встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов М. С. Горбачев говорил: «Я думаю, что мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было в 1937—1938 годах. ... Потери были серьезные, большие, мы знаем, чем обернулись 37—38 годы, как это ударило по кадрам в партии и среди интеллигенции и по военным кадрам. И тем не менее мы обязаны видеть, какая же огромная сила заключена в социализме, в нашем строе, который и это выдержал, вступил в схватку с нацизмом и победил».[105]

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Важнейшим направлением деятельности Академии наук являлись исследования в области естественных производительных сил страны. Совершенствовалась система академических учреждений, занимавшихся проведением этих исследований.

В 1926 г. Академия наук образовала новое научное учреждение — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР). 3 апреля 1926 г. Общее собрание утвердило председателем ОКИСАР А. Е. Ферсмана.

Основная задача ОКИСАР заключалась в проведении систематических исследований естественных производительных сил национальных районов СССР, а также согласовании всех экспедиционных работ АН СССР. Структура ОКИСАР формировалась с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность в короткий срок развернуть исследования на территории ряда союзных и автономных республик. В его со-

став входили комиссии, созданные для организации экспедиций в национальных районах. В 1927 г. ОКИСАР объединял комиссии: По изучению среднеазиатских республик (председатель В. В. Бартольд), По изучению Закавказской СФСР (председатель Ф. Ю. Левинсон-Лессинг), По изучению Якутской АССР (председатель В. Л. Комаров), По изучению Чувашской АССР (председатель Н. Я. Марр), По изучению Башкирской АССР (председатель С. И. Руденко), Северную (председатель Д. А. Золотарев) и др.[106]

Создание и деятельность ОКИСАР свидетельствовали о стремлении академических ученых на практике претворить в жизнь те задачи, которые вытекали из постановления ЦИК и СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». Образование ОКИСАР являлось ответом Академии наук на предложения государственных органов союзных и автономных республик о проведении научных исследований в национальных районах СССР.[107]

В 1928 г. ОКИСАР был переименован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ). В 1929 г. КЭИ делилась на три отдела; в их состав входили те же комиссии, которые ранее работали как подразделения ОКИСАР. Кроме того, в составе КЭИ были сформированы комиссии: Туркменская (председатель А. Н. Самойлович), Бурят-Монгольская (председатель А. Е. Ферсман), Юго-Осетинская (председатель Ф. Ю. Левинсон-Лессинг) и др.[108]

Для того чтобы обеспечить дальнейшее повышение уровня исследований в области производительных сил СССР, в 1930 г. академия объединила КЕПС и КЭИ, образовав на их основе новое научное учреждение — Совет по изучению естественных производительных сил (СОПС). В Положении о СОПС, утвержденном Общим собранием 4 апреля 1930 г., указывалось: «Задачей СОПС является общее руководство научно-исследовательской деятельностью учреждений АН СССР в той части, которая имеет целью изучение производительных сил Союза».[109] С октября 1930 г. этот орган стал именоваться Советом по изучению производительных сил.

СОПС являлся одним из самых крупных академических учреждений, в работе которого принимали участие многие ученые Академии наук. Деятельностью СОПС последовательно руководили академики И. М. Губкин и В. Л. Комаров.

Большое внимание обращалось на совершенствование структуры СОПС. В 1934 г. он подразделялся на ряд секций, работу которых направляли ученые советы, состоявшие из крупных деятелей науки и техники. В состав СОПС входили секции: Североевропейской части СССР, Южноевропейской части СССР и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, Уральская и Западно-Сибирская, Казахской АССР, Восточной Сибири и Дальнего Востока, Якутской АССР, Республик Средней Азии. В составе Секции республик Средней Азии функционировали Узбекская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Каракалпакская секции. Во главе ученых советов секций стояли академики А. П. Карпинский, Б. А. Келлер, В. Л. Комаров, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. Н. Самойлович, А. Е. Ферс-

map.[110] Простое перечисление названий секций СОПС говорит о том, что Академия наук заботилась об исследовании производительных сил буквально всех регионов страны.

«Национальное размежевание, образование СССР, образование, наряду с союзными, целого ряда автономных республик и областей, последовательное проведение ленинской национальной политики, направленной к культурному подъему всех национальностей и росту социалистического хозяйства национальных республик на основе индустриализации всей страны, наконец, экономическое районирование СССР — все это потребовало перестройки и громадного усиления работы по изучению природных богатств страны»,[111] — писал академик Н. П. Горбунов.

Главной формой организации работ по изучению природных ресурсов продолжали оставаться академические экспедиции. При проведении экспедиций учитывались насущные потребности социально-экономического развития тех районов страны, куда направлялись экспедиционные отряды.

В целях установления более тесной связи с правительственными органами союзных и автономных республик в 1932 г. СОПС направил на места своих уполномоченных. Они согласовывали с местными правительственными органами планы экспедиционных работ АН СССР на 1933 г. и вторую пятилетку, оказывали практическую помощь работавшим в различных районах страны академическим экспедициям.[112]

Во второй половине 20-х годов Академия наук начала планомерное изучение природных ресурсов Киргизской АССР. Развернулись работы в области геологии, минералогии, ихтиологии, животноводства, медицины, антропологии и др.[113]

10—15 февраля 1933 г. в Ленинграде проходила первая конференция по изучению производительных сил Киргизской АССР, созванная Академией наук совместно с Совнаркомом Киргизии. В заслушанных конференцией докладах рассматривались перспективы развития народного хозяйства Киргизии во второй пятилетке, подводились итоги и определялись задачи в области геологических исследований, изучения энергоресурсов, сельского хозяйства, транспорта, климатологии, курортного строительства, картографии, библиографии и др. Специальные доклады были посвящены проблемам антропологии, киргизского языка. Конференция обсудила также доклады о плане экспедиционных исследований в Киргизской АССР на 1933 г. и вторую пятилетку.[114]

Широкий круг проблем, касающихся хозяйственного и культурного строительства Киргизии, обсуждался на второй конференции по освоению природных ресурсов Киргизской АССР, созванной Академией наук 8—12 февраля 1935 г. в Москве. Число участников конференции достигло 400. Среди них были ученые, представители правительственных органов Киргизии, рабочие заводов и фабрик Москвы. Были заслушаны доклады Н. И. Вавилова — «О перспективах растениеводства в Киргизии», И. М. Губкина — «Об ископаемых энергоресурсах Киргизской республики», Д. И. Щербакова — «О руд-

ных ископаемых в Киргизии» и др. Выступая с речью на заключительном заседании конференции, А. П. Карпинский сказал, что он «с величайшей радостью отмечает успешную работу конференции и вместе с тем необыкновенный рост Киргизии, добившейся за одну пятилетку такого расцвета, который в других условиях потребовал бы столетий. Бурно растет национальная культура народов Советского Союза, ранее порабощенных царизмом. На примере Киргизской республики видно, чего может добиться народ, получивший право свободного распоряжения своей судьбой, народ, строящий социализм наряду со всеми остальными народностями СССР».[115]

Плодотворно развивалась экспедиционная деятельность Академии наук в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и Туркмении, о чем будет сказано ниже.

В 1934 г., в ознаменование 10-летней годовщины национально-государственного размежевания Средней Азии, академия издала коллективный труд «Академия наук СССР республикам Средней Азии», авторами которого были государственные деятели советских республик Средней Азии и ученые — участники академических экспедиций. В этом труде рассказывалось о выдающихся достижениях народов Средней Азии в хозяйственном и культурном строительстве, их братской дружбе и сотрудничестве, подводились итоги экспедиционных работ Академии наук. В предисловии к книге И. М. Губкин отмечал, что в большую и созидательную работу республик Средней Азии «Академия наук внесла немалый вклад. За последние годы дана совершенно новая оценка природным богатствам Средней Азии, где были открыты, изучены, а во многих случаях и освоены хозяйством большие ранее неизвестные богатства».[116]

Продолжались экспедиционные работы на территории Бурят-Монгольской АССР. 1—10 апреля 1934 г. в Ленинграде работала первая конференция по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР, организованная Академией наук СССР и Совнаркомом республики.[117] Минерально-сырьевая база, транспортные проблемы, водное хозяйство, реконструкция рыбного хозяйства, проблемы сельского, лесного и пушного хозяйства, национально-культурное строительство, итоги и задачи развития здравоохранения, социалистическая реконструкция г. Улан-Удэ — на этих вопросах было сконцентрировано внимание участников конференции.[118] Конференция образовала комитет по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР, членами которого стали А. П. Карпинский, В. П. Волгин, И. М. Губкин, В. Л. Комаров, В. А. Обручев и А. Е. Ферсман.[119]

Развернувшиеся в 30-е годы на территории Бурят-Монгольской АССР экспедиционные работы СОПС привели к открытию новых месторождений полезных ископаемых (флюорит, редкие элементы, уголь, асбест, железо, золото и другие металлы). Большое внимание обращалось на изучение Ангаро-Байкальского комплекса. Исследовались почвы, флора и фауна республики.[120]

Основные направления экспедиционных исследований в Башкирской АССР определялись первоочередными потребностями экономи-

ческого и культурного развития республики. 26 мая 1927 г. А. Е. Ферсман докладывал Президиуму АН СССР о поступившем в ОКИСАР письме правительства республики с просьбой подготовить план исследовательских работ на территории Башкирии. Президиум АН СССР признал необходимым удовлетворить эту просьбу.[121] Была организована Башкирская комплексная экспедиция, которая вела изучение производительных сил республики. В поле зрения экспедиции находились и проблемы национально-культурного строительства.[122]

Откликаясь на просьбу Совнаркома Карельской АССР об исследовании производительных сил республики, 22 апреля 1926 г. Академия наук представила правительству Карелии план этих исследований. В нем предусматривались геологические, почвенные, геоморфологические, этнологические работы.[123] В 1926 г. Академия наук направила в Карелию лесоэкономическую экспедицию. В 1935 г. под руководством А. Е. Ферсмана была организована другая экспедиция, которая вела комплексное исследование территории средней и северной Карелии. [124]

Продолжались начатые ранее экспедиционные работы на территории Якутской АССР. Руководство ими осуществляли упоминавшиеся выше Комиссия по изучению Якутской АССР, а затем входившая в состав СОПС Секция Якутской АССР. О достижениях якутского народа в хозяйственном и культурном строительстве свидетельствовала специальная выставка, организованная Академией наук в 1932 г. в Ленинграде в ознаменование 10-летней годовщины со дня основания республики. На выставке получили отражение результаты экспедиционных работ в Якутской АССР.[125]

В марте 1941 г. в Москве проходила конференция по изучению производительных сил Якутской АССР. Она подвела итоги выполненных исследований и высказалась за комплексное развитие народного хозяйства Якутии. Конференция указала на необходимость усиления геологического изучения территории республики, выявления ее ископаемых богатств, проведения исследований, касающихся вечной мерзлоты.[126]

Для изучения естественных производительных сил Горного Алтая в 1936 г. Академия наук организовала Ойротскую комплексную экспедицию, которой руководил В. А. Обручев. Работавшая в сотрудничестве с местными партийными, советскими и хозяйственными органами, экспедиция способствовала изучению и освоению природных ресурсов Горно-Алтайской автономной области.[127]

Руководители Академии наук неоднократно отмечали расширение географии ее экспедиционных работ. «Нет почти ни одного уголка Советской страны, где бы не было экспедиций академии, где бы их работа не принесла нам новых знаний о наших сырьевых и топливных ресурсах»,[128] — писал В. П. Волгин в 1934 г. Характеризуя экспедиционные исследования АН СССР, в 1939 г. В. Л. Комаров отмечал: «Экспедиции Академии наук охватывают обширные территории во всех концах нашей Родины». Президент АН СССР подчеркивал, что экспедиции СОПС открыли «разнообразные ископаемые в Каре-

лии, на Мурмане, в Закавказье, Сибири, на Дальнем Востоке, на берегах Черного и Каспийского морей, в Киргизии и других районах».[129]

Насколько интенсивно развивалась экспедиционная деятельность, видно из следующих данных. По подсчетам А. Е. Ферсмана, в период 1919—1928 гг. Академия наук организовала 371 экспедицию.[130] Количество экспедиций, направленных СОПС в различные районы страны в 1930—1938 гг., превысило 150.[131]

Одна из основных тенденций экспедиционных работ состояла в том, что Академия наук стремилась организовать всестороннее, комплексное исследование тех районов, куда направлялись экспедиции. В большинстве своем в состав экспедиций включались специалисты, представлявшие различные отрасли естественных, технических и общественных наук.

В 1936 г. Академия наук взяла курс на укрупнение экспедиций, в связи с чем количество их сократилось. Стали организовываться крупные комплексные экспедиции, работа которых была направлена на углубленное изучение важнейших в экономическом отношении регионов страны.

В 1939 г. комплексные экспедиции Академии наук вели изыскания на Европейской равнине СССР, Урале, Кавказе и в Центральном Казахстане. В 1940 г. в комплексных экспедициях АН СССР участвовали 429 сотрудников; объектом исследований являлись Восточно-Европейская платформа СССР, Урал и Кавказ. Помимо комплексных, был организован ряд тематических экспедиций и поездок ученых в различные районы страны.[132]

Развертывая исследования в области производительных сил, Академия наук руководствовалась ленинскими идеями о необходимости реорганизации промышленности и экономического подъема России, рационального размещения промышленности страны, сформулированными в «Наброске плана научно-технических работ».

Насколько велика была роль ученых Академии наук в выполнении ленинской программы развития производительных сил, свидетельствовали статья И. М. Губкина о деятельности СОПС (1937 г.) [133] и доклад А. Е. Ферсмана «В. И. Ленин и изучение производительных сил СССР»,[134] с которым он выступил на сессии Общего собрания АН СССР в апреле 1940 г. В упомянутых статье и докладе охарактеризовано значение деятельности Академии наук для роста производительных сил, подъема экономики и культуры национальных районов СССР.

К началу 40-х годов Советский Союз вышел на первое место в мире по разведанным запасам ряда полезных ископаемых.[135] Накануне Великой Отечественной войны страна была обеспечена необходимым минеральным сырьем. Это имело огромное значение в укреплении экономического и оборонного потенциала социалистического государства.

На решение задач, связанных с рациональным размещением производительных сил страны, были направлены исследования ученых-экономистов. В деятельности Института экономики АН СССР

центральное место занимали проблемы экономического районирования и развития главных отраслей народного хозяйства СССР.

Получившая в 20—30-е годы значительное развитие экспедиционная деятельность Академии наук являлась одним из факторов, способствовавших росту экономики и культуры народов СССР, ликвидации их фактического неравенства.

Экспедиционная деятельность способствовала укреплению связей Академии наук с союзными и автономными республиками, давала ученым возможность познать повседневную жизнь и работу трудящихся национальных районов. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что академические экспедиции опирались на местные научные силы. Характеризуя экспедиционную деятельность Академии наук, А. Е. Ферсман писал в 1927 г.: «Втягиваясь в общую работу, молодые узбеки, туркмены, якуты постепенно вырастают в молодых ученых, исследователей родного края; создаются местные музеи и библиотеки. Задачей экспедиций является, прежде всего, будить мысль и создавать культурные силы и культурные центры на местах».[136] Экспедиции Академии наук несли знания, свет и культуру народам, обреченным до революции на отсталость и вымирание. Проводя экспедиционные исследования в союзных и автономных республиках, Академия наук тем самым практически осуществляла функции высшего научного учреждения Советского Союза.

УЧАСТИЕ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

С деятельностью Академии наук неразрывно связаны достижения в области национально-культурного строительства. Ученые рассматривали развитие культуры народов СССР, борьбу за повышение культурного уровня трудящихся как одну из главных своих задач.

Выступая в ноябре 1936 г. с речью на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, В. Л. Комаров говорил: «Перед нашей великой Родиной мы обязуемся посвятить все свои силы дальнейшему и глубочайшему изучению национальной культуры народов Советского Союза и бороться за развитие подлинной науки, против фашизма».[137]

Ученые Академии наук много внимания продолжали уделять разработке проблем, касающихся развития народного образования, особенно языкового строительства. «. . . Академия помогает и системе народного образования, работая над основными университетскими курсами, над языками многочисленных народностей Советского Союза»,[138] — так В. Л. Комаров определил одну из задач академии. Характеризуя значение Конституции СССР 1936 г. для дальнейшего развития многонационального Советского государства, академик И. И. Мещанинов писал: «И здесь широкое поле деятельности открывается перед советским ученым-обществоведом работой в деле языкового и культурного строительства на укрепленных Конституцией устоях».[139]

Задачи повышения культурного уровня трудящихся, приобщения их к науке и культуре не могли быть решены без развертывания

языкового строительства, без создания письменности для бесписьменных народностей.

В институтах Языка и мышления, Языка и письменности народов СССР, Востоковедения и других академических учреждениях плодотворно развивались исследования по языкознанию, что имело первостепенное значение для осуществления задач культурной революции. Существенными достижениями была отмечена научная деятельность ученых, занимавшихся разработкой проблем русского языка — языка межнационального общения.

Государственные органы союзных и автономных республик и областей неоднократно обращались в Академию наук с просьбами оказать содействие в решении задач языкового строительства.

Отвечая на письмо облисполкома и Отдела народного образования Калмыцкой автономной области, в августе 1927 г. Академия наук высказала соображения о новом проекте транскрипции калмыцкого языка.[140]

В августе 1929 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК просил Академию наук дать отзыв о проекте тунгусского алфавита. Такой отзыв с конкретными замечаниями составила комиссия под руководством В. В. Бартольда.[141]

В январе 1931 г. Дальневосточный крайисполком направил в Академию наук письмо, в котором говорилось о необходимости издания букварей и словарей на языках малых народностей Дальнего Востока.[142] Вопросы, связанные с созданием письменности для карел и вепсов, ставились в письме Совнаркома Карельской АССР, поступившем в Академию наук в марте 1931 г.[143]

Развитию тюркологии, усилению исследований по тюркским языкам способствовал I Всесоюзный тюркологический съезд, состоявшийся в Баку в феврале—марте 1926 г. Академию наук на съезде представляли В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и другие ученые. В. В. Бартольд выступил с докладом «Об изучении истории тюркских народов», С. Ф. Ольденбург посвятил свой доклад характеристике методов краеведческой работы среди тюркских народов.[144] На съезде обсуждались конкретные вопросы, касающиеся создания письменности для народов СССР.

Если обратиться к планам и отчетам о деятельности Академии наук в 30-е годы, то можно увидеть, насколько важное значение ученые придавали разработке проблем языкового строительства. «История языка и языкового строительства» [145] — так была сформулирована одна из главных тем Академии наук на вторую пятилетку. В речи на торжественном годовом собрании АН СССР в феврале 1934 г. В. П. Волгин особо выделил исследования языковедов по разработке словарей и грамматик народов СССР. «Мы должны укрепить этот участок работы, бросив на него большие силы и средства, так как наши темпы здесь явно недостаточны»,[146] — отмечал он.

Создание алфавитов, разработка орфографии и терминологии, составление словарей, подготовка учебников — вся эта огромная, кропотливая работа проводилась при участии ученых Академии наук.

Исследования ученых легли в основу языкового строительства в СССР.

В 20-е годы начался перевод письменности многих народов СССР на латинскую графику. Только в течение 1927—1930 гг. латинизация письменности была проведена у 36 национальностей с населением 3.5 млн. человек.[147] При ЦИК СССР работал Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, возглавлявший деятельность в области языкового строительства у национальностей, которые перешли на латинизированную графику. Среди ученых, участвовавших в работе этого органа, находился Н. Я. Марр.[148]

О достижениях в области языкового строительства свидетельствовала выставка «Новая письменность народов СССР», организованная Коммунистической академией в 1929 г. В подготовке выставки участвовала Академия наук.[149]

В 1930—1933 гг. многие ученые Института востоковедения, в том числе С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович и Е. Э. Бертельс, выезжали в республики Средней Азии, оказывая помощь местным органам в решении проблем языкового строительства.[150]

В марте 1936 г. сессия АН СССР по докладу Г. М. Кржижановского обсуждала программу работ Академии наук на 1936 г. Выступивший в прениях по докладу А. Н. Самойлович говорил о задачах ученых-обществоведов. В качестве одной из основных проблем учреждений Отделения общественных наук АН СССР он назвал проблему «содействия языковому строительству народов СССР».[151]

К 1930 г. на основе латинской графики была создана письменность почти у всех народов Севера. В феврале 1937 г. Совет Национальностей ЦИК СССР признал целесообразным перевести письменность малых народов Севера на русскую графическую основу. В 1937—1940 гг. письменность народов Средней Азии, Азербайджана, Поволжья и Дагестана была переведена на русскую графику. Выдающимся достижением в области языкового строительства являлось то, что уже в 20—30-е годы около 40 народов Советского Союза впервые получили свою национальную письменность.[152]

На решение актуальных проблем национально-культурного строительства была направлена деятельность Института востоковедения. В мае 1932 г. работа этого института обсуждалась на совещании, организованном при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. «Заслушав доклад Института востоковедения, совещание отмечает и приветствует тот значительный сдвиг, который произошел в Институте востоковедения и который приблизил его работу к социалистическому строительству как тематикой этой работы, так и ее методологией»,[153] — говорилось в постановлении совещания.

Как и в прежние годы, ученые института занимались разработкой проблем истории, экономики, культуры, языка, литературы народов Востока. Они оказывали научно-методическую помощь Среднеазиатскому комитету по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.[154]

Решение проблем национально-культурного строительства невозможно было без расширения фронта исследований в области истори-

ческой науки. Росту творческой активности ученых-историков весьма содействовало постановление Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», принятое 15 мая 1934 г.[155]

Изучение истории народов СССР занимало одно из главных мест в работе сначала Археографической комиссии, а затем Историко-археографического института и Института истории. В Историко-археографическом институте функционировал специальный Сектор истории отдельных народов СССР. Осуществлялись подготовка и издание трудов по истории народов Средней Азии и Казахстана, республик Закавказья, Башкирской, Карельской, Коми, Татарской и Якутской АССР. Вся эта работа была согласована с государственными органами союзных и автономных республик, координировалась с местными научными центрами.

На упоминавшейся выше мартовской сессии Академии наук Г. М. Кржижановский назвал среди тем, имевших особое значение, тему «Народы СССР».[156] В 1936 г. при Институте истории был создан Кабинет истории народов СССР. Он проводил работу, связанную с организацией конкурса на лучший учебник по истории СССР для начальной школы, собирал и систематизировал материалы по истории народов Советского Союза.[157]

В предвоенные годы Институт истории и Институт истории материальной культуры занимались подготовкой многотомного труда «История СССР», вели исследования по истории культуры народов СССР, создавали учебники для средней и высшей школы. Совместными усилиями ученых этих институтов и ученых союзных республик был подготовлен ряд учебников по истории народов Советского Союза.

В осуществлении ленинской национальной политики, укреплении дружбы между народами большую роль играет этнография. Центрами этнографических исследований в Академии наук являлись упоминавшиеся выше Комиссия по изучению племенного состава населения СССР, Музей антропологии и этнографии, Институт по изучению народов СССР, Институт этнографии. В этих учреждениях разрабатывались проблемы антропологии и этнографии, археологии и фольклора.[158] Готовился к изданию справочник «Народы СССР».[159] Значительное развитие получили экспедиции этнографов и антропологов, которые Академия наук направляла в различные районы СССР для изучения быта и культуры братских народов. О достижениях трудящихся союзных и автономных республик в хозяйственном и культурном строительстве рассказывали выставки, которые организовывались Музеем антропологии и этнографии.[160] Исследования этнографов находили практическое применение при решении ряда вопросов национально-государственного строительства. Они были использованы при проведении всесоюзных переписей населения в 1926 и 1939 гг.

«Обслуживание национальных меньшинств и национальных республик»,[161] — так В. П. Волгин определил в апреле 1931 г. в докладе на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследова-

тельской работы одну из основных задач ученых-обществоведов. В решение этой задачи большой вклад внесли востоковеды, языковеды, историки и этнографы.

Как праздники многонациональной советской культуры в СССР отмечались 750-летие поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и 1000-летие армянского народного героического эпоса «Давид Сасунский».

В 1936 г. Президиум АН СССР образовал комиссию для подготовки и проведения торжеств в ознаменование 750-летия поэмы Шота Руставели. Во главе комиссии стоял И. А. Орбели.[162] Торжества проходили в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах. 16 января 1938 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов Академия наук провела торжественное заседание, которое открыл вступительным словом В. Л. Комаров. С докладами о творчестве великого грузинского поэта выступили И. А. Орбели, И. И. Мещанинов и К. Д. Дондуа.[163]

Работу по подготовке празднования 1000-летнего юбилея армянского народного героического эпоса «Давид Сасунский» возглавлял И. А. Орбели. 5 сентября 1939 г. в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею. Оно было организовано Академией наук, Союзом писателей СССР, Комитетом по делам искусств при Совнаркоме СССР, Всесоюзным радиокомитетом и Постоянным представительством Армянской ССР при Совнаркоме СССР. Заседание открыл А. А. Фадеев. Вступительное слово произнес А. Н. Толстой, с докладом об эпосе «Давид Сасунский» выступил И. А. Орбели.[164]

Академия наук вела подготовку к исполнявшимся в 1941 г. 800-летию со дня рождения азербайджанского поэта Низами Гянджеви и 500-летию со дня рождения узбекского писателя Алишера Навои.

При помощи и содействии Академии наук комплектовались библиотеки в национальных районах СССР. Так, в 1930—1931 гг. Библиотека АН СССР занималась подбором научной литературы для библиотек Таджикистана и Туркмении, Бурят-Монгольской и Якутской АССР, а также Дальневосточного края. В предвоенные годы она выделила из запасных фондов для различных библиотек страны 31 390 томов. В 1939 г. в библиотеки Западной Украины и Западной Белоруссии было направлено 12 408 названий академических изданий.[165]

Руководство Академией наук осуществляли Общее собрание, Президиум, отделения. Они обобщали результаты выполненных исследований, определяли перспективы научного поиска. Отмечая выдающиеся достижения ученых, руководящие органы академии одновременно вскрывали недостатки, указывали пути их преодоления. Показательно в этом отношении постановление Общего собрания, принятое в марте 1941 г. В постановлении с удовлетворением констатировались усиление связей АН СССР с практикой социалистического строительства, значительные успехи в исследовании ряда крупнейших комплексных научно-технических проблем. В то же время Общее собрание подвергло критике недостатки, касающиеся проведения экспедиций, работы ряда институтов, их ученых советов, планирования и координации исследований, издательской деятельности, пропаганды научных знаний и др. Общее собрание высказа-

лось за дальнейшее развитие научной критики в учреждениях АН СССР.[166] Глубокий анализ достижений и недостатков являлся необходимым условием повышения эффективности деятельности АН СССР.

В период социалистического строительства произошли коренные изменения в жизни всех народов нашей страны. В процессе выполнения выработанных партией первых пятилетних планов были достигнуты выдающиеся успехи в экономическом и духовном возрождении отсталых в прошлом наций и народностей. Некоторые народы СССР вступили в эпоху социализма, минуя капитализм.

Составной, органической частью экономического и культурного прогресса страны являлось развитие науки. Благодаря длительной и напряженной работе Коммунистической партии и Советского государства в области организации науки в СССР в основном сформировался сплошной, непрерывный фронт научных исследований. Советские ученые смогли обеспечить высокий уровень исследований почти по всем главнейшим направлениям естественных, технических и общественных наук, самостоятельно решить крупнейшие проблемы научно-технического прогресса.

Развиваясь как высшее научное учреждение СССР, Академия наук к концу 30-х — началу 40-х годов превратилась в подлинный штаб науки социалистического государства. Укреплялось ее сотрудничество с союзными и автономными республиками СССР. Академия наук развернула огромную работу по изучению природных ресурсов национальных районов, всемерно содействовала решению задач национально-культурного строительства.

Деятельность Академии наук свидетельствовала о том, насколько велико было значение советской науки в упрочении интернационального единства общества, укреплении братской дружбы наций и народностей СССР.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ ФИЛИАЛОВ И БАЗ

В конце 20-х — начале 30-х годов правительственные органы союзных и автономных республик неоднократно обращались в Академию наук с предложениями об организации научных учреждений на местах. Как бы ни значительны были достижения экспедиций академии в изучении природных ресурсов, экономики и культуры национальных республик, экспедиционная деятельность не смогла в полной мере отвечать потребностям регионов в развитии исследований. Необходимо было приступить к созданию стационарных научных организаций на местах.

В 30-е годы произошли крупные изменения в территориальном размещении учреждений Академии наук.

Выше говорилось о росте сети сейсмических станций, находившихся в ведении Сейсмологического института АН СССР. Расширилась география размещения станций. В 1940 г. они работали в Москве, Пулкове, Свердловске, Иркутске, Владивостоке, Пятигорске, Сева-

стополе, Симферополе, Сочи, Феодосии, Грозном, Ялте, Кабанске. В Узбекской ССР станции функционировали в Ташкенте, Андижане и Самарканде: в Казахской ССР — в Алма-Ате, Семипалатинске и Чимкенте: в Грузинской ССР — в Тбилиси; в Азербайджанской ССР — в Баку; в Киргизской ССР — во Фрунзе; в Таджикской ССР — в Сталинабаде; в Армянской ССР — в Ереване.[167] Станции являлись опорными пунктами сейсмических исследований Академии наук на местах.

Работы в области фауны, флоры, биогеографии, экологии и океанографии Черного моря велись на Севастопольской биологической станции, которой руководил С. А. Зернов. В 1938 г. станция была передана в ведение Зоологического института АН СССР и стала функционировать на правах его лаборатории.[168]

Развернувшаяся в 1925—1928 гг. экспедиционная деятельность Академии наук на Байкале привела к организации в 1928 г. нового академического учреждения — Байкальской биологической станции, которая первоначально размещалась в пос. Маритуй, а в 1930 г. была переведена в пос. Лиственичное. С февраля 1931 г. она стала именоваться Байкальской лимнологической станцией. Руководил ею Г. Ю. Верещагин.[169]

В 1938 г. из системы Наркомздрава СССР в ведение Академии наук был передан Новочеркасский гидрохимический институт, занимавшийся разработкой методики гидрохимического анализа.[170]

Сказанное выше свидетельствует о расширении географии академической науки. Вместе с тем насущные потребности экономического и социального развития страны поставили перед учеными задачу создания новых исследовательских центров на местах — филиалов и баз Академии наук. Необходимость в организации новых научных учреждений глубоко осознавалась учеными Академии.

Показательно, что в опубликованной в октябре 1926 г. на страницах газеты «Известия» статье «Как будет работать Академия наук СССР» А. Е. Ферсман писал: «Ближайшая цель Академии наук — создать на окраинах свои филиалы и хорошо оборудованные ячейки. Нельзя концентрировать научную работу только в центре, нельзя обходить окраины».[171] Та же самая мысль нашла отражение в публикации А. Е. Ферсмана в журнале «Научный работник», посвященной деятельности Академии наук.[172]

Ученые все более убеждались в необходимости перехода от экспедиционных исследований к созданию стационарных научных учреждений на местах. 30 октября 1929 г. Общее собрание обсуждало доклад А. Е. Ферсмана об итогах экспедиционной деятельности АН СССР. Выступая в прениях по докладу, Д. К. Заболотный говорил: «... мне кажется, что при разработке экспедиционного плана следует в тех местах, где назрела уже возможность, заменять экспедиционную работу стационарными, краеведческими учреждениями, так или иначе связанными с академией. Этот вопрос нужно поставить как раз теперь. ... Задача академии, помимо чисто обследовательской деятельности, — до известной степени пробудить научную самодеятельность республик, и в этом отношении академия уже много сделала и

может помочь упрочить это исследовательское дело в отдельных республиках».[173] Предложение Д. К. Заболотного встретило поддержку ученых. Так, А. Е. Ферсман отмечал, что переход от экспедиционных исследований к стационарной работе — это «путь чрезвычайно плодотворный, совершенно необходимый».[174]

В мае 1931 г. А. Е. Ферсман выступил на заседании президиума Восточно-Сибирского крайисполкома с докладом о работе Академии наук по изучению производительных сил этого края. Определяя основные направления исследований в Восточной Сибири, крайисполком обратился к Академии наук с просьбой оказать содействие в организации геохимического института в Иркутске.[175]

Находясь в командировке в Иркутске, в мае 1931 г. А. Е. Ферсман написал статью «Неотложная задача Академии наук: К вопросу о научных станциях на местах», опубликованную в журнале «Вестник Академии наук СССР». В статье обосновывалась необходимость создания сети научных станций АН СССР на всей территории Советского Союза, конкретно назывались те районы, где эти станции следовало организовать. «Необходимы срочные решения с тем, чтобы часть новых станций могла начать свою работу с весны 1932 г.»,[176] — писал А. Е. Ферсман.

23 мая 1931 г. Президиум АН СССР принял постановление — приступить к созданию ряда исследовательских комплексных баз Академии наук и сети специальных исследовательских станций, объединенных вокруг этих баз. В первую очередь базы и станции намечалось организовать на Дальнем Востоке, в Западной и Восточной Сибири. Вопрос о создании баз и станций решено было обсудить на июньской сессии АН СССР. Подготовка плана организации баз и станций возлагалась на комиссию в составе И. М. Губкина, В. Л. Комарова, П. М. Никифорова, А. Н. Самойловича и др. Она получила наименование Комиссии по базам. Возглавлял комиссию В. Л. Комаров.[177]

Мысль о необходимости организации региональных научных учреждений АН СССР нашла обоснование в статьях академиков, опубликованных в печати в связи с подготовкой июньской сессии АН СССР.

Г. М. Кржижановский в статье «Сессия исторического значения» писал о необходимости организации «новых академий наших братских союзных республик».[178] А. В. Луначарский в статье «Первая выездная сессия Академии наук» отмечал: «Понимая необходимость. . . пространственного расширения своей работы, академия думает во время московской сессии поставить вопрос о филиалах в некоторых главнейших районах Союза».[179] Насколько важное значение для будущего советской науки имело обсуждение на предстоящей сессии Академии наук вопроса о филиалах и базах, говорилось в статьях академиков А. Д. Архангельского, Н. С. Курнакова, А. Н. Самойловича и других ученых.[180]

3 июня 1931 г. на очередном заседании Президиума АН СССР рассматривались предложения Комиссии по базам относительно организации комплексных научно-исследовательских баз и станций

академии на местах. Было принято постановление, основные положения которого вошли в постановление Чрезвычайной выездной сессии АН СССР.[181]

Чрезвычайная сессия Академии наук в Москве состоялась 21—27 июня 1931 г. Это была первая выездная сессия АН СССР, работавшая вне Ленинграда. Тема сессии — «Что может дать наука для осуществления лозунга „догнать и перегнать“»? — вызвала большой интерес советской общественности. Во время сессии ученые выезжали на промышленные предприятия Москвы и Московской области, где выступали с лекциями и докладами.

27 июня 1931 г. сессия обсудила доклад В. Л. Комарова «Вопрос о филиалах академии». В докладе обосновывалась необходимость создания академических учреждений на местах. В ходе обсуждения доклада возникла дискуссия. А. Д. Архангельский, отмечая важное значение развития науки на местах, выступил с возражениями против создания филиалов и баз. Он высказал опасение, что в результате организации филиалов и баз «наука Академии наук . . .будет противопоставлена науке всей страны и никакой децентрализации не получится, а получится сугубая централизация».[182] А. Д. Архангельский видел задачи Академии наук в том, что она «должна, поскольку в ней находятся наиболее квалифицированные представители науки, помочь институтам на местах, давать им непрерывную консультацию, выделить для каждого определенного района академика, наиболее знающего данный район, и в соответствии с широко развивающимися институтами на местах должно быть руководство этих академиков».[183] Таким образом, задачи Академии наук ограничивались консультационной работой.

Возражая А. Д. Архангельскому, выступившие на сессии А. Е. Ферсман и Н. Я. Марр подчеркивали, что создание филиалов и баз продиктовано самой жизнью. Об этом же говорил в заключительном слове В. Л. Комаров.[184]

Справедливость требует отметить, что А. Д. Архангельский пересмотрел свою точку зрения. Крупнейший ученый-геолог, замечательный организатор науки, он принимал самое активное участие в работе по формированию филиалов и баз, внес огромный вклад в создание национальных научных центров.

После обсуждения доклада В. Л. Комарова сессия приняла постановление, в котором указывалось:

«1. Признать необходимым организовать в ряде крупных центров СССР комплексные базы академии.

2. Сеть баз наметить в следующем виде: Хабаровск, Иркутск, Новосибирск, Свердловск, Алма-Ата, Ташкент, Ашхабад, Ростов-на-Дону, Сталинград.

3. Признать необходимым в первую очередь организовать базы в городах: Хабаровске, Иркутске, Новосибирске и Свердловске.

4. Признать необходимым преобразовать существующий в Тифлисе ЗИАИ[185] в комплексный институт, расширив в нем краеведческое отделение.

5. Признать задачей комплексных баз академии содействие мест-

ным советским республиканским и краевым организациям в разрешении научных задач, связанных с соцстроительством в данной республике или данном крае».[186]

Одновременно сессия высказалась за расширение сети специальных научно-исследовательских станций на местах. Было решено просить республиканские и краевые организации о выделении дотаций на содержание баз. Сессия рекомендовала Президиуму АН СССР «вопрос о структуре и функциях каждой базы согласовывать с соответствующими республиканскими и краевыми организациями».[187]

Приведенное выше постановление — знаменательный документ в истории организации советской науки. Выработанный коллективными усилиями ученых, этот документ верно отражал назревшую потребность в ускоренном развитии научных исследований на местах. Правда, жизнь внесла некоторые коррективы в первоначально намеченный план создания региональных научных центров, о чем будет сказано ниже.

30 июля 1931 г. Ученый комитет одобрил предложения Академии наук о создании ряда комплексных станций на местах.[188] Заслушав доклад В. П. Волгина о работе Академии наук, 10 августа 1931 г. Президиум ЦИК СССР принял следующее постановление: «Утвердить предложение академии о создании сети комплексных научно-исследовательских баз в тех районах, где по единому народнохозяйственному плану осуществляется особо интенсивное строительство, в связи с чем предусмотреть в смете академии на 1932 г. соответствующие ассигнования».[189]

В процессе организации первых региональных научных центров сразу же встретились значительные трудности.

Прежде всего следует отметить, что история науки еще не знала примеров решения столь сложной и масштабной задачи, к реализации которой приступила Академия наук. Создавая первые научные центры на местах, Академия наук, бесспорно, прокладывала новые пути в организации научной деятельности.

Поскольку сразу не было возможности охватить всю огромную территорию страны сетью филиалов и баз, предстояло, с учетом потребности экономического и социального развития Советского государства, определить те регионы, в которых в первую очередь следовало создавать научные центры.

При организации филиалов и баз следовало строго учитывать местные условия, принимать во внимание те задачи, какие стояли перед республиками, краями и областями. Необходимо было тщательно продумать структуру каждого из вновь организуемых исследовательских учреждений Академии наук на местах. Предстояло создать в их составе такие научные подразделения (институты, отделы, лаборатории, секторы, музеи), которые смогли бы развернуть исследования, наиболее полно отвечавшие потребностям экономического и культурного строительства республик, краев и областей.

Весьма остро стояла проблема комплектования филиалов и баз кадрами исследователей. Она решалась несколькими путями. Во-пер-

вых, для работы в филиалах и базах привлекались местные научные силы. Во-вторых, сюда направлялись ученые из центральных академических учреждений. В-третьих, важнейшим резервом формирования кадров стала аспирантура. В филиалах и базах начинали свой творческий путь многие выпускники аспирантуры центральных учреждений Академии наук. Вместе с тем по мере формирования филиалов в них также создавалась аспирантура.

Нелегкой была задача обеспечения филиалов и баз современным оборудованием, приборами, реактивами, новейшей научной литературой и т. д. Требовалось разместить институты и лаборатории в удобных помещениях, обеспечить жильем сотрудников. Благодаря значительным дополнительным ассигнованиям, отпускаемым как из союзного, так и местных бюджетов, Академия наук смогла успешно решить и эту задачу.

Изучение протоколов заседаний Президиума и Общего собрания АН СССР, статей и выступлений ученых, их переписки и других документов убеждает в том, что вопросы, касающиеся организации филиалов и баз, занимали одно из центральных мест в деятельности Академии наук. Определение задач филиалов и баз, их структуры, комплектование штатов, утверждение руководителей, формирование ученых советов, финансирование и материально-техническое снабжение — эти и многие другие вопросы буквально не сходили с повестки дня заседаний Президиума и Общего собрания. Проблемам организации научных центров на местах много внимания уделялось в отчетах о работе как отдельных академических учреждений, так и Академии наук в целом.

6 октября 1931 г. В. П. Волгин докладывал Общему собранию о «поступивших и поступающих запросах с мест по организации баз Академии наук». Было принято постановление об образовании комиссии в составе А. Д. Архангельского, А. Ф. Иоффе, В. А. Кистяковского, В. Л. Комарова, Н. Я. Марра, А. Е. Ферсмана и других, которой поручалась разработка «форм и структуры баз».[190]

1 декабря 1931 г. Президиум АН СССР дополнительно ввел в состав Комиссии по базам А. А. Борисяка, Н. В. Насонова и др.[191] Во всей своей работе Комиссия по базам опиралась на учреждения Академии наук. К решению многих вопросов, связанных с созданием филиалов и баз, привлекались ведущие ученые — академики и члены-корреспонденты АН СССР, руководители академических учреждений. Отличительная особенность деятельности Комиссии по базам — ее тесная связь с местными партийными, советскими и хозяйственными организациями.

Процесс формирования академических учреждений на местах постоянно находился в поле зрения Ленинградской партийной организации и ее руководителя С. М. Кирова.

Работа по созданию филиалов и баз велась под руководством партийной организации академии. В документе «Академия наук на переломе: К перевыборам бюро коллектива ВКП (б)» (октябрь 1931 г.) отмечалось, что академия «намечает к организации в наиболее важных центрах (Свердловск, Хабаровск, Тифлис и некоторых других)

свои филиалы и базы. Последние должны стать новыми могучими рычагами культурного подъема наших бывших окраин».[192]

Вопросы, касающиеся формирования местных научных центров, регулярно обсуждались на заседаниях бюро коллектива ВКП(б), партийных собраниях АН СССР. «Придавая огромное политическое и научное значение делу организации филиалов Академии наук, мобилизовать общественное мнение вокруг этого вопроса»,[193] — такую задачу перед коммунистами выдвинуло бюро коллектива ВКП(б) АН СССР 17 ноября 1931 г. На заседании бюро коллектива ВКП(б) АН СССР, состоявшемся 5 января 1932 г., обсуждался ход работы по организации филиалов и баз. Бюро партийных ячеек академических учреждений было рекомендовано взять эту работу под повседневный контроль.[194]

17 марта 1932 г. на пленуме коллектива ВКП(б) АН СССР обсуждался доклад В. П. Волгина «Задачи Академии наук в связи с решениями XVII партконференции». Докладчик особо отметил необходимость создания академических учреждений на местах.[195]

Заслушав доклад о работе Комиссии по базам, 5 мая 1932 г. бюро коллектива ВКП(б) АН СССР приняло постановление, в котором указывалось, что организация филиалов и баз «является одной из главнейших задач Академии наук на данном этапе. Организация баз должна быть делом всей академии».[196]

О ходе организации научных учреждений на местах регулярно информировал своих читателей журнал «Вестник Академии наук СССР». Материалы, посвященные этому вопросу, освещались на страницах многотиражной газеты «За социалистическую науку».

Как писал впоследствии И. П. Бардин, в первые годы существования филиалов часто возникали дискуссии о том, «в каком направлении должна развиваться деятельность филиалов: заниматься ли им исследованиями чисто теоретического характера или же решать узкоприкладные вопросы, выдвигаемые местными отраслями народного хозяйства? Считать ли научные учреждения филиалов полноправными членами в семье академических учреждений или же относить их к учреждениям, по направленности своей деятельности чуждым Академии наук? Жизнь подсказала правильное решение».[197] Это решение, выработанное коллективными усилиями ученых, было сформулировано в ряде документов академии, о которых речь пойдет ниже.

Не сразу было принято единое название местных научных учреждений АН СССР. Первоначально их предполагалось именовать базами, затем — отделениями. 29 ноября 1931 г. В. П. Волгин докладывал Общему собранию о ходе организации Дальневосточного, Уральского и Западно-Сибирского отделений Академии наук.[198] Вскоре, 16 июля 1932 г., Президиум АН СССР принял постановление о том, чтобы новые академические учреждения, созданные во Владивостоке, Тифлисе и Свердловске, именовать филиалами (Дальневосточный, Закавказский и Уральский), а учреждения, организованные в Алма-Ате и Душанбе, именовать базами (Казахстанская и Таджикистанская).[199]

В постановлениях Общего собрания. Президиума АН СССР, статьях и выступлениях ее руководителей определялись функции филиалов и баз, указывалось, в чем состоит отличие этих двух типов академических учреждений на местах.

В 1931 г. в статье В. Л. Комарова «Комплексные базы Академии наук на местах» отмечалось, что «каждую базу следует рассматривать как комплекс научно-исследовательских учреждений, проблематика которых определяется местными потребностями, а планы работ утверждаются академией и входят в общий план ее деятельности».[200]

Проблемы, связанные с развитием филиалов и баз, нашли освещение в докладе В. П. Волгина «Академия наук СССР за 15 лет», с которым он выступил в ноябре 1932 г. на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 15-летию Великого Октября. Докладчик кратко осветил вопрос, касающийся филиалов и баз как типов научных учреждений. Он говорил: «И вот Академия наук строит сеть филиалов — ассоциаций своих институтов на местах, свои комплексные институты (базы), сеть специальных станций по всей территории Советского Союза, от Хибиногорска до Тифлиса и Сталинабада, от Ленинграда до Владивостока».[201]

Характеристика филиалов и баз как типов местных исследовательских учреждений Академии наук давалась в «Записке к плану работ Комиссии по базам на второе пятилетие» — документе, опубликованном в 1932 г.

В упомянутом документе говорилось: «В областях и республиках, обладающих развитой сетью отраслевых институтов, отделения АН должны состоять из комплекса мощных институтов, ведущих под руководством центральных институтов и ассоциаций АН, в тесной корпорации с местными отраслевыми институтами, разработку основных теоретических проблем района. Такового рода организациями должны, по мнению комиссии, явиться филиалы АН».[202] Что касается баз Академии наук, то задачи и особенности их определялись следующим образом: «Основной установкой работы отделений АН в районах со слабо развитой сетью научно-исследовательских учреждений должно явиться содействие местным организациям в планировании науки и исследование естественных ресурсов края. Эта работа может проводиться небольшой группой работающих на месте сотрудников АН, при наличии небольших лабораторий, причем значительная часть проблем разрабатывается центральными учреждениями АН».[203]

27 января 1933 г. Президиум АН СССР утвердил «Положение о взаимоотношениях филиалов и баз с учреждениями Академии наук» — документ, в котором были сформулированы принципы управления филиалами и базами. «Филиал Академии наук СССР является комплексным научным учреждением, состоящим из институтов, секторов, станций Академии наук, ведущих в республике (крае, области) научно-исследовательскую работу»,[204] — указывалось в Положении. Высшим руководящим органом филиалов и баз были признаны их президиумы, находившиеся в непосредственном подчинении Президиума АН СССР и Комиссии по базам.

В основе Положения лежала идея тесной связи работы филиалов и баз с деятельностью центральных академических учреждений. Особо подчеркивалось, что институты, секторы, станции и лаборатории филиалов и баз в научном отношении должны быть подчинены руководству соответствующих центральных учреждений АН СССР, на которые возлагалась ответственность за определение перспектив развития исследований в филиалах и базах. Центральные учреждения обязаны были осуществлять подготовку научных кадров для филиалов и баз, систематически вести консультационную работу. Предусматривалось выделение из состава ученых АН СССР консультантов по делам филиалов и баз. Изложенные в Положении организационные мероприятия по укреплению связей филиалов и баз с центральными академическими учреждениями были жизненно необходимы; они стали важнейшим условием, гарантировавшим плодотворную деятельность филиалов и баз.

Проблемы, связанные с организацией филиалов и баз, нашли освещение в речи В. П. Волгина о деятельности АН СССР в 1933 г., с которой он выступил на торжественном годовом собрании академии в феврале 1934 г. Отметив успехи в создании академических научных учреждений на местах, В. П. Волгин одновременно подчеркивал: «Развитие филиалов и баз ... шло в 1933 г. весьма неравномерно. На пути к реализации планов академии по созданию филиалов имеются два препятствия: неопределенность материального положения филиалов и недостаток кадров, причем отсутствие хорошо оборудованных лабораторий еще более затрудняет обеспечение филиалов соответственным научным персоналом».[205]

Опыт строительства первых филиалов и баз был обобщен в Уставе АН СССР, принятом 23 ноября 1935 г.

«Филиалы Академии наук на местах являются объединениями научно-исследовательских институтов, а базы Академии наук на местах — комплексными научно-исследовательскими институтами, изучающими природные богатства, экономику и культуру отдельных республик, краев и областей»,[206] — сказано в Уставе.

Необходимость создания в различных республиках, краях и областях двух типов научных учреждений — филиалов и баз — обусловлена была неодинаковым уровнем социально-экономического развития тех регионов, где организовывались новые исследовательские центры. В регионах с более развитым экономическим и научным потенциалом создавались филиалы. Там, где уровень социально-экономического развития был ниже и сеть научных учреждений слабее, организовывались базы. Таким образом, филиалы представляли собой более высокую форму организации исследований, нежели базы. Филиалы превосходили базы по масштабам научной работы. По мере роста и укрепления баз они постепенно преобразовывались в филиалы.[207]

Из приведенных выше документов, относящихся к созданию филиалов и баз, можно видеть, что одним из важнейших принципов, лежавших в основе их деятельности, был принцип комплексности. Филиалы и базы должны были развернуть широкие комплексные

исследования в области производительных сил, экономики и культуры республик, краев и областей.

В соответствии с постановлением Президиума АН СССР, принятым 25 июля 1935 г., Комиссия по базам преобразовывалась в Комитет по заведованию филиалами и базами.[208] Его председателем был утвержден В. Л. Комаров. Членами комитета являлись А. Д. Архангельский, А. А. Борисяк, Н. И. Вавилов, Н. С. Курнаков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Л. В. Писаржевский, А. Е. Ферсман и А. Н. Самойлович.[209] Комитет осуществлял повседневное руководство работой филиалов и баз, заслушивал отчеты об их деятельности, готовил и выносил на рассмотрение Президиума АН СССР вопросы, касающиеся перспектив развития местных научных центров. Председатель и члены комитета поддерживали постоянную связь с филиалами и базами.

Одновременно с сообщением о постановлении Президиума АН СССР относительно создания Комитета по заведованию филиалами и базами в «Вестнике АН СССР» было опубликовано новое Положение о филиалах и базах. В нем указывалось, что филиалы и базы являлись представителями АН СССР в республиках, краях и областях. Они были призваны вести исследования в целях содействия местным организациям в разрешении основных вопросов научного характера и в организации научно-исследовательской работы в соответствии с потребностями социалистического строительства. Говорилось о необходимости развития контактов филиалов и баз с научными учреждениями и обществами. Им предоставлялось право издания научных и научно-популярных трудов.[210]

Большое внимание уделялось вопросам управления филиалами и базами. В Уставе 1935 г. указывалось, что работу филиалов должны возглавлять президиумы, избираемые Общим собранием сроком на три года. При президиумах филиалов образовывались советы, состоявшие из действительных членов АН СССР, старших научных сотрудников, представителей местных государственных учреждений, общественных организаций и отдельных крупных местных специалистов. Состав совета подлежал утверждению Президиума АН СССР. Что касается баз, то руководство ими возлагалось на директоров, назначаемых Президиумом АН СССР.[211]

О том, какое большое значение руководство Академии наук придавало развитию филиалов и баз, свидетельствовала статья А. П. Карпинского «Мои новогодние пожелания», опубликованная в печати 31 декабря 1935 г. Это была последняя статья президента АН СССР. В ней А. П. Карпинский писал: «Из научно-организационной деятельности Академии наук меня всегда особенно привлекала ее работа по созданию филиалов и баз».[212] Среди новогодних пожеланий он высказал следующее: «. . . я особенно желаю в 1936 г. укрепления филиалов и баз академии».[213]

Вопросам деятельности филиалов и баз была посвящена речь В. Л. Комарова на мартовской сессии АН СССР 1936 г. Ученый сообщил, что в Академии наук работали пять филиалов (Дальневосточный, Уральский, Грузинский, Азербайджанский и Армянский) и четыре базы (Кольская, Северная, Казахстанская и Таджикская).

К марту 1936 г. в филиалах и базах имелось 50 научных учреждений, в которых трудились около 500 ученых.[214] «Наши филиалы и базы являются теми ячейками, которые в национальных республиках имеют все данные для того, чтобы стать крупнейшими научными центрами со своими институтами, лабораториями и музеями»,[215] — указывал В. Л. Комаров.

В марте 1936 г. было созвано первое совещание руководителей филиалов и баз, которое подвело итоги деятельности местных научных центров и наметило перспективы их развития.[216] В соответствии с решениями совещания Президиум АН СССР принял меры, направленные на улучшение руководства филиалами и базами, расширение масштабов подготовки национальных научных кадров. Увеличивались средства, отпускаемые на нужды филиалов и баз.

О достижениях и задачах филиалов и баз говорилось в докладах их руководителей, с которыми они выступили на сессии Общего собрания, состоявшейся 28—29 ноября 1938 г. «Необходимо тщательно обсудить ту работу, которая ведется силами академии в союзных республиках и на далеких окраинах нашей Родины»,[217] — говорил во вступительном слове на сессии Общего собрания В. Л. Комаров. Общее собрание отметило возрастание роли филиалов и баз как центров науки на местах, их большой вклад в исследование экономики и культуры республик, краев и областей. Оно рекомендовало филиалам и базам усилить разработку научно-технических проблем, связанных с развитием энергетики. Отделениям и центральным институтам Академии наук предлагалось проводить на местах выездные сессии, обсуждая на них вопросы, касающиеся роста экономики и культуры союзных и автономных республик. Было признано необходимым направлять выпускников академической аспирантуры в первую очередь в филиалы и базы. Всем директорам центральных институтов АН СССР вменялось в обязанность постоянно укреплять связи с соответствующими институтами и секторами филиалов и баз. Общее собрание высказалось за дальнейшее расширение сети филиалов и баз.[218]

Реализация постановления Общего собрания обусловила дальнейшее повышение уровня всей деятельности филиалов и баз.

Возрастали ассигнования на нужды филиалов и баз. В период с 1936 по 1940 г. их бюджет увеличился с 18 до 31 млн. рублей. Только в 1940 г. из республиканских и местных бюджетов в распоряжение филиалов и баз было ассигновано 31 336 000 рублей.[219]

О росте сети филиалов и баз можно судить на основании следующих данных. В 1939 г. в Академии наук имелось шесть филиалов и три базы. Среди новых филиалов должен быть упомянут Казахский, образованный в 1938 г. на основе Казахстанской базы. В составе филиалов и баз работали 22 научно-исследовательских института, 139 лабораторий и секторов, девять ботанических садов, семь обсерваторий и сейсмических станций, пять заповедников, ряд музеев и библиотек. В 1939 г. в филиалах и базах трудилось свыше 2000 научных работников, в том числе 13 академиков, пять членов-корреспондентов АН СССР, 82 доктора и 251 кандидат наук.[220]

Нельзя не отметить, что в 1940 г. из 76 институтов Академии наук 29 входили в систему ее филиалов и баз. Тогда же количество сотрудников академических учреждений на местах достигало 2698, что составляло 20 % от общего числа сотрудников АН СССР.[221]

«За последние годы филиалы и базы превратились в очень крупные научные образования, объединяющие до этого разобщенные местные научные кадры»,[222] — отмечалось в докладе вице-президента АН СССР О. Ю. Шмидта о работе Академии наук в 1939 г.

Высокую оценку деятельности филиалов и баз дал А. Е. Ферсман в статье «О научной работе на местах», опубликованной в 1940 г. «Вестником Академии наук СССР». Ученый писал, что филиалы и базы «выросли сейчас в серьезные рассадники научной работы».[223]

Повышению уровня всей деятельности научных учреждений на местах способствовало новое Положение о филиалах АН СССР, утвержденное в январе 1941 г. В соответствии с этим документом филиал АН СССР рассматривался как объединение научно-исследовательских учреждений. В обязанность филиалов вменялось изучение и всемерное содействие освоению природных богатств, развитию экономики и культуры, внедрение в практику социалистического строительства республик, краев и областей новейших научно-технических достижений.[224]

Большое внимание развитию филиалов и баз уделялось в постановлении Общего собрания от 28 марта 1941 г., в котором подводились итоги работы Академии наук в 1940 г. «Общее собрание Академии наук СССР с большим удовлетворением отмечает успешное развертывание научно-исследовательских работ в филиалах и базах Академии наук СССР и, в частности, по оказанию ими реальной помощи местным организациям в изучении и освоении естественных производительных сил братских союзных республик».[225]— говорилось в постановлении. В целях повышения эффективности работы филиалов и баз Общее собрание признало необходимым укреплять связи их с головными институтами Академии наук. Центральные учреждения АН СССР должны были оказывать научно-методическую помощь местным научным центрам. Общее собрание рекомендовало президиумам филиалов, директорам баз и институтов АН СССР практиковать командировки ученых филиалов и баз в головные институты для проведения исследований. Предусматривались также командировки ученых головных институтов в филиалы и базы.[226]

О том, насколько плодотворно работали филиалы и базы, какую большую помощь они оказывали промышленности, сельскому хозяйству и культурным учреждениям национальных республик, свидетельствовал «Отчет о научной деятельности Академии наук СССР за 1940 г.». Вместе с тем в отчете отмечалось, что «достигнутые филиалами и базами за последние годы, в частности за 1940 г., успехи не одинаковы по всем филиалам и направлениям проводимых ими работ».[227] Это объяснялось тем, что в филиалах и базах не хватало кадров соответствующих специальностей.

К июню 1941 г. в Академии наук функционировали семь филиалов (Уральский, Узбекский, Казахский, Азербайджанский, Таджикский,

Армянский и Туркменский), две базы (Кольская им. С. М. Кирова и Северная), а также Дальневосточная горно-таежная станция им. В. Л. Комарова.[228]

Организация в короткий исторический срок филиалов и баз стала возможной благодаря огромной работе Академии наук по формированию очагов науки в регионах, проводимой совместно с руководящими органами союзных и автономных республик. Выдающаяся роль в становлении и развитии исследовательских учреждений в национальных республиках принадлежала ученым крупнейших научных центров СССР — Москвы и Ленинграда.

Создавая филиалы и базы, ученые ясно видели перспективы их дальнейшего развития. Там, где для этого имелись необходимые условия, намечалось преобразование филиалов АН СССР в академии наук союзных республик. Об этом, в частности, говорил О. Ю. Шмидт в феврале 1940 г. на сессии Общего собрания. «Мы сознательно вели дело таким образом, чтобы, не стремясь увеличивать число баз и не создавая их там, где недостаточно научных сил и местные кадры еще не выросли, укреплять уже существующие филиалы с тем, чтобы со временем они могли стать академиями союзных республик, такими же, как Украинская и Белорусская академии наук».[229] Эту же точку зрения высказал А. Е. Ферсман в упоминавшейся выше статье. Характеризуя достижения филиалов, ученый писал, что «многие из них скоро вырастут в самостоятельные академии».[230]

ФИЛИАЛЫ И БАЗЫ АН СССР В РСФСР

Дальневосточный филиал. На территории РСФСР одним из первых стал функционировать Дальневосточный филиал.

Равный по площади территории Западной Европы, Дальний Восток обладает огромными природными ресурсами. Естественно, что развитию этого региона большое внимание уделялось в пятилетних планах. В период первой пятилетки на Дальнем Востоке было положено начало созданию машиностроительной промышленности, велась работа по реконструкции и расширению судостроительных и судоремонтных заводов. В течение первой пятилетки основные фонды всей тяжелой промышленности Дальневосточного края увеличились в пять раз.[231] Ускоренное развитие промышленности Дальнего Востока продолжалось в годы второй и третьей пятилеток.

Формировалась сеть вузов и научных учреждений Дальнего Востока. Интенсивно развивались исследования в Дальневосточном университете; при нем в 1928 г. был организован Дальневосточный научно-исследовательский институт.[232] В 1930 г. на базе технического факультета университета сформировался Дальневосточный политехнический институт. В 1940 г. был открыт Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Изучением природных ресурсов края занимались геологические организации Дальнего Востока, Дальневосточный и Камчатский отделы Географического общества. С 1930 г. во Владивостоке работал Тихоокеанский научно-

исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии.[233] На территории края функционировал ряд научных станций, заповедников, исследовательских ячеек, разрабатывавших проблемы развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Возрастала роль ученых Академии наук в исследовании и освоении производительных сил Дальнего Востока. При участии академических учреждений изучались недра, флора и фауна края. Мировую известность приобрели труды В. Л. Комарова, посвященные флоре Дальнего Востока и Восточной Азии.

В мае 1927 г. Общее собрание приняло постановление о вступлении Академии наук в Международную Тихоокеанскую ассоциацию. В составе Академии наук был образован Тихоокеанский комитет с океанографической секцией. Во главе Тихоокеанского комитета стоял В. Л. Комаров, он же представлял Академию наук в Международной Тихоокеанской ассоциации.[234] В качестве первоочередных задач Тихоокеанский комитет признал необходимым развернуть работы по океанографическому и гидробиологическому изучению Тихого океана, а также всестороннему исследованию Камчатки. Летом 1928 г. была организована первая гидрологическая экспедиция.[235]

В 1931 г. Академия наук направила на Дальний Восток четыре экспедиции, которые приступили к исследованию центрального горного района Приамурья. В 1932 г. она включилась в работу, связанную с изучением условий строительства Байкало-Амурской магистрали. Количество экспедиционных отрядов, направленных Академией наук на Дальний Восток в 1933 г., достигало 22. Они вели изыскания по геологии, гидрогеологии, мерзлотоведению, геоморфологии, почвоведению, фауне и флоре. Были собраны материалы, необходимые для освоения района среднего Приамурья.[236] В 1930—1933 гг., в летние месяцы, на Дальний Восток выезжал В. Л. Комаров, который вместе с другими учеными занимался исследованием флоры края.[237]

Выдвинутые в первых пятилетних планах задачи ускоренного развития экономики и культуры Дальнего Востока могли быть успешно решены при условии дальнейшего расширения масштабов научной работы в крае, укрепления сети местных исследовательских центров. В такой обстановке возник вопрос о создании филиала Академии наук на Дальнем Востоке.

В январе 1931 г. на одном из заседаний ученого совета Дальневосточного научно-исследовательского института было высказано пожелание о более широком привлечении ученых Академии наук к организации научной деятельности в крае.[238]

13 мая 1931 г. Президиум АН СССР обсуждал обращение Дальневосточного крайисполкома «по вопросу об организации на Д. Востоке филиала АН СССР». Было решено сообщить Дальневосточному крайисполкому «о принципиальном согласии Президиума АН принять к обсуждению его пожелания при условии представления конкретных материалов, характеризующих эти пожелания».[239] Комиссии в составе А. А. Борисяка, В. Л. Комарова, П. М. Никифо-

рова, В. А. Обручева и А. Е. Ферсмана поручалось «проработать вопрос к следующему заседанию Президиума»,[240] которое состоялось 23 мая 1931 г. На нем было принято упоминавшееся выше постановление о создании сети академических учреждений на местах.

В 1931 г. по приглашению Дальневосточного крайисполкома В. Л. Комаров выезжал в длительную командировку на Дальний Восток. При его участии плановый отдел Дальневосточного крайисполкома разработал проект организации академической базы на Дальнем Востоке. Идею объединения научных сил края вокруг будущего академического центра В. Л. Комаров развивал в своих докладах о работе Академии наук, с которыми он выступал во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском (ныне Уссурийск) и других городах.[241] Заслушав доклад В. Л. Комарова «Планирование науки и организация филиала Академии наук СССР на Дальнем Востоке», 6 сентября 1931 г. собрание Владивостокского отделения Секции научных работников и Владивостокского отделения ВАРНИТСО высказало пожелание, чтобы «филиал фактически открыт был бы... в ближайшее время».[242] Состоявшееся 8 сентября 1931 г. собрание партийного и советского актива, научных и инженерно-технических работников Никольска-Уссурийского приветствовало намечаемое открытие филиала и оценивало его как мероприятие, имевшее важнейшее политическое и хозяйственное значение.[243]

Научно-организационные вопросы, связанные с формированием филиала, рассматривались на заседаниях Президиума АН СССР, состоявшихся 11 июля, 2 октября и 20 ноября 1931 г. 1 декабря 1931 г. Президиум АН СССР утвердил оргкомитет филиала; в его состав вошли В. Л. Комаров, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, С. Г. Струмилин, В. Г. Глушков, В. И. Николаев, Д. И. Щербаков и др.[244]

31 декабря 1931 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, обсудив доклад Дальневосточного крайисполкома о хозяйственном и культурном строительстве в крае, признал необходимым организовать филиал АН СССР на Дальнем Востоке.[245]

Дальневосточный филиал был создан в январе 1932 г.[246]

Формировались руководящие органы филиала. 28 февраля 1932 г. Общее собрание утвердило председателем Президиума филиала В. Л. Комарова, членами Президиума стали Б. П. Пентегов, В. М. Савич и др. С августа 1932 г. ученым секретарем Президиума был утвержден выпускник академической аспирантуры М. П. Мейсель (ныне член-корреспондент АН СССР).[247] В состав совета филиала, утвержденного Президиумом АН СССР 19 декабря 1932 г., входили академики В. М. Алексеев, А. А. Байков, В. Л. Комаров, В. Ф. Миткевич, Г. А. Надсон, В. А. Обручев, Н. Н. Павловский, А. Е. Фаворский, члены-корреспонденты АН СССР Л. С. Берг, В. Г. Богораз-Тан, Н. М. Книпович, Н. А. Максимов, В. Е. Тищенко, М. А. Шателен, а также В. П. Вологдин, П. И. Лебедев, М. Н. Мейсель, В. И. Николаев, В. М. Савич и др. Членами Президиума и Совета филиала являлись также руководящие работники края, ученые местных вузов и научных учреждений.[248]

Президиум АН СССР, Комиссия по базам, Президиум Дальневосточного филиала много внимания уделяли формированию наиболее рациональной структуры филиала, созданию в его составе таких научных подразделений, которые смогли бы эффективно содействовать решению задач экономического и социального развития Дальнего Востока.[249]

В августе 1932 г. состоялась сессия совета филиала. Выступая на ней с речью, В. Л. Комаров говорил: «Я твердо убежден, что как ни тяжелы, как ни трудны первые шаги нового учреждения и с материальной стороны, и со стороны кадров, и со стороны оборудования, но в ближайшие годы мы все это изживем».[250]

Итоги работы по созданию филиала были подведены на заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 16 декабря 1932 г. С сообщением о деятельности филиала выступил М. Н. Мейсель. В постановлении Президиума АН СССР отмечалось, что «Президиумом Дальневосточного филиала проведена большая работа по организации филиала и объединению вокруг него местных научных сил, уже приведшая к положительным результатам».[251] В составе филиала утверждались 11 научных и научно-вспомогательных учреждений, в том числе два института (Биологический и Химический), ряд лабораторий по техническим наукам, впоследствии вошедших в Институт техники, Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран, Библиотека, Комитет научной консультации и пропаганды, Комиссия экспедиционных исследований, Сейсмологическая станция во Владивостоке, Биробиджанская горная станция на Хингане, Южноуссурийская горно-таежная станция, Фотолаборатория. В постановлении говорилось о необходимости пополнения кадров филиала, укрепления его материальной базы. Предусматривалось издание «Вестника Дальневосточного филиала АН СССР».[252]

Утвержденная Президиумом АН СССР структура филиала не оставалась неизменной. В последующие годы в нее вносились коррективы: создавались новые учреждения и, наоборот, другие подразделения, по разным причинам, упразднялись. Президиум филиала, большинство его учреждений работали во Владивостоке.

При помощи местных партийных и советских органов постепенно преодолевались трудности, связанные с подбором научных кадров, развитием материально-технической базы филиала. «Филиал крепнет»,[253] — так М. Н. Мейсель характеризовал его положение в письме, направленном В. Л. Комарову 14 октября 1933 г.

К концу 1934 г. филиал объединял в своем составе Химический институт с двумя лабораториями, Сектор геоботаники, почвоведения и флоры, секторы Зоологии и Гидробиологический, Микробиологическую лабораторию, Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран, Комиссию экспедиционных исследований, Сейсмическую и Горно-таежную станции, Библиотеку и Редакционно-издательский отдел.[254] В 1935 г. был создан Сектор геологии филиала; кроме того, в его ведение перешли Хабаровский краевой музей (стал именоваться Музеем краеведения), заповедник флоры и фауны «Кедровая падь». В последующие годы стали функциониро-

вать две гидробиологические лаборатории — Морская и Пресноводная.[255]

Пополнялись кадры филиала. К началу 1935 г. здесь трудились 69 научных работников.[256] Среди руководителей учреждений филиала находились академик С. А. Зернов, Ю. В. Бранке, Д. П. Воробьев, П. И. Лебедев, В. И. Кудрявцев и другие ученые.[257] В сентябре 1935 г. В. Л. Комаров оценивал коллектив сотрудников филиала как «коллектив сплоченный, упорно работающий над изучением края».[258]

Главное место в деятельности филиала занимали проблемы изучения и освоения природных богатств, развития производительных сил края. Развернулись работы по исследованию его фауны и флоры.

Только в 1932—1934 гг. ученые филиала выполнили свыше 60 исследований, имевших народнохозяйственное значение. В январе 1933 г. Президиум АН СССР высоко оценил результаты проведенных филиалом совещаний по Хингано-Буреинскому угольно-металлургическому району и проблемам развития лесохимии в крае.[259]

В 1934 г. сотрудниками Химического института велись работы, связанные с изучением железных руд, угля, солей, растительных ресурсов края. Сектор геоботаники, почвоведения и флоры занимался исследованием почвенного и растительного покровов. Сектор зоологии сосредоточил свои усилия на изучении животного мира, проблем географического распространения животных, их экологии и биологии. Вопросы, касающиеся морской и пресноводной гидробиологии, разрабатывались Гидробиологическим сектором. Исследование микроорганизмов, живущих на морских водорослях, составляло основное содержание деятельности Микробиологической лаборатории.[260]

Язык и культура народов Дальнего Востока исследовались сотрудниками Кабинета по изучению народов Дальневосточного края.

Филиал проводил экспедиционные работы в различных районах Дальнего Востока. Благодаря созданию Сектора геологии стало возможным развернуть планомерное изучение геологии края.[261]

Среди успешно развивавшихся учреждений филиала должна быть упомянута Горно-таежная станция. В 1940—1941 гг. она занимала площадь около 1200 гектаров. В состав станции входили ботанический кабинет, зоологический (энтомологический) кабинет, биохимическая лаборатория, опытно-исследовательский участок, метеорологическая станция, библиотека, подсобное хозяйство. При ней находились Супутинский заповедник и заповедник «Кедровая падь».[262]

На Горно-таежной станции, которой руководил Н. И. Жиляков, с энтузиазмом трудились молодые исследователи Е. Н. Клобукова-Алисова, Г. Э. Куренцова, Т. П. и Т. В. Самойловы, И. К. Шишкин и др. Работать им приходилось в нелегких бытовых условиях. Воссоздавая творческую атмосферу, в которой протекала деятельность станции, Г. Э. Куренцова впоследствии вспоминала: «Несмотря на то что каждый из нас имел свое направление, тему, районы исследований, всех сплачивала любовь к науке, желание как можно больше

узнать нового, опубликовать результаты, чтобы можно было их использовать в дальнейшей работе. И каждый чувствовал плечо товарища».[263]

Сотрудники станции разрабатывали методы сельскохозяйственного освоения горно-таежных склонов Дальнего Востока. Полезными были их исследования по плодоводству. Ученые сумели дать ответ на вопрос: какие сорта плодово-ягодных и овоще-бахчевых культур можно выращивать в различных районах Дальнего Востока. В 1938 г. Президиум АН СССР отметил значительные достижения станции в изучении фауны и флоры края.[264]

На станции работали не только ее сотрудники, но и ученые, приезжавшие из других научных центров. Среди них — Е. Н. Павловский и его ученики, которые в 1935—1939 гг. проводили на Дальнем Востоке экспедиционные исследования по паразитологии.[265] Свои впечатления о деятельности станции Е. Н. Павловский изложил в статье, опубликованной в «Вестнике АН СССР». «Горно-таежная станция имени В. Л. Комарова как научно-исследовательское учреждение имеет важное и разностороннее значение для всего Уссурийского края»,[266] — писал он.

Сотрудники филиала много внимания уделяли пропаганде достижений науки и техники. Издавались труды филиала. Выходил «Вестник Дальневосточного филиала АН СССР».

Тесно связанный с научными учреждениями и вузами Дальнего Востока, филиал сумел добиться существенных результатов в исследовании природных ресурсов края. Однако в условиях обострившейся международной обстановки на Дальнем Востоке было признано целесообразным резко свернуть деятельность филиала; начиная с 1939 г. работали только Горно-таежная станция им. В. Л. Комарова и заповедники. Значительная часть сотрудников филиала была переведена в другие академические учреждения, научные коллекции и оборудование вывезены в центр страны.[267]

Уральский филиал. В числе первых академических филиалов должен быть назван Уральский; его деятельность началась весной 1932 г.[268] Необходимость создания филиала на Урале была обусловлена все более возраставшей ролью этого региона в осуществлении задач индустриализации страны.

В постановлении Центрального Комитета ВКП(б) «О работе Уралмета», принятом в мае 1930 г., указывалось: «Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири».[269]

XVI съезд партии в резолюции «О выполнении пятилетнего плана промышленности» отметил огромное значение проблемы Урало-Кузбасса.[270] Решению этой проблемы большое внимание уделялось в первых пятилетних планах. Предусматривалось создание таких гигантов индустрии, как Магнитогорский и Кузнецкий металлурги-

ческие комбинаты, намечалось ускоренное развитие угольной промышленности и черной металлургии на Востоке.

В январе 1931 г. при Госплане СССР была образована Комиссия для руководства работами по созданию Урало-Кузбасского комбината. Комиссию возглавлял В. В. Куйбышев, в ее состав входили И. Г. Александров, А. Н. Бах, Г. М. Кржижановский, А. Е. Ферсман и другие ученые.[271]

Исследование природных богатств Урала являлось одним из главных направлений научной деятельности Академии наук. По данным А. Е. Ферсмана, только в 1919—1928 гг. она направила 19 экспедиций на Урал.[272] В 1925—1928 гг. работала Северо-Уральская экспедиция, организованная Академией наук совместно с Уралпланом. Экспедиция составила геологическую карту в масштабе 1:500 000 от района Надеждинского завода до г. Березова, вела поиски минеральных ресурсов на территории Северного Урала.[273]

В марте 1931 г. в Академии наук начала работать Комиссия по Урало-Кузбассу, которой руководил Г. М. Кржижановский. На первом заседании комиссии, состоявшемся 2 марта 1931 г., присутствовали И. М. Губкин, А. Ф. Иоффе, Н. С. Курнаков, А. Е. Ферсман и другие ученые. Обсуждались вопросы, связанные с участием Академии наук в создании Урало-Кузбасского комбината.[274] В июне 1933 г. комиссия была преобразована в Урало-Кузбасскую секцию СОПС, позднее получившую наименование: Секция Уральская и Западносибирская.[275]

Начиная с 1932 г. усилились геолого-геохимические исследования Академии наук на Урале. Здесь работали многие геологи и геохимики. В 1935 г. была организована Южноуральская комплексная экспедиция, которой руководил А. Е. Ферсман. Экспедиционные работы способствовали скорейшему решению задач, связанных с созданием второй угольно-металлургической базы на Востоке страны.

Укреплялась сеть научных учреждений Урала. В начале 1932 г. здесь функционировали 20 научных организаций промышленности. Среди них — институты: Физико-химический, По механическому обогащению руд (Уралмеханобр) и Прикладной минералогии, Уральский научно-исследовательский химический институт.[276] В 1932 г. по инициативе А. Ф. Иоффе в Свердловске был создан Уральский физико-технический институт Наркомтяжпрома.

В развитии научной работы и подготовке кадров специалистов большая роль принадлежала Уральскому и Пермскому университетам, Уральскому политехническому, Уральскому лесотехническому, Свердловскому горному, Пермскому сельскохозяйственному и другим вузам. При университете работал Уральский научно-исследовательский институт, состоявший из химико-металлургического, горного и лесного отделов.[277]

По мере расширения и укрепления сети научных учреждений и вузов Урала все более настоятельной становилась потребность в создании здесь филиала Академии наук, который смог бы возглавить проводимые в этом регионе исследования. Необходимость организации филиала осознавалась как учеными Академии наук, так

и научными работниками местных исследовательских учреждений и вузов.

Приветствуя работавшую в Москве чрезвычайную сессию Академии наук, в июне 1931 г. президиум Уральского облисполкома просил ее об организации филиала на Урале.[278] «На Урале должно быть создано отделение Академии наук» — под таким заголовком 26 июня 1931 г. была опубликована редакционная статья в газете «Известия». Редакция «Известий» поддержала предложение общественности Урала, в частности газеты «Уральский рабочий», об организации академического филиала на Урале.[279]

Вопросы, касающиеся создания филиала, обсуждались В. П. Волгиным и представителем Уральского облплана в июле 1931 г.[280]

Основные направления работы, связанной с организацией филиала, рассматривались на заседаниях Президиума АН СССР, состоявшихся 12 и 22 сентября, 22 и 30 октября, 20 ноября 1931 г. Определялись задачи филиала, его структура, обсуждались вопросы финансирования исследований, формирования штатов нового научного центра. В состав оргкомитета филиала, утвержденного Президиумом АН СССР 22 и 30 октября 1931 г., входили Н. С. Курнаков, П. М. Никифоров, А. Е. Ферсман и другие ученые, а также представители советских и хозяйственных органов Уральской области. В декабре 1931 г. в оргкомитет дополнительно был введен В. Г. Глушков.[281]

20 ноября 1931 г. Президиум АН СССР заслушал сообщение о работе оргкомитета по созданию Уральского филиала. Было признано необходимым подготовить проект Положения о филиале, проекты штатов и сметы, определить сроки строительства здания филиала. Комитету по подготовке кадров предлагалось разработать мероприятия по обеспечению филиала кадрами.[282]

Среди делегаций, принимавших участие в работе ноябрьской сессии Академии наук (1931 г.), находилась и делегация Уральской области. Делегация прибыла в Ленинград для переговоров с руководством Академии наук о создании ее филиала на Урале. В приветствии делегации говорилось о задачах ученых, связанных с развитием производительных сил Урала. Отвечая на приветствие, В. П. Волгин указывал: «Я думаю, что задачи действительно будут разрешены тогда, когда отделения академии будут в такой же мере отделениями Всесоюзной Академии наук, в какой они будут местными мощными органами научно-исследовательской мысли».[283]

29 ноября 1931 г. сессия утвердила список учреждений Уральского отделения, в соответствии с которым в его составе предусматривалось создание Геофизического, Химического и Геохимического институтов, а также станций в Магнитогорске и Березниках. В каждом институте намечалась организация ряда лабораторий и секторов.[284]

Предложение об организации филиала АН СССР поддержал народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе.[285] 13 января 1932 г. ЦИК СССР вынес решение о создании академического отделения на Урале.[286]

Создавались руководящие органы филиала. 28 февраля 1932 г.

Общее собрание утвердило председателем Президиума филиала А. Е. Ферсмана, его ученым секретарем — А. Х. Федина. Позднее директорами институтов были утверждены: Химического — О. Е. Звягинцев, Геохимического — А. Е. Ферсман и Геофизического — П. М. Горшков. В состав Президиума филиала вошли также представители местных советских органов.[287]

В октябре 1932 г., по ходатайству Уральского филиала, почетным председателем его совета был утвержден А. П. Карпинский.[288] 11 декабря 1932 г. Президиум АН СССР утвердил членами совета филиала академиков А. Д. Архангельского, А. А. Байкова, С. Н. Бернштейна, И. В. Гребенщикова, А. М. Деборина, Н. Д. Зелинского, А. П. Карпинского, Н. С. Курнакова, П. П. Лазарева, М. А. Павлова, А. А. Рихтера, А. Е. Ферсмана, А. Н. Фрумкина и А. А. Чернышева, членов-корреспондентов АН СССР Б. Л. Исаченко, Н. И. Кузнецова, П. М. Никифорова, Б. В. Нумерова, научных сотрудников Д. С. Белянкина, П. М. Горшкова, О. Е. Звягинцева, М. М. Соловьева и др. В совет были введены представители советских органов Уральской области.[289]

Для формирования и развития Уральского филиала, организации исследований на Урале и в Сибири большое значение имела выездная сессия Академии наук, состоявшаяся в июне 1932 г. в Свердловске и Новосибирске. В Свердловске сессия работала с 4 по 9 июня 1932 г.

Накануне сессии в Академию наук поступило обращение 43 общественных, хозяйственных и научных организаций Уральской области с просьбой включить в план работы академии исследования, связанные с изучением природных ресурсов и энергетики, развитием черной и цветной металлургии, химической промышленности Урала и т. д.[290]

На сессии в Свердловске были прочитаны доклады: И. М. Губкин — «Минерально-сырьевая база Урала в свете новейших исследований и разведок и основные задачи ее дальнейшего изучения», Н. Д. Зелинский — «О химической природе уральской нефти», П. П. Лазарев — «Проблемы экспериментальной геофизики на Урале», М. А. Павлов — «Проблема выплавки чугуна из титаномагнетитов Урала» и др. В ряде докладов анализировались проблемы развития сельского и лесного хозяйства Урала. На исторической секции обсуждались доклады, посвященные его прошлому.[291]

Помимо Свердловска, академики посетили Челябинск, Пермь, Магнитогорск, Березники и Соликамск. Бригаду ученых, выезжавшую в Пермь, Березники и Соликамск, возглавлял Н. С. Курнаков. Докладывая сессии о результатах поездки, он говорил: «Создание филиала академии в Свердловске с его ответвлениями в Березниках и Соликамске является теперь настоятельно необходимым».[292] В состав бригады ученых, посетившей Магнитогорск, входили А. А. Байков, М. А. Павлов, А. Н. Фрумкин и др.

Работа сессии проходила при участии представителей партийных, советских, общественных, хозяйственных и научных организаций Урала. Они выступали с докладами на пленарных и секционных

заседаниях, вносили конкретные предложения, направленные на совершенствование организации исследований, укрепление связи науки с производством.

«Ускорить формирование филиала Академии наук на Урале, в Свердловске, а также приступить в ближайшем будущем к организации филиала академии в Новосибирске».[293] — таков один из пунктов резолюции, принятой сессией.

Подводя итоги сессии, А. П. Карпинский отмечал, что она явилась «первым опытом совместной работы с теми научными и общественными силами, с которыми будет находиться в постоянном контакте только что открытое в Свердловске отделение Академии наук СССР, что также придает данной сессии особое значение».[294]

В докладах и выступлениях ученых на сессии, в принятой ею резолюции намечались главнейшие направления исследований на Урале, что важно было для определения целей и задач нового академического филиала.

3 июня 1932 г. секретариат Уральского обкома партии в постановлении «Об организации филиала Академии наук на Урале» определил структуру и перспективы развития филиала. Перед ним была выдвинута задача — вести научные исследования в тесной связи с потребностями производства. Одновременно секретариат Обкома партии наметил мероприятия по укреплению материальной базы филиала. 27 июня 1932 г. постановление «Об организации Уральского отделения АН СССР» было принято президиумом Уральского облисполкома.[295]

Первое заседание Президиума филиала состоялось в Свердловске 2 августа 1932 г. На этом и последующих заседаниях Президиума, проходивших в августе—октябре 1932 г., обсуждались многие вопросы, касающиеся организации филиала (финансирование и планирование исследований, комплектование штатов учреждений, обеспечение институтов помещениями, издание научных трудов и т. д.).[296]

21 сентября 1932 г. Президиум АН СССР отметил, что «Президиумом Уральского филиала проделана большая работа по организации филиала».[297]

В статьях и выступлениях А. Е. Ферсмана, посвященных деятельности филиала, определялись его задачи, место филиала среди исследовательских учреждений Урала. «Задачей филиала является объединение научно-исследовательских сил Уральской области».[298] — писал А. Е. Ферсман. Он оценивал создание филиала как одно «из важнейших мероприятий Академии наук Союза в децентрализации научной мысли и в укреплении научных основ промышленного строительства страны».[299] По мнению А. Е. Ферсмана, главная задача филиала заключалась в проведении теоретических исследований; он не должен был подменять отраслевые институты и заниматься решением отдельных частных вопросов. «Филиал призван помочь Уралу, его промышленности и его научным учреждениям созданием единого организационного, теоретического центра, который сумел бы идеи подчинить проблемам практики, а практические задачи осве-

тить новыми данными теоретической мысли»,[300] — в этом А. Е. Ферсман видел основной смысл деятельности филиала.

В процессе формирования филиала встретились значительные трудности. «Далеко не удовлетворительно обстоит дело с организацией Уральского филиала»,[301] — говорил в феврале 1934 г. В. П. Волгин. Он указывал, что филиал не имел оборудованного помещения. Не хватало средств. Особенно острой на первых порах была проблема комплектования штатов филиала. Опираясь на помощь Президиума АН СССР, местных партийных, советских и хозяйственных органов, филиал постепенно преодолевал эти трудности.

В январе—июне 1934 г. была проведена реорганизация филиала, в результате которой изменилась его структура. Если раньше филиал состоял из трех институтов, то после реорганизации он подразделялся на три лаборатории. К началу 1935 г. в филиале функционировали лаборатории: Физико-химического анализа, Органической химии и пирогенных процессов, а также группы по геохимии золота. С 1934 г. в состав филиала входил Ильменский заповедник.[302]

Реорганизация оказала благотворное влияние на работу филиала. «Уральский филиал очень резко изменился к лучшему»,[303] — писал А. Е. Ферсман в ноябре 1934 г. В. П. Волгину. В марте 1935 г. в речи на торжественном годовом собрании АН СССР В. П. Волгин отмечал: «Значительно выправился под руководством акад. Ферсмана Уральский филиал после произведенной в нем реорганизации».[304]

Во второй половине 30-х годов сеть научных учреждений филиала все более укреплялась; создавались новые институты и лаборатории. В 1939 г. в составе филиала были организованы Химический и Горно-геологический институты, Институт металловедения, металлургии и металлофизики (первоначально именовался как Институт металлофизики, металловедения и металлургии). Тогда же в ведение филиала перешел Уральский физико-технический институт. В составе институтов работали 12 лабораторий и четыре сектора.[305] К 1941 г. филиал объединял три института: Химический, Горно-геологический, Металловедения, металлургии и металлофизики.[306]

Пополнялись штаты учреждений филиала, повышалась квалификация его сотрудников. К началу 1935 г. штат филиала насчитывал 54 научных и научно-технических сотрудника. В конце 1940 г. в учреждениях филиала трудились один академик, 10 докторов и 26 кандидатов наук, семь старших научных сотрудников без ученой степени, 19 и. о. старших научных сотрудников, 45 младших научных сотрудников и 34 научно-технических сотрудника.[307] В числе сотрудников филиала были акад. Л. Д. Шевяков, чл.-кор. АН СССР С. С. Штейнберг, будущие академики С. В. Вонсовский, И. К. Кикоин и В. Д. Садовский, ставшие впоследствии членами-корреспондентами АН СССР Г. И. Чуфаров, Я. Ш. Шур и другие ученые.

В 1937 г. Президиум АН СССР утвердил председателем Президиума филиала И. П. Бардина, его заместителями являлись Л. Д. Шевяков и Н. В. Деменев. В состав ученого совета филиала, утвержденного Президиумом АН СССР в 1938 г., входили академики И. П. Бардин, Н. Д. Зелинский, А. Е. Ферсман, а также А. Ф. Головин, Н. В. Деме-

нев, О. Е. Звягинцев, И. Я. Постовский, В. И. Смирнов, В. С. Сырокомский и другие ученые.[308]

Работу учреждений филиала возглавляли Л. Д. Шевяков (Горно-геологический институт), Г. И. Чуфаров (Химический институт) и Н. В. Деменев (Институт металловедения, металлургии и металлофизики; первым директором этого института был С. С. Штейнберг).[309]

О стремлении филиала связать теоретические исследования с потребностями практики свидетельствовала первая сессия его ученого совета, состоявшаяся в июле 1933 г. Во время сессии работали четыре секции: сельскохозяйственная, геохимическая, геофизическая и химико-металлургическая. Были организованы бригады ученых, посетившие ряд промышленных и сельскохозяйственных районов Урала. В частности, агротехническая бригада, работавшая под руководством Н. М. Тулайкова, выезжала в Челябинск и Троицк. Возглавляемая Д. Н. Прянишниковым бригада по химизации сельского хозяйства еще до начала сессии посетила Пермь и Березники. В докладах, заслушанных сессией, рассматривались вопросы развития сельскохозяйственного производства на Урале, а также проблемы химии, геохимии и геофизики. Работа сессии получила положительную оценку Президиума АН СССР.[310]

В сентябре 1934 г. филиал организовал сессию, посвященную вопросам развития черной металлургии. Среди участников сессии находились представители научно-исследовательских институтов и заводов Урала, центральных и южных районов страны. В пяти секциях — доменной, рудной, углекоксовой, огнеупорной и секции качественных сталей — было заслушано 65 докладов. Одна из секций — секция качественных сталей — работала на Уральском машиностроительном заводе.[311]

Проблемы изучения нефти служили предметом обсуждения на конференции, созванной филиалом в июне 1936 г. В ней участвовали акад. Н. Д. Зелинский, будущие академики Б. А. Казанский, И. Я. Постовский, В. М. Родионов и другие ученые. На конференции были представлены работники промышленности. В числе докладчиков находился представитель геологов Башкирской АССР будущий академик А. А. Трофимук. Конференция наметила перспективы исследований в области изучения нефти, обратив внимание на необходимость объединения усилий геологов и химиков при разработке этой проблематики.[312]

В апреле 1939 г. Уральская комплексная экспедиция и Уральский филиал организовали в Свердловске межобластную научную конференцию, на которой рассматривались вопросы геологического, экономического, энергетического и географического изучения Урала, развития его сельского хозяйства. В работе конференции участвовали ученые, представители партийных, советских и хозяйственных органов. Был обсужден и одобрен план исследований Уральской комплексной экспедиции.[313]

В мае 1940 г. в Свердловске проходило совещание по комплексному изучению Урала, созванное Отделением геолого-географических наук, СОПС и Уральским филиалом. Количество участников

совещания превышало 500; из них свыше 400 человек являлись представителями внеакадемических учреждений. Были организованы три секции — геологическая, промышленная и сельскохозяйственная. Совещание заслушало около 40 докладов, посвященных вопросам развития производительных сил Урала. Среди докладчиков были П. И. Степанов, Л. Д. Шевяков, И. И. Горский, Л. И. Прасолов, А. Е. Пробст и другие ученые. Работу совещания высоко оценил Президиум АН СССР.[314]

Конференции и совещания способствовали организационному укреплению филиала, усилению его контактов с другими научными учреждениями и вузами, а также промышленными предприятиями региона.

Уже в первые годы работы филиала здесь были начаты исследования, связанные с развитием металлургической и горной промышленности Урала. Одно из главных мест в деятельности филиала занимали проблемы изучения высококачественных сталей и уральской нефти. В ноябре 1938 г. И. П. Бардин говорил на сессии Общего собрания о достижениях филиала в создании научных основ термической обработки сталей, улучшении марок специальных сталей.[315]

В результате длительных исследований ученые Химического института в 1940 г. завершили разработку способа извлечения редких металлов из отходов медеплавильных заводов. В специальном постановлении Президиум АН СССР отметил большое научное и народнохозяйственное значение этого способа.[316]

В 1940 г. ученые филиала создали новый технологический метод извлечения кобальта из отходов никелевой промышленности. Совместно с Нижне-Салдинским заводом и бюро «Чугунлегир» они разработали метод получения легированного металла без добавки в него металлического никеля — путем обычной доменной плавки железной руды, содержащей никель. В Институте металлофизики, металловедения и металлургии создавалась электроизмерительная аппаратура больших постоянных токов и аппаратура для контроля качества термической обработки стальных изделий.[317]

В отчете о работе АН СССР в 1939 г. отмечалось, что в результате исследований ученых Горно-геологического института был «сделан существенный вклад в геологическую науку и оказана большая помощь планирующим и производственным организациям по проектированию и размещению ряда предприятий».[318]

Учреждения филиала поддерживали контакты со многими промышленными предприятиями Урала, что способствовало быстрому внедрению результатов исследований в производство. Начиная с 1933 г. филиал оказывал помощь Челябинскому тракторному заводу.[319] В ноябре 1939 г. на заводе состоялась сессия филиала, в работе которой участвовали ученые и представители ряда промышленных предприятий Урала. В повестке дня сессии стояли доклады по вопросам термической обработки стали, стальному и чугунному литью, дефектоскопии и теории машин. Работники промышленности поставили перед учеными практические задачи, для решения которых необходимо было провести научные исследования.[320]

В филиале развивались фундаментальные исследования в области наук о Земле, химии, физики твердого тела, технических наук.

В 1940 г. в журнале «Вестник Академии наук СССР» было опубликовано сообщение о том, что старший научный сотрудник филиала С. В. Вонсовский (ныне академик) разработал ряд вопросов теории технической кривой намагничивания, являющейся фундаментом для проведения экспериментов по улучшению свойств технических ферромагнитных материалов.[321]

Заслушав в 1940 г. доклад И. П. Бардина о важнейших результатах законченных филиалом исследований, Президиум АН СССР отметил, что в 1939 и первой половине 1940 г. филиалом выполнен «ряд работ большого научного и народнохозяйственного значения».[322]

Итоги деятельности филиала обсуждались на заседании Отделения технических наук АН СССР, состоявшемся в марте 1941 г. Были заслушаны доклады И. К. Кикоина («Новая система электроизмерительной аппаратуры для измерения постоянных токов большой силы»), Л. Д. Шевякова («О расчете прочных размеров и деформаций опорных целиков») и др. Одобрив работу филиала, Отделение технических наук указало на необходимость дальнейшего развития его исследований и внедрения их результатов в производство.[323]

«Ближайшая задача Уральского филиала Академии наук и Комплексной уральской экспедиции заключается в том, чтобы широким фронтом продолжать геологические поисковые и разведочные работы, выявить все богатства Урала и поставить их на службу советской промышленности»,[324] — писал И. П. Бардин в 1939 г. Над решением этой задачи и работали сотрудники филиала накануне Великой Отечественной войны.

В том, что в период социалистического строительства Урал превратился в крупнейший индустриальный центр, стал одним из видных центров науки и высшего образования Советского Союза, большие заслуги принадлежали ученым Академии наук, ее Уральского филиала.

Кольская база им. С. М. Кирова. Создание Кольской базы Академии наук было связано с многолетними исследованиями ученых на территории Кольского полуострова. Возглавляемые А. Е. Ферсманом научные коллективы вели комплексное изучение природных ресурсов этого региона. Работать приходилось в тяжелейших климатических условиях, в труднодоступной тайге и тундре. Ученые стойко и мужественно преодолевали все трудности. Работы велись в сотрудничестве с Научно-исследовательским институтом по изучению Севера, Научным институтом по удобрениям им. Я. В. Самойлова и другими институтами.

Благодаря изысканиям ученых были «открыты богатейшие месторождения фосфорнокислых соединений — апатита и соединения редких элементов — циркония, редких земель и титана»,[325]

Проблемы исследования природных ресурсов Кольского полуострова систематически обсуждались Общим собранием, отделениями и Президиумом АН СССР. Большое внимание им уделил А. Е. Ферсман в докладе «Ископаемое сырье Ленинградской области

и его перспективы», с которым он выступил в 1931 г. на ноябрьской сессии АН СССР.[326]

Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали всестороннюю помощь исследователям Хибин. Руководитель Ленинградской партийной организации С. М. Киров неоднократно беседовал с А. Е. Ферсманом по вопросам освоения Хибин, помогал преодолевать вставшие на этом пути трудности. Он не раз посещал Хибины и на месте знакомился с ходом работ по исследованию и освоению природных богатств края. С именем С. М. Кирова связано начало промышленного освоения апатито-нефелиновых месторождений Хибин. При поддержке С. М. Кирова был создан первый горнопромышленный трест на Кольском полуострове, получивший название «Апатит». В годы первой пятилетки за Полярным кругом вырос новый город — Хибиногорск (с 1934 г. г. Кировск).

Начавшееся в Хибинах промышленное строительство предъявляло все более высокие требования к ученым, работавшим на Кольском полуострове. В этих условиях возникла необходимость в организации здесь стационарного научного учреждения. 10 марта 1929 г. А. Е. Ферсман направил заместителю академика-секретаря Отделения физико-математических наук А. А. Борисяку «Записку по вопросу об организации Хибинской исследовательской станции» — документ, в котором обосновывалась необходимость создания станции, определялись ее задачи. «В целях всестороннего стационарного изучения района Хибинских тундр необходима постройка в одном из центральных районов массива исследовательской станции, которая должна облегчить систематическое изучение обоих щелочных массивов в отношении геологии, минералогии, геохимии, географии, гидрологии, зоологии, почвенных и растительных процессов, гидробиологических исследований и т. д.»,[327] — отмечалось в «Записке». В ней подчеркивалось значение станции в связи с задачами промышленного использования соединений фосфора, циркония, титана, нефелина, апатитовых пород и т. д. По мысли автора «Записки», станция должна была находиться в ведении Академии наук. В то же время ее обязанностью являлось «оказывать поддержку и помощь для всех исследователей Хибинских тундр».[328]

К «Записке» была приложена рукопись статьи А. Е. Ферсмана «Проблемы Хибинских и Ловозерских тундр», позднее опубликованная в журнале «Природа».[329]

О необходимости создания станции говорилось и в записке «Задачи Академии наук СССР в области геологических дисциплин», подготовленной в мае 1929 г. А. Д. Архангельским, А. А. Борисяком, В. И. Вернадским, К. К. Гедройцем, И. М. Губкиным, А. П. Карпинским, Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом, В. А. Обручевым и А. Е. Ферсманом. Ученые усматривали задачи будущей станции в проведении геохимических, петрографических и геофизических работ. «Эта станция, помимо ее непосредственного значения как научного опорного пункта для того большого практического предприятия, которое намечается в южных Хибинах, должна взять на себя систематическое изучение всех геохимических процессов этих, единственных в мире

щелочных лакколитов, выявляя на конкретном примере методы геохимических исследований как важнейшего комплексного подхода к изучению сложных природных процессов»,[330] — писали ученые.

Не может не обратить на себя внимания то обстоятельство, что предложение о создании станции ученые сочли необходимым включить в очень важный документ, который фактически определял перспективы главнейших исследований Академии наук в области геологии.

В сентябре 1929 г. Президиум АН СССР заслушал сообщение А. Е. Ферсмана о ходе работы по организации станции.[331] 16 октября 1929 г. Президиум АН СССР по просьбе Комиссии экспедиционных исследований образовал комитет станции, председателем которого стал А. Е. Ферсман, а ученым секретарем А. Н. Лабунцов. Комитет возглавил работу по организации станции.[332]

На заседаниях комитета станции, состоявшихся 9 октября, 13 декабря 1929 г. и 1 марта 1930 г., рассматривались вопросы, связанные со строительством ее здания и организацией экспедиционной деятельности Академии наук на Кольском полуострове.[333] 1 марта 1930 г. А. Е. Ферсман информировал комитет о плане экспедиционных работ на лето 1930 г.[334] В 1929—1930 гг. А. Е. Ферсман и А. Н. Лабунцов в специальных записках регулярно докладывали Президиуму АН СССР о ходе работ по созданию станция.[335]

Место для здания станции было выбрано на берегу озера Малый Вудъявр. Трест «Апатит» выделил необходимые строительные материалы; в строительстве здания участвовало все местное население. К началу весны 1930 г. строительство было закончено.[336]

20 июля 1930 г. состоялось открытие нового научного учреждения. «Двадцатого открыли Хибинскую горную станцию Академии наук в присутствии двадцати пяти научных отрядов, представителей треста [треста «Апатит». — *А. К.*], рабочих организаций. Шлем привет и выражаем твердую уверенность, что работа станции расширит и углубит хозяйственное завоевание Кольского полуострова»,[337] — телеграмму такого содержания А. Е. Ферсман направил тогда в Президиум АН СССР.

По предложению А. Е. Ферсмана, станция была названа «Тиетта», что в переводе с языка саами означает «знание», «наука». И действительно, наука и знание, воплощенные в деятельности станции, помогли открыть и поставить на службу народу богатейшие природные ресурсы Кольского полуострова.

22 сентября 1930 г. Президиум АН СССР, по ходатайству А. Е. Ферсмана, утвердил Хибинскую горную станцию (так она стала именоваться в официальных документах АН СССР) в числе учреждений Академии наук. В октябре 1930 г. была утверждена ее смета на 1931 г.[338]

2 октября 1930 г. Общее собрание приняло постановление о включении Хибинской горной станции в число учреждений Академии наук.[339] Идея создания научного учреждения на Кольском полуострове встретила поддержку Ученого комитета, который 18 октября

1930 г. признал «принципиально необходимым включить Хибинскую горную станцию в число учреждений АН Союза ССР».[340]

Первым директором станции был А. Е. Ферсман. В январе 1931 г. он обратился в Президиум АН СССР с письмом относительно организации научной библиотеки станции. Ученый передал ей свою личную библиотеку, насчитывавшую около 3500 изданий по геологии и минералогии.[341]

Директор станции часто выезжал в Хибины, направлял ее деятельность. Он заботился о том, чтобы станция работала в сотрудничестве с трестом «Апатит», оказывала помощь производству. Будучи в Хибинах, в декабре 1930 г. А. Е. Ферсман давал консультации сотрудникам этого треста, знакомился с ходом работ по освоению апатитов. Он выступил с докладом по вопросам изучения природных богатств Кольского полуострова на заседании президиума исполкома Мурманского округа.[342]

В октябре 1931 г. Общее собрание заслушало доклад А. Е. Ферсмана о развитии апатитовой промышленности и исследованиях ученых в Хибинах. В докладе отмечалась первостепенная роль станции в изучении природных ресурсов Кольского полуострова.[343]

По словам академика Д. И. Щербакова, в летнее время года Хибинская горная станция «служила базой десяткам изыскательских отрядов. День и ночь кипела работа».[344] Действительно, уже первые годы деятельности станции ознаменовались усилением экспедиционных исследований Академии наук и других научных организаций на территории Кольского полуострова. В 1931—1932 гг. были открыты мончегорские месторождения никеля и заимандровские месторождения железных руд.[345]

Результаты экспедиционных работ, их перспективы обсуждались на совещаниях, которые ежегодно, начиная с 1930 г., проводились Хибинской горной станцией. Председательствовал на совещаниях А. Е. Ферсман.[346]

В сентябре 1933 г. Научно-исследовательский сектор Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР созвал в Хибиногорске конференцию, которая подвела итоги исследований, выполненных летом 1933 г. на Кольском полуострове. В работе конференции участвовали ученые Академии наук и представители треста «Апатит».[347]

В 1932 г. в состав академических учреждений на Кольском полуострове был включен Полярно-альпийский ботанический сад, который развернул работы по интродукции растений в Заполярье. (Постановление о создании сада было принято Общим собранием 5 октября 1931 г.).[348] Это был единственный в мире ботанический сад, расположенный за Полярным кругом.

Деятельность Хибинской горной станции способствовала росту экспедиционных работ на Кольском полуострове, освоению его природных богатств. Но жизнь, практика социалистического строительства потребовали дальнейшего расширения масштабов исследовательских работ в Хибинах. Поэтому и встал вопрос о преобразовании станции в базу Академии наук на Кольском полуострове.

10 июня 1934 г. Президиум АН СССР принял постановление о реорганизации Хибинской горной станции в базу Академии наук. Она стала именоваться Кольской базой АН СССР. В декабре 1934 г., после гибели С. М. Кирова, Общее собрание присвоило базе его имя.[349] Во главе базы стоял А. Е. Ферсман.

В марте 1935 г. в речи на торжественном годовом собрании АН СССР В. П. Волгин говорил о необходимости принять меры «к расширению и углублению ее деятельности, к ее превращению в центр стационарных научных работ академии по проблемам нашего Заполярья.[350]

К концу 1934 г. в состав базы входили Геохимическая лаборатория, Полярно-альпийский ботанический сад и Климатолого-метеорологический отдел. На базе работали 13 научных и научно-технических сотрудников.[351] База размещалась в г. Кировске.

По мере роста масштабов исследований на Кольском полуострове расширялась и сеть учреждений базы. Накануне Великой Отечественной войны база включала в свой состав Геолого-геохимический и Биологический отделы, а также Энергетическую и Торфяную группы, Группу экономических исследований. В Горно-геохимическом отделе имелись Геологический сектор, Минералогический кабинет со шлиховой лабораторией и шлифовальной мастерской, Геохимическая лаборатория. В составе Биологического отдела функционировали Почвенный сектор с лабораторией агрохимии, Полярно-альпийский ботанический сад с группами флоры, первичной интродукции растений и агроклимата, Группа геоботаники и кормов, Лаборатория биохимии и физиологии растений, Ихтиологическая группа с гидробиологической и гидрохимической лабораторией, стационар на Ене и пункты Полярно-альпийского ботанического сада в Мурманске, Мончегорске и Кандалакше.[352]

Как видно, сеть учреждений базы строилась с таким расчетом, чтобы в полной мере обеспечить исследование и развитие производительных сил Кольского полуострова, его минеральных ресурсов, флоры и фауны.

«База в Кировске имеет уже заслуженную славу как в отношении изучения богатейших хибиногорских месторождений, так и насаждения в суровых условиях заполярного севера культурных растений, в частности большого огородного хозяйства»,[353] — отмечал В. Л. Комаров в марте 1936 г. в речи на сессии АН СССР.

В результате изысканий ученых базы были открыты месторождения кианита в Кейвах (П. А. Борисов, О. А. Воробьева), лопарита (О. А. Воробьева, 1934), перовскита и титаномагнетита (Б. М. Куплетский, 1935), железных руд в районе Ковдора и ст. Оленья и др.[354]

В ноябре 1936 г. в Москве в здании Геологического музея АН СССР была открыта выставка, посвященная природным богатствам Кольского полуострова. Организованная в ознаменование Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, выставка показывала, каких значительных успехов добились ученые в исследовании природных ресурсов этого региона.[355]

Не останавливаясь на достигнутом, во второй половине 30-х годов ученые Кольской базы энергично продолжали поиски запасов минеральных ресурсов. В 1939 г. было открыто новое месторождение ниобиевых руд, выявлено месторождение особой разновидности апатита-саамита — богатой редкими землями. Тогда же ученые открыли новый элемент в кольских рудах — селен, завершили многолетние работы по исследованию оливиновых массивов как основы для огнеупорной промышленности и дорожного строительства. Было закончено составление сводки о запасах торфов Кольского полуострова.[356]

В ноябре 1939 г. база провела научное совещание по использованию оливиновых пород и серпентинитов Кольского полуострова и других районов СССР. В совещании участвовали сотрудники Уральского филиала и ряда других научных учреждений.[357]

В результате исследований, выполненных в 1940 г., ученые собрали материалы, характеризующие Ловозерский массив нефелиновых сиенитов как крупнейшую металлогенетическую провинцию редкоземельного сырья. Они дали характеристику рудообразующих минералов медно-никелевых руд Монче-Тундры.

Видное место в работе базы занимали гидрологические, гидробиологические и гидрохимические исследования. С помощью ученых решалась проблема водоснабжения населения и промышленных предприятий Кольского полуострова.[358]

Развивались исследования, направленные на изучение растительности полуострова, его почв. Выявлялись территории, пригодные для сельскохозяйственного использования. Под руководством создателя Полярно-альпийского ботанического сада Н. А. Аврорина велись работы по озеленению городов и рабочих поселков Заполярья.[359]

В январе 1940 г. состоялась юбилейная сессия ученого совета базы, посвященная 10-летию со времени основания г. Кировска. Кроме сотрудников базы и представителей местных руководящих органов, в работе сессии участвовала делегация Президиума АН СССР (акад. Е. С. Варга, чл.-кор. АН СССР С. И. Вольфкович, А. И. Опарин и др.). А. Е. Ферсман выступил на сессии с докладом «С. М. Киров и овладение Севером», С. И. Вольфкович прочитал доклад на тему «Вопросы химизации апатитовой промышленности». Доклад акад. ВАСХНИЛ И. Г. Эйхфельда был посвящен проблемам развития северного земледелия.[360]

Итоги сессии ученого совета базы были подведены Президиумом АН СССР, который наметил перспективы ее деятельности. Базе рекомендовалось подготовить план геоботанических, почвенных, гидрологических, ихтиологических и геоморфологических исследований, развернуть работы по энергетике.[361]

В 1940 г. в целях координации исследований, проводимых академическими учреждениями на Кольском полуострове, Президиум АН СССР образовал комиссию под председательством В. Л. Комарова. Был утвержден ученый совет Кольской базы, в состав которого вошли акад. Е. С. Варга, А. А. Григорьев, академики В. Л. Комаров

и А. Е. Ферсман, чл.-кор. АН СССР С. И. Вольфкович и А. И. Опарин, акад. ВАСХНИЛ И. Г. Эйхфельд, представители партийных, советских и хозяйственных органов.[362]

Результаты многолетних работ ученых на Кольском полуострове были обобщены в трудах А. Е. Ферсмана и других исследователей Хибин. А. Е. Ферсман посвятил проблемам изучения и освоения природных богатств Кольского полуострова около 300 публикаций.[363] В 1941 г. увидел свет капитальный труд А. Е. Ферсмана «Полезные ископаемые Кольского полуострова: Современное состояние. Анализ. Прогноз», ставший настольной книгой геологов. Работы исследователей Хибин представляли собой ценный вклад в развитие советской минералогии.[364]

С учетом рекомендаций ученых велись работы по формированию Кольского горно-промышленного комплекса, созданию новых промышленных предприятий за Полярным кругом.[365] Достижения в исследовании и освоении природных богатств Заполярья стали возможными благодаря творческому содружеству науки и производства.

Северная база. Начиная с 1933 г. Академия наук усилила работы по изучению производительных сил Северного края.

Для организации исследований на Севере в 1933 г. была сформирована Печорская бригада, в состав которой входили А. П. Карпинский, ученый секретарь Полярной комиссии А. И. Толмачев, а также ученые — геологи, физики, химики, энергетики, ботаники, экономисты, горные инженеры и другие специалисты. Выехав из Ленинграда в июне 1933 г., бригада посетила города Вологду, Архангельск, Котлас и Сыктывкар. Члены бригады работали также в Ухте, Ижме, Нарьян-Маре.[366]

20 июня 1933 г. А. П. Карпинский выступил с речью на совместном заседании Обкома ВКП(б) и президиума Коми облисполкома. Он с удовлетворением говорил о достижениях трудящихся Коми области в борьбе за преодоление экономической и культурной отсталости. «В этой борьбе союз труда и науки особенно необходим, — подчеркивал президент АН СССР. — И поэтому мы вместе с вами радуемся этому тесному единению, которое устанавливается между нами в эти дни. Будем вместе бороться за светлое будущее нашего Союза, за процветание области Коми».[367]

Члены бригады собрали ценные материалы, характеризующие природные богатства Печорского района. Они провели большую консультационную работу. В октябре 1933 г. Президиум АН СССР одобрил работу бригады, признав необходимым включить Печорский бассейн в число основных районов деятельности СОПС, геологических и биологических учреждений АН СССР. Президиум АН СССР высказался за то, чтобы создать в Архангельске бюро Полярной комиссии Академии наук.[368]

15 декабря 1933 г. Президиум АН СССР утвердил Положение о Бюро по изучению Северного края. Одновременно был утвержден состав совета бюро (председатель — А. И. Толмачев, члены — Н. М. Книпович, Н. А. Кулик, А. П. Шеппиков и др.). В работе бюро участвовали представители руководящих органов Северного края,

сотрудники местных научных учреждений, преподаватели вузов, краеведы.[369]

Первоначально деятельность бюро заключалась главным образом в систематизации, обобщении накопленных ранее материалов по изучению Северного края. В 1934 г. под руководством члена совета бюро А. А. Чернова были обработаны палеонтологические материалы из палеозойских отложений восточной части Печорского бассейна, собранные геологами в течение предыдущих лет. Изучались флора и фауна края. Бюро стремилось координировать деятельность научных учреждений края, помогало им в подготовке планов исследований. Итоги работы научных учреждений края в 1931—1934 гг. обсуждались на сессии совета бюро, состоявшейся в январе 1935 г.[370]

В упоминавшейся выше статье А. П. Карпинского «Мои новогодние пожелания» подчеркивалась необходимость расширения фронта исследовательских работ Академии наук на Севере.[371]

В январе 1936 г. в Архангельске была организована Северная база Академии наук.[372] В 1937 г. она состояла из трех секторов: геологического, ботанического и зоологического. На базе работали 18 научных и четыре научно-технических сотрудника. К началу 1941 г. в составе базы имелись те же самые секторы; кроме того, функционировала сыктывкарская группа.[373]

Директорами базы последовательно были почетный член АН СССР Н. М. Книпович и А. И. Толмачев. Среди членов ее ученого совета, утвержденного Президиумом АН СССР в 1940 г., находились почетный член АН СССР Н. А. Морозов, академики Е. Н. Павловский, Л. И. Прасолов, члены-корреспонденты АН СССР Л. С. Берг, П. И. Степанов, В. П. Бушинский, В. Н. Сукачев, а также М. И. Сумгин, А. И. Толмачев, А. А. Чернов и другие ученые.[374]

Деятельность базы была направлена на решение проблем развития производительных сил Севера. Работавший под руководством А. А. Чернова Геологический сектор вел поиски новых месторождений полезных ископаемых. Благодаря изысканиям ученых в 1939 г. были открыты новые выходы каменного угля на реке Волонге. Сотрудники Ботанического сектора изучали растительность Севера, давая рекомендации, направленные на повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Развернулись исследования в области лесоведения и лесоводства, что способствовало развитию лесного хозяйства края. Изучались водные ресурсы, при этом большое внимание обращалось на разработку проблем, связанных с сооружением будущего Рыбинского водохранилища. Велись исследования по животноводству: изучалась холмогорская порода крупного рогатого скота. Выполнялись работы по паразитологии и болезням северных оленей.[375]

В ноябре 1938 г. на заседании Общего собрания отмечалось, что Северная база проделала большую работу по проблеме освоения Печорского края, по изучению растительности Севера и вопросам борьбы с потерями оленеводческого хозяйства.[376]

Несмотря на короткий период своей деятельности, база Академии наук в Архангельске сыграла существенную роль в изучении и

освоении производительных сил Севера, способствовала консолидации местных научных учреждений вокруг решения народнохозяйственных проблем региона.

ФИЛИАЛЫ АН СССР В РЕСПУБЛИКАХ ЗАКАВКАЗЬЯ

Закавказский филиал. Свидетельством роста научного потенциала советских республик Закавказья, дальнейшего повышения роли Академии наук в организации исследований в Грузии, Азербайджане и Армении стало создание в 1932 г. Закавказского филиала АН СССР.

Развитие науки в Грузии было связано с деятельностью Тбилисского университета. В первой половине 30-х годов при университете стал функционировать ряд научно-исследовательских институтов. Среди них находились Тбилисский математический институт (1933), Институт физики (1935), институты: Геологии, Географии, Биологии (1933), Грузинского языка, литературы и искусства (1933) и др.

В 1932 г. при содействии Ленинградского астрономического института, возглавляемого чл.-кор. АН СССР Б. В. Нумеровым, была создана обсерватория в Абастумани, послужившая основой для организации в будущем Абастуманской горной астрономической обсерватории Академии наук Грузинской ССР.[377]

Работы по химии были сосредоточены в Научно-исследовательском химическом институте, организованном в 1929 г. на базе лабораторий Высшего Совета Народного Хозяйства Грузии.[378]

Среди новых вузов Грузии, сформировавшихся в рассматриваемое время на основе факультетов Тбилисского университета, должны быть упомянуты Политехнический и Сельскохозяйственный институты.

Центром научной работы в Юго-Осетинской автономной области Грузии являлся Научно-исследовательский институт краеведения, в 1938 г. переименованный в Институт языка, литературы и истории. Он находился в ведении ЦИК автономной области.[379]

В период социалистического строительства вырос научный потенциал Азербайджана. В октябре 1929 г. Общество обследования и изучения Азербайджана было преобразовано в Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АЗГНИИ). Он включал в свой состав отделения: естественнонаучное; экологическое; историко-этнографическое; языка, литературы и искусства; философии; советского и зарубежного Востока; государства, права и советского строительства. При институте функционировало Общество по изучению Азербайджана. Деятельность института была направлена на исследование производительных сил Азербайджана, его экономики, истории и культуры.[380]

Подготовка кадров специалистов и научные исследования велись в Азербайджанском университете и других вузах республики. Обращаясь от имени Академии наук с приветствием к университету, в ноябре 1934 г. А. П. Карпинский выражал уверенность, что «он не замедлит занять видное место среди университетов Союза».[381]

Для чтения лекций в университете в Азербайджан выезжали Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и А. Н. Самойлович. Кафедрой морфологии и систематики растений университета руководил А. А. Гроссгейм, впоследствии избранный академиком.[382]

К концу 1932 г. в Азербайджане работали более 30 научных учреждений и свыше 10 вузов. В республике насчитывалось более 800 научных работников.[383]

Создавались новые исследовательские учреждения в Армении. В 1929—1930 гг. в республике были открыты институты Социалистической реконструкции сельского хозяйства, Защиты растений, Зональная станция по шелководству и другие научные учреждения, разрабатывавшие проблемы развития сельского хозяйства.

Исследования в области общественных наук в Армении вели институты Истории партии, Истории культуры, Государственный исторический музей, Государственное хранилище древних рукописей.[384]

Росла сеть вузов Армении. В 1930 г. на базе факультетов Ереванского университета были организованы четыре самостоятельных вуза: Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный и Кооперативно-экономический. В 1935 г. на основе педагогического факультета университета возник самостоятельный педагогический институт (Ереванский армянский педагогический институт им. Х. Абовяна).[385] К концу первой пятилетки в Армении работали 39 научных учреждений.[386]

Благодаря росту научного потенциала республик Закавказья создавались необходимые предпосылки для организации академических филиалов в Грузии, Азербайджане и Армении. Этому содействовали все более укреплявшиеся связи Академии наук с научными учреждениями и вузами Закавказья.

Академия наук продолжала уделять большое внимание проблемам, связанным с развитием производительных сил Закавказья. Решением этих проблем занимались упоминавшиеся выше Комиссия по изучению Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики и входившая в состав СОПС Секция южноевропейской части СССР и ЗСФСР. Первоначально экспедиционные работы АН СССР в Закавказье были нацелены главным образом на гидрогеологическое, петрографическое и геологическое изучение озера Севан. Были развернуты комплексные исследования на территории Юго-Осетинской автономной области.[387]

Руководитель Закавказской экспедиции АН СССР Ф. Ю. Левинсон-Лессинг неоднократно выезжал в республики Закавказья, на месте знакомился с результатами исследований. В августе-сентябре 1930 г. он посетил Грузию, Армению и Юго-Осетию, где провел консультационную работу. Одновременно ученый согласовал планы экспедиционных исследований с местными советскими органами.[388]

Развитию контактов Академии наук с республиками Закавказья способствовала деятельность ее Кавказского (с декабря 1930 г. Закавказского) историко-археологического института, руководство

которым продолжал осуществлять Н. Я. Марр. Сотрудники института вели исследования по проблемам истории материальной и духовной культуры народов Кавказа. Институт установил сотрудничество с научными учреждениями и вузами Грузии, Азербайджана и Армении.[389] Н. Я Марр периодически выезжал в Грузию, глубоко вникал в работу института. Во время этих командировок ученый беседовал с представителями правительственных органов республики по вопросам организации научной работы, проводил совещания сотрудников Кавказского историко-археологического института.[390]

Заботой о расширении фронта исследований в республиках Закавказья было проникнуто письмо Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, А. Е. Ферсмана и Н. С. Курнакова, с которым 30 января 1930 г. они обратились в Отделение физико-математических наук. В письме говорилось о работах академии по изучению производительных сил Грузии, Азербайджана и Армении. Ученые предлагали создать «местное отделение в Тифлисе Закавказской комиссии или еще лучше исследовательский институт по изучению природы и естественных производительных сил Закавказья, институт, состоящий при АН и финансируемый целиком или частично Закавказским правительством».[391] Предложение ученых встретило поддержку Отделения физико-математических наук и было реализовано в процессе организации Закавказского филиала.[392]

Важным этапом на пути создания филиала было преобразование Закавказского историко-археологического института в Институт кавказоведения, осуществленное на основании постановления Президиума АН СССР от 12 сентября 1931 г. В основном одобрив представленный Н. Я. Марром проект Положения об Институте кавказоведения, Президиум АН СССР постановил «считать означенный институт научно-исследовательской базой АН на Кавказе».[393]

«Вследствие ясно выраженного пожелания закавказскими органами власти и общественными организациями. . . и вследствие общей нашей установки на создание очагов научной мысли на местах, находящихся в ведении Академии наук, в связи с проблемой филиалов и местных баз Академии наук возникла мысль о преобразовании Закавказского историко-археологического института в Институт кавказоведения»,[394] — говорил В. П. Волгин 4 октября 1931 г. на заседании Отделения гуманитарных наук.

6 октября 1931 г. Общее собрание утвердило постановление Президиума АН СССР о преобразовании Закавказского историко-археологического института в Институт кавказоведения, одновременно одобрив проект Положения о нем.[395]

Обращаясь к Академии наук с просьбой сообщить сведения о ходе работы по организации филиалов и баз, в ноябре 1931 г. Ученый комитет особо отмечал необходимость скорейшего создания Закавказского филиала.[396]

20 ноября 1931 г. В. П. Волгин докладывал Президиуму АН СССР о состоянии работы по созданию филиала в Закавказье. Было решено открыть в 1932 г. в составе филиала Биологический и Географический сектора, Почвенную секцию Почвенно-геологического сектора.[397]

Как отмечается в книге «Академия наук XVII партсъезду», Закавказский филиал возник в начале 1932 г. на базе бывшего Института кавказоведения.[398] 26 июня 1932 г. Президиум АН СССР признал целесообразным включить в состав филиала Азербайджанский институт по изучению производительных сил. В постановлении Президиума АН СССР, принятом 10 ноября 1932 г., говорилось о необходимости реорганизовать этот институт в «часть Закавказского филиала».[399]

Заслушав сообщение Комиссии по базам «О Закавказском отделении АН», 16 июля 1932 г. Президиум АН СССР высказался за расширение сферы деятельности филиала за пределы ЗСФСР и указал на необходимость принять срочные меры к созданию академической базы в Армении.[400]

25 ноября 1932 г. Совнарком ЗСФСР принял постановление «О преобразовании Института кавказоведения АН СССР в Закавказский филиал АН СССР». «Возложить на Закавказский филиал Академии наук всестороннее и систематическое изучение естественных богатств ЗСФСР (история, материальная культура, этнография и пр.), организуя вокруг задач этого изучения в своей системе сеть соответствующих научно-исследовательских учреждений»,[401] — так Совнарком ЗСФСР определил задачи филиала.

6 октября 1932 г. Общее собрание утвердило председателем Президиума филиала Н. Я. Марра, его заместителями — Г. Б. Пичикиани и Н. А. Буша.[402] В декабре 1932 г. в состав Президиума филиала был дополнительно введен Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. 19 декабря 1932 г. Президиум АН СССР утвердил совет филиала, членами которого стали академики Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, И. М. Виноградов, В. П. Волгин, И. М. Губкин, С. А. Зернов, И. Ю. Крачковский, П. П. Лазарев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, Л. В. Писаржевский, А. Н. Северцов, С. И. Солнцев, члены-корреспонденты АН СССР Н. А. Буш, Л. И. Прасолов, М. А. Шателен, а также В. А. Ковда, С. С. Кузнецов, П. И. Лебедев, Б. Б. Полынов и другие ученые.[403]

В декабре 1932 г. в Баку было создано Азербайджанское отделение Закавказского филиала; работу отделения возглавил Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.[404]

В процессе организации филиала совершенствовалась структура сети его учреждений. В 1932 г. филиал включал в свой состав Отделение естественных наук, Отделение общественных наук и только что упомянутое Азербайджанское отделение.[405] Отделение естественных наук состояло из секторов — Биологического, Почвенно-биологического и Географического, Отделение общественных наук имело секторы Историко-экономический и Языка. В филиале работали 44 сотрудника.[406]

Процесс совершенствования структуры сети учреждений филиала продолжался в 1933—1934 гг. 2 апреля 1933 г. Президиум АН СССР, по докладу Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, образовал в составе Азербайджанского отделения два отдела — Естественных наук и Общественных наук, каждый из которых в свою очередь подразделялся на секторы. В Отделе естественных наук были сформированы секторы:

Физики, Химии, Прикладной химии, Геологии, Ботаники и Зоологии. В Отделе общественных наук стали работать секторы — Историко-археологический и Языка.[407]

Благодаря тому что в республиках Закавказья был сконцентрирован ряд исследовательских институтов и вузов, что имелись значительные кадры научных работников, Закавказский филиал развивался более быстрыми темпами, нежели некоторые другие филиалы и базы. «Наилучшим образом развивается Закавказский филиал»,[408] — отмечал В. П. Волгин в речи на торжественном годовом собрании АН СССР в феврале 1934 г.

О достижениях в деятельности Закавказского филиала свидетельствовало образование в 1933 г. его Грузинского отделения.

Вопросы, касающиеся организации Грузинского отделения, обсуждались на заседании ученых Закавказского филиала, состоявшемся 22 сентября 1933 г. в Тбилисском университете. В работе заседания, которым руководил Н. Я. Марр, участвовали акад. И. И. Мещанинов, чл.-кор. АН СССР Н. А. Буш, профессора И. С. Бериташвили, А. И. Джанелидзе, Н. И. Мусхелишвили, А. А. Твалчрелидзе, научные сотрудники И. В. Абуладзе, И. Н. Векуа, А. Д. Цхакая и другие ученые. Как справедливо отмечается в литературе, это заседание положило начало деятельности Грузинского отделения.[409]

5 ноября 1933 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Грузии приняли постановление «Об организации Всегрузинского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР», в соответствии с которым в ведение отделения передавались ряд исследовательских учреждений Грузии. В качестве основной задачи отделения выдвигалась проблема изучения производительных сил республики.[410]

Вопрос об организации Грузинского отделения рассматривался на заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 15 декабря 1933 г. «В целях развертывания научно-исследовательской работы по изучению природных ресурсов Грузии считать необходимым организацию Грузинского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР; установить, что вся научно-исследовательская работа Закавказского филиала Академии наук в Грузии, в части естественных наук, проходит под наименованием Закавказского филиала Академии наук СССР»,[411] — указывалось в постановлении Президиума АН СССР. В постановлении перечислялись научные учреждения, которые включались в состав Грузинского отделения. Секторы общественных наук Закавказского филиала преобразовывались в единый Институт кавказоведения во главе с Н. Я. Марром. Одновременно был утвержден новый состав Президиума Закавказского филиала. Председателем Президиума являлся Н. Я. Марр, его членами — академики Б. А. Келлер, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, И. И. Мещанинов, Л. В. Писаржевский и А. А. Рихтер, члены-корреспонденты АН СССР Н. И. Мусхелишвли, П. М. Никифоров, Б. Б. Полынов и другие ученые, а также представители руководящих органов республик Закавказья.[412]

В 1934 г. Закавказский филиал работал в составе двух отделений — Грузинского и Азербайджанского. Грузинское отделение подразделялось на институты — Химический, Ботанический и Геофизический, секторы — Геологический и Биологический, лаборатории — Зоологическую и Биохимическую, Комиссию экспедиционных исследований. Азербайджанское отделение состояло из секторов: Химии, Энергетики, Геологического, Зоологии, Физики и географии, Почвоведения, Ботаники, Истории и материальной культуры, Языка, Литературы, Секции фольклора и Комиссии экспедиционных исследований. Кроме того, в составе филиала функционировал Институт кавказоведения, который делился на четыре сектора: Истории материальной культуры, Языка, Литературы и фольклора, Ближнего Востока.[413]

Из приведенного перечня видно, что в составе филиала были сформированы такие научные подразделения, которые позволяли развернуть исследования по ведущим направлениям науки и техники, связанным с изучением производительных сил, экономики и культуры республики Закавказья.

Среди руководителей учреждений филиала находился Л. В. Писаржевский, приехавший в 1929 г. в Тбилиси из Днепропетровска. Крупный ученый-химик, лауреат премии имени В. И. Ленина, Л. В. Писаржевский многое сделал для развития химической науки в Грузии, где он работал в течение 5 лет. Л. В. Писаржевский возглавил Химический институт Грузинского отделения Закавказского филиала.[414]

У истоков создания Геофизического института Грузинского отделения стоял первый его директор П. М. Никифоров. Заместителями директора были Н. И. Мусхелишвили и М. З. Нодиа.[415]

Характеризуя деятельность Закавказского филиала в 1933 г., В. П. Волгин в феврале 1934 г. в речи на торжественном годовом собрании АН СССР отметил, что многие ведущие ученые охотно откликнулись на призыв Президиума АН СССР помогать филиалу. «Академики Марр, Левинсон-Лессинг и Мещанинов, проф. Буш отдали Закавказскому филиалу немало времени и энергии»,[416] — говорил В. П. Волгин.

При помощи ученых центральных академических учреждений готовились кадры для республик Закавказья. Впоследствии президент Академии наук Грузинской ССР академик Е. К. Харадзе писал: «Особое внимание уделялось подготовке национальных кадров научных работников по всем важнейшим отраслям науки. И в этом огромную помощь оказывала Академия наук СССР, в институтах которой получала подготовку направляемая из Грузии научная молодежь. Ей было суждено занять впоследствии ведущее положение в научных учреждениях и высших учебных заведениях республики».[417]

В конце 20-х—начале 30-х годов в аспирантуре Физико-математического института обучались грузинские математики И. Н. Векуа, В. Д. Купрадзе, А. К. Рухадзе, Д. М. Тоидзе и др. Руководство их работой осуществляли И. М. Виноградов, А. Н. Крылов, В. И. Смирнов, С. Л. Соболев и другие ученые.[418]

Сын грузинского крестьянина, будущий академик, президент Академии наук Грузии, И. Н. Векуа был принят в аспирантуру Академии наук после окончания Тбилисского университета. «... Я продолжил свое образование в Москве и Ленинграде, где русские ученые щедро одарили меня заботой и вниманием»,[419] — вспоминал позднее И. Н. Векуа. Характеризуя работу И. Н. Векуа, его руководитель С. Л. Соболев в январе 1933 г. писал: «В настоящее время тов. Векуа, по моему мнению, успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Доклады, проведенные им в семинарии, всегда были очень хорошо и глубоко проработаны, материал был изложен вдумчиво и серьезно. В своей самостоятельной работе он проявляет оригинальность мысли и настойчивость в достижении поставленной цели. По моему мнению, тов. Векуа является одним из наших лучших аспирантов».[420]

По рекомендации директора Астрономического института в Ленинграде чл.-кор. АН СССР Б. В. Нумерова в аспирантуру этого научного учреждения был зачислен астрофизик Е. К. Харадзе. Впоследствии Е. К. Харадзе с большой теплотой рассказывал о той помощи и поддержке, которую оказывал ему Б. В. Нумеров.[421]

В числе аспирантов Академии наук были: избранный впоследствии академиком языковед, востоковед-арабист Г. В. Церетели, геофизик М. З. Нодиа, будущий действительный член Академии наук Грузинской ССР тюрколог С. С. Джикия и другие ученые.

После окончания Ленинградского университета молодой астроном, будущий академик, президент Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумян в течение трех лет обучался под руководством А. А. Белопольского в аспирантуре Главной астрономической обсерватории в Пулково. «Три года, проведенные под его руководством в аспирантуре, оказали решающее влияние на весь мой дальнейший жизненный путь»,[422] — писал впоследствии В. А. Амбарцумян.

Окончив Ереванский университет, физиолог, будущий член-корреспондент АН СССР Э. А. Асратян поступил в аспирантуру Академии наук. Его руководителем был И. П. Павлов, который высоко оценивал работу молодого ученого.[423] После завершения аспирантской подготовки Э. А. Асратян писал в июне 1933 г.: «Советская Академия наук дала мне возможность обогатить свои знания и получить известную квалификацию, которые я без остатка отдам великому делу социалистического строительства».[424]

В числе аспирантов Академии наук находились языковед-русист будущий член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов, геолог, избранный впоследствии действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР М. А. Кашкай и другие ученые. В 1933 г. в учреждениях Академии наук обучались шесть аспирантов, прикомандированных Закавказским филиалом.[425]

Основные направления научной деятельности филиала определялись потребностями экономического и культурного строительства республик Закавказья. Главное внимание обращалось на исследование и освоение производительных сил Грузии, Азербайджана и Армении. В 1932 г. Отделение естественных наук филиала организо-

вало семь экспедиций, которые осуществляли работы в области климатологии, гидрографии, геоморфологии, географии, почвоведения, ботаники и зоологии. Изучались горные пастбища Закавказья.[426] В 1933 г. были развернуты почвенно-геоботанические исследования на территории Юго-Осетинской автономной области Грузии; о результатах их начальник Юго-Осетинской экспедиции Н. А. Буш в сентябре 1934 г. докладывал на заседании ЦИК Юго-Осетии.[427]

В ноябре—декабре 1932 г. в Ленинграде состоялась конференция по изучению производительных сил Закавказья. На ней были заслушаны доклады Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, В. Г. Глушкова, ученых республик Закавказья по проблемам развития производительных сил Грузии, Азербайджана и Армении.[428]

В 1934 г. Комиссия экспедиционных исследований Грузинского отделения филиала организовала Нахичеванскую комплексную, Грузинскую геолого-петрографическую, Грузинскую геофизическую, Грузинскую геоботаническую и другие экспедиции. Тогда же в Азербайджане вели исследования 32 экспедиции — геологические, гидрогеологические, ботанические, зоологические, почвенные, лингвистические и др. Экспедиции осуществлялись сотрудниками Азербайджанского отделения филиала.[429]

Как отмечалось на торжественном годовом собрании АН СССР в марте 1935 г., в 1934 г. Грузинское отделение развернуло исследования в области химии, биохимии, геологии, геофизики, ботаники.[430] В Химическом институте Грузинского отделения велись работы по выяснению механизма гетерогенного катализа металлами и соединениями металлов, изучались активность и пассивность чистых металлов, скорость химических реакций в магнитном поле и другие проблемы. Сотрудники Ботанического института выполняли темы, связанные с инвентаризацией флоры Грузии. Изучением минеральных ресурсов республики занимались сотрудники Геологического сектора.[431]

Работы по изучению химических и физико-химических свойств нефти и продуктов ее переработки занимали главное место в деятельности сектора химии Азербайджанского отделения. В этом отделении проводились исследования по энергетике, минеральным ресурсам, флоре и фауне Азербайджана. Сотрудники гуманитарных секторов изучали историю, археологию и культуру республики.[432]

История материальной культуры, язык и литература народов Закавказья исследовались Институтом кавказоведения филиала. В июне 1934 г. институт созвал координационное совещание ученых Грузии, Азербайджана и Армении, на котором обсуждались перспективы научной работы в области кавказоведения.[433]

Ученые Академии наук высоко оценивали деятельность Закавказского филиала. В апреле 1934 г. Н. А. Буш, Н. С. Курнаков, П. М. Никифоров и Л. И. Прасолов писали в газете «За социалистическую науку» о достижениях филиала в области химии, геофизики, ботаники и почвоведения. Выступивший на страницах газеты со статьей «Право на филиал» Ф. Ю. Левинсон-Лессинг отмечал, что Азербайджанское отделение филиала внесло «свою существенную

ленту в народное хозяйство Азербайджана».[434] Ф. Ю. Левинсон-Лессинг выдвигал предложение о преобразовании Азербайджанского отделения в самостоятельный филиал Академии наук.

Говоря о развитии Закавказского филиала, в марте 1935 г. В. П. Волгин подчеркивал, что «работа филиала растет, авторитет его увеличивается, чему немало содействовало участие в организации его работы ряда выезжавших в филиал в 1934 г. академиков и научных работников академии во главе с акад. Левинсоном-Лессингом. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в академию поступило в 1934 г. два новых предложения о создании на базе существующих в Армении научных учреждений Армянского отделения Закавказского филиала и о включении в филиал Абхазского института в Сухуми».[435]

Рост академического филиала, других исследовательских центров и вузов республик Закавказья создавал необходимые условия для организации филиалов в Грузии, Азербайджане и Армении.

15 марта 1935 г. Закавказский крайком партии принял решение о реорганизации Закавказского филиала и о создании на его основе трех самостоятельных филиалов.[436] 15 июля 1935 г. состоялось постановление Президиума АН СССР о преобразовании Закавказского филиала и учреждении в системе Академии трех самостоятельных филиалов: Грузинского в Тбилиси, Азербайджанского в Баку и Армянского в Ереване. Институт кавказоведения выделялся в самостоятельную единицу и в его состав включался Абхазский краеведческий научно-исследовательский институт.[437]

Грузинский филиал. Грузинский филиал стал работать как самостоятельный научный центр с марта 1935 г.[438] В его составе в соответствии с постановлением Президиума АН СССР предусматривались следующие научные подразделения: Математический, Геофизический и Химический институты, Институт физиологии поведения животных, Ботанический институт с Ботаническим садом, Институт кавказоведения, Институт абхазской культуры (бывший Абхазский краеведческий научно-исследовательский институт), Абастуманская обсерватория, Секция по изучению производительных сил с Абхазским бюро в Сухуми, Геологический, Почвенный и Зоологический секторы, Редакционно-издательский отдел.[439]

В процессе развития филиала совершенствовалась структура сети его учреждений. В 1936 г. Институт кавказоведения им. Н. Я. Марра был преобразован в Институт материальной культуры, языка и литературы народов Закавказья (впоследствии Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра).[440]

К концу 1939 г. в составе филиала функционировали Математический, Геофизический, Химический, Ботанический институты, Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра, Абхазский научно-исследовательский институт, Абастуманская обсерватория, Зоологический и Энергетический секторы.[441]

Работой филиала руководил Н. И. Мусхелишвили. В первый состав Президиума филиала входили И. С. Бериташвили, А. И. Джанелидзе, Ф. А. Зайцев, В. Д. Купрадзе, И. И. Мещанинов, Г. Б. Пичи-

кпан, Д. И. Сосновский и другие ученые.[442] Среди членов Президиума филиала, утвержденного Президиумом АН СССР в 1940 г., находились Н. И. Мусхелишвили (председатель), С. Н. Джанашиа (заместитель председателя), И. А. Джавахишвили, В. Д. Купрадзе, Ф. А. Зайцев, М. З. Нодиа и другие ученые.[443]

С самого начала деятельности филиала большое внимание обращалось на подготовку научной смены. В 1938 г. количество аспирантов филиала достигло 55, при этом шесть аспирантов обучались в исследовательских центрах Москвы и Лепинграда. Только в течение 10 месяцев 1938 г. (до 1 ноября) сотрудники филиала защитили одну докторскую и 15 кандидатских диссертаций.[444] К 1 января 1941 г. в филиале имелось 55 аспирантов.[445]

В 1939 г. количество научных сотрудников филиала превышало 200. Здесь трудились два академика, два члена-корреспондента АН СССР, 21 доктор и 66 кандидатов наук.[446] То, что филиал располагал высококвалифицированными научными кадрами, определило его крупные достижения в ряде направлений науки и техники.

Первые итоги работы филиала были подведены на расширенном заседании его Президиума, состоявшемся в октябре 1935 г. Принимавший участие в заседании В. Л. Комаров высоко оценил деятельность филиала.[447]

О достижениях грузинских ученых В. Л. Комаров говорил в речи на сессии АН СССР в марте 1936 г. и на первом совещании руководителей филиалов и баз. «Наиболее старый по времени Грузинский филиал имеет ряд серьезных достижений»,[448] — отмечал он. В. Л. Комаров особо выделил работы филиала по ферромарганцу, изучению условий развития субтропических культур, исследования по истории материальной культуры.

Определяя задачи филиала, в 1938 г. Н. И. Мусхелишвили писал: «Грузинский филиал Академии наук СССР имеет целью объединить научно-исследовательскую работу в Грузии и оказывать посильное содействие в разработке научных вопросов, имеющих значение для народного хозяйства и для социалистической культуры».[449]

В советские годы в Грузии сформировалась известная во всем мире Тбилисская научная математическая школа. Ее основатель и многолетний руководитель — Н. И. Мусхелишвили. Представители этой школы вели исследования в Математическом институте Грузинского филиала и Тбилисском университете. В Математическом институте развивались работы по проблемам теоретической и прикладной математики. Изучались теория упругости, дифференциальные, интегральные уравнения математической физики, гидродинамика вязкой жидкости, численные методы решения дифференциальных уравнений, вопросы теории функций действительных переменных, аналитической теории чисел и другие проблемы. Плодотворной была научная деятельность Н. И. Мусхелишвили, разрабатывавшего в 1940 г. тему «Интегралы типа Коши и их применение в математической физике». Существенных результатов в развитии различных областей математики добились И. Н. Векуа, В. Д. Купрадзе, А. К. Рухадзе и другие ученые.[450]

В феврале 1940 г. филиал организовал Всесоюзную конференцию по математической теории упругости. Один из докладов, заслушанных на конференции, был посвящен теме «Работы тбилисских математиков по теории упругости и некоторые связанные с ними работы». С этим докладом выступил Н. И. Мусхелишвили.[451]

Геофизический институт проводил экспедиционные исследования, связанные с применением электрометрического метода разведки медно-пирротонового месторождения в Верхней Сванетии. Эти исследования высоко оценивал А. Е. Ферсман. Сотрудниками института изучались радиоактивные свойства тбилисских минеральных вод. Благодаря изысканиям ученых стало возможным уточнить сейсмическое районирование Грузии и Закавказья, что имело практическое значение для антисейсмического строительства.[452]

Химическая технология на базе местного сырья, неорганический и органический синтез, катализ — таковы некоторые из направлений работ Химического института. В 1939 г. его ученые дали подробную химическую характеристику руд Чиатурского месторождения пиролюзита, качественную оценку углей Ахалцихского месторождения. В 1940 г. в металлургической лаборатории института под руководством А. А. Байкова был создан оригинальный метод обработки чиатурской руды для получения низших окислов, который нашел практическое применение.[453]

Возглавляемая Е. К. Харадзе Абастуманская обсерватория развернула исследования в области звездной астрономии и астрофизики, а также по службе Солнца.[454]

В центре внимания ученых Ботанического института и Зоологического сектора стояли проблемы, связанные с исследованием флоры и фауны Грузии. Сотрудники филиала оказывали помощь работникам сельского хозяйства республики. Сектор энергетики разработал научные основы развития энергостроительства в Грузии.[455]

Сотрудники Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра продолжали исследования в области языкознания, истории и археологии. Готовились труды по истории Грузии (И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа и др.). В январе 1938 г. институт организовал сессию, посвященную 750-летию со дня написания поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Как комплексное научное учреждение развивался Абхазский научно-исследовательский институт. Здесь изучались естественные производительные силы Абхазии, ее история и культура, язык абхазов. Проблемам развития экономики и культуры Абхазии большое внимание было уделено на выездной сессии филиала, состоявшейся в сентябре 1940 г. в Сухуми.[456]

Результаты исследований обобщались в трудах, издаваемых учреждениями филиала.

В поле зрения ученых филиала находились и вопросы, связанные с оказанием помощи общеобразовательной школе, созданием учебников и учебных пособий для средней и высшей школы. Сотрудники филиала вели большую работу по пропаганде научных знаний среди трудящихся.[457]

Возросшую роль филиала в развитии науки в республике показала его сессия, состоявшаяся в сентябре 1939 г. В пленарных заседаниях сессии участвовало около 800 ученых Грузии, представителей партийных, советских, общественных организаций и промышленных предприятий. В докладах, заслушанных на сессии, анализировались многие научные и научно-технические проблемы. В докладе С. Н. Джанашиа освещалась деятельность Грузинского филиала.[458]

Успехи филиала не раз отмечались в постановлениях Президиума и Общего собрания АН СССР. В ноябре 1938 г. на заседании Общего собрания указывалось, что в Грузинском филиале были созданы научные школы в области математики, истории и языкознания.[459]

«Достижения Грузинского филиала составляют неотъемлемую часть бурного экономического и социального расцвета Грузии, расцвета, являющегося следствием мудрой национальной политики партии Ленина и братской помощи великого русского народа»,[460] — писал в 1938 г. Н. И. Мусхелишвили.

14 января 1941 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Академии наук Грузинской ССР».[461] 10 февраля 1941 г. было принято постановление Совнаркома Грузинской ССР о создании Академии наук республики.[462] Она организовывалась на базе Грузинского филиала АН СССР и ряда научных учреждений, функционировавших при Тбилисском университете.

Академия наук Грузинской ССР включала в свой состав два отделения — Математических и естественных наук и Общественных наук, которые объединяли 14 научно-исследовательских учреждений. Количество действительных членов академии достигало 16. Ее президентом стал Н. И. Мусхелишвили, находившийся на этом посту свыше 30 лет.[463]

Первыми действительными членами Академии наук Грузинской ССР стали ученые, активно участвовавшие в работе Грузинского филиала. Среди них находились Г. С. Ахвледиани, И. С. Бериташвили, С. Н. Джанашиа, А. И. Джапелидзе, К. С. Завриев, Ф. А. Зайцев, Т. К. Кварацхелия, К. С. Кекелидзе, Н. Н. Кецховели, Н. И. Мусхелишвили, А. А. Твалчрелидзе, Д. Н. Узнадзе, Г. В. Хачапуридзе, А. С. Чикобава, Г. Н. Чубинашвили, А. Г. Шанидзе.[464]

Примечательно, что Академия наук Грузинской ССР была открыта в те дни, когда в нашей стране торжественно отмечалось 20-летие со дня установления Советской власти в Грузии. Достижения науки в республике продемонстрировала первая сессия академии, состоявшаяся 27 февраля—2 марта 1941 г. Академию наук Грузинской ССР приветствовали на сессии вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт, вице-президент Академии наук Украинской ССР А. В. Палладин, председатель Президиума Армянского филиала АН СССР И. А. Орбели, ректор Тбилисского университета Д. А. Кипшидзе и другие ученые.

Участники первой сессии Академии наук Грузии направили приветствие Академии наук СССР, выразив в нем сердечную благодарность русским ученым за помощь и заботу о развитии научной деятельности в республике. «Огромный опыт, накопленный АН СССР

в области реализации указаний партии и правительства и переданный молодой Академии наук Грузии, поможет нам лучше и организованнее осуществить заветное желание передовых людей науки Грузии служить великому делу строительства коммунизма в нашей стране»,[465] — говорилось в приветствии.

Ученые Академии наук СССР оценивали создание Академии наук Грузинской ССР как крупнейшее событие в научной жизни страны. В марте 1941 г. в речи на сессии Общего собрания В. Л. Комаров говорил: «Больших успехов в научной работе добился Грузинский филиал; в Грузии образовались отличные национальные кадры научных работников, накопились большие материальные ресурсы. Это создало необходимые предпосылки для организации в текущем году Академии наук Грузинской ССР».[466]

Академия наук Грузинской ССР — первая республиканская академия, созданная на основе филиала Академии наук СССР.

Азербайджанский филиал. В октябре 1935 г. Азербайджанское отделение Закавказского филиала было преобразовано в Азербайджанский филиал АН СССР.[467]

Первоначально в состав Азербайджанского филиала входили Химический, Зоологический (с двумя заповедниками) и Ботанический (с Ботаническим садом) институты; Институт истории, этнографии и археологии, языка и литературы; секторы: Энергетики, Физики, Геологии, Почвоведения, Сейсмическая станция, Комиссия экспедиционных исследований, Комиссия консультации и пропаганды научных достижений, Библиографическая комиссия, Библиотека, Издательство, Управление строительством.[468]

По мере роста филиала укреплялась сеть его учреждений. В 1941 г. в филиале работали семь институтов (Химический, Геологический, Ботанический, Зоологический, Институт истории, археологии и этнографии, Институт литературы и языка им. Низами, Институт энциклопедий и словарей, пять секторов (Физики, Географии, Почвоведения, Энергетики, Экономики), четыре музея (Истории народов Азербайджана, Истории азербайджанской литературы им. М. Ф. Ахундова, Естественно-исторический, Истории религии и атеизма).[469]

О росте кадров филиала свидетельствуют следующие данные. Если в начальный период деятельности филиала здесь работали 168 научных и научно-технических сотрудников, то уже в 1939 г. это число увеличилось до 365. Количество профессоров и докторов наук выросло соответственно с 5 до 28.[470] Среди сотрудников филиала находились первые ученые-азербайджанцы: профессора А. Везирзаде, М. А. Кашкай, И. Рзазаде, В. Хулуфлу, Б. Чобанзаде, доценты А. Губайдуллин, И. Гасанов, А. Мамедов, С. Саламзаде, А. Тагизаде, М. Эфендиев, инженеры А. Алекперов, Д. Кязимов и многие другие.[471]

Была развернута подготовка кадров через аспирантуру. В 1941 г. Президиум АН СССР предоставил филиалу право организовать докторскую аспирантуру без отрыва от производства.[472]

В период с 1936 по 1941 г. 34 научных сотрудника и аспиранта филиала защитили кандидатские и докторские диссертации: пять ученых стали докторами наук. К 1 января 1941 г. количество аспирантов

филиала достигло 81.[473] Многие из них обучались в академических институтах и вузах Москвы и Ленинграда.

Первым председателем Президиума филиала был Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. В первый состав Президиума филиала, утвержденного Президиумом АН СССР в 1935 г., входили Р. Ахундов (заместитель председателя), А. А. Гроссгейм, В. С. Елпатьевский, К. А. Красуский, Д. Кязимов, И. И. Мещанинов и В. Хулуфлу (члены Президиума). В 1937 г. Общее собрание утвердило председателем Президиума филиала И. М. Губкина. В мае 1940 г. руководителем филиала стал С. С. Наметкин.[474] В предвоенные годы заместителем председателя Президиума филиала был А. А. Якубов.

Возглавлявшие филиал русские ученые в братском сотрудничестве с учеными Азербайджана не жалели ни сил, ни времени, чтобы обеспечить расцвет науки в республике.

Как выражение дружбы русского и азербайджанского народов звучат слова И. М. Губкина: «Азербайджан стал моей Родиной, которую я чту в сердце своем так же свято, как землю отцов своих — Россию».[475]

Характеризуя работу филиала, в марте 1936 г. В. Л. Комаров отмечал: «Успел окрепнуть и встать на ноги и Азербайджанский филиал».[476] Деятельность филиала была направлена на изучение производительных сил республики, истории и культуры народов Азербайджана.

Филиал являлся одним из крупных научных центров в области геологических исследований. В декабре 1937 г. он организовал первую геологическую конференцию, посвященную проблемам геологического изучения Азербайджана и увеличения добычи нефти. В работе конференции, которой руководил И. М. Губкин, участвовало около 200 геологов. Доклад И. М. Губкина был посвящен теме «О задачах нефтяной промышленности в третьей пятилетке и о направлении геологического изучения Азербайджанской ССР».[477]

Геология нефтяных месторождений, природные и углеводородные газы, петрография и рудные месторождения, палеонтология, геология и стратиграфия Азербайджанской ССР — такие проблемы разрабатывались геологами филиала в 1939 г. В 1940—1941 гг. в филиале продолжались исследования, содействовавшие развитию нефтяной промышленности. Наряду с этим изучались горючие сланцы и баритовые месторождения Азербайджана.[478] Среди достижений геологов должна быть упомянута подготовленная ими карта полезных ископаемых республики.[479]

Над проблемами освоения природных богатств Азербайджана работали ученые-химики. Исследования Химического института, которым первоначально руководил чл.-кор. АН СССР К. А. Красуский, были связаны с развитием нефтеперерабатывающей и химической промышленности.

В 1939 г. сектор географии филиала подготовил оригинал экономической карты республики в масштабе 1:500 000. Сектор почвоведения занимался изучением почв Азербайджана. Под руководством чл.-кор. АН СССР А. А. Гроссгейма Ботанический институт вел фло-

ристическое и систематическое изучение растительности республики, геоботанические работы, исследовал полезные растения, осуществлял изыскания в области физиологии, биохимии и интродукции растений. Зоологический институт выполнял работы по инвентаризации фауны Азербайджана.[480]

Сектору физики филиала большую помощь оказывал А. Ф. Иоффе. При его содействии определялись направления исследований, укреплялась материальная база сектора. С 1937 г. во главе сектора стоял один из сотрудников Ленинградского Физико-технического института Я. Г. Дорфман.[481] В секторе была разработана и конструктивно оформлена установка для исследования магнитных тел, нашедшая применение в нефтяной промышленности. Проблемы развития энергетики в республике изучались сектором энергетики, которым руководил И. Г. Есьман. Велись работы по гидротехнике, электротехнике и физико-энергетической природе нефтяного пласта.[482]

Значительное развитие получили исследования по истории, археологии, этнографии, языку и литературе. Создавались русско-азербайджанские и азербайджано-русские словари, а также терминологические словари. С учетом рекомендаций ученых осуществлялся перевод азербайджанской письменности на новый алфавит, составленный на основе русской графики. Вопросы перевода азербайджанской письменности на новый алфавит обсуждались на совещании ученых и работников народного образования, созванном филиалом и правлением Союза советских писателей Азербайджана в 1939 г. Была развернута подготовка к 800-летнему юбилею со дня рождения Низами.[483]

В целях изучения природных ресурсов республики, истории, археологии, этнографии, языка народов Азербайджана в 1940 г. филиал организовал ряд экспедиций. Они работали в различных районах республики.[484]

Начиная с 1938 г. филиал стал проводить выездные сессии, на которых обсуждались проблемы развития экономики и культуры республики. Такие сессии состоялись в городах Кировабаде, Нахичевани, Степанакерте и др. Проходившая в июле 1939 г. в центре Нагорно-Карабахской автономной области — г. Степанакерте — сессия заслушала ряд докладов, посвященных исследованию природных богатств и истории автономной области, обсудила проекты перевода азербайджанской письменности на новый алфавит.[485]

Организовывались также конференции и совещания по актуальным вопросам развития промышленности и сельского хозяйства. На одной из конференций рассматривались проблемы хлопководства, борьбы с вредителями хлопка.[486]

Уделялось внимание пропаганде научно-технических достижений. Только в 1940 г. сотрудники филиала прочитали 195 лекций и докладов на нефтяных промыслах, заводах и фабриках, в воинских частях, школах и дворцах культуры.[487]

В апреле 1940 г. филиал созвал сессию, посвященную 20-летней годовщине со дня установления Советской власти в Азербайджане. В работе сессии участвовали делегация Президиума АН СССР в со-

ставе академиков И. И. Мещанинова, Л. И. Прасолова, Л. С. Штерн, члена-корреспондента АН СССР П. И. Лебедева и других ученых, а также представители научных учреждений союзных республик. Прочитанные на сессии доклады показали высокий уровень развития науки в Азербайджанской ССР. В связи с юбилеем Президиум АН СССР отметил плодотворную работу Президиума Азербайджанского филиала по укреплению учреждений филиала.[488]

В марте 1941 г. с деятельностью филиала ознакомился прибывший в Баку О. Ю. Шмидт. Своими впечатлениями о филиале О. Ю. Шмидт поделился в выступлении на расширенном заседании его Президиума, состоявшемся 11 марта 1941 г. Он говорил: «. . . Первый вывод это то, что Азербайджанский филиал Академии наук представляет собой, несомненно, очень мощный и сильный научный организм, сильный своим составом и прежде всего качеством этого состава, сильный той ролью, которую он играет в жизни республики, тем исключительным вниманием, с которым партия и правительство относятся к развитию филиала. Это сильный коллектив, который имеет все основания считать себя зародышем будущей Академии наук Азербайджана».[489] В выступлении О. Ю. Шмидта давалась характеристика работы учреждений филиала, высказывались пожелания, направленные на повышение квалификации кадров, укрепление связей науки с производством, усиление контактов центральных учреждений АН СССР с филиалом.

«Мы уезжаем с чувством глубочайшего удовлетворения и большой радости за ваши успехи и с уверенностью в том, что возможности развития этих успехов не имеют пределов»,[490] — говорил в заключение О. Ю. Шмидт.

В приведенных словах О. Ю. Шмидта нашла отражение забота ученых Академии наук о развитии науки в Азербайджане.

Армянский филиал. В мае 1935 г. Общее собрание утвердило организацию Армянского филиала АН СССР.[491] Характеризуя развитие науки в Армении в 20—30-е годы, президент Академии наук Армянской ССР академик В. А. Амбарцумян впоследствии писал: «Местным научным кадрам необходимо было помочь в деле более широкой организации научной работы. Эта помощь была оказана Академией наук СССР путем организации Армянского филиала академии (АрмФАН)».[492]

В первый год деятельности филиала в его состав входили Геологический институт с Геологическим музеем, Химический и Биологический институты, Сектор истории, археологии, этнографии и фольклора.[493] В последующие годы сеть научных учреждений филиала значительно расширилась.

В 1941 г. в составе филиала работали шесть институтов (Геологический, Химический, Биологический, Ботанический с Ботаническим садом, Институт истории и истории материальной культуры, Институт литературы и языка) и один сектор (Почвоведения). В систему филиала входили также Астрономическая обсерватория, Севанская гидробиологическая станция, Исторический музей и Бюро антисейсмического строительства. За исключением Севанской гидро-

биологической станции, все учреждения филиала находились в г. Ереване.[494]

Одним из главных направлений в деятельности филиала являлась подготовка научных кадров. Если в 1935 г. количество аспирантов достигало 12 человек, то к началу 1941 г. в аспирантуре филиала обучалось 34 человека. В 1940 г. на заседаниях ученых советов ряда институтов филиала состоялись защиты 12 кандидатских и пяти докторских диссертаций.[495]

В подготовке научных кадров большую роль играли Ереванский университет, Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный и другие вузы. К чтению лекций в вузах привлекались крупные ученые из Москвы, Ленинграда и других научных центров. «И разве можно забыть, что замечательный советский математик Мстислав Всеволодович Келдыш в 1940 г. в течение месяца каждый день читал в Ереванском университете свои содержательные лекции по самым современным проблемам математического анализа, — писал позднее В. А. Амбарцумян. — Это крупное событие в научной жизни нашей республики способствовало появлению целого направления исследований в области теории функций».[496]

О росте численности кадров филиала говорят следующие данные. В 1935 г. в его учреждениях работали 58 научных сотрудников, в 1939 г. — 130, а к началу 1941 г. — 208 (включая сюда и аспирантов). В 1939 г. в числе сотрудников филиала были два академика, 16 профессоров и докторов наук, 34 кандидата наук.[497]

С самого начала деятельности Армянского филиала, как и других академических филиалов, был взят курс на широкое привлечение к проведению научных исследований местных национальных кадров. В упоминавшейся выше речи на мартовской сессии АН СССР 1936 г. В. Л. Комаров с удовлетворением говорил, что из 66 научных работников Армянского филиала большинство является представителями коренного населения республики. Такая же картина, подчеркивал ученый, наблюдалась в Грузии и Азербайджане.[498]

Среди ученых филиала находились М. Х. Абегян, А. И. Алиханов, А. И. Алиханьян, Р. А. Ачарян, С. П. Гамбарян, Г. Г. Гюликевхян, А. Г. Иоаннисян, В. И. Исагулянц, П. Б. Калантарян, Я. А. Манандян, Л. А. Ротинян, М. Г. Туманян, С. М. Юзбашян и др.

Становлению и развитию филиала содействовали принимавшие участие в работе его учреждений русские ученые: А. Л. Бенинг, А. Н. Державин, Н. А. Димо, К. В. Тревер, А. Н. Простосердов, А. А. Рихтер, Д. И. Сосновский, А. Н. Троицкий и др.[499]

Первым председателем Президиума филиала в 1935 г. был утвержден Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Членами Президиума тогда же стали Н. И. Вавилов, А. Г. Иоаннисян, И. А. Орбели, С. М. Юзбашян и другие ученые. В 1938 г. Президиум АН СССР утвердил председателем Президиума филиала И. А. Орбели, находившегося на этом посту до ноября 1943 г.[500]

Изучение и освоение производительных сил республики, исследование истории, культуры и народного творчества — таковы главные проблемы, над решением которых работали ученые филиала.

Вопросы теоретической геологии, гидрогеологии, петрологии, геохимии и минералогии служили предметом исследований ученых Геологического института. Здесь разрабатывался обширный комплекс проблем, связанных с поисками и использованием полезных ископаемых Армении. Была выполнена также работа по составлению схемы генерального плана комплексного использования водных ресурсов озера Севан, рек Армении для целей ирригации, энергетики и водоснабжения.

В Химическом институте, созданном в 1935 г., изучались глины Армении, осуществлялись термохимические исследования силикатных строительных материалов. Здесь были развернуты работы по изучению магниевого, алюминиевого и молибденового сырья, электрохимии титана, циркония, гафния, тория и молибдена. Эти и другие исследования имели своей целью оказать помощь промышленным предприятиям в освоении запасов минеральных ресурсов. Изучались условия, способствующие сохранению витамина «С» в пищевых продуктах.

В ноябре 1938 г. Общее собрание отметило достижения филиала в области повышения урожайности хлопка, картофеля и других сельскохозяйственных культур.[501] Помощь сельскому хозяйству республики оказывали ученые Ботанического и Биологического институтов, Сектора почвоведения и других учреждений. В Ботаническом институте выполнялись работы по инвентаризации и изучению растительных ресурсов Армении, по интродукции новых древесных пород. Повышению уровня исследований по ботанике способствовала деятельность Ботанического сада, открытого в октябре 1940 г. Созданием и внедрением в сельское хозяйство новых высокоурожайных сортов пшениц занимались ученые Биологического института. Здесь же выполнялись исследования, направленные на повышение урожайности хлопчатника и табака, а также плодовых растений. В секторе почвоведения составлялась почвенная карта республики, разрабатывались рекомендации для освоения солончаковых почв. Сотрудники Севанской гидробиологической станции изучали гидрологию, гидробиологию и фауну озера Севан, а также других водоемов республики.[502]

В декабре 1940 г. при филиале состоялось совещание по высокогорным электросистемам, посвященное 20-летию ленинского плана ГОЭЛРО. В совещании участвовало свыше 50 научных и инженерно-технических работников Грузии, Азербайджана и Армении.[503]

Проблемы истории и археологии разрабатывались Институтом истории и истории материальной культуры (первоначально именовался Институтом истории, археологии, этнографии и фольклора). Ученые института развернули подготовку к изданию полного каталога собрания древнеармянских рукописей, хранящихся в Центральной государственной библиотеке.[504]

В результате археологических раскопок, проведенных учеными института, были открыты новые ценнейшие материальные памятники древней и средневековой истории Армении. Вместе с сотрудниками филиала археологические исследования в республике проводили

ученые Государственного Эрмитажа. В 1936 г. Эрмитаж и филиал направили экспедицию в замок Анберд. Экспедицией руководил И. А. Орбели; в ней участвовали А. Аджян, А. Я. Борисов, А. Вруйр, Г. Гюламирян, С. Т. Еремян, Т. А. Измайлова, К. Г. Кафадарян, Б. Б. Пиотровский (ныне академик), Н. М. Токарский, К. В. Тревер (впоследствии член-корреспондент АН СССР), А. Л. Якобсон и другие ученые. Благодаря работам экспедиции стало возможным получить ясное представление о хозяйственной и культурной жизни феодального замка XII—XIII вв.[505]

Начиная с 1930 г. археологические исследования в Армении проводили Б. Б. Пиотровский и возглавляемые им ученые Эрмитажа и Армянского филиала. Под руководством Б. Б. Пиотровского велись раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур. Результаты исследований археологов получили высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом.[506]

Среди исследований, опубликованных историками, должен быть упомянут труд акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим» (1939 г.).

Язык и литература Армении изучались сотрудниками Института литературы и языка. Большая исследовательская работа проводилась в связи с 1000-летием эпоса «Давид Сасунский». Этой знаменательной дате была посвящена юбилейная научная сессия филиала, состоявшаяся в сентябре 1939 г. Исследовались жизнь и творчество Х. Абовяна, М. Налбандяна, О. Туманяна и других армянских писателей и поэтов. Изучалась грамматика армянского языка, готовился его настольный словарь.[507]

В 1940 г. результаты исследований по 21 теме, выполненной учеными филиала, были внедрены в производство.[508]

Росла издательская деятельность филиала. В 1939 г. было опубликовано 41 название книг и сборников трудов учреждений филиала (объем 530 печ. л.), не считая многочисленных статей. В 1940 г. увидели свет 58 названий книг и сборников трудов филиала (объем 739 печ. л.). Началось издание «Известий» филиала.[509]

В ноябре 1940 г. в Ереване состоялась юбилейная научная сессия филиала, посвященная 20-летию установления Советской власти в Армении. Для участия в сессии в республику прибыла делегация Академии наук в составе академиков В. П. Волгина, Б. Д. Грекова, Л. А. Орбели, членов-корреспондентов АН СССР Х. С. Коштоянца и Э. А. Асратяна и других ученых. Делегацию возглавлял вице-президент АН СССР акад. Е. А. Чудаков. В работе сессии участвовали представители партийных, советских и общественных организаций, сотрудники научных учреждений и вузов Армении, ученые союзных республик. Члены делегации Академии наук, ученые Армянского филиала выступили на сессии с научными докладами. Доклад И. А. Орбели был посвящен теме «Об основных этапах истории армянской культуры». Во время сессии итоги деятельности и план работы филиала на 1941 г. обсуждались в руководящих органах республики, а также на расширенном заседании Президиума филиала, проходившем при участии членов делегации АН СССР. Тогда же состоялось совещание ученых-историков Еревана, Грузинского и

Азербайджанского филиалов, на котором рассматривались проблемы изучения истории народов закавказских республик. Юбилейная сессия превратилась в смотр научных достижений республики, определила перспективы развития филиала.[510]

В ноябре 1940 г. Президиум АН СССР в специальном постановлении отметил «плодотворную деятельность Армянского филиала АН СССР, сумевшего за 5-летие своего существования добиться серьезных успехов по развитию научно-исследовательской работы, по разработке актуальных проблем и внедрению результатов научно-исследовательских работ в практику народного хозяйства и культуры Армянской ССР, а также по выращиванию научных кадров».[511] Президиум АН СССР выразил благодарность И. А. Орбели и другим ученым филиала.

Работа филиала анализировалась на расширенном заседании его Президиума, состоявшемся 6 марта 1941 г. В этом заседании участвовал О. Ю. Шмидт, прибывший в Ереван для ознакомления с деятельностью учреждений филиала. Президиум заслушал доклады директоров институтов филиала. Выступивший на заседании О. Ю. Шмидт отметил, что филиал «стоит на правильном пути, институтами филиала проделана большая работа по разрешению ряда актуальных вопросов развития народного хозяйства и культурного строительства республики».[512] О. Ю. Шмидт выделил успешную работу Ботанического и Биологического институтов, Института истории и истории материальной культуры, Института литературы и языка, сектора почвоведения. Он высказался за увеличение численности докторов и кандидатов наук в составе сотрудников филиала, чтобы обеспечить еще более быстрые темпы развития науки в Армении.

В беседе с сотрудниками республиканской газеты «Коммунист» О. Ю. Шмидт говорил о большом внимании, которое партийные и государственные органы Армении уделяли деятельности научных учреждений. Он выразил удовлетворение результатами археологических исследований работами в области изучения истории культуры армянского народа. Оценивая деятельность филиала, вице-президент АН СССР сказал: «АрмФАН — крупное, сложившееся научное учреждение, все институты и сектора которого оставляют впечатление большой и успешной работы. Прекрасно разрешена в АрмФАН проблема правильного сочетания старых и молодых научных кадров. Меня, старого научного работника, особенно поразила талантливая научная молодежь, с огромным энтузиазмом разрешающая самые важные проблемы науки».[513]

ФИЛИАЛЫ И БАЗЫ АН СССР В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Узбекский филиал. Как говорилось выше (с. 49—50), период социалистического строительства был ознаменован крупнейшими достижениями в развитии экономики и культуры республик Средней Азии. В борьбе за преодоление унаследованной от прошлого техниче-

экономической отсталости трудящиеся Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР опирались на помощь народов Российской Федерации, Украинской ССР, других союзных республик. Исключительно плодотворным было сотрудничество братских народов в области науки.

Вопросы, связанные с оказанием культурной и научной помощи республикам Средней Азии, обсуждались на заседании специальной комиссии Академии наук, состоявшемся 10 октября 1929 г. Руководил заседанием А. Н. Самойлович. На нем присутствовали С. Ф. Ольденбург, Б. Л. Личков, С. И. Руденко и другие ученые. Участники заседания высказались за оказание помощи республикам Средней Азии в развитии хлопководства, проведении гидрогеологических, почвенных и геоботанических исследований, подготовке национальных научных кадров.[514]

При участии Академии наук в сентябре — октябре 1928 г. в Ташкенте работал III Всесоюзный геологический съезд. Среди делегатов съезда находился А. Е. Ферсман, доклад которого был посвящен теме «Геохимия Средней Азии». Съезд опроверг мнение о бедности недр Средней Азии полезными ископаемыми, что стимулировало развитие здесь поисковых геологоразведочных работ.[515]

Правительственные органы республик Средней Азии неоднократно обращались в Академию наук с предложениями об организации экспедиционных работ в этом регионе.

В сентябре 1926 г. на заседании ОКИСАР, проходившем под председательством В. В. Бартольда, обсуждалось предложение Совнаркома Узбекской ССР о проведении исследований на территории Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей.[516] В марте 1930 г. Совнарком Узбекской ССР просил Академию наук принять участие в изучении подземных рек республики.[517]

Отвечая на предложения Совнаркома Узбекской ССР, Академия наук развернула экспедиционные исследования на территории республики. В 1932 г. здесь работали две экспедиции: геохимическая и физико-химическая соляная. Результаты выполненных исследований имели серьезное значение для организации разведок минеральных ресурсов, развития химической промышленности республики.[518]

Начиная с 1926 г. Академия наук приступила к исследованию почв Каракалпакской АССР. В 1931 г. в пустыне Кызылкумы работали два экспедиционных отряда Академии наук: геохимический и геоморфологический. В 1933 г. в Каракалпакию была направлена комплексная экспедиция Академии наук в составе пяти отрядов. Изучались природные ресурсы Каракалпакии, ее экономика, культура и быт населения.[519]

Свидетельством укреплявшихся связей Академии наук с Узбекистаном стала первая конференция по изучению производительных сил Узбекской ССР, состоявшаяся в Ленинграде 19—28 декабря 1932 г. Организаторы конференции — Совнарком Узбекской ССР и Академия наук СССР. Количество ее участников достигало 263, среди них было 105 представителей Академии наук. В работе кон-

ференции участвовала делегация Узбекистана, состоявшая из 63 человек. Возглавлял ее председатель Совнаркома Узбекской ССР Ф. Ходжаев. В числе участников конференции находились рабочие заводов и фабрик Ленинграда, представители Красной Армии и Военно-Морского Флота. Во время работы конференции была развернута выставка о достижениях Узбекской ССР в хозяйственном и культурном строительстве.[520]

Приветствуя конференцию, Президиум ЦИК Узбекской ССР выражал уверенность, что «конференция Академии наук, собирающаяся на пороге второй пятилетки, внесет ценный вклад в дело изучения производительных сил Узбекистана, заложит прочные основы научной связи академии с правительством, научными учреждениями Узбекистана в деле ликвидации культурной отсталости, овладения наукой и техникой и выполнения грандиозных задач второй пятилетки».[521]

В докладах, заслушанных на конференции, рассматривались проблемы развития промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства республики. Большое внимание было уделено вопросам энергетики, водного хозяйства, растениеводства, животноводства и др. Ф. Ходжаев выступил с докладом на тему «Итоги первой пятилетки и основные задачи социалистического строительства Узбекистана». Среди докладчиков были И. Г. Александров («Гидроэнергетические и водохозяйственные ресурсы Узбекистана»), Д. И. Мушкетов («Сейсмичность и связь ее с геологическим строением Узбекистана»), С. Ф. Ольденбург («Задачи музейного строительства в Узбекистане»), Д. Н. Прянишников («Применение азота в сельском хозяйстве»), А. Н. Самойлович и А. Л. Бродский («Организация и основные проблемы научно-исследовательской работы в УзССР»), Д. И. Щербаков («Перспективы промышленности редких и малых металлов») и другие ученые. Почти половина докладов была прочитана представителями научных учреждений и вузов Узбекистана.[522]

Конференция в основном одобрила план экспедиционных работ Академии наук в Узбекистане на вторую пятилетку (1933—1937 гг.). Были определены задачи ученых в борьбе за ускоренное развитие производительных сил республики. «На пути социалистического развития производительных сил Узбекистана стоит ряд научных проблем, нуждающихся в немедленном изучении и разрешении, — отмечалось в одной из резолюций конференции. — . . .На них должна быть мобилизована местная научная база, но в разрешении их будет занимать почетное место и Всесоюзная академия наук».[523]

Результаты работы конференции были обобщены в двухтомном труде, изданном в 1933 г.[524]

В постановлении об итогах конференции, принятом Президиумом АН СССР 8 января 1933 г., отмечалось, что она «дала обширнейший и чрезвычайно ценный материал по изучению производительных сил Узбекистана».[525] Президиум подчеркнул большое политическое значение конференции, ее роль в укреплении связей Узбекистана с Академией наук, с рабочими Ленинграда. В постановлении дава-

лась высокая оценка деятельности научно-исследовательских учреждений Узбекистана, всех республик Средней Азии.

В марте 1933 г. Академия наук и Совнарком Каракалпакской АССР провели в Ленинграде первую конференцию по изучению производительных сил Каракалпакии. Среди участников конференции было 14 академиков; в ее работе участвовали члены правительства республики. Из 31 доклада, заслушанного на конференции, 13 были прочитаны представителями Каракалпакской АССР.[526] В докладах, в резолюции конференции подводились итоги работы по исследованию производительных сил республики, намечались ее перспективы.[527] 19 апреля 1933 г. Президиум АН СССР в осуществление решений конференции принял постановление, направленное на усиление исследований в Каракалпакии.[528]

В организации научной деятельности и подготовке кадров специалистов крупные заслуги принадлежали Среднеазиатскому университету. В 30-е годы на базе его факультетов и кафедр были созданы новые вузы: Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный, Институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, Институт железнодорожного транспорта, Текстильный и Финансово-экономический институты.[529]

В ряде городов Узбекистана организовывались педагогические и учительские институты. Среди них находился Педагогический институт в Самарканде, открытый в 1927 г. В 1930 г. он был преобразован в Узбекистанскую педагогическую академию, послужившую основой для создания в 1933 г. Узбекского (с 1960 г. Самаркандского) университета.[530]

Росла сеть научно-исследовательских учреждений Узбекистана. В 1926 г. было организовано Среднеазиатское отделение Геологического комитета. В 1927 г. стал функционировать Узбекский научно-исследовательский институт местной промышленности; тогда же на базе Ташкентской научно-исследовательской станции по шелководству был создан Среднеазиатский научно-исследовательский институт шелководства. В 1928 г. в Китабе открылась Широтная станция им. Улугбека.[531]

Потребности хозяйственного и культурного строительства привели к созданию в 1929 г. Узбекского научно-исследовательского института и Научно-исследовательского института хлопководства. На основе Узбекского научно-исследовательского института в 1931 г. были организованы новые институты: Культурного строительства, Социалистического земледелия и Промышленно-экономический. В 1931 г. началась деятельность Института советского строительства и права, а также Гидрометеорологического[532]

В 1931 г. было организовано первое научное учреждение в Каракалпакии — Каракалпакский комплексный научно-исследовательский институт, находившийся при Совнаркоме республики. Позднее, в 1939 г. при Совнаркоме Каракалпакской АССР начал работать Институт истории, языка и литературы, а отделы естественнонаучного профиля, ранее входившие в комплексный научно-исследовательский институт, перешли в ведение соответствующих наркоматов.[533]

4 октября 1932 г. Президиум ЦИК Советов Узбекской ССР принял решение об организации республиканского Комитета наук. Комитет наук создавался для руководства научно-исследовательской деятельностью в Узбекистане. Этот орган осуществлял планирование и координацию исследований, направлял работу научных учреждений на решение задач социалистического строительства.[534]

Комитет наук состоял из отделов, секторов и лабораторий. В его системе находились также институты, в том числе Научно-исследовательский институт узбекского языка и литературы, Институт геологии и др.[535]

Учреждения Комитета наук развернули региональные геологические исследования, в результате которых были обнаружены новые запасы полезных ископаемых. «Крупнейшим завоеванием первой пятилетки является изучение природных ресурсов Узбекистана»,[536] — так в 1934 г. VI съезд Компартии Узбекистана оценивал итоги геологоразведочных работ на территории республики. Ученые подготовили обобщающий труд «Геология Узбекской ССР», изданный в 1937 и 1939 гг.

Под руководством Комитета наук велись исследования в области сельского хозяйства. Изучались вопросы, связанные с селекцией хлопчатника. Начались работы по гелиотехнике.

Усилились археологические исследования. В 1936—1937 гг. в Узбекистане работала Термезская комплексная экспедиция, которой руководил М. Е. Массон. В 1937 г. начала исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, возглавляемая будущим членом-корреспондентом АН СССР С. П. Толстовым.[537]

Велась подготовка национальных научных кадров. Многие молодые ученые из Узбекистана обучались в аспирантуре научных учреждений и вузов Москвы и Ленинграда. В 1933 г. в аспирантуре Академии наук обучалось восемь аспирантов, прикомандированных от Узбекской ССР.[538]

В 1940 г. количество научных работников Узбекистана достигло 3024; среди них было 109 докторов и 510 кандидатов наук.[539]

Для того чтобы обеспечить дальнейший подъем научных исследований в республике, необходимо было создать здесь филиал Академии наук. 21 ноября 1939 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Узбекского филиала Академии наук СССР».[540] Вопрос о создании филиала обсуждался на сессии Общего собрания, состоявшейся 27—29 ноября 1939 г. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР Общее собрание решило открыть Узбекский филиал АН СССР в г. Ташкенте.[541]

Филиал был организован 9 января 1940 г. на базе Комитета наук.[542] «Это событие подготовлено всем предшествующим развитием социалистической культуры узбекского народа и его успехами в результате ленинской национальной политики нашей партии,— писал позднее Т. Н. Кары-Ниязов.— Непосредственная постоянная связь со старейшим и крупнейшим центром науки Советского Союза — с Академией наук СССР, серьезная помощь русских ученых сыграли огромную роль в развитии советской науки в Узбекистане».[543]

В докладе О. Ю. Шмидта о работе АН СССР в 1939 г., с которым он выступил 28 февраля 1940 г. на сессии Общего собрания, сообщалось об организации академического филиала в Узбекистане. «С огромным энтузиазмом встретил узбекский народ создание на его территории научного центра, связанного с Академией наук СССР»,[544] — говорилось в докладе.

В январе 1940 г. Президиум АН СССР утвердил структуру филиала, которая в основном оставалась неизменной и в 1941 г.[545] В 1941 г. филиал объединял 11 научно-исследовательских учреждений, в том числе пять институтов (Химический, Геологический, Ботанический, Институт водохозяйственных проблем, Институт языка, литературы и истории), три сектора (Физико-математический, Почвоведения, Зоологии), одну лабораторию (Физико-техническую), одну обсерваторию (Астрономическую обсерваторию с Китабской международной широтной станцией) и Бюро экономических исследований.[546]

Во главе филиала стоял Т. Н. Кары-Ниязов. Учреждениями филиала руководили А. Н. Аскоченский (Институт водохозяйственных проблем), П. А. Баранов, (Ботанический институт), А. Л. Бродский (Сектор зоологии), В. И. Романовский (Физико-математический сектор) и другие ученые. Среди членов ученого совета филиала были акад. Л. С. Штерн, члены-корреспонденты АН СССР М. С. Андреев, А. В. Шестаков и др.[547]

Для того чтобы помочь филиалу в укомплектовании его штатов национальными научными кадрами, в 1940 г. Президиум АН СССР признал необходимым организовать в академических институтах Москвы и Ленинграда подготовку специалистов по истории, этнографии, языку и литературе народов Узбекистана.

Одновременно филиалу разрешалось создать аспирантуру без отрыва от производства по математике, химии, геологии, ботанике, почвоведению и зоологии.[548] В 1940 г. — первом году работы филиала — в его учреждениях обучалось девять аспирантов. В 1940 г. среди сотрудников филиала было девять докторов наук, 13 профессоров и 35 кандидатов наук.[549]

Усилия ученых филиала были направлены на решение задач социалистического строительства. В 1940 г. учреждениями филиала разрабатывались следующие темы: 1. Природные ресурсы Узбекистана и пути их рационального использования. 2. Проблемы Ферганы и Голодной степи как хлопковой базы СССР. 3. Экономическое районирование Узбекской ССР. 4. Научные основы освоения пустынь и горной территории Узбекистана. 5. История народов Узбекистана. 6. Развитие языка и литературы народов Узбекистана.[550]

Как известно, в конце 30-х годов в ряде союзных республик, по инициативе трудящихся, методами народной скоростной стройки возводились крупные мелиоративные сооружения. Зачинателями этого славного патриотического почина выступили колхозники-хлопкоробы Ферганской области Узбекистана. При поддержке республиканской партийной организации они в период работы XVIII съезда ВКП(б) построили Ляганский канал. Через полгода был сооружен Большой Ферганский канал.[551]

Ученые Узбекского филиала также включились в строительство мелиоративных сооружений. В начале февраля 1940 г. Президиум филиала образовал штаб для содействия народным скоростным ирригационным стройкам.[552] При участии сотрудников филиала сооружались Ташкентский, Большой Ферганский и другие каналы. Помогали ученые и строителям водохранилищ. Изыскания сотрудников Геологического и Ботанического институтов, Института водохозяйственных проблем, Сектора зоологии позволили им дать рекомендации, связанные с определением трассы каналов, мест сооружения водохранилищ, рациональным использованием земель и водных ресурсов. Археологи собрали ценные сведения о памятниках материальной культуры в районах строительства мелиоративных сооружений.[553]

В Физико-математическом секторе филиала велись работы по математической статистике (В. И. Романовский). Геологический институт развернул поиски полезных ископаемых на территории республики. Благодаря изысканиям ученых Химического института совершенствовалась технология производства цемента. В 1941 г. увидел свет 1-й том капитального труда «Флора Узбекистана». Были подготовлены сводные почвенные карты республики и ее отдельных областей. Ученые давали рекомендации, имевшие целью повышение урожайности на богарных землях. Велось исследование одного из промышленных отходов хлопководства — хлопковой шелухи на маслобойных заводах. В результате проведенных работ удалось получить сырье для производства фурфурола (ксилозы).[554]

Под руководством и при участии ученых в 1940 г. осуществлялась языковая реформа — перевод узбекской письменности с латинизированного на русский алфавит. Институт языка, литературы и истории подготовил русско-узбекский и узбекско-русский словари (Т. Н. Кары-Ниязов и др.). Был составлен 1-й том словаря к произведениям А. Навои. Изучались жизнь и творчество крупнейших поэтов и писателей Узбекистана. Ученые-историки работали над подготовкой учебников и учебных пособий по истории республики.[555]

Только в течение первых двух пятилеток в Узбекской ССР вступило в строй 380 предприятий. Республике принадлежала решающая роль в обеспечении текстильной промышленности страны хлопком-сырцом.[556] Трудящиеся Узбекистана добились выдающихся успехов в осуществлении задач культурной революции. Одним из наиболее убедительных свидетельств экономического и духовного возрождения Узбекистана являлись развитие науки, подготовка национальных научных кадров, создание в республике филиала АН СССР.

Примечательно, что уже в рассматриваемый период выдвигалась задача организации Академии наук Узбекской ССР. В резолюциях первой конференции по изучению производительных сил Узбекской ССР указывалось: «Учитывая наличие в УзССР значительного количества научно-исследовательских учреждений, крупных библиотечных фондов и большого числа научных работников высокой квалификации вообще и из среды коренного населения в частности, нельзя не приветствовать постановку вопроса о создании с братской помощью союзных научных центров Узбекской академии наук».[557]

Таджикский филиал. Конец 20-х—начало 30-х годов характеризуются усилением научной деятельности Академии наук в Таджикистане. На необходимость расширения фронта исследований в республике указывал I учредительный съезд КП(б) Таджикистана, состоявшийся в июне 1930 г. «Реконструкция народного хозяйства в Таджикистане, — говорилось в резолюции съезда о задачах культурного строительства, — во всей остроте выдвигает проблемы научно-исследовательской работы. Организация ячеек по исследовательской работе, научно-исследовательских организаций, краеведческих объединений, марксистских обществ является конкретной задачей в этой области работы».[558]

Вопросы, связанные с организацией исследований в Таджикистане, неоднократно рассматривались на заседаниях Президиума АН СССР. 11 июня 1929 г. А. Е. Ферсман докладывал Президиуму АН СССР о поступившем в Академию наук предложении правительства республики выполнить ряд исследовательских работ на ее территории. Президиум АН СССР принял постановление, в котором говорилось: «. . . Считать весьма важным и желательным, по возможности, пойти навстречу пожеланиям республики».[559]

В августе 1930 г. Академия наук образовала Таджикскую научную комиссию, которую возглавлял А. Е. Ферсман. Членами комиссии являлись А. Ф. Иоффе, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и другие ученые.[560] На первом организационном заседании комиссии, состоявшемся в Ленинграде 30 августа 1930 г., рассматривались проблемы, касающиеся экономического и культурного развития Таджикистана, организации научных исследований в республике. «Все мы, собравшиеся здесь, давно увлечены идеей работ в Таджикистане»,[561] — говорил в своем выступлении на заседании комиссии А. Е. Ферсман. Он отмечал насущную потребность в организации научных центров на местах, создании исследовательской базы в Таджикистане.

Комиссия должна была содействовать организации исследований в республике, осуществлять научное руководство работой местных учреждений по изучению производительных сил, участвовать в решении практических задач, выдвигаемых правительственными органами республики. Совнарком Таджикистана оказывал постоянную помощь комиссии, стремился укрепить ее контакты с государственными органами и научными учреждениями республики.[562]

1 марта 1931 г. постоянное представительство Таджикской ССР при Совнаркоме СССР обратилось к Академии наук с просьбой принять участие в решении ряда конкретных вопросов, относящихся к организации и проведению исследований в республике. Откликаясь на эту просьбу, 4 марта 1931 г. Президиум АН СССР принял постановление, в котором говорилось о необходимости подготовки молодых исследователей для научных учреждений Таджикистана, подбора для них литературы из дублетного фонда Института востоковедения, проведения работ по экономическому районированию республики и т. д.[563]

Интенсивно развивалась экспедиционная деятельность Академии наук в Таджикистане.

В 1928 г. в республике работала экспедиция ученых под руководством Е. Н. Павловского. В июне 1928 г. ЦИК Советов и Наркомздрав республики писали в Зоологический музей АН СССР о том, что «работниками экспедиции Академии наук положено солидное начало паразитологическому обследованию Таджикистана».[564]

Материалы по географии Памира, его флоре и фауне собрали участники Памирской высокогорной советско-германской экспедиции, организованной в 1928 г. Одновременно были выполнены исследования в области геологии, минералогии, геодезии, топографии и этнографии. Руководил экспедицией Н. П. Горбунов, его заместителем был Д. И. Щербаков. Во главе германских ученых, участников экспедиции, стоял путешественник и литератор В.-Р. Рикмерс.[565]

В 1930 г. масштабы экспедиционных исследований в республике возросли: здесь стала работать Таджикская экспедиция АН СССР.[566] В 1932 г. была организована Таджикско-Памирская комплексная экспедиция, которой руководил Н. П. Горбунов. В экспедиции участвовали сотрудники местных научных учреждений. Она развернула геологические, геохимические, геоботанические и этнографические исследования. Были открыты новые запасы полезных ископаемых. «Основным достижением является то, что перед нами лежат уже материалы, характеризующие перспективы развития горных богатств молодой республики, и намечены пути и направления, по которым должны быть изменены наметки хозяйственного строительства Таджикистана»,[567] — писал в 1933 г. Н. П. Горбунов.

Участники экспедиций многое сделали для организации исследовательских учреждений в Таджикистане. Развитию науки в республике весьма содействовали ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента.

В числе первых научных ячеек Таджикистана должна быть упомянута республиканская Сельскохозяйственная опытная станция, организованная Наркомземом Таджикской АССР в начале 1927 г. Тогда же приступила к работе Зоотехническая станция.

Для руководства научной деятельностью в январе 1930 г. при ЦИК Таджикистана был организован Ученый комитет. К концу 1932 г. в Таджикистане работало 13 научных учреждений. Среди них были институты: Таджикский государственный научно-исследовательский, Промышленности Таджикистана, Экономических обследований, Тропический, Санитарно-бактериологический, Гидрометеорологический, Комитет таджиковедения, ряд опытных станций, проводивших исследования в области богарного земледелия, хлопководства, животноводства, зооветеринарии и др.[568] В 1932 г. при содействии АН СССР и Ленинградского университета в Душанбе была организована Астрономическая обсерватория.[569]

В 30-е годы стали функционировать первые высшие учебные заведения Таджикистана: педагогические институты в Ленинабаде, Сталинабаде и Ходженте, Медицинский институт и другие вузы.[570]

Благодаря укреплению связей Академии наук с Таджикистаном, формированию сети исследовательских учреждений и вузов респуб-

лики создавались предпосылки для организации здесь центра академической науки.

10 марта 1932 г. правительство Таджикской ССР приняло постановление, в котором говорилось: «Необходимость организации в г. Сталинабаде постоянного филиала Академии наук подтвердить. Перевести в Ленинград Академии наук 20 000 руб. из резервного фонда СНК впредь до определения источников».[571]

13 марта 1932 г. Комиссия по базам внесла в Президиум АН СССР предложение открыть в 1932 г. базу Академии наук в Таджикской ССР в составе отделов биологии, геологии и группы языка. На другой день, 14 марта 1932 г., Президиум АН СССР постановил: «признать необходимым организовать в 1932 г. базу в Сталинабаде в составе отделов биологии, геологии и языка».[572] Временно исполняющим обязанности председателя Президиума базы утверждался Н. П. Горбунов, ученым секретарем стал А. И. Васильев, заведующим Биологическим сектором — Б. А. Федченко. Позднее, 21 апреля 1932 г. Президиум АН СССР по просьбе Н. П. Горбунова освободил его от временного исполнения обязанностей председателя Президиума базы. Руководство базой было возложено на С. Ф. Ольденбурга.[573]

Вопрос об организации базы обсуждался на заседании Общего собрания, состоявшемся 29 марта 1932 г. Общее собрание утвердило постановление Президиума АН СССР от 14 марта 1932 г.[574]

Правительственные органы Таджикистана стремились ускорить создание базы. 30 марта 1932 г. на заседании Президиума АН СССР докладывалась телеграмма постоянного представительства Таджикской ССР при Совнаркоме СССР, в которой содержалась просьба об ускорении организации базы. Этот же правительственный орган республики в марте 1932 г. просил Академию наук направить в Таджикистан бригаду ученых; Президиум АН СССР признал целесообразной организацию такой бригады.[575]

База стала функционировать в г. Сталинабаде в апреле 1932 г. Первоначально она именовалась Сталинабадской, а с августа 1932 г. в соответствии с постановлением Президиума АН СССР — Таджикской (в течение ряда лет базу называли Таджикистанской).[576]

В целях ознакомления с достижениями республики в хозяйственном и культурном строительстве, деятельностью Таджикской базы и других научных учреждений в октябре 1932 г. Академия наук направила в Таджикистан бригаду ученых, которой руководил В. Л. Комаров. В состав бригады, утвержденной Президиумом АН СССР 14 октября 1932 г., входили А. Ф. Иоффе, Д. В. Наливкин, С. Ф. Ольденбург, Е. Н. Павловский, Д. Н. Прянишников и другие ученые.[577]

Бригада находилась в Таджикистане с 28 октября по 3 ноября 1932 г. Ученые встречались с руководителями республики, знакомились с научными учреждениями и учебными заведениями Таджикистана, выступали здесь с лекциями и докладами. Они участвовали в обсуждении вопросов, связанных с деятельностью Таджикско-Памирской экспедиции. 3 ноября 1932 г. на заседании членов Совнаркома Таджикской ССР, проходившем при участии ученых, рассматривалась работа Таджикской базы. «Прежде всего был поставлен

вопрос о базе и о необходимости направить на работу в ней ряд сотрудников, — писал С. Ф. Ольденбург. — Вместе с тем был поставлен важнейший вопрос о подготовке кадров».[578]

Ученые были восхищены достижениями республики в хозяйственном и культурном строительстве. От имени Академии наук они обещали оказывать Таджикистану помощь в решении стоявших перед республикой социально-экономических задач.[579] Итоги пребывания ученых в республике были обобщены в «Докладной записке Таджикистанской бригады» — документе, представленном Президиуму АН СССР,[580] и статье С. Ф. Ольденбурга. «Все участники бригады считают, что посещение Таджикистана дало им очень много, многому их научило»,[581] — писал С. Ф. Ольденбург.

28 декабря 1932 г. В. Л. Комаров докладывал Президиуму АН СССР о результатах поездки ученых в Таджикистан. Одновременно Президиум АН СССР заслушал сообщение Н. П. Горбунова об итогах работы Таджикско-Памирской экспедиции. В постановлении Президиума отмечалось большое научное и народнохозяйственное значение работ экспедиции, выражалась благодарность ученым — участникам академической бригады. Утверждалась новая структура базы, согласно которой предусматривалось создание секторов: Геолого-геохимического, Биологического, Историко-лингвистического, Комиссии экспедиционных исследований, Сейсмологической и Паразитологической станций, а также Ботанического сада. Был утвержден новый состав Президиума базы: С. Ф. Ольденбург (председатель), Н. П. Горбунов и Иса Ходжаев (заместители председателя), Б. А. Федченко, Д. И. Щербаков (члены Президиума) и А. И. Васильев (ученый секретарь). Руководство учреждениями базы возлагалось на Н. П. Горбунова (Комиссия экспедиционных исследований), Д. И. Щербакова (Геолого-геохимический сектор) и Е. Н. Павловского (Паразитологическая станция).[582]

Поездка бригады ученых в Таджикистан — один из многих фактов, свидетельствовавших о стремлении Академии наук помочь республике в организации научной работы, ускорить процесс формирования здесь центра академической науки.

В состав ученого совета базы, утвержденный Президиумом АН СССР 19 декабря 1932 г., входили академики Г. О. Графтио, Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Б. А. Келлер, В. Л. Комаров, С. Ф. Ольденбург, Д. Н. Прянишников, А. А. Рихтер, А. Е. Ферсман, члены-корреспонденты АН СССР В. Г. Глушков, В. Н. Любименко и В. В. Таланов. Членами совета базы были утверждены также А. И. Васильев, Н. П. Горбунов, И. П. Герасимов, И. И. Зарубин, В. А. Ковда, Д. В. Наливкин, Е. Н. Павловский, Б. А. Федченко, Д. И. Щербаков и другие ученые.[583]

Широкий комплекс проблем, касающихся социально-экономического развития Таджикистана, рассматривался на первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР, состоявшейся 10—17 апреля 1932 г. в Ленинграде. Конференцию организовали Совнарком Таджикской ССР и Академия наук СССР. Общее число участников конференции составляло 315 человек; среди них

были руководители республики, более 120 ученых Академии наук, представители 44 внеакадемических учреждений и вузов.[584] В работе конференции участвовали А. П. Карпинский, Н. И. Вавилов, В. П. Волгин, В. Г. Глушков, В. Л. Комаров, Б. А. Келлер, Д. И. Мушкетов, Д. В. Наливкин, С. Ф. Ольденбург, Д. Н. Прянишников, А. А. Рихтер, Б. А. Федченко, А. Е. Ферсман, Д. И. Щербаков и другие ученые. Была развернута выставка о достижениях Таджикской ССР.[585] В докладах на конференции, в принятых ею резолюциях намечались перспективы развития промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры Таджикской ССР.[586]

Заслушав доклад А. Е. Ферсмана о результатах работы конференции, 7 мая 1933 г. Президиум АН СССР отметил ее политическое значение в укреплении связей Таджикской ССР с рабочим классом и учеными Ленинграда. В постановлении Президиума АН СССР говорилось о необходимости усиления помощи Таджикистану в исследовании и освоении его производительных сил.[587]

Конференция способствовала расширению научной деятельности базы, ее организационному укреплению. «Констатировать, что за 1933 г. Таджикская база АН СССР сложилась в комплексный научно-исследовательский центр, отвечающий задачам изучения природных ресурсов Таджикистана и развития таджикской национальной культуры»,[588] — так Президиум АН СССР оценивал работу базы в 1933 г.

Процесс расширения деятельности базы находил свое отражение в создании новых учреждений, совершенствовании ее организационной структуры. Среди новых учреждений базы должна быть упомянута Паразитологическая станция, приступившая к работе летом 1933 г. В 1938 г. в ведение базы перешла Памирская биологическая станция, ранее находившаяся в составе учреждений Среднеазиатского университета.[589]

В 1934 г. в составе базы работали четыре научных учреждения, в том числе два сектора (Ботанический с Ботаническим садом и Историко-лингвистический) и две станции (Паразитологическая и Геохимическая в Ходженте). К концу 1939 г. число учреждений базы увеличилось до шести, среди них были четыре сектора (Геологический, Зоолого-паразитологический, Ботанический и Историко-лингвистический) и две станции (Вахшская почвенно-мелиоративная и Памирская биологическая).[590] Президиум базы и большинство ее научных учреждений размещались в столице республики — г. Сталинабаде.

Принимались меры к тому, чтобы обеспечить учреждения базы кадрами. В декабре 1932 г. Бюро ЦК КП(б) Таджикистана утвердило кандидатов в аспирантуру Академии наук от Таджикской ССР.[591]

Среди первых аспирантов, направленных республикой в аспирантуру АН СССР, был историк З. Ш. Раджабов. Он проходил обучение в аспирантуре Института востоковедения с февраля 1933 г., а в мае 1937 защитил кандидатскую диссертацию. З. Ш. Раджабов с благодарностью вспоминал о той заботе, которую проявляли о нем С. Ф. Ольденбург и другие ученые института.[592] Рассказывая о времени обуче-

ния в Ленинграде, З. Ш. Раджабов писал: «С чувством глубокой благодарности к людям этого чудесного города за то, что они помогли мне и моим землякам из Средней Азии приобрести знания, приобщили нас к большой культуре, я выехал на постоянную работу в г. Душанбе».[593] Впоследствии З. Ш. Раджабов был избран академиком Академии наук Таджикской ССР.

В аспирантуре Физико-технического института в Ленинграде обучался С. У. Умаров, будущий президент Академии наук Таджикской ССР.[594]

О пополнении кадров базы молодыми исследователями постоянно заботились ее руководители. Показательно в этом отношении письмо Е. Н. Павловского с информацией о работе базы, которое он направил В. Л. Комарову в декабре 1935 г. «Я всячески ищу пути дальнейшего развития наших работ на академической базе: стремлюсь... сколотить крепкий коллектив работников, так как главной задачей ученого считаю оставление после себя дела на ходу с надежными преемниками, которые будут дальше развивать и совершенствовать взятые направления работ»,[595] — писал Е. Н. Павловский.

О росте кадров базы говорят следующие данные. Если в 1932 г. в ее учреждениях работало 28 сотрудников, то в 1940 г. количество сотрудников базы достигало 127. Число докторов наук и профессоров выросло за эти годы с двух до пяти. В 1940 г. в учреждениях базы трудились 22 кандидата наук. Количество старших научных сотрудников увеличилось с восьми в 1932 г. до 43 в 1940 г; соответственно численность младших научных сотрудников выросла с шести до 28. В 1932 г. база имела четырех научно-технических сотрудников, а в 1940 г. — 19. В 1940 г. пятую часть от общего числа научных сотрудников базы составляли доктора и кандидаты наук.[596]

Произошли изменения в составе руководящих органов базы. В 1935 г. во главе ее стоял А. А. Рихтер, членами Президиума базы являлись Е. Э. Бертельс, Н. П. Горбунов, Е. Н. Павловский, Д. И. Щербаков и др.[597] С 1937 г. работой базы руководил Е. Н. Павловский.

Тематика исследований базы определялась потребностями хозяйственного и культурного строительства Таджикистана.

В сотрудничестве с учеными центральных академических учреждений, участниками Таджикско-Памирской экспедиции база вела работы по исследованию минеральных ресурсов республики. В ноябре 1936 г. в Москве, в здании Президиума АН СССР открылась выставка «Горные богатства Таджикистана». Она была посвящена Чрезвычайному VIII Всесоюзному съезду Советов. Выступая с речью при открытии выставки, Н. П. Горбунов отметил, что она отражала итоги пятилетней работы Таджикско-Памирской экспедиции, а также деятельности Таджикской базы АН СССР по исследованию полезных ископаемых республики. Выставка, подчеркивал Н. П. Горбунов, утверждала новую точку зрения советских ученых, заключавшуюся в признании того факта, что Средняя Азия, в частности Таджикистан, обладает большими запасами полезных ископаемых.[598]

В феврале 1937 г. Президиум АН СССР отметил крупные достижения Таджикско-Памирской экспедиции. Одновременно в целях активизации работ Таджикской базы и обеспечения преемственности в экспедиционных исследованиях на территории республики было решено создать в составе базы Геологический сектор.[599] Сотрудники этого сектора занимались поисками новых месторождений полезных ископаемых. В 1939—1940 гг. они открыли месторождения железных руд, бокситов, полиметаллическое месторождение и др.

Проблемы рационального использования, преобразования и охраны растительности разрабатывались Ботаническим сектором и Памирской биологической станцией. П. А. Баранов и И. А. Райкова доказали возможность развития земледелия на Восточном Памире и выращивания культуры картофеля на Западном Памире. В 1939 г. Памирская биологическая станция была участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Работы Вахшской почвенно-мелиоративной станции были направлены на борьбу с засолением почв в хлопковых районах Таджикистана. Исследования сотрудников Варзобской горноботанической станции имели своей целью выработать рекомендации для использования лесистых склонов гор под плодовые сады.

Под руководством Е. Н. Павловского велись исследования по медицинской и санитарной паразитологии, инвентаризации фауны Таджикистана. Результаты работ паразитологов по профилактике клещевого возвратного тифа применялись в медицинских учреждениях республики.[600]

«Таджикская база АН СССР сыграла важную роль в культурном строительстве и развитии общественных наук»,[601] — писал чл.-кор. АН СССР М. С. Асимов.

Значительным событием в исторической науке стала находка согдийских документов на горе Муг (верховья Зеравшана). После первых находок на горе Муг в 1933 г. туда выехала совместная экспедиция Таджикской базы и Института востоковедения АН СССР, которой руководил чл.-кор. АН СССР А. А. Фрейман. В результате работ экспедиции наука обогатилась целой коллекцией уникальных памятников согдийского языка и письменности.[602] Тогда же началось углубленное изучение согдийских документов.

Итоги исследований ученых базы обобщались в ее трудах, издание которых началось в первые же годы работы базы.

В декабре 1940 г. с деятельностью Таджикской базы знакомилась образованная Комитетом филиалов и баз АН СССР комиссия, которую возглавлял чл.-кор. АН СССР Д. Л. Талмуд. Высоко оценив работу базы, комиссия высказала конкретные предложения, направленные на ее совершенствование (уточнение тематики исследований, улучшение подготовки национальных научных кадров, укрепление материальной базы учреждений).[603]

Рост сети учреждений базы, повышение квалификации ее кадров, опыт, накопленный ею в области организации исследований, — все это создавало условия для преобразования базы в филиал.

10 ноября 1940 г. Совнарком СССР принял постановление «О реор-

ганизации Таджикской базы в Таджикский филиал Академии наук СССР». Совнарком СССР признал необходимым удовлетворить просьбу Совнаркома Таджикской ССР и Президиума АН СССР о преобразовании академической базы в Таджикистане в филиал Академии наук.[604]

Научные учреждения филиала формировались на основе секторов базы и других исследовательских учреждений республики.

В 1941 г. в составе филиала работали 10 научных учреждений, в том числе четыре института (Геологический, Ботанический, Зоологии и паразитологии, Истории, языка и литературы), два сектора (Почвенный и Гелиотехнический), одна лаборатория (Химическая), две станции (Памирская биологическая, Вахшская почвенно-мелиоративная) и Астрономическая обсерватория. Ботанический институт имел в своем составе Ботанический сад в Сталинабаде с отделением в Хороге, Варзобский горноботанический сад и ряд лесных опытных пунктов.

Председателем Президиума филиала был утвержден Е. Н. Павловский, его заместителем — Б. Е. Быховский.[605]

В целях подготовки научных кадров в 1941 г. при филиале была организована аспирантура без отрыва от производства.[606]

Преобразование Таджикской базы в филиал Академии наук убедительно свидетельствовало о том, что организация научной деятельности в республике поднялась на новый, более высокий уровень.

Туркменский филиал. Стремление ученых Академии наук содействовать подъему экономики и культуры Туркменской ССР проявилось в усилении ее экспедиционных исследований на территории республики.

В 1925 г. Академия наук организовала первую Каракумскую экспедицию, которой руководил А. Е. Ферсман. Среди ее участников был Д. И. Щербаков. Перед экспедицией стояли задачи, связанные с изучением месторождений серы и их промышленным освоением.[607]

В 1926 г. в Академии наук состоялось совещание «по вопросу об организации комплексного обследования Туркменистана». В работе совещания участвовали Л. С. Берг, В. Г. Глушков, А. А. Григорьев, С. Ф. Ольденбург, С. И. Руденко, Б. А. Федченко, А. Е. Ферсман, Д. И. Щербаков и другие ученые. На совещании были подведены первые итоги экспедиционных работ в Туркмении и определены задачи по исследованию производительных сил республики.[608]

В 1926 и 1929 гг. Академия наук направила в Туркмению вторую и третью каракумские экспедиции. Благодаря изысканиям ученых в Каракумах был построен завод, производивший серу. Здесь же вырос поселок. Была решена имевшая народнохозяйственное значение проблема получения серы.[609]

«При содействии Туркменского правительства в настоящее время начато комплексное географическое и гидрологическое изучение всей пустыни, а в целях общего освещения природных ресурсов всей республики издается трехтомный труд „Туркмения", имеющий целью свести воедино все результаты изучения человека и производительных сил этой интересной области»,[610] — писал А. Е. Ферсман в 1929 г.

4 июня 1929 г. Президиум АН СССР заслушал сообщение А. Е. Ферсмана о посещении Академии наук председателем Совнаркома Туркменской ССР К. С. Атабаевым и высказанном им пожелании об усилении научных исследований в Туркмении. Идя навстречу этому пожеланию, Президиум АН СССР образовал упоминавшуюся выше Комиссию по изучению Туркменской ССР во главе с А. Н. Самойловичем.[611] (В документах АН СССР она именовалась Туркменской комиссией).

В августе 1929 г. Совнарком Туркмении одобрил создание Туркменской комиссии и просил Академию наук «усилить научно-исследовательские работы на территории ТССР в целях выявления и использования ее естественных богатств в народном хозяйстве».[612]

Оценивая деятельность Туркменской комиссии, президент Академии наук Туркменской ССР, чл.-кор. АН СССР А. Г. Бабаев впоследствии писал: «Выводы и предложения комиссии способствовали правильному определению основных направлений научной разработки проблем развития производительных сил края».[613]

Признанием заслуг Академии наук в исследовании производительных сил Туркмении стало избрание в мае 1929 г. А. Е. Ферсмана членом ЦИК республики. Выражая благодарность за высокое доверие, А. Е. Ферсман писал ЦИК Туркменской ССР: «Буду рад принять участие в деле строительства Советской Туркмении, перед которой сейчас стоят громадные хозяйственные и культурные задачи».[614]

В 1930 г. на территории Туркмении работала единая комплексная экспедиция Академии наук, состоявшая из шести отрядов (Каракумского географического, Животноводческого, По изучению верблюдоводства, Мургабского паразитолого-гигиенического, По изучению сорных растений и Лингвистического). Кроме того, продолжались геохимические исследования на острове Челекен.[615]

Экспедиционные исследования в Туркмении продолжали развиваться в 1931—1933 гг., чему содействовала организация в ноябре 1932 г. упоминавшейся выше Туркменской секции СОПС.[616]

При участии ученых Академии наук велось промышленное освоение природных богатств залива Кара-Богаз-Гол. В мае 1930 г. Академия наук заключила договор с трестом «Карабогазсульфат», взяв на себя обязательство выполнить ряд исследований, связанных с обеспечением успешной работы треста.[617]

15—22 декабря 1933 г. в Ленинграде состоялась первая конференция по изучению производительных сил Туркменской ССР, организованная Совнаркомом республики и Академией наук. На конференции работали семь секций — Промышленно-энергетическая, Водного хозяйства, Освоения Каракумов, Растениеводства, Животноводства, Легкой и кустарной промышленности, Культуры и человека. Было заслушано 95 докладов. Среди докладчиков находились председатель Совнаркома Туркменской ССР К. С. Атабаев, академики Н. И. Вавилов, И. М. Губкин, В. Л. Комаров, Н. С. Курнаков и др. Участники конференции выступили с докладами о достижениях Туркмении в хозяйственном и культурном строительстве на заводах и фабриках Ленин-

града. Была организована выставка о развитии производительных сил республики.[618]

Конференция подвела итоги исследовательских работ по изучению производительных сил Туркмении, определила перспективы их развития.[619] Работа конференции получила высокую оценку Президиума АН СССР.[620]

На конференции выдвигался вопрос о создании филиала Академии наук в Туркмении, но вследствие того, что для его организации тогда еще не имелось необходимых условий, решение этого вопроса было отложено.[621]

В соответствии с рекомендациями конференции в 1934 г. Академия наук организовала Туркменскую комплексную экспедицию. Перед экспедицией была поставлена задача — продолжить исследования, начатые каракумскими экспедициями. Состоявшая из семи отрядов, экспедиция вела изучение районов Западной Туркмении в целях их промышленного освоения. Осуществлялись геологические, геоморфологические, геоботанические, гидрогеологические, паразитологические и другие исследования. Экспедиция работала в сотрудничестве с рядом центральных и местных научных организаций.[622]

Туркменская комплексная экспедиция продолжала функционировать и в последующие годы. В 1935 г. Президиум АН СССР утвердил президиум ученого совета экспедиции в составе: А. Е. Ферсман (председатель), В. Н. Васильев, Д. И. Щербаков (заместители председателя), И. П. Герасимов, Б. А. Федорович и др. В 1938 г. Перзидиум АН СССР возложил научное руководство экспедицией на И. М. Губкина.[623]

Экспедиционные исследования Академии наук в Туркмении способствовали росту экономики и культуры республики, становлению и развитию ее научных учреждений, формированию национальных кадров ученых. Большой научный интерес представляли изданные Академией наук труды, в которых обобщались результаты ее экспедиционных работ в Туркменской ССР.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов в республике создавались новые научные учреждения. Среди них были Туркменская станция Всесоюзного института растениеводства. Станция лесомелиоративного и лесного хозяйства, Республиканская опытная станция, медицинские учреждения и другие исследовательские ячейки.[624]

В 1928—1932 гг. функционировал Институт туркменской культуры (Туркменкульт), способствовавший объединению научных исследований в республике. Институт занимался изучением истории, языка, литературы, археологии, этнографии, фауны и флоры республики. В 1932 г. был организован Туркменский государственный научно-исследовательский институт (ТГНИИ), работавший в составе отделений языка и литературы, искусства, истории и др. В 1936 г. на основе этого института создаются Институт истории и Институт языка и литературы.[625]

Одновременно с организацией научных учреждений создавались первые вузы Туркменской ССР. В их числе находились открытые

в начале 30-х годов Педагогический, Медицинский и Сельскохозяйственный институты.

В декабре 1937 г. при Совнаркоме Туркменской ССР стал функционировать Комитет по делам наук, осуществлявший руководство научной деятельностью в республике. Создание этого органа являлось важным этапом на пути организации Туркменского филиала АН СССР.[626]

О росте численности научных учреждений и кадров ученых в Туркмении можно судить на основании следующих данных. Если к началу 1938 г. в республике имелось 17 научных учреждений, то к началу 1941 г. это число увеличилось в два с лишним раза, достигнув 35. Количество научных работников соответственно возросло с 207 до 487. В начале 1941 г. в Туркмении трудились 12 докторов наук, 54 кандидата наук, 84 профессора и доцента.[627]

Таким образом, в Туркмении имелись необходимые условия для создания академического филиала. В ответ на ходатайство Совнаркома Республики 26 октября 1940 г. Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли постановление «Об организации филиала Академии наук СССР в Туркменской ССР».[628] В соответствии с этим постановлением Совнарком Туркменской ССР вынес два решения «Об организации Туркменского филиала Академии наук СССР» (6 декабря 1940 г.) и «О руководящих органах Туркменского филиала Академии наук СССР» (19 декабря 1940 г.). Были определены структура и руководящие органы филиала. В связи с созданием филиала упразднялся Комитет по делам наук при Совнаркоме республики.[629]

17 декабря 1940 г. Президиум АН СССР утвердил структуру филиала. На сессии Общего собрания, состоявшейся 27—28 декабря 1940 г., председателем Президиума филиала был избран Б. А. Келлер. В состав ученого совета филиала, утвержденного Президиумом АН СССР в 1941 г., входили Б. А. Келлер (председатель), М. В. Кирпичев, Е. Н. Павловский, А. В. Шестаков, Л. С. Штерн и другие ученые.[630]

Открытие филиала состоялось 7 апреля 1941 г. В период с 7 по 10 апреля 1941 г. работала первая сессия ученого совета филиала, обсудившая доклад Б. А. Келлера «О плане и задачах Туркменского филиала АН СССР», а также ряд других докладов, посвященных различным проблемам науки и техники. Был одобрен план научно-исследовательских работ филиала на 1941 г.[631]

В 1941 г. филиал объединял семь научных учреждений, в том числе три института и четыре лаборатории. В составе филиала работали Геологический и Биологический институты, Институт истории, языка и литературы, Геофизическая и Химико-аналитическая лаборатории, лаборатории Гелиотехники и водоопреснения и Фотокино. Биологический институт имел в своем составе Ботанический сад в Ашхабаде, Богарное опытное поле в Фирюзе, Репетекскую песчано-пустынную станцию. Преобладающее большинство учреждений филиала размещались в Ашхабаде.[632]

Туркменский филиал Академии наук представлял собой главный научный центр республики.

Годы предвоенных пятилеток характеризуются крупнейшими достижениями в экономическом и социальном развитии Казахстана. Капиталовложения в народное хозяйство республики превысили 1.5 млрд. рублей. Выросли национальные кадры рабочего класса. Казахское крестьянство перешло от кочевой жизни к оседлому земледелию. В процессе социально-экономических преобразований изживались феодальные и религиозные пережитки среди населения республики. Трудящиеся приобщались к достижениям науки и культуры. Преодолев экономическую и культурную отсталость, Казахстан превратился в развитую индустриально-аграрную республику.[633]

Росла сеть научных учреждений республики. Для проведения исследований в области сельского хозяйства были образованы институты: Удобрений и агропочвоведения (1926), Почвенный в Кзыл-Орде (1929), Социалистической реконструкции сельского хозяйства (1931), Земледелия (1935) и др. В 1940 г. стал функционировать Казахский филиал ВАСХНИЛ. В различных районах республики организовывались опытные станции. В Алма-Ате приступили к работе отделения Геологического комитета и Института цветных металлов.

В 1931 г. при ЦИК республики был создан Казахский институт марксизма-ленинизма (с 1933 г. преобразован в Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма). Проблемы обществоведения разрабатывали Институт экономических исследований при Госплане республики (1930), Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры (1934) и другие научные учреждения.

Руководство научной деятельностью в республике осуществлял Комитет науки при Президиуме ЦИК Казахстана, образованный в 1934 г.

Среди первых вузов республики следует упомянуть созданные в конце 20-х — начале 30-х годов Педагогический и Медицинский институты. В 1934 г. в Алма-Ате был открыт Казахский университет.[634]

Научные учреждения и вузы создавались одновременно с формированием центра академической науки Казахстана.

Казахстан известен как «кладовая» подземных богатств Советского Союза. Вполне понятно поэтому то огромное внимание, какое уделяли ученые Академии наук проблемам исследования и освоения природных ресурсов Казахстана.

По просьбе правительства Казахстана 11 и 18 января, 10 февраля 1926 г. Академия наук созвала совещания по вопросу об исследовании производительных сил республики. Совещаниями руководил А. Е. Ферсман. Была выработана программа экспедиционных работ на территории Казахстана.[635] 13 февраля 1926 г. Президиум АН СССР одобрил пятилетний план исследований производительных сил республики. Об этом плане руководство Академии наук информировало ЦИК Казахской АССР, особо отметив, что предложение правительства республики об организации изучения ее производительных сил

было «принято Президиумом Академии наук СССР весьма сочувственно».[636]

Вопрос «О поручении Академии наук СССР работ по исследованию Казахстана» рассматривался на заседании Совнаркома республики, состоявшемся 10 марта 1926 г. Было принято решение, в соответствии с которым Академии наук поручались исследовательские работы «хозяйственно-экономического, почвенно-ботанического, геологического, гидрологического и медико-санитарного порядка».[637] 3 апреля 1926 г. С. Ф. Ольденбург докладывал Общему собранию о том, что правительство Казахстана одобрило намеченный Академией наук план исследований на территории республики и отпустило необходимые средства.[638] Высказывая соображения о задачах экспедиционных работ АН СССР, 4 апреля 1926 г. правительство республики в письме, направленном в Академию наук, выражало «горячее пожелание успеха Академии наук в начинаемом ею беспримерном по объему и трудности деле всестороннего изучения Казахстана, долженствующем лечь в основу государственного строительства республики».[639]

Пожелания правительства Казахстана о содержании исследований определили организационную структуру Казахстанской экспедиции Академии наук. В 1926 г. она включала в свой состав отряды: статистико-экономический, антропологический, по биологическому обследованию пород домашних животных, почвенно-ботанический и геологическую партию. В 1928 г. организационное построение экспедиции, за исключением незначительных изменений, оставалось таким же, как и в 1926 г.[640] Научное руководство работой отрядов осуществляли С. С. Неустроев, С. И. Руденко, Ю. А. Филипченко и другие ученые. Координировала экспедиционные работы уже упоминавшаяся Комиссия по изучению Казахской АССР.

Участники экспедиции вели антропологические и медико-санитарные исследования среди населения Казахстана. Они развернули статистико-экономические и почвенно-ботанические работы, что имело не только теоретическое, но и практическое значение. Практической направленностью отличались работы по биологическому обследованию пород домашних животных. Изучались месторождения полезных ископаемых и соляные озера Казахстана.[641]

Государственные органы Казахстана внимательно следили за ходом экспедиции. Госплан республики неоднократно обращался в Академию наук с просьбами сообщить сведения о результатах выполненных исследований. В ноябре 1929 г. Наркомзем Казахской АССР выразил благодарность ученым за работы по исследованию паразитов домашних животных, выполненные в 1928 и 1929 гг.[642]

При участии ученых Академии наук в апреле 1930 г. в Алма-Ате работал 1-й научно-краеведческий съезд Казахстана. На нем рассматривались проблемы экономического и культурного развития республики. А. Е. Ферсман выступил на съезде с докладом «О состоянии научно-исследовательской работы в Казахстане».[643]

25 мая 1930 г. А. Е. Ферсман информировал Общее собрание о результатах своей командировки в Казахстан, Грузию, Киргизию и

Туркмению. Ученый высказался за то, чтобы поддерживать инициативу «по созданию местных научных организаций и организацию местных съездов».[644]

В целях усиления исследований производительных сил республики в 1932 г. на базе отрядов Казахстанской экспедиции были организованы восемь самостоятельных экспедиций, развернувших работы в различных областях Казахстана. В числе этих экспедиций были Урало-Эмбенская физико-химическая, Мугоджарская, Чимкентская гидрологическая и др.[645]

20—25 февраля 1932 г. в Ленинграде работала конференция по изучению производительных сил Казахстана, созванная Совнаркомом Казахской АССР и Академией наук. Среди участников конференции находились руководители Казахской АССР, ученые АН СССР и других научных центров страны. На пленарных заседаниях и трех секциях конференции (сельскохозяйственной, промышленно-энергетической и секции общих вопросов) были заслушаны 34 доклада. Как подчеркивал на конференции А. Н. Самойлович, она «с большим подъемом, с энтузиазмом, который вызывается целями нашего великого социалистического строительства, обсудила ряд чрезвычайно важных вопросов, связанных с изучением производительных сил Казахстана».[646] Закрывая конференцию, А. П. Карпинский говорил о больших достижениях Казахстана в преодолении унаследованной от прошлого отсталости и от имени Академии наук обещал всемерно содействовать в изучении природных ресурсов республики.[647] 25 февраля 1932 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором были подведены ее итоги. На заседании присутствовали представители правительства Казахстана.

В постановлении, принятом Президиумом АН СССР, указывалось: «1. Признать организацию базы АН в Казахстане настоятельно необходимой. 2. Поручить Комиссии по базам включить базу в Казахстане в план развертывания баз АН и проработать вопрос о порядке и сроках ее организации, имея в виду желательность создания первоначальной ячейки уже в 1932 г.».[648] Предусматривалось усиление экспедиционных работ в Казахстане. На СОПС возлагалось обязанность подготовить к изданию материалы конференции.[649] Комитету по подготовке кадров поручалось учесть заявку Казахстана при наборе аспирантов АН СССР.[650]

Постановление Президиума АН СССР о создании академической базы в Казахстане 28 февраля 1932 г. рассматривалось на заседании Общего собрания и получило одобрение. В осуществление этого постановления 11 марта 1932 г. Комиссия по базам внесла в Президиум АН СССР предложение открыть в 1932 г. в Алма-Ате базу в составе Биологического, Песчано-пустынного и Геофизического отделов. 14 марта 1932 г. Президиум, а 29 марта 1932 г. Общее собрание АН СССР одобрили предложение Комиссии по базам.[651]

4 мая 1932 г. Президиум АН СССР утвердил состав Президиума Казахстанской базы. Председателем ее Президиума стал А. Н. Самойлович. Членами Президиума были утверждены С. Ж. Асфендияров,

Б. А. Келлер, М. Н. Тулепов, ученым секретарем — И. А. Барышников. 14 мая 1932 г. Президиум АН СССР утвердил заместителем председателя Президиума базы М. Н. Тулепова, а заведующим Ботаническим сектором — Б. К. Шишкина.[652] Работа по организации базы вновь рассматривалась на заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 26 июня 1932 г.[653]

Как сказано в отчете о деятельности Академии наук в 1932 г., Казахстанская база была организована в июле 1932 г.[654] 2 октября 1932 г. на заседании Президиума АН СССР обсуждалось сообщение М. Н. Тулепова «О ходе развертывания базы». Отметив достижения в организации Ботанического и Зоологического секторов базы, Президиум АН СССР выработал мероприятия, направленные на создание других ее научных подразделений, обеспечение базы кадрами, развитие исследований в области естественных, технических и общественных наук.[655]

27 ноября 1932 г. вопрос о состоянии и перспективах работы базы рассматривался на заседании Совнаркома Казахской АССР. Совнарком республики рекомендовал базе при определении перспектив ее развития на вторую пятилетку «исходить в первую очередь из потребности изучения производительных сил и культурного строительства Казахстана».[656]

В состав совета базы, который 19 декабря 1932 г. был утвержден Президиумом АН СССР, входили академики И. Г. Александров, И. П. Бардин, А. А. Борисяк, Э. В. Брицке, И. М. Губкин, С. А. Зернов, Б. А. Келлер, Н. С. Курнаков, Д. С. Рождественский, А. Н. Самойлович, Н. М. Тулайков, А. Е. Ферсман, члены-корреспонденты АН СССР Л. С. Берг, В. Г. Глушков, А. А. Иванов, Н. М. Кулагин, П. М. Никифоров, Н. И. Степанов и другие ученые.[657]

Как и другие академические учреждения на местах, Казахстанская база испытывала недостаток в помещениях, оборудовании, средствах. Особенно острым был недостаток в кадрах; об этом В. П. Волгин говорил в речи на торжественном годовом собрании АН СССР в феврале 1934 г.[658]

Партийные и советские органы Казахстана, Президиум АН СССР оказывали действенную помощь базе, оперативно решали все вопросы, связанные с ее становлением и развитием. «Казахстанская база Академии наук ... пользуется большим вниманием и полной поддержкой со стороны Краевого комитета ВКП(б) и правительства Казахстана, рассматривающих базу как зародыш руководящего республиканского научно-исследовательского учреждения»,[659] — писал А. Н. Самойлович в апреле 1934 г.

Буквально не было ни одного постановления Президиума АН СССР, касающегося работы базы, в котором не содержались бы конкретные меры, направленные на преодоление трудностей, вставших на пути ее развития. Так, 15 декабря 1933 г., утверждая новую структуру базы, Президиум АН СССР указывал на необходимость улучшения ее финансирования и материально-технического снабжения, пополнения кадров. Президиуму базы было предложено подготовить план командировок ученых центральных учреждений АН СССР в Казах-

стан для оказания консультационной помощи хозяйственным органам республики.[660]

В вузах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов готовились специалисты для промышленных предприятий и учреждений культуры Казахстана.

На работу в Казахстан направлялись выпускники аспирантуры Академии наук. Среди них были паразитолог И. Г. Галузо, впоследствии избранный академиком Академии наук Казахской ССР, физиолог И. А. Барышников, который в 1932—1935 гг. являлся ученым секретарем Казахстанской базы. Завершив обучение в аспирантуре Почвенного института АН СССР, на Казахстанской базе стал трудиться У. У. Успанов, ныне крупный ученый почвовед. Только в 1934/1935 уч. г. 15 выпускников академической аспирантуры намечались к распределению в Казахстан.[661] Лишь в 1933—1937 гг. в республику было направлено около 70 молодых специалистов, которые пополнили ряды научной интеллигенции Казахстана.[662] Так, с помощью центральных учреждений Академии наук, других исследовательских центров, вузов решалась проблема обеспечения Казахстана научными кадрами.

В 1932 г. в составе Казахстанской базы имелись три сектора (Ботанический, Зоологический и Геофизический) и одна лаборатория (Химическая). Кроме того, были созданы три комиссии (Экспедиционных исследований, Историко-археографическая, Научной консультации и пропаганды). В штате базы насчитывалось 20 научных и 12 научно-технических сотрудников.[663] Учреждения базы размещались в Алма-Ате.

В первый год деятельности базы Ботанический сектор вел работу по подготовке мероприятий, необходимых для создания Ботанического сада. Зоологический сектор занимался изучением фауны республики, направив четыре экспедиции в различные районы Казахстана.[664]

В октябре 1933 г. в Алма-Ате состоялась первая сессия совета базы. Открывая ее, А. Н. Самойлович отмечал, что «за истекший год своего существования база ... сумела развить известные работы, преимущественно по линии наук биологических».[665] Участники сессии обсуждали проблемы развития промышленности и сельского хозяйства республики, повышения культурного уровня трудящихся Казахстана. Центральное место в работе сессии занимали проблемы развития Караганды.

Крупным событием в деятельности базы была третья сессия ее ученого совета, состоявшаяся в Москве 10—15 ноября 1934 г. На сессии обсуждались проблемы исследования и освоения Алтайско-Иртышского и Джезказганского районов. Количество ее участников достигло 250; среди них были руководящие работники Казахстана, академики А. Д. Архангельский, А. А. Байков, Б. Е. Веденеев, Н. С. Курнаков, В. А. Обручев, А. Н. Самойлович, сотрудники Казахстанской базы. Сессия заслушала и обсудила 45 докладов. Работу сессий высоко оценил Президиум АН СССР.[666] «Авторитет Казахстанской базы чрезвычайно вырос в связи с успешным проведе-

нием третьей сессии базы Академии наук»,[667] — отмечалось в «Отчете о деятельности АН СССР в 1934 г.».

Сессии способствовали укреплению базы, расширению фронта ее исследовательских работ. Наряду с исследованиями по биологии, все большее место в деятельности базы стали занимать геологические работы. В 1934 г. база занималась изучением таких комплексных тем, как «Недра Казахстана» и «Геологическая история Казахстана и сопредельных районов».[668] В 1935 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации в составе базы Геологического сектора.[669] Характеризуя деятельность базы, в марте 1936 г. В. Л. Комаров отмечал, что она сумела развернуть широкое изучение недр Казахстана, в частности эмбенской нефти.[670]

При участии сотрудников базы в 1936—1938 гг. работала Центрально-Казахстанская комплексная экспедиция Академии наук, которой руководил А. Д. Архангельский. В составе экспедиции трудились И. Ф. Григорьев, Н. С. Шатский, Ф. В. Чухров, А. Л. Яншин и другие ученые.[671] В июне 1936 г. А. Д. Архангельский направил письмо К. И. Сатпаеву с информацией о задачах экспедиций. «. . .Я хотел бы поставить дело таким образом, чтобы в этих работах Вы играли бы самую активную роль и являлись бы одним из видных участников того описания района, которое должно в результате исследования явиться»,[672] — писал А. Д. Архангельский.

По свидетельству академика АН Казахской ССР А. Н. Нусупбекова, А. Д. Архангельский не раз встречался и беседовал со студентами-казахстанцами, обучавшимися в Москве. В своих выступлениях перед ними А. Д. Архангельский говорил о перспективах развития производительных сил Казахстана, призывал молодежь овладевать знаниями. Ученый приглашал некоторых из студентов принять участие в работе Центрально-Казахстанской экспедиции.[673]

Результаты ее исследований в ноябре 1938 г. обсуждались на заседании Совнаркома Казахской ССР и были одобрены.[674]

Во второй половине 30-х годов количество учреждений Казахстанской базы увеличилось. В 1935 г. в ее системе были созданы секторы Геологии и Истории. В 1936 г. в ведение базы перешел Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры. В 1938 г. в состав базы входили пять секторов, две лаборатории и два ботанических сада.[675] В связи с ростом сети учреждений и расширением объема работы базы встал вопрос о преобразовании ее в филиал.

В ноябре 1938 г. Казахстанская база была преобразована в Казахский филиал Академии наук.[676]

В 1941 г. филиал объединял 10 научных учреждений. Среди них был один институт (Геологический, основан в 1940 г.; позднее именовался «Институт геологических наук»), семь секторов (Ботанический, Почвенный, Географический, Зоологический, Литературный, Лингвистический и Исторический) и две лаборатории (Биохимии и Органической химии). Кроме того, при Ботаническом секторе состояли два ботанических сада (Алма-Атинский, Алтайский в Риддере) и две опытные станции (Балхашская и Карагандинская). В составе Почвенного сектора функционировала Джезказганская

опытная станция.[677] Как видно, сеть научных учреждений филиала позволяла развернуть исследования по ряду ведущих направлений науки и техники, связанных с изучением и развитием производительных сил Казахстана, истории, языка и литературы казахского народа.

К началу Великой Отечественной войны в филиале работали 276 научных и научно-технических сотрудников.[678] К 1 января 1941 г. количество аспирантов филиала достигло 25.[679]

В 1936—1940 гг. филиалом руководил акад. А. Д. Архангельский, позднее — чл.-кор. АН СССР И. Ф. Григорьев. В состав ученого совета филиала входили И. Г. Галузо, И. М. Губкин, Б. А. Келлер, Е. Н. Павловский, К. И. Сатпаев, А. Е. Ферсман, У. У. Успанов и другие ученые.

В декабре 1938 г. работа филиала обсуждалась Совнаркомом Казахской ССР. Было принято решение, в соответствии с которым деятельность филиала нацеливалась на изучение социалистической экономики, производительных сил, истории и культуры Казахстана.[680]

Поиски месторождений полезных ископаемых велись геологами филиала. В 1939 г. на территории республики работали 19 полевых отрядов, организованных Геологическим сектором. Ученые собрали новые материалы по геологии Казахстана. В 1940 г. развивались работы по изучению месторождений меди, вольфрама, молибдена, олова и других металлов.[681] В период предвоенных пятилеток Казахстан стал республикой угля, нефти, цветных металлов. В том, что природные ресурсы Казахстана были поставлены на службу социалистической Родине, большая заслуга принадлежала и ученым филиала.

Работы биологических учреждений филиала имели своей целью изучить фауну и флору республики, рационально использовать богатства ее животного и растительного мира. В Зоологическом секторе в течение ряда лет проводились эксперименты, направленные на создание новой высокогорной породы мериносов. Под руководством У. У. Успанова на Джезказганской опытной станции были выполнены исследования, связанные с созданием овощной базы вокруг новостроек в пустынных районах Казахстана. Работы ученых-биологов способствовали развитию сельского хозяйства республики.

Ученые-обществоведы филиала много внимания уделяли подготовке учебников и учебных пособий для средней и высшей школы. Были написаны учебники по истории казахского народа, по казахскому языку, составлены казахско-русский и русско-казахский словари. Языковеды разработали проекты нового алфавита и орфографии казахского языка, что было необходимо для перевода казахской письменности на русский алфавит. Литературоведы занимались изучением казахской литературы и народного творчества. Готовились к печати собрания сочинений классиков казахской литературы.[682]

Начиная с 1934 г. издавались «Труды Казахстанской базы (филиала) АН СССР». В 1941 г. было предпринято издание «Известий» филиала. Среди тематических сборников, подготовленных учеными,

должны быть упомянуты такие труды, как «Большой Джезказган» (1935), «Караганда — третья угольная база Союза» (1936) и др.

Свидетельством заботы Академии наук о развитии науки в Казахстане, росте филиала стало то, что на одном из заседаний Общего собрания, проходивших 31 октября—1 ноября 1940 г., были заслушаны доклады о достижениях ученых республики в 1920—1940 гг. В частности, К. И. Сатпаев и И. Ф. Григорьев прочитали доклад на тему «Успехи геологии в Казахстане за 20 лет». Выступивший на заседании О. Ю. Шмидт от имени Академии наук выразил пожелание Казахской ССР добиваться дальнейших успехов в социалистическом строительстве.[683]

Смотром достижений науки в республике была I Всеказахстанская научная конференция, посвященная 20-летию Казахской ССР. Конференция, которую организовали Казахский филиал и Казахский университет, состоялась 20—27 декабря 1940 г. В ее работе участвовало около 700 человек. Был заслушан 101 доклад. Обсуждались проблемы развития народного хозяйства и культурного строительства Казахстана.[684] Конференция показала возросшую роль Казахского филиала в организации науки в республике.

Создание филиалов и баз Академии наук являлось крупнейшим событием в истории организации советской науки. Оно ознаменовало дальнейшее повышение роли Академии наук как главного общесоюзного центра исследований, высшего научного учреждения СССР.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли огромное внимание деятельности филиалов и баз. Становлению и развитию их всемерно содействовали республиканские, краевые, областные партийные организации. Благодаря этому Академия наук в короткий исторический срок смогла решить трудные задачи по формированию очагов науки на местах.

Правда, в рассматриваемый период Академии наук не удалось полностью реализовать план организации филиалов и баз, намеченный в постановлении Чрезвычайной выездной сессии АН СССР в июне 1931 г. В частности, тогда не были созданы центры академической науки в Новосибирске и Иркутске.

Впереди еще предстояла большая работа по совершенствованию научной и научно-организационной деятельности филиалов и баз, повышению их координирующей роли в организации исследований в регионах.

Не будет преувеличением сказать, что в создании филиалов и баз активно участвовали почти все ведущие ученые Академии наук. Они не жалели для этого ни сил, ни времени. Ученых вдохновляли выдвинутые Коммунистической партией благородные идеи — идеи экономического и духовного возрождения братских народов, ликвидации их фактического неравенства.

Уже в предвоенные годы ученые филиалов и баз внесли существенный вклад в развитие советской науки, в создание сплошного фронта исследований в нашей стране.

«Особенно важно то, что наука становится достижением всех народов СССР»,[685] — отмечал акад. Е. М. Ярославский в марте 1939 г.

Организация филиалов и баз означала, что деятельность Академии наук в области изучения экономики и культуры союзных и автономных республик поднималась на новый, более высокий уровень. Создание очагов академической науки в национальных районах повышало роль Академии наук в осуществлении национальной политики КПСС.

[1] Подробнее см.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 78—115; История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1979. Т. 1. С. 312—313. 352—356; Т. 2. С. 5—59; От капитализма к социализму : Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. : В 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 256—264; Интернационализм советского народа : (История и современность). М., 1982. С. 144—145.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. (далее — КПСС в резолюциях). М., 1984. Т. 4. С. 287.

[3] Там же. М., 1985. Т. 6. С. 119.

[4] В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 7.

[5] Интернационализм советского народа : (История и современность). С. 150.

[6] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах : Стат. сб. М., 1957. С. 123, 125, 127, 135—137.

[7] История социалистической экономики СССР : В 7-ми т. М., 1977. Т. 3. С. 162—180, 243—265; М., 1978. Т. 4. С. 245—289, 342—388; М., 1978. Т. 5. С. 337—338.

[8] *Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 286—287.

[9] Культурное строительство СССР : Стат. сб. М., 1956. С. 201—202.

[10] Высшее образование в СССР: Стат. сб. М., 1961. С. 106—109; Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. М., 1967. С. 48.

[11] Культурное строительство СССР : Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 111—117; Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. С. 49.

[12] КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 289.

[13] Там же. Т. 6. С. 106.

[14] *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. С. 45; *Зданович С.* Карл Бауман. М., 1967. С. 53—55.

[15] Подробнее см.: Организация советской науки в 1926—1932 гг. : Сб. документов. Л., 1974. С. 77—85, 152—158.

[16] Там же. С. 54—56.

[17] Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР (союзному, республиканским и местным) за 1-ю и 2-ю пятилетки (1928/29—1937 гг.). М., 1939. С. 36—37.

[18] Культурное строительство СССР : Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 230.

[19] Нар. х-во СССР. 1922—1972 : Юбил. стат. ежегодник. М., 1972. С. 103.

[20] 50 лет советского здравоохранения. 1917—1967. М., 1967. С. 224—226.

[21] Идейный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 14—16.

[22] Известия. 1929. 3 февр.

[23] I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6—11 апр. 1931 г. : Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 241.

[24] Там же. С. 407.

[25] СУиР. 1931. № 67. Ст. 479.

[26] XVII конференция ВКП(б) : Стеногр. отчет. М., 1932. С. 78.

[27] История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 19; *Тонкаль В. Е., Пелых В. М., Стогний Б. С.* Академия наук Украинской ССР. Киев. 1979. С. 20—25.

[28] История Академии наук Украинской ССР. С. 15.

[29] *Петриков П. Т., Токарев Н. В., Либезин О. В.* Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 13—14.

[30] Там же. С. 18, 146.

[31] Вестн. Ком. акад. 1933. № 2—3. С. 221.

[32] История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982. С. 308—309; Развитие науки в Молдавской ССР. Кишинев, 1984. С. 399.

[33] *Жученко А. А.* Наука Советской Молдавии // Советская наука : Итоги и перспективы. М., 1982. С. 386.

[34] История Киргизской ССР. Фрунзе, 1967. Т. 2, кн. 1. С. 362; Культурное строительство в Киргизии. 1918—1929 : Сб. документов и материалов. Фрунзе, 1957. Т. 1. С. 246.

[35] *Киракеев К. К.*: 1) Советский Киргизстан и его наука // Наука Союза ССР. М., 1972. С. 334—336; 2) Великий Октябрь и наука Киргизстана. Фрунзе, 1977. С. 28, 31; Культурное строительство в Киргизии. 1918—1929 : Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 186, 247, 398.

[36] Академия наук Литовской ССР : (Краткий обзор развития и наиболее важных достижений). Вильнюс, 1974. С. 4; Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. М., 1976. С. 763.

[37] *Матулис Ю. Ю.* Академия наук Литовской ССР. XXV. Вильнюс, 1965. С. 9—11; Ордена дружбы народов Академия наук Литовской ССР. Вильнюс, 1983. С. 12, 14.

[38] Ордена дружбы народов Академия наук Литовской ССР. С. 14.

[39] *Вилескалн П.* Развитие науки в Латвии. Таллин, 1977. С. 10.

[40] Там же. С. 11. См. также: *Вилциньш Т. О.* Роль Академии наук СССР в создании Академии наук Латвийской ССР, определении ее структуры и основных направлений деятельности // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1976. Т. 5. С. 161.

[41] *Малмейстер А. К.* Наука Советской Латвии // Наука Союза ССР. С. 309; X лет работы Академии наук Латвийской ССР (1946—1956). Рига. 1956. С. 3.

[42] *Ребане К. К.*: 1) Наука Советской Эстонии // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 498; 2) Академия наук СССР и ее роль в развитии науки Советской Эстонии // К 250-летию Академии наук СССР : Юбил. сес. АН ЭССР, посвящ. 250-летию АН СССР. 23 мая 1974 г. Таллин. С. 11; История Тартуского университета. 1632—1982. Таллин, 1982. С. 199; Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. С. 778.

[43] Народное образование, наука и культура в СССР : Стат. сб. М., 1971. С. 243—244.

[44] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа. 1966. Т. 2. С. 306, 350; Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа. 1969. С. 4—5.

[45] *Мохосоев М. В.* Прогресс науки в Бурятии. Улан-Удэ, 1983. С. 28, 33; Культурное строительство в Бурятской АССР (1917—1981) : Документы и материалы. Улан-Удэ, 1983. С. 89, 119, 521, 524.

[46] *Хабаев М. П.* Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. Улан-Удэ. 1983. С. 27.

[47] *Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. М., 1971. С. 244—249.

[48] Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста. 1981. С. 3—4, 8.

[49] Карельский филиал Академии наук СССР : (К 25-летию со дня основания). Петрозаводск. 1970. С. 15; Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970. С. 4.

[50] *Горский И. И.* Советская наука на службе Родины и народа // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948. С. 45—46; Карельский филиал Академии наук СССР : (К 25-летию со дня основания). С. 15—16.

[51] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 116, л. 26; оп. 1-1931, д. 66, л. 36—37, 39, 61; д. 68, л. 49.

[52] Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. С. 4.

[53] *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 186—188; Культурное строительство в Коми АССР. 1918—1937 : Сб. документов. Сыктывкар, 1979. С. 72, 208.

[54] Казанский университет. 1804—1979 : Очерки истории. Казань, 1979. С. 124, 129; *Гречкин В. П., Кузнецов В. И.* А. Е. Арбузов. 1877—1968. М., 1977. С. 59—61, 196—197; Рассказы о казанских ученых. Казань, 1983. С. 35.

[55] Развитие науки в Удмуртии : Технические и естественные науки. Ижевск. 1977. С. 19, 21.

[56] Развитие технических и естественных наук в Чувашской АССР. Чебоксары, 1980. С. 5.

[57] *Новгородов А. И., Антипин В. Н., Еремеев В. Н.* Академия наук — организатор научных исследований в Якутии // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 267—268; Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР. Якутск, 1982. С. 28.
[58] ЛПА, ф. 2019, оп. 2, д. 1, л. 1—7.
[59] СЗиР. 1927. № 35. Ст. 85.
[60] Устав АН СССР. Л., 1928. С. 1; Уставы АН СССР. 1724—1974. [2-е изд.] М., 1975. С. 120.
[61] Устав АН СССР. М., 1935. С. 3; Уставы. С. 141.
[62] СЗиР. 1930. № 22. Ст. 242.
[63] Там же. 1933. № 73. Ст. 444.
[64] Там же. 1934. № 22. Ст. 175.
[65] ААН, ф. 2, оп. 1-1927, д. 95, л. 221.
[66] Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. 1 : Общий отчет. Л., 1929. С. 68—69.
[67] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. М.; Л., 1941. С. 154—156.
[68] Сведения приводятся на основании «Отчетов» о деятельности АН СССР за 1927—1934 гг. См. также: Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 64—138.
[69] Правда. 1936. 8 февр.
[70] Материалы. С. 156.
[71] Там же. С. 189.
[72] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. М.; Л., 1941. С. 12—13.
[73] ВАН. 1938. № 9—10. С. 82.
[74] Материалы. С. 198.
[75] Сведения об избрании новых академиков и членов-корреспондентов АН СССР см.: Академия наук СССР : Персональный состав. М., 1974. Кн. 2. 1917—1974. С. 9—27, 160—182.
[76] Академия наук XVII партсъезду. I : Общий отчет. Л., 1934. С. 61; За соц. науку. 1931. 14 окт.; ЛПА, ф. 4, оп. 2, д. 213, л. 5.
[77] Науч. работник. 1928. № 11. С. 84.
[78] Академия наук СССР : Персональный состав. Кн. 2. С. 27—31.
[79] Правда. 1939. 16 янв.
[80] Академия наук СССР : Персональный состав. Кн. 2. С. 32—45.
[81] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л., 1935. С. 17—19.
[82] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 12—137.
[83] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 566.
[84] ВАН. 1936. № 8—9. С. 102.
[85] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР : Краткий ист. очерк (в 2-х т.). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. Т. 2. 1917—1976. С. 80.
[86] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 12.
[87] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. М.; Л., С. 165; Организация научной деятельности. М., 1968. С. 215.
[88] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР : Краткий ист. очерк. Т. 2. С. 82.
[89] Подробнее см.: *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 98—107.
[90] Академия наук XVII партсъезду. I. С. 61.
[91] *Луначарский А. В.* Академия наук в Москве // Экон. жизнь. 1931. 21 июня.
[92] Академия наук XVII партсъезду. I. С. 63.
[93] СЗиР. 1933. № 49. Ст. 287.
[94] ВАН. 1933. № 12. Стб. 39—44.
[95] Там же. 1936. № 4—5. С. 4.
[96] Там же. С. 45.
[97] Подробнее см.: *Даниленко В. М.* Сотрудничество УССР и РСФСР в области образования и науки в период построения социализма. Киев, 1981. С. 148—176; *Левшин Б. В.* Сотрудничество трех академий (1929—1932 гг.) // Вопр. истории. 1975. № 10. С. 203—208; *Митрякова Н. М.* Первый договор советских академий наук // ВАН. 1973. № 6. С. 134—138.
[98] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 14.
[99] Материалы. С. 211.
[100] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 9.
[101] *Комков Г. Д.* Издательству «Наука» 50 лет. М., 1973. С. 13.

[102] Организация научной деятельности. С. 230—231; Отчет о работе АН СССР в 1939 г. С. 165; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 13.

[103] *Вавилов С. И.* Предисловие // Материалы. С. 10.

[104] *Марчук Г. И.* Молодым о науке. М., 1980. С. 266.

[105] Коммунист. 1987. № 12. С. 10.

[106] Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. I : Общий отчет. Л., 1928. С. 331 Протоколы ОС, 1927, § 245 // ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 174.

[107] Об этом говорилось в письме Академии наук, которое 28 окт. 1926 г. она направила Комиссии по содействию работам АН СССР. См.: ААН, ф. 2, оп. 1-1926 д. 67, л. 84.

[108] Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. I : Общий отчет. Л., 1930. С. 250—251.

[109] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 223.

[110] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 443—493.

[111] *Горбунов Н. П.* Академия наук СССР на переломе // ВАН. 1936. № 6. С. 5

[112] ВАН. 1932. № 11. Стб. 53—56.

[113] *Каракеев К. К.* Советский Киргизстан и его наука // Наука Союза ССР. С. 333; Академия наук СССР республикам Средней Азии. 1924—1934 : К десятилетию национального размежевания Средней Азии. М.; Л., 1934. С. 122; *Петровец В. М.* Вклад Академии наук СССР в изучение и развитие производительных сил Киргизии (1918—1941 гг.) // Тр. Кирг. ун-та. Сер. ист. наук. 1967. Вып. 10. С. 65—83.

[114] См.: Резолюции первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР. 10—15 февр. 1933 г. Л., 1933. 69 с.

[115] ВАН. 1935. № 2. Стб. 38.

[116] Академия наук СССР республикам Средней Азии. С. 6.

[117] Материалы. С. 129.

[118] См.: Резолюции первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. М.; Л., 1934. 68 с.

[119] *Мохосоев М. В.* Прогресс науки в Бурятии. С. 32.

[120] Там же. С. 31—32; Развитие науки в Бурятии. Улан-Удэ. 1982. С. 21—22; Академия наук XVII партсъезду. II. С. 56—59.

[121] ААН, ф. 2, оп. 1-1927, д. 95, л. 103; Науч. работник. 1928. № 3. С. 85—88.

[122] Академия наук XVII партсъезду, II. С. 28—33; Наука в Советской Башкирии за 50 лет. С. 293, 447, 525.

[123] ААН, ф. 2, оп. 1-1926, д. 67, л. 1—2.

[124] Академия наук XVII партсъезду. II. С. 14—15; Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. С. 45—46.

[125] ВАН. 1932. № 9. Стб. 55—62.

[126] Академия наук и Сибирь. С. 268—269.

[127] ВАН. 1936. № 11—12. С. 63—72; Академия наук и Сибирь. С. 40—48.

[128] *Волгин В. П.* Академия наук от XVI к XVII партсъезду // Академия наук XVII партсъезду. I. С. 12.

[129] *Комаров В. Л.* Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. XI. С. 365.

[130] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность АН СССР и ее задачи. 2-е изд. Л., 1929. С. 3.

[131] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. XI. С. 365.

[132] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 5, 136—143; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 15—16.

[133] *Губкин И. М.* Совет по изучению производительных сил СССР // ВАН. 1937. № 10—11. С. 121—144.

[134] ВАН. 1940. № 4—5. С. 64—73. См. также: Ленин и Академия наук : Сб. документов. М., 1969. С. 252—265.

[135] *Келдыш М. В.* Избр. тр. : Общие вопр. развития науки. М., 1985. С. 160.

[136] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность // Академия наук СССР за 10 лет. 1917—1927. Л., 1927. С. 177.

[137] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 489.

[138] *Комаров В. Л.* Накануне выборов новых академиков // ВАН. 1938. № 9—10. С. 41.

[139] *Мещанинов И. И.* Закон социалистического общества // ВАН. 1936. № 10. С. 14.

[140] Документ под названием «О новом проекте калмыцкой транскрипции» подготовил Б. Я. Владимирцов. См.: ААН, ф. 2, оп. 1-1927, д. 5, л. 449; д. 6, л. 84—85.
[141] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 68, л. 43—44.
[142] Там же, оп. 1-1931, д. 39, л. 10.
[143] Там же, л. 13.
[144] *Ольденбург С. Ф.* Первый Всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля—6 марта 1926 г.) // Науч. работник. 1926. № 3. С. 15.
[145] План работ АН СССР на второе пятилетие (1933—1937). Ч. 1.: Общие основы плана. Л., 1932. С. 89.
[146] *Волгин В. П.* Академия наук СССР за четыре года. 1930—1933.: Речи и ст. непременного секретаря. Л., 1934. С. 105.
[147] *Ким М. П.* Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983. С. 473.
[148] *Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 276.
[149] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 128, л. 99.
[150] Академия наук XVII партсъезду. 1. С. 43.
[151] ВАН. 1936. № 4—5. С. 34.
[152] *Ким М. П.* Проблемы теории и истории реального социализма. С. 473.
[153] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 10, л. 97.
[154] ААН, ф. 2, оп. 1-1926, д. 5, л. 59—60, 136—137; оп. 1-1928, д. 75, л. 3, 11. — Подробнее о деятельности Института востоковедения см.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. 595 с.
[155] Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1974. С. 166.
[156] ВАН. 1936. № 4—5. С. 61.
[157] 50 лет советской исторической науки: Хроника научной жизни. 1917—1967. М., 1971. С. 205; ВАН. 1936. № 4—5. С. 103; 1937. № 1. С. 130—131.
[158] Академия наук XVII партсъезду. 1. С. 48.
[159] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 389.
[160] *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи: (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. С. 174, 176, 204, 206—207.
[161] I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6—11 апреля 1931 г.: Стеногр. отчет. С. 220.
[162] ВАН. 1936. № 8—9. С. 99.
[163] Известия АН СССР: Отд. общественных наук. 1938. № 3. С. 5—7; ВАН. 1938. № 1. С. 28—33; *Мегрелидзе И. В.* Иосиф Орбели. Тбилиси. 1982. С. 94—98; *Юзбашян К. Н.* Академик И. А. Орбели, 1887—1961. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 76—78.
[164] ВАН. 1939. № 8—9. С. 176.
[165] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 86, л. 350; оп. 1-1931, д. 92, л. 1; История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 408—409.
[166] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 3—7.
[167] АН СССР: Справ.-календарь на 1941 г. С. 154—156.
[168] *Водяницкий В. А.* Записки натуралиста. М., 1975. С. 61.
[169] *Галазий Г. И.* Академические исследования Байкала и деятельность Байкальской лимнологической станции // Академия наук и Сибирь. С. 241.
[170] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 42.
[171] Известия. 1926. 13 окт.
[172] Науч. работник. 1926. № 10. С. 86.
[173] Природа. 1972. № 10. С. 3.
[174] Там же.
[175] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 73, л. 111.
[176] ВАН. 1931. № 5. Стб. 12.
[177] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 171.
[178] Известия. 1931. 23 июня.
[179] Известия. 1931. 21 июня.
[180] *Архангельский А. Д.* Одна из задач экстренной сессии Академии наук // За коммунистическое просвещение. 1931. 19 июня; *Курнаков Н. С.* Протянем нити от научного центра к местам // Экон. жизнь. 1931. 21 июня; *Самойлович А. Н.* Новый шаг к сближению с жизнью // Экон. жизнь. 1931. 21 июня.
[181] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 31, л. 126.

[182] ВАН. 1931. Внеочер. номер. Чрезв. сес. АН СССР в Москве. 21—27 июня 1931 г Стб. 73.
[183] Там же.
[184] Там же. Стб. 76—79.
[185] Речь идет о Закавказском историко-археологическом институте. О его создании будет сказано ниже.
[186] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 172.
[187] ААН, ф. 1, оп. 1—1931, д. 257, л. 44.
[188] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 173.
[189] Там же. С. 174.
[190] ААН, ф. 1, оп. 1—1931, д. 257, л. 46.
[191] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 171.
[192] За соц. науку. 1931. 14 окт.
[193] Природа. 1972. № 10. С. 5.
[194] ЛПА, ф. 2019, оп. 2, д. 65, л. 4.
[195] Там же, д. 64, л. 17—18.
[196] Там же, д. 65, л. 68.
[197] *Бардин И. П.* Двадцать пять лет развития научных учреждений АН СССР на периферии // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 6.
[198] Тр. нояб. сес. АН СССР. 25—30 XI 1931 г. Л., 1932. С. 280—281.
[199] ААН, ф. 2, оп. 1—1932, д. 33, л. 143.
[200] ВАН. 1931. № 9. Стб. 14.
[201] *Волгин В. П.* Академия наук СССР за четыре года. С. 62.
[202] План работ Академии наук СССР на второе пятилетие (1933—1937). Ч. I. С. 91
[203] Там же.
[204] ААН, ф. 2, оп. 1—1933, д. 15, л. 14.
[205] *Волгин В. П.* Статьи и выступления. М., 1979. С. 239—240
[206] Уставы. С. 147.
[207] Примечательно, что в феврале 1933 г. в речи на торжественном годовом собрании АН СССР В. П. Волгин, говоря о создании в 1932 г. двух первых баз академии — Казахстанской и Таджикистанской, — охарактеризовал их как первоначальные ячейки будущих филиалов. См.: *Волгин В. П.* Академия наук СССР за четыре года. С. 82.
[208] *Митрякова Н. М., Черникова Т. М.* Академия наук СССР и научное строительство в советских республиках // ВАН. 1972. № 12. С. 114.
[209] ВАН. 1935. № 10. Стб. 73.
[210] Там же.
[211] Уставы. С. 147—148.
[212] Веч. красная газ., 1935. 31 дек.
[213] Там же.
[214] ВАН. 1936. № 4—5. С. 26.
[215] Там же. С. 27.
[216] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. XI. С. 481—483.
[217] ВАН. 1938. № 11—12. С. 91.
[218] Там же. С. 92—94.
[219] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 13; *Митрякова Н. М., Черникова Т. М.* Академия наук СССР и научное строительство в советских республиках // ВАН. 1972. № 12. С. 117.
[220] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 144.
[221] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 12; *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР : Ист. очерк. М., 1979. С. 196.
[222] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 10.
[223] ВАН. 1940. № 3. С. 122.
[224] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР : Кратк. ист. очерк. Т. 2. С. 98.
[225] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 6.
[226] Там же.
[227] Там же. С. 93.
[228] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 221—234.

[229] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 10.
[230] ВАН. 1940. № 3. С. 122.
[231] История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 168.
[232] Наука на Дальнем Востоке. Владивосток. 1957. С. 3, 60.
[233] Там же. С. 9, 22, 40—41; Географическое общество за 125 лет. Л., 1970. С. 78—79.
[234] Протоколы ОС. 1927, § 117. — ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 174; *Корнеев С. Г.* Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М., 1976. С. 29.
[235] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. 2-е изд. Л., 1929. С. 11.
[236] Академия наук XVII партсъезду. II. С. 63—64.
[237] Известия. 1933. 6 сент.; ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 140, л. 83.
[238] ААН, ф. 277, оп. 3, д. 44, л. 13—15.
[239] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 177.
[240] Там же.
[241] *Комаров В. Л.* База Академии наук на Дальнем Востоке // ВАН. 1932. № 2. Стб. 1—10.
[242] ААН, ф. 277, оп. 3, д. 44, л. 23.
[243] Там же, л. 24.
[244] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 180; ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 31, л. 211.
[245] ААН, ф. 277, оп. 3, д. 45, л. 104.
[246] Академия наук XVII партсъезду. I. С. 56; За соц. науку. 1932. 11 марта. 1 мая.
[247] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 180; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 209.
[248] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 180; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 223—224.
[249] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 177—178; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 74, л. 159; ф. 277, оп. 3, д. 44, л. 39—40, 44—45.
[250] *Комаров В. Л.* Избр. соч., Т. 11. С. 470.
[251] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 178.
[252] Там же. С. 178—179.
[253] ААН, ф. 277, оп. 2, д. 433, л. 2.
[254] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 500—516.
[255] ВАН. 1935. № 5. Стб. 63—64; № 6. Стб. 77; 1938. № 4. С. 62.
[256] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 516.
[257] Там же. С. 499—514.
[258] Вестн. Дальневосточного фил. АН СССР. 1936. № 17. с. 109.
[259] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 8; За соц. науку. 1934. 10 апр.
[260] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 500, 503, 507—510.
[261] Вестн. Дальневосточного филиала АН СССР. 1936. № 17. С. 110.
[262] *Павловский Е. Н.* Горно-таежная станция им. В. Л. Комарова АН СССР // ВАН. 1940. № 6. С. 41; АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 234.
[263] См.: *Пушкарь А.* Тихоокеанский форпост науки: Рассказ о прошлом, настоящем и будущем дальневосточной науки. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск, 1982. С. 130—131.
[264] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 164; ВАН. 1938. № 11—12. С. 135.
[265] Наука на Дальнем Востоке. С. 81—82.
[266] ВАН. 1940. № 6. С. 46.
[267] Наука на Дальнем Востоке. С. 5.
[268] Академия наук XVII партсъезду. I. С. 56; За соц. науку. 1932. 1 мая.
[269] КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 5. С. 112.
[270] Там же. С. 154.
[271] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 37, л. 1.
[272] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. С. 4.
[273] *Курочкин Г. Д.* Исследования минеральных ресурсов экспедициями Академии наук СССР (1919—1959 гг.). М., 1969. С. 74—75.
[274] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 37, л. 37.
[275] Там же, оп. 1-1933, д. 15, л. 139; Отчет о работе АН СССР в 1934 г. С. 461.

[276] История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 523; *Волсков А. А.* Развитие научных исследований на Урале и подготовка кадров : (Из истории Уральского филиала АН СССР) // Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. Свердловск, 1959. С. 185.

[277] *Сажина З. Т., Главацкий М. Е.* Горизонты высшей школы и науки на Урале. Свердловск, 1981. С. 102.

[278] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 21, л. 97.

[279] Известия. 1931. 26 июня.

[280] ААН. ф. 2, оп. 1-1931, д. 58, л. 265.

[281] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 174—175.

[282] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 31, л. 205.

[283] Тр. нояб. сес. АН СССР 25—30 XI 1931 г. С. 326.

[284] Там же. С. 282.

[285] А. Е. Ферсман : Жизнь и деятельность. М., 1965. С. 146.

[286] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР : Ист. очерк. С. 179.

[287] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 176.

[288] ААН, ф. 2. оп. 1-1932, д. 33, л. 171.

[289] Там же, л. 225; Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 176.

[290] Обращение общественных, хозяйственных и научных организаций Урала к Академии наук СССР в связи с ее сессией 4—9 июня 1932 г. в Свердловске. Свердловск, 1932.

[291] См.: АН СССР. Тр. июньской сес. 1932 г.: Проблемы Урало-Кузбасского комбината. I. Л., 1932. 520 с.

[292] Там же. С. 489.

[293] Там же. С. 499.

[294] *Карпинский А. П.* Урал и уральская сессия академии // ВАН. 1932. № 9. Стб. 4.

[295] Природа. 1972. № 10. С. 6—7; *Сажина З. Т., Главацкий М. Е.* Горизонты высшей школы и науки на Урале. Вклейка между с. 112 и 113.

[296] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 176; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 76, л. 11.

[297] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 175.

[298] *Ферсман А. Е.* Уральский филиал Академии наук — мощная база исследовательской работы // За ком. просвещение. 1933. 20 авг.

[299] *Ферсман А. Е.* Основные задачи Уральского филиала Академии наук // Уральский филиал Академии наук СССР в г. Свердловске : (Материалы к конкурсу нового строительства). Л., 1933. С. 3.

[300] Там же. С. 4.

[301] *Волгин В. П.* Статьи и выступления. М., 1979. С. 240.

[302] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 519; ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 180.

[303] ААН, ф. 2, оп. 17, д. 197, л. 255.

[304] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 13.

[305] ВАН. 1939. № 4—5. С. 174; № 6. С. 98; Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. С. 193.

[306] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 231—232.

[307] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 526; Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. С. 194.

[308] ВАН. 1938. № 11—12. С. 135.

[309] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 231—232; ВАН. 1940. № 10. С. 81.

[310] ВАН. 1933. № 11. Стб. 45—50, 61.

[311] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 13, 526—527.

[312] ВАН. 1936. № 11—12. С. 89—96.

[313] Там же. 1939. № 6. С. 111—112.

[314] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 14; ВАН. 1940. № 8—9. С. 58—66, 102.

[315] ВАН. 1938. № 11—12. С. 92.

[316] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 107; ВАН. 1940. № 1—2. С. 166.

[317] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 81—83, 107, 129, 131—132; ВАН. 1940. № 4—5. С. 181.

[318] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 158.
[319] Известия. 1933. 9 июня.
[320] ВАН. 1940. № 1—2. С. 174.
[321] Там же. 1940. № 7. С. 82.
[322] Там же. 1940. № 6. С. 103.
[323] Там же. 1941. № 5—6. С. 73—78; Изв. АН СССР: Отд. техн. наук. 1941. № 7—8. С. 3—13; № 9. С. 43—58.
[324] *Бардин И. П.* Важнейшие проблемы Урала // ВАН. 1939. № 8—9. С. 80.
[325] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи.
[326] Труды ноябрьской сессии АН СССР 25—30 XI 1931 г. С. 358—360, 363—364, 368—371.
[327] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 105, л. 118.
[328] Там же.
[329] Природа. 1929. № 5. Стб. 379—404.
[330] Задачи Академии наук СССР в области геологических дисциплин. Л., 1929. С. 13.
[331] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 128, л. 114.
[332] Там же, л. 133.
[333] Там же, оп. 1-1930, д. 84, л. 182—187.
[334] Там же, л. 187—188.
[335] Там же, л. 169—172.
[336] *Щербаков Д. И.* Академик А. Е. Ферсман — основатель Кольской базы Академии наук СССР // Вопр. истории естествознания и техники. 1957. Вып. 3. С. 88.
[337] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 79, л. 124.
[338] Там же, д. 140, л. 139, 159.
[339] Там же, ф. 1, оп. 1-1930, д. 254, л. 43.
[340] Там же, ф. 2, оп. 1-1930, д. 84, л. 237; ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова. М., 1980, на обороте обложки.
[341] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 56, л. 6.
[342] Там же, д. 52, л. 15.
[343] Там же, д. 26, л. 517.
[344] Вопр. истории естествознания и техники. 1957. Вып. 3. С. 88.
[345] *Куплетский Б. М.* В борьбе за освоение Кольского полуострова // А. Е. Ферсман : Жизнь и деятельность. С. 252.
[346] А. Е. Ферсман : Жизнь и деятельность. С. 252, 270, 287.
[347] ВАН. 1933. № 11. Стб. 49—54.
[348] Ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова. С. 5; Полярно-альпийский ботанический сад : Справ. Л., 1984. С. 9.
[349] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 557; ВАН. 1935. № 1. Стб. 87, 89—90.
[350] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 14.
[351] Там же. С. 557—561.
[352] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 232—233.
[353] ВАН. 1936. № 4—5. С. 27.
[354] Ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова. С. 4.
[355] ВАН. 1936. № 11—12. С. 87—89.
[356] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 162.
[357] ВАН. 1940. № 1—2. С. 175.
[358] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 162.
[359] Там же. С. 163; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 87—88, 123; ВАН. 1940. № 4—5. С. 158—159.
[360] ВАН. 1940. № 1—2. С. 174—175; Киров. рабочий. 1940. 4 янв.
[361] ВАН. 1940. № 3. С. 130.
[362] Там же. 1940. № 8—9. С. 102—103.
[363] А. Е. Ферсман : Жизнь и деятельность. С. 253, 271.
[364] Развитие наук о Земле в СССР. М., 1967. С. 202.
[365] Ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова. С. 4—5.
[366] ВАН. 1933. № 12. Стб. 47—52; *Романовский С. И.* А. П. Карпинский. 1847—1936. Л., 1981. С. 434.

[367] Культурное строительство в Коми АССР. 1918—1937 : Сб. документов. Сыктывкар, 1979. С. 184. — Во время пребывания в Сыктывкаре А. П. Карпинский был избран пожизненным членом президиума Коми облисполкома. См.: *Волгин В. П.* А. П. Карпинский как президент Академии наук СССР // ВАН. 1947. № 4. С. 15.

[368] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 184.

[369] Там же, л. 215; *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 183.

[370] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 350—351; ВАН. 1935. № 10. Стб. 59—64.

[371] Веч. красная газ. 1935. 31 дек.

[372] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 482; ВАН. 1936. № 4—5. С. 27.

[373] Новый Север. 1937. № 7. С. 51; АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 233—234.

[374] ВАН. 1938. № 5. С. 98; 1941. № 1. С. 99—100.

[375] Отчет о работе АН СССР за 1939. С. 163—164; ВАН. 1938. № 4. С. 64—65.

[376] ВАН. 1938. № 11—12. С. 93.

[377] *Харадзе Е. К.* Абастуманская горная астрономическая обсерватория // ВАН. 1946. № 2. С. 67.

[378] *Авалиани А. Ш., Чагунава Р. В., Тихонова Н. Ф.* Становление химической науки в Советской Грузии (1921—1931). Тбилиси, 1980. С. 9.

[379] Академия наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1981. С. 318.

[380] Расцвет азербайджанской науки — торжество ленинской национальной политики. Баку, 1982. С. 154; *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. М., 1976. С. 157.

[381] *Багир-Заде Ф. М., Казиев М. А.* Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова. Баку, 1979. С. 12.

[382] *Алимирзоев Х. О.* Азербайджанский государственный университет за 50 лет : Ист. очерк. Баку, 1969. С. 109, 129.

[383] *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. С. 157.

[384] *Худавердян К. С.* Новая культура древнего народа // Развитие социалистической культуры в союзных республиках : Сб. ст. М., 1962. С. 449—450.

[385] *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М., 1957. С. 234; *Шагинян А.* Культура Советской Армении. Ереван, 1956. С. 70.

[386] Развитие социалистической культуры в союзных республиках: Сб. ст. С. 450. — Подробнее см.: *Гарибджанян С. Г.* Становление и развитие науки в Советской Армении (1920—середина 1930-х гг.): К изучению проблемы. Ереван. 1986. 46 с.

[387] Академия наук XVII партсъезду. II. С. 25—26.

[388] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 147, л. 87—88.

[389] Подробнее см.: Джорбенадзе С. М. Учреждения АН СССР и Тбилисский университет : Документы и факты (далее — Учреждения АН СССР и Тбилисский университет). Тбилиси, 1974. С. 72—80.

[390] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 147, л. 91.

[391] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 181.

[392] Там же. — Следует отметить, что 28 нояб. 1930 г. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг в одной из записок вновь высказывался за организацию «исследовательского института по изучению производительных сил и природы Закавказья». См.: ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 124, л. 494.

[393] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 31, л. 162.

[394] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 182.

[395] Там же.

[396] ААН, ф. 2, оп. 1-1931, д. 5, л. 170—171.

[397] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 181.

[398] Академия наук XVII партсъезду. I. С. 54. — В марте 1932 г. газета «За соц. науку» сообщала, что в составе Закавказского филиала приступило к работе естественное отделение, возглавляемое Н. А. Бушем. См.: За соц. науку. 1932, 11 марта.

[399] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 184.

[400] Там же. С. 182.

[401] Там же. С. 183.

[402] Там же; ААН, ф. 1, оп. 1-1932, д. 260, л. 63.

[403] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 225.

[404] *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. С. 158.

[405] В «Отчете о деятельности АН СССР в 1932 г.» (Л., 1932. С. 310) сказано, что «в состав филиала введен Азербайджанский институт по изучению производительных сил, состоящий из секторов — Химического и Геологического».

[406] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. С. 309.

[407] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 79—80.

[408] *Волгин В. П.* Статьи и выступления. М., 1979. С. 240.

[409] Доклад президента Академии наук Грузинской ССР акад. И. Н. Векуа «250-летие Академии наук СССР и развитие грузинской науки» // Сообщ. АН ГССР. 1974. Т. 76. № 1. С. 243; Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724—1974. Тбилиси, 1974. С. 11.

[410] *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 172.

[411] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 213.

[412] Там же. Л. 214; *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 181—183.

[413] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 529—535.

[414] Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724—1974. С. 127; Краткий очерк истории грузинской советской науки за 25 лет. Тбилиси, 1946. С. 59; ВАН. 1938, № 5. С. 89, 97.

[415] Институт геофизики. Тбилиси, 1983. С. 3.

[416] *Волгин В. П.* Академия наук СССР за четыре года. 1930—1933. С. 112.

[417] *Харадзе Е. К.* Наука Советской Грузии // Советская наука: Итоги и перспективы. С. 325.

[418] Академия наук СССР и развитие грузинской науки. С. 43, 47—48.

[419] Коммунист. 1972. № 18. С. 55.

[420] ААН, ф. 222, оп. 1-1933, д. 57, л. 37.

[421] *Нумерова А. Б.* Б. В. Нумеров. 1891—1941. Л., 1984. С. 69, 122.

[422] *Амбарцумян В. А.* Созвездие научных школ // Известия. 1972. 28 дек.

[423] *Павлов И. П.* Мой ученик // Дружба : Статьи. Очерки. Исследования. Воспоминания. Письма об армяно-русских связях. 4-е, перераб. изд. Ереван. 1960. Кн. 2. С. 296.

[424] *Асратян Э.* Что дала мне аспирантура Академии наук // За соц. науку. 1933. 20 июня.

[425] Материалы. С. 471—472; Академия наук XVII партсъезду. I. С. 63.

[426] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. С. 310; *Буш Н. А.* Отделение естественных наук Института кавказоведения Закавказского филиала АН СССР // ВАН. 1933. № 2. Стб. 39—41. См. также: ВАН. 1933. № 3. Стб. 68—70.

[427] *Буш Н. А.*: 1) В Осетии // ВАН. 1933. № 10. Стб. 57—58; 2) Почвенно-геоботанические исследования в Юго-Осетии // ВАН. 1934. № 2. Стб. 49—50.

[428] ВАН. 1933. № 1. Стб. 49—50.

[429] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 531, 534—535.

[430] Там же. С. 13.

[431] Там же. С. 529—531.

[432] Там же. С. 531—535; Академия наук XVII партсъезду. I. С. 54—55.

[433] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 535.

[434] За соц. науку. 1934. 10 апр.

[435] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 13.

[436] *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 183.

[437] Материалы. С. 145; ВАН. 1935. № 11. Стб. 71.

[438] *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 183.

[439] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72.

[440] Там же. 1936. № 6. С. 79.

[441] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 145—148.

[442] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72.

[443] Там же. 1940. № 1—2. С. 157.

[444] *Мусхелишвили Н. И.* Грузинский филиал Академии наук СССР // ВАН. 1938. № 11—12. С. 77.

[445] *Каратаев Н. К.* К истории подготовки научных кадров в Академии наук // ВАН. 1945. № 5—6. С. 29.

[446] ВАН. 1939. № 10. С. 44.
[447] Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724—1974. С. 12.
[448] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 482; ВАН. 1936. № 4—5. С. 26.
[449] *Мусхелишвили Н. И.* Грузинский филиал Академии наук СССР // ВАН. 1938. № 11—12. С. 76.
[450] *Лаврентьев М. А.* Наука. Технический прогресс. Кадры : Сб. ст. и выступлений. Новосибирск. 1980. С. 72—78; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 91—92.
[451] ВАН. 1940. № 1—2. С. 173.
[452] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 146—147; *Ферсман А. Е.* О научной работе на местах // ВАН. 1940. № 3. С. 123.
[453] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 146; ВАН. 1938. № 11—12. С. 80; 1940. № 10. С. 103.
[454] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 148.
[455] Там же. С. 147—148; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 88.
[456] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 147—148; ВАН. 1940. № 10. С. 102; Абхазскому институту 50 лет. Тбилиси, 1985. С. 18.
[457] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 145; ВАН. 1939. № 4—5. С. 193.
[458] ВАН. 1939. № 10. С. 173—174.
[459] Там же. 1938. № 11—12. С. 93.
[460] *Мусхелишвили Н. И.* Грузинский филиал Академии наук СССР // ВАН. 1938. № 11—12. С. 83.
[461] Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. М., 1976. С. 763.
[462] *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 214—216.
[463] *Харадзе Е. К.* Наука Советской Грузии // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 325.
[464] Академия наук Грузинской ССР. С. 7; Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724—1974. С. 12.
[465] *Джорбенадзе С. М.* Учреждения АН СССР и Тбилисский университет. С. 220.
[466] ВАН. 1941. № 4. С. 62.
[467] Развитие науки в Советском Азербайджане. Баку, 1967. С. 8; *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. С. 158.
[468] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72.
[469] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 221—223.
[470] ВАН. 1939. № 10. С. 44; Расцвет науки Советского Азербайджана. Баку, 1980. С. 9.
[471] *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. С. 158.
[472] ВАН. 1941. № 2—3. С. 146.
[473] *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. С. 159; ВАН. 1945. № 5—6. С. 209.
[474] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72; 1937. № 9. С. 92; 1938. № 5. С. 98; 1940. № 4—5. С. 154.
[475] Советская наука : Итоги и перспективы. С. 344.
[476] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 482.
[477] ВАН. 1938. № 1. С. 43—46.
[478] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 150; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 79; ВАН. 1941. № 4. С. 127.
[479] *Якубов А. А.* С учеными Азербайджана // С. С. Наметкин : По воспоминаниям современников. М., 1982. С. 33; ВАН. 1938. № 11—12. С. 92.
[480] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 150—152; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 86; ВАН. 1940. № 7. С. 82.
[481] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1943. № 6. С. 110.
[482] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 152; Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 27.
[483] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 148—149; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 89—90; ВАН. 1939. № 3—4. С. 193; 1941. № 5—6. С. 135; *Алиев М. М.* От филиала АН СССР к республиканской академии // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 32—34.
[484] ВАН. 1940. № 8—9. С. 70—72.

[485] Там же. 1938. № 11—12. С. 47; 1939. № 8—9. С. 208.
[486] Там же. 1939. № 3—4. С. 103; 1940. № 3. С. 124.
[487] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1941. № 2. С. 83.
[488] ВАН. 1940. № 4—5. С. 180—181.
[489] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1941. № 3. С. 100.
[490] Там же. С. 105.
[491] ВАН. 1935. № 6. Стб. 57; Материалы. С. 143; *Азатян В. Д.* Научный центр Армении // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 35.
[492] *Амбарцумян В. А.* Наука в Армении за 40 лет. Ереван, 1960. С. 7.
[493] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72.
[494] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 223—225.
[495] ВАН. 1945. № 5—6. С. 209; Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 1(6). С. 7—8.
[496] *Амбарцумян В. А.* Наука Советской Армении // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 463.
[497] ВАН. 1939. № 10. С. 47; Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 1(6). С. 7.
[498] ВАН. 1936. № 4—5. С. 26.
[499] *Азатян В. Д.* Научный центр Армении // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 36.
[500] ВАН. 1935. № 11. Стб. 72; 1938. № 2—3. С. 132.
[501] ВАН. 1938. № 11—12. С. 93.
[502] Сведения о деятельности филиала см.: Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 153—155; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 84—85; ВАН. 1939. № 8—9. С. 208; 1940. № 7. С. 82; № 10. С. 103; Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 36—38.
[503] Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 1(6). С. 171, 175—179.
[504] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 152.
[505] *Юзбашян К. Н.* Академик И. А. Орбели. С. 74—75.
[506] *Амбарцумян В. А.* Растущее сотрудничество // Наука Союза ССР. С. 380; *Пиотровский Б. Б.* Я полюбил Армению // Дружба : Статьи. Очерки. Исследования. Письма об армяно-русских связях. Кн. 2. С. 59—68; Академия наук Армянской ССР : Персональный состав. Ереван, 1984. С. 100.
[507] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 153; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 89—90; ВАН. 1939. № 8—9. С. 208; 1940. № 1—2. С. 174.
[508] Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 1(6). С. 3.
[509] *Азатян В. Д.* Научный центр Армении // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 42.
[510] ВАН. 1940. № 11—12. С. 136—138; Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 1(6). С. 10.
[511] ВАН. 1940. № 11—12. С. 144.
[512] Изв. Арм. фил. АН СССР. 1941. № 2(7). С. 4.
[513] Там же.
[514] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 85, л. 91—92.
[515] Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1983. С. 151; Наука в Узбекистане. Ташкент, 1974. Т. 1. С. 346; Материалы. С. 77; Науч. работник. 1928. № 11. С. 102.
[516] ААН, ф. 132, оп. 1, д. 96, л. 21—22.
[517] Там же, ф. 2, оп. 1-1930, д. 80, л. 40, 42.
[518] Академия наук XVII партсъезду. II. С. 45—46.
[519] Там же. С. 42—44; Академия наук СССР республикам Средней Азии. 1924—1934. С. 178—180.
[520] Академия наук СССР республикам Средней Азии. С. 93.
[521] Известия. 1932. 19 дек.
[522] Резолюции первой конференции по изучению производительных сил Узбекской ССР. 19—28 дек. 1932 г. Л., 1933. С. 3—92.
[523] Там же. С. 11.
[524] Узбекистан : Тр. и материалы первой конф. по изучению производительных сил Узбекистана. 19—28 дек. 1932 г. Л., 1933. Т. 1. 181 с.; Т. 2. 280 с.
[525] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 2—3.
[526] Академия наук СССР республикам Средней Азии. С. 191—192.
[527] Каракалпакия : Тр. 1-й конф. по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. Л., 1934. Т. 1. 249 с.; Т. 2, 272 с.; Академия наук XVII партсъезду. II. С. 44.

[528] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 89—90.

[529] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. М., 1970. С. 161; Очерки истории Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Ташкент, 1980. С. 41—68; *Шамухамедов Ш., Дан З.* Ташкентский университет — основоположник науки в Средней Азии. Ташкент, 1980. С. 10.

[530] Самаркандский государственный университет : Краткий ист. очерк. Ташкент, 1976. С. 6.

[531] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 159.

[532] *Мамедова Л. С.* К истории создания Академии наук Узбекской ССР // Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 11. С. 39.

[533] Академия наук Узбекской ССР. С. 290.

[534] История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 3. С. 567.

[535] Там же. С. 641.

[536] Наука в Узбекистане. Т. 1. С. 10.

[537] История Узбекской ССР. Т. 2. С. 643.

[538] Академия наук XVII партсъезду. 1. С. 63.

[539] История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 4. С. 53; *Абдуллаев Х. М.* 40 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 44; Общественные науки в Узбекистане. 1968, № 11. С. 39.

[540] Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. С. 697.

[541] ВАН. 1939. № 10. С. 148; Материалы. С. 220.

[542] *Абдуллаев Х. М.* 40 лет советской науки в Узбекистане. С. 44; *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 214.

[543] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 214.

[544] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 10.

[545] ВАН. 1940. № 1—2. С. 154; Изв. Узб. фил. АН СССР. 1940. № 1. С. 69.

[546] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 229—231.

[547] Там же; ВАН. 1940. № 1—2. С. 154; Изв. Узб. фил. АН СССР. 1940. № 1. С. 69.

[548] ВАН. 1940. № 7. С. 72.

[549] Там же. 1945. № 5—6. С. 209; Изв. Узб. фил. АН СССР. 1940. № 7. С. 13.

[550] Изв. Узб. фил. АН СССР. 1940. № 1. С. 4—8; № 7. С. 4.

[551] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 50.

[552] Изв. Узб. фил. АН СССР. 1940. № 4—5. С. 71.

[553] Там же. № 6. С. 101; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 83, 92—93.

[554] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 79—80, 84, 87; Академия наук Узбекской ССР. С. 12; *Абдуллаев Х. М.* 40 лет советской науки в Узбекистане. С. 45—46; *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 216—217.

[555] Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 89—91; ВАН. 1940. № 8—9. С. 122; Наука Союза ССР. С. 172—173.

[556] Краткая история СССР : В 2-х ч. 4-е изд., испр. и доп. М., 1983. Ч. 2. С. 301.

[557] Резолюции первой конференции по изучению производительных сил Узбекской ССР. 19—28 дек. 1932 г. С. 94—95.

[558] Академия наук Таджикской ССР. Душанбе. 1979. С. 39.

[559] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 128, л. 73.

[560] Академия наук Таджикской ССР. С. 40; Материалы. С. 94; *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР. М., 1964. С. 13.

[561] ААН. ф. 2. оп. 1-1930, д. 80, л. 803.

[562] Там же, оп. 1-1931, д. 73, л. 112.

[563] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 190.

[564] ААН, ф. 2, оп. 1-1928, д. 111, л. 115.

[565] Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929. С. 325—339.

[566] Отчет о деятельности АН СССР за 1930 г. Л., 1931. С. 115—117.

[567] Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1932 г. Л., 1933. С. 55.

[568] *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР. С. 12—14; *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). Душанбе, 1975. С. 55.

[569] *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР. С. 14.

[570] *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). С. 26—27.

[571] Академия наук Таджикской ССР. С. 41.
[572] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 189—190.
[573] Там же. С. 190; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 43, 48, 96. — Подробнее см.: *Гафурова Н. Б.* Руководитель Таджикистанской базы АН СССР // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 91—100.
[574] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 190.
[575] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 48.
[576] Там же, л. 150; Академия наук XVII партсъезду. 1. С. 58.
[577] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 174.
[578] *Ольденбург С. Ф.* Бригада Академии наук в Таджикистане // ВАН. 1932. № 12. Стб. 43.
[579] Известия. 1932. 12 нояб.
[580] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 52, л. 317—322.
[581] ВАН. 1932. № 12. Стб. 46.
[582] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 231.
[583] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 190.
[584] *Наврузов Г. Н.* К пятидесятилетию конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР // Вопр. истории естествознания и техники. 1983. № 4. С. 117.
[585] ВАН. 1933. № 6. Стб. 51—58.
[586] Проблемы Таджикистана : Тр. 1-й конф. по изучению производительных сил Тадж. ССР. Л., 1933. Т. 1. 315 с.; 1934. Т. 2. 252 с.
[587] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 107—108.
[588] ВАН. 1934. № 7—8. Стб. 81.
[589] Там же. 1938. № 6. С. 82.
[590] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 551—555; Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 159—162.
[591] ААН, ф. 222, оп. 1-1932, д. 102, л. 63, 65.
[592] *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР. С. 15—16.
[593] *Раджабов З.* Дорогой знаний : (Из воспоминаний). Душанбе, 1975. С. 110.
[594] Там же. С. 103.
[595] Природа. 1972. № 10. С. 8.
[596] Академия наук Таджикской ССР. С. 50.
[597] ВАН. 1935. № 2. Стб. 40; № 7—8. Стб. 104.
[598] Там же. 1936. № 11—12. С. 123.
[599] Там же. 1937. № 4—5. С. 145—146.
[600] Сведения о деятельности филиала см.: Академия наук Таджикской ССР. С. 49, 51; Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 159—162; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 80, 86—87, 114—115, 118, 124, 125; *Умаров С. У.* Таджикский филиал АН СССР и его роль в создании Академии наук Таджикистана // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 50.
[601] *Асимов М. С.* Наука Советского Таджикистана // Советская наука : Итоги и перспективы. С. 443.
[602] *Фрейман А.* Согдийские рукописи в развалинах замка на Зеравшане : К работам Таджикистанской базы Академии наук // ВАН. 1934. № 3. Стб. 49—52.
[603] Академия наук Таджикской ССР. С. 51—52.
[604] Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. С. 755; Академия наук Таджикской ССР. С. 53.
[605] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 227—228.
[606] Академия наук Таджикской ССР. С. 60.
[607] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. С. 8.
[608] ААН, ф. 132, оп. 1, д. 96, л. 4.
[609] Подробнее см.: Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924—1984 гг.). Ашхабад, 1984. С. 53—54; *Курочкин Г. Д.* Исследования минеральных ресурсов экспедициями Академии наук СССР (1919—1959 гг.). С. 62—73; *Перельман А. И.* А. Е. Ферсман. 1883—1945. С. 84—90.
[610] *Ферсман А. Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. С. 9.
[611] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 128, л. 70.
[612] Там же, д. 60, л. 447.

[613] *Бабаев А. Г.* Наука Советского Туркменистана // Сов. наука : Итоги и перспективы. С. 479.
[614] ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 1, л. 15.
[615] Академия наук СССР республикам Средней Азии. С. 18—20.
[616] Академия наук XVII партсъезду. II. С. 46—49; ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 197.
[617] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 140, л. 70; *Брега Г. С.* Сотрудничество советских республик в области науки в годы первой пятилетки. С. 80—82.
[618] ВАН. 1934. № 5. Стб. 72—73.
[619] Материалы 1-й конф. по изучению производительных сил ТССР. Л., 1933. Вып. 1. 56 с.; Вып. 2. 119 с.; Вып. 3. 121 с.
[620] ВАН. 1934. № 5. Стб. 62.
[621] Там же; *Говорухина В. А.* Академик Б. А. Келлер — первый председатель Президиума Туркменского филиала АН СССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1974. Вып. 1. С. 14.
[622] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 489—493; ВАН. 1934. № 6. Стб. 59—60.
[623] ВАН. 1935. № 7. Стб. 105; 1938. № 6. С. 83.
[624] 25 лет Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад, 1976. С. 9; *Султанов Ф. Ф., Говорухина В. А.* Академия наук СССР и развитие биологических наук Туркменистана // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1974. Вып. 1. С. 4.
[625] Академия наук Туркменской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. Ашхабад, 1982. С. 12—13.
[626] Там же. С. 15; Наука Союза ССР. С. 388.
[627] 25 лет Академии наук Туркменской ССР. С. 10; Академия наук Туркменской ССР. С. 15.
[628] Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. С. 753.
[629] *Петров М. П.*: 1) Пять лет работы Туркменского филиала АН СССР и его ближайшие задачи // Изв.. Туркмен. фил. АН СССР. 1946. № 5. С. 6; 2) Шесть лет Туркменского филиала АН СССР и его ближайшие задачи // ВАН. 1947. № 6. С. 14.
[630] ВАН. 1941. № 1. С. 94, 98; № 4. С. 114.
[631] Академия наук Туркменской ССР. С. 15; Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1974. Вып. 1. С. 16—17.
[632] АН СССР : Справ.-календарь на 1941 г. С. 228—229.
[633] Краткая история СССР. Ч. 2. С. 301; Союз нерушимый, 1922—1982 : Справ. М., 1982. С. 143, 147.
[634] Наука Советского Казахстана. 1920—1980. Алма-Ата, 1981. С. 285—288; Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1978. С. 25—27, 29—30.
[635] ААН, ф. 132, оп. 1, д. 96, л. 5—12, 18—19.
[636] Там же, ф. 2, оп. 1-1926, д. 56, л. 67; д. 75, л. 26.
[637] Там же, д. 56, л. 97.
[638] Протоколы ОС, 1926, § 88. — ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 173.
[639] ААН, ф. 2, оп. 1-1926, д. 4, л. 532.
[640] Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г. II : Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927. С. 172—192; Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929. С. 185—192.
[641] ААН, ф. 132, оп. 1, д. 67, л. 261—262.
[642] Там же, д. 16, л. 37; д. 67, л. 261—262; ф. 2, оп. 1-1929, д. 60, л. 456; оп. 1-1931, д. 46, л. 114.
[643] Культурная жизнь в СССР. 1928—1941 : Хроника. С. 181.
[644] ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 161, л. 410.
[645] Академия наук Казахской ССР. С. 26.
[646] Резолюции конференции по изучению производительных сил Казахстана. 20—25 февр. 1932 г. Л., 1932. С. 10—11.
[647] Там же. С. 12.
[648] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 184.
[649] См.: Казахстан : Тр. конф. по изучению производительных сил Казахстана. Л., 1932. 484 с.
[650] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 184—185.
[651] Там же. С. 185; Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 62.
[652] ААН, ф. 2, оп. 1-1932, д. 33, л. 103, 113.

[653] Там же, л. 132.
[654] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. С. 311. См. также: Академия наук XVII партсъезду. I. С. 57.
[655] Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 185—187.
[656] Там же. С. 188.
[657] Там же. С. 187.
[658] *Волгин В. П.* Академия наук СССР за четыре года. С. 114.
[659] За соц. науку. 1934. 10 апр.
[660] ААН, ф. 2, оп. 1-1933, д. 15, л. 214—215.
[661] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 566.
[662] *Гвоздев Е. В.* Биологическая наука в республике за 60 лет. // Наука Советского Казахстана. 1920—1980. С. 47.
[663] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. С. 310—311.
[664] Там же. С. 310.
[665] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 64.
[666] ВАН. 1935. № 1. Стб. 97—98, 101; Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 64—65.
[667] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 548.
[668] Там же. С. 544—546.
[669] ВАН. 1935. № 7—8. Стб. 101.
[670] Там же. 1936. № 4—5. С. 26.
[671] Там же. 1936. № 8—9. С. 11—17; 1938. № 6. С. 83; *Курочкин Г. Д.* Исследования минеральных ресурсов экспедициями Академии наук СССР (1919—1959 гг.). С. 164—169.
[672] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 66.
[673] *Нусупбеков А. Н.* У истоков создания Казахстанской базы АН СССР // Вестн. АН КазССР. 1974. № 2. С. 19.
[674] ВАН. 1938. № 11—12. С. 144; Нар. хоз-во Казахстана. 1938. № 6. С. 84.
[675] Наука Советского Казахстана. 1920—1980. С. 287; ВАН. 1938. № 4. С. 61.
[676] Наука Советского Казахстана, 1920—1980. С. 287.
[677] АН СССР: Справ.-календарь на 1941 г. С. 225—227.
[678] *Сатпаев К. И.* Избр. тр. Алма-Ата; 1969. Т. 4. С. 24.
[679] ВАН. 1945, № 5—6. С. 209.
[680] Нар. хоз-во Казахстана. 1938. № 6. С. 84.
[681] Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 156; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 91, 115; ВАН. 1940. № 1—2. С. 174.
[682] Сведения о деятельности филиала см.: Отчет о работе АН СССР за 1939 г. С. 156—157; Отчет о работе АН СССР за 1940 г. С. 88, 90—91, 123, 125; ВАН. 1939. № 4—5. С. 193—194.
[683] ВАН. 1940. № 11—12. С. 144.
[684] Там же. 1941. № 2—3. С. 160; Казахский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1984. С. 14.
[685] ВАН. 1939. № 4—5. С. 63.

III

ФИЛИАЛЫ И БАЗЫ АН СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941—1945

ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

22 июня 1941 г. вооруженные полчища фашистской Германии вторглись в пределы Советского Союза. Период мирного социалистического строительства был прерван. Началась Великая Отечественная война.

Гитлеровский фашизм — злейший враг всего прогрессивного человечества — поставил своей целью поработить свободолюбивые народы СССР, превратить Советский Союз в колонию, уничтожить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Фашизм развязал грабительскую, захватническую войну.

«Планируя агрессию против нашей страны, фашисты рассчитывали столкнуть между собой народы Советского Союза, разжечь национальную рознь. Действительность опрокинула эти расчеты, — указывал товарищ М. С. Горбачев. — Человечество не знает другого такого примера, когда бы война столь тесно сплотила все нации и народности страны для борьбы с агрессором. В братском единстве народов со всей силой проявилась мудрость и дальновидность ленинской национальной политики, великий социалистический союз остался прочен и непоколебим».[1]

Коммунистическая партия и Советское правительство призвали народы СССР встать на защиту своей Родины. Выдвинутый партией лозунг «Все для фронта! Все для победы!» мобилизовал рабочих, колхозников, интеллигенцию на борьбу с врагом.

Отвечая на призыв партии, советские ученые энергично стали перестраивать свою работу.

На другой день после начала войны состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР. По докладу О. Ю. Шмидта был рассмотрен вопрос «О разбойном нападении фашистской Германии на СССР и о работе АН СССР в условиях военного времени». В принятом Президиумом АН СССР постановлении указывалось: «От имени АН СССР мы заверяем наш народ, наше правительство, нашу Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков в том, что мы отдадим все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и за полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся

нарушить священные границы нашей великой социалистической Родины».[2] Президиум АН СССР обязал академические учреждения перестроить их деятельность в соответствии с требованиями фронта и тыла.

28 июня 1941 г. Академия наук обратилась с призывом к ученым всех стран сплотить свои силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров. «В этот час решительного боя, — говорилось в обращении, — советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны — во имя защиты своей Родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству».[3]

В первые дни войны многие ученые добровольно вступили в ряды Красной Армии и народного ополчения. Свыше 2000 работников АН СССР взяли в руки оружие. Значительная часть научных сотрудников академий наук Украинской и Белорусской ССР воевали на фронтах и в партизанских отрядах. Многие ученые отдали свои жизни за Родину в боях с фашистскими захватчиками.[4]

Признанием выдающейся роли науки и техники в период войны стало образование в июле 1941 г. Научно-технического совета Государственного Комитета Обороны. В состав совета вошли академики И. П. Бардин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, будущие академики Н. Г. Бруевич, М. М. Дубинин, Н. М. Жаворонков, В. А. Котельников, В. В. Коршак, И. Л. Кнунянц, И. В. Петрянов-Соколов и другие ученые. В работе совета участвовали академики С. И. Вавилов и Н. Н. Семенов. Во главе совета стоял уполномоченный Государственного Комитета Обороны по науке, председатель Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР С. В. Кафтанов. Деятельность совета способствовала быстрейшему выполнению заданий фронта и тыла, повышению эффективности исследований, укреплению содружества работников науки и производства.[5]

В годы суровых испытаний сеть научных учреждений в СССР не только не сократилась, но продолжала расширяться.

После изгнания гитлеровских захватчиков с территории СССР возобновилась работа по организации академий наук республик Советской Прибалтики.

13 февраля 1945 г. Совнарком Литовской ССР принял постановление «О возобновлении деятельности Академии наук Литовской ССР».[6] Был образован организационный комитет академии во главе с Ю. Ю. Матулисом, временно выполнявший функции ее президиума. 14 апреля 1945 г. состоялось утверждение нового устава академии, в соответствии с которым предусматривалось создание в ее составе двух отделений: Математических, естественных и прикладных и Общественных наук. Уже в 1945 г. стали функционировать девять институтов и четыре вспомогательных научных учреждения академии.[7]

Выражением заботы партии и правительства о воспитании подрастающего поколения, развитии системы народного образования, о дальнейшем расширении фронта исследований в области педагогики стала организация Академии педагогических наук РСФСР. 6 октября

1943 г. Совнарком СССР одобрил постановление правительства РСФСР о создании этой академии.[8] Перед ней выдвигались задачи исследования вопросов общей педагогики, специальной педагогики, истории педагогики, школьной гигиены, методов преподавания научных дисциплин в школах и др. Академия являлась высшим научным учреждением, объединявшим наиболее выдающихся ученых — специалистов по педагогическим наукам. Первым президентом академии был избран акад. В. П. Потемкин.[9]

Государственное признание роли медицины в борьбе с фашизмом проявилось в организации Академии медицинских наук СССР. Она была учреждена в июне 1944 г.[10] Академия находилась при Наркомздраве СССР. Она состояла из трех отделений: Медико-биологических наук, Гигиены, микробиологии и эпидемиологии и Клинических наук. Академия насчитывала 25 институтов. Первым ее президентом был акад. Н. Н. Бурденко.[11]

Создавались новые отраслевые институты, занимавшиеся разработкой проблем развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства. К 1945 г. в Советском Союзе имелось 2061 научное учреждение, среди них — 914 научно-исследовательских институтов и их филиалов.[12]

Расширялась сеть вузов. В период войны было организовано 60 новых вузов, из них пять стали работать на Урале, пять — в Сибири и 12 — в республиках Средней Азии.[13]

Пополнялась сеть учреждений Академии наук. Среди новых академических учреждений в первую очередь должны быть упомянуты организованные в ее системе комиссии.

В августе 1941 г., по инициативе академика В. Л. Комарова, жившего в Свердловске, была создана на базе Уральской комплексной экспедиции Комиссия по мобилизации ресурсов Урала для обороны страны. Председателем комиссии был назначен В. Л. Комаров, его заместителями — академики А. А. Байков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. А. Обручев и С. Г. Струмилин. В деятельности комиссии участвовали свыше 800 работников науки и техники, около 60 научных учреждений и организаций.

По рекомендации Центрального Комитета партии и Советского правительства, комиссия, помимо Урала, включила в сферу своей деятельности районы Западной Сибири и Казахстана.[14] В связи с этим в апреле 1942 г. она была преобразована в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны.[15]

В июне 1942 г. стала функционировать другая академическая комиссия — Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны. Комиссию возглавлял акад. Е. А. Чудаков, в ее состав входили академики Г. М. Кржижановский, С. С. Наметкин, Ф. П. Саваренский, К. И. Скрябин, А. М. Терпигорев, И. А. Трахтенберг, В. Г. Хлопин и другие ученые. Актив комиссии насчитывал свыше 500 ученых.

На нужды обороны работали созданные в 1941—1943 гг. комиссии: По противотанковым средствам, По геолого-географическому об-

служиванию Красной Армии. По научно-техническим военно-морским вопросам, Военно-санитарная и др.

Осенью 1943 г. Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны, как выполнившая свои задачи, была упразднена. В дальнейшем Президиум АН СССР ликвидировал и ряд других комиссий.

В 1942 г. в систему АН СССР был включен Тихоокеанский институт. В 1944 г. Президиум АН СССР организовал Институт истории искусств, Институт русского языка и Институт леса. В феврале 1945 г. приступил к работе Институт истории естествознания. Возникли самостоятельные лаборатории: Озероведения, Вулканологии, Гельминтологии и др. Количество учреждений АН СССР увеличилось с 169 в 1941 г. до 192 в 1945 г.[16]

Продолжалось пополнение личного состава АН СССР. В годы войны дважды проводились выборы в академики и члены-корреспонденты АН СССР.

В мае 1942 г. на состоявшейся в Свердловске сессии Общего собрания академиками были избраны пять ученых: химик-органик А. Е. Арбузов, специалист в области теории механизмов, машин и точной механики Н. Г. Бруевич, биохимики А. В. Палладин и Я. О. Парнас, хирург С. И. Спасокукоцкий.[17]

Проходившая в сентябре 1943 г. сессия Общего собрания избрала 36 новых академиков и 58 членов-корреспондентов АН СССР. Это было крупное пополнение личного состава Академии наук. Академиками тогда стали: по Отделению физико-математических наук — А. И. Алиханов, И. В. Курчатов, А. А. Лебедев и В. И. Смирнов; по Отделению химических наук — М. М. Дубинин, А. Н. Несмеянов, В. М. Родионов и И. И. Черняев; по Отделению геолого-географических наук — Д. С. Белянкин, А. А. Полканов, Ф. П. Саваренский и С. С. Смирнов; по Отделению биологических наук — А. А. Заварзин, Н. Д. Стражеско и В. Н. Сукачев; по Отделению технических наук — А. А. Благонравов, Б. А. Введенский, Л. С. Лейбензон, А. А. Микулин, Г. П. Передерий, С. П. Сыромятников, С. А. Христианович и Б. Н. Юрьев; по Отделению истории и философии — Б. В. Асафьев, В. А. Веснин, Р. Ю. Виппер, И. Э. Грабарь, С. Н. Джанашиа, С. А. Козин, В. П. Потемкин и А. В. Щусев; по Отделению экономики и права — Н. А. Вознесенский и Л. Н. Иванов, по Отделению литературы и языка — А. Е. Корнейчук, С. Н. Сергеев-Ценский и Л. В. Щерба.[18]

Среди ученых, избранных членами-корреспондентами АН СССР, находились будущие президенты Академии наук СССР математик М. В. Келдыш, физик А. П. Александров, а также астроном А. А. Михайлов, геолог К. И. Сатпаев, экономисты П. И. Лященко, М. В. Птуха, искусствовед Ш. Я. Амиранашвили и другие ученые.[19]

Из приведенных данных видно, что в составе новых академиков и членов-корреспондентов АН СССР были представлены ученые Украинской, Казахской и Грузинской ССР, Татарской АССР, других союзных и автономных республик. В 1945 г. численность академиков достигла 137.[20]

В мае 1942 г. на сессии Общего собрания состоялись выборы президента и вице-президентов АН СССР. Президентом вновь был избран В. Л. Комаров. Вице-президентами стали А. А. Байков, И. П. Бардин, А. А. Богомолец, В. П. Волгин, А. Ф. Иоффе и Л. А. Орбели. Академиком-секретарем Академии наук был избран Н. Г. Бруевич.[21] Избрание новых вице-президентов имело своей целью улучшение управления Академией наук, учреждения которой находились в различных районах страны и были удалены друг от друга.

Из поля зрения Академии наук не выпала работа по подготовке научных кадров. Правда, в 1941—1943 гг. число молодых научных сотрудников и аспирантов сильно сократилось. Многие из них ушли на фронт.

В августе 1942 г. Президиум АН СССР, озабоченный сокращением численности аспирантов, предложил руководителям академических учреждений провести с 1 октября по 1 декабря 1942 г. прием в аспирантуру. 21 июня 1943 г. на заседании Президиума рассматривался вопрос о состоянии научных кадров АН СССР. Как указывал Президиум, «Академия наук СССР по всем основным специальностям отделений имеет высококвалифицированные кадры, которые, несмотря на условия войны, благодаря поддержке партии и правительства, сохранены и привлечены к решению оборонных и народнохозяйственных задач».[22]

16 октября 1943 г. Президиум АН СССР принял постановление «О научных кадрах филиалов и баз АН СССР». В нем намечались конкретные мероприятия по повышению квалификации и подготовке национальных научных кадров. В частности, Киргизский, Таджикский и Туркменский филиалы должны были усилить подготовку кадров через аспирантуру.[23]

В 1945 г. академическая аспирантура превышала довоенный уровень. Особенно значительным был рост докторантуры. В 1945 г. 926 молодых ученых готовились в Академии наук к защите кандидатских и 703 — к защите докторских диссертаций.[24]

Расширение аспирантуры и докторантуры — наглядное свидетельство заботы партии о будущем науки, о развитии исследований в послевоенный период.[25]

К 1 января 1945 г. в Академии наук работало 4213 научных сотрудников, в том числе 682 доктора и 1470 кандидатов наук.[26]

С первых же дней войны деятельность Академии наук, как и всех исследовательских учреждений страны, стала энергично перестраиваться в соответствии с требованиями военного времени. Перестройка была нацелена на то, чтобы в кратчайшие сроки подчинить работу ученых решению неотложных научно-технических проблем оборонного значения.

Процесс перестройки осложнялся эвакуацией ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов в восточные районы страны. Эвакуация началась в июле 1941 г. В результате эвакуации ведущие научные учреждения и вузы СССР были сконцентрированы в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казах-

стана и Средней Азии. К началу 1942 г. учреждения АН СССР размещались в 45 пунктах страны.[27]

Работа научных учреждений и вузов развернулась в тех регионах страны, куда были эвакуированы крупнейшие промышленные предприятия из центральных и западных областей. По неполным данным, в 1941 и 1942 гг. в тыловые районы переместились более 2500 промышленных предприятий. В 1941 г. в районы Поволжья, Урала, Западной Сибири было эвакуировано 1137, а Средней Азии и Казахстана — 308 предприятий.[28] Таким образом, здесь сосредоточивался основной промышленный потенциал СССР. Это обстоятельство имело серьезное значение для укрепления связей науки с предприятиями оборонной промышленности.[29]

Тяжелыми были условия труда и быта эвакуированных ученых. Научные учреждения испытывали острый недостаток в помещениях, топливе, оборудовании, реактивах. Ощущался недостаток в жилье, продовольствии. Но с помощью местных партийных и советских органов все эти трудности по мере возможности преодолевались.

В работе учреждений АН СССР на первое место были выдвинуты темы, выполнение которых содействовало обороне — созданию новых видов и типов вооружения и боеприпасов, развитию военной промышленности и транспорта, изысканию замены жидкого топлива, разработке средств и методов лечения и сохранения жизни раненым воинам, повышению продуктивности сельского хозяйства, развитию пищевой промышленности и т. д. Как отмечал позднее академик А. П. Александров, с помощью ученых «были созданы и новые виды вооружений, и новые технологии изготовления вооружения, найдены многие необходимые материалы».[30]

При участии ученых велось восстановление народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистских оккупантов. После реэвакуации академических учреждений в Москву, которая началась в мае и была завершена в ноябре 1943 г., проблемы восстановления народного хозяйства стали занимать еще бóльшее место в работе Академии наук.

В годы войны возросло значение деятельности ученых-обществоведов, которые многое сделали для патриотического воспитания трудящихся, мобилизации миллионов рабочих и колхозников на разгром фашизма.

Самоотверженно трудились ученые ленинградских учреждений АН СССР, не прекращавшие исследований на протяжении 900-дневной блокады города.

Война стимулировала рост прикладных работ, направленных на удовлетворение неотложных потребностей фронта и тыла. Она отрицательно сказалась на развитии фундаментальных исследований. Сказанное не означает, что они совсем прекратились. Наоборот, по ряду важнейших направлений естественных, технических и общественных наук они велись весьма интенсивно. Примечательно, что в начале 1943 г. в Москве под руководством И. В. Курчатова развернулись исследования в области деления урана.

Выдающиеся труды в области науки и техники ежегодно отмечались Государственными премиями СССР. В период войны было присуждено 1578 Государственных премий; среди лауреатов находились 92 академика и 71 член-корреспондент АН СССР.[31]

Годы войны отмечены дальнейшим укреплением Советского многонационального государства, братской дружбы наций и народностей СССР. В период тяжелых испытаний народы нашей страны показали себя как подлинные патриоты и интернационалисты.

Одним из важнейших факторов укрепления дружбы народов была наука. Академия наук как высшее научное учреждение страны направляла свои усилия на то, чтобы сплотить ученых, мобилизовать их творческую энергию на решение оборонных задач.

В. Л. Комаров, другие руководители Академии наук, многие видные ученые в своих статьях и выступлениях разоблачали проповедовавшиеся фашистами национализм, шовинизм, расизм. Советские ученые видели в ленинской дружбе народов источник силы и могущества социалистической Родины.

«Советская интеллигенция по своему составу, по своему участию в общем труде и общей борьбе отражает дружбу и единение советских народов»,[32] — писал в декабре 1943 г. В. Л. Комаров. Характеризуя достижения ученых союзных республик, он отмечал: «Наша многонациональная семья ученых работает для общего дела. В мобилизации ресурсов на нужды обороны национальные кадры оказали решающую помощь. Они обеспечили быстрое включение в арсенал обороны необъятных природных ресурсов всех республик».[33]

Идеи защиты социалистического отечества, идеи ленинской дружбы народов помогали ученым преодолевать трудности военного времени и продолжать научные исследования. «Нельзя выразить словами, какую силу и уверенность давала в самые трудные дни блокады мысль об этой неразрывной дружбе, неразрывной спаянности великого русского народа с другими народами советской семьи и в том числе с моим родным армянским народом. Еще ярче ощущалась эта дружба в незабываемые дни осени и зимы 1941 г.»,[34] — писал впоследствии директор Эрмитажа акад. И. А. Орбели.

17 октября 1941 г. Эрмитаж организовал научное заседание, посвященное 800-летию со дня рождения Г. Низами. 10 и 12 декабря 1941 г. в Эрмитаже состоялись заседания в ознаменование 500-летия со дня рождения А. Навои.[35]

29 декабря 1941 г. заседание памяти А. Навои провел Институт востоковедения АН СССР. «В холодном зале библиотеки института собрались укутанные люди, в которых трудно было узнать знакомых ученых-востоковедов»,[36] — писал участник заседания Б. Б. Пиотровский. Вступительное слово на заседании произнес акад. И. Ю. Крачковский, с докладом о жизни и творчестве А. Навои выступили Е. Э. Бертельс и Б. Т. Руденко.

Проведенные учеными в блокированном Ленинграде заседания памяти Г. Низами и А. Навои стали подлинным праздником дружбы народов СССР.

О достижениях науки в союзных и автономных республиках

говорилось в докладе А. А. Байкова «Академия наук СССР за 25 лет», с которым он выступил в ноябре 1942 г. на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 25-летию Великого Октября. Ученый отмечал успешную работу Уральского, Узбекского, Казахского, Азербайджанского, Таджикского и Туркменского филиалов АН СССР.[37]

Выступивший на этой сессии с докладом «Развитие биологических наук в СССР за 25 лет» Л. А. Орбели особо остановился на успехах в подготовке национальных научных кадров. «. . . Я счастлив сознанием того, что нет почти ни одной национальности нашего Союза, представители которой не прошли бы через мои лаборатории и не превратились бы в более или менее крупного и серьезного научного работника»,[38] — говорил ученый.

Одним из проявлений дружбы народов СССР являлось укрепление сотрудничества АН СССР с академиями наук союзных республик.

В июле—августе 1941 г. Академия наук Украинской ССР была эвакуирована в Уфу, Нижний Тагил, Копейск, Свердловск, Иркутск, Магнитогорск и Алма-Ату. В августе—сентябре 1943 г. она переводится в Москву, а в марте—июне 1944 г. возвращается в Киев.[39]

Центральное место в работе учреждений АН УССР стала занимать оборонная тематика. Исследования велись в содружестве с более чем 300 промышленными предприятиями и научными учреждениями.[40] Ряд работ выполнялись совместно с учеными АН СССР.

Росту сотрудничества АН СССР и УССР способствовало избрание в мае 1942 г. А. А. Богомольца вице-президентом АН СССР. «Я всегда буду с благодарностью вспоминать, как в тяжелое время Вы согласились сверх Ваших многочисленных и ответственных обязанностей помочь руководству деятельностью академии и взять на себя дополнительно обязанности вице-президента»,[41] — писал в июне 1945 г. А. А. Богомольцу В. Л. Комаров.

В 1944 г. торжественно отмечалось 25-летие Академии наук УССР.[42] В приветствии, с которым обратилась к ней Академия наук СССР, подчеркивались огромные достижения украинских ученых, их ценный вклад в решение оборонных задач. «. . . Украинская Академия наук стала одним из крупнейших научных и культурных центров, — подчеркивалось в приветствии. — Своей деятельностью она немало способствовала экономическому, оборонному, культурному подъему Украины».[43]

Ученые Академии наук Белорусской ССР продолжали научные исследования в Свердловске, Омске, Ташкенте, Душанбе, Иркутске, Новосибирске, Куйбышеве.[44]

В марте 1942 г. Академия наук БССР провела в Казани первую в годы войны сессию. На ней был рассмотрен доклад о деятельности академии в 1941 г., утвержден план работы на 1942 г., обсуждены научные доклады. Сессию приветствовала делегация АН СССР во главе с акад. Е. А. Чудаковым. «Вместе с вами ученые братских республик будут делать все для того, чтобы приблизить грядущий час победы над врагом, час освобождения Белоруссии и других братских республик, занятых врагом»,[45] — говорилось в приветствии.

Начиная с июня 1943 г., Академия наук БССР стала работать в Москве, а в 1944 г. возобновилась ее деятельность в Минске. Ученые академии выполняли многие оборонные задания. После освобождения Белоруссии от фашистских оккупантов основные усилия ученых были нацелены на решение проблем, связанных с восстановлением и развитием народного хозяйства республики.[46]

Фашистские захватчики нанесли колоссальный ущерб научным учреждениям и вузам временно оккупированных республик и областей. В руинах лежали здания научных институтов и вузов, было разграблено и уничтожено лабораторное оборудование, погибли уникальные рукописные и книжные собрания.

В декабре 1943 г. В. Л. Комаров писал в «Правде» о том, что Академия наук СССР должна оказать всемерную помощь нашим братским академиям Украины и Белоруссии в скорейшем восстановлении лабораторий, институтов и библиотек. «Я призываю все наши институты оказать братскую помощь ученым-украинцам и белорусам в восстановлении научных центров этих республик. Это дело нашей чести»,[47] — говорилось в статье В. Л. Комарова.

Ученые АН СССР по-братски помогали академиям наук Украины и Белоруссии, другим научным центрам страны, пострадавшим от фашистской оккупации, в создании условий, необходимых для развития исследований. Академия наук выделяла в распоряжение республиканских академий приборы, научное оборудование, литературу.

Расширялись контакты АН СССР с Академией наук Грузинской ССР. В 1942 г. в составе Академии наук Грузии было организовано новое, третье отделение — Сельскохозяйственных наук. Общее количество сотрудников, работавших в учреждениях академии, составляло в 1944 г. 903 человека, среди них было 28 академиков и 12 членов-корреспондентов АН Грузинской ССР, 65 докторов и 215 кандидатов наук. С первых же дней войны ученые академии включились в решение оборонных задач. Так, входивший в состав академии Совет по изучению производительных сил, исследовал сырьевые ресурсы Грузии и устанавливал пути их использования.[48]

Обращаясь в ноябре 1942 г. с приветствием к юбилейной сессии АН СССР, президент Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мусхелишвили писал: «Наша молодая академия постоянно руководствуется вашим примером в деле содействия обороне Родины от озверелых захватчиков».[49]

О значении, которое партия и правительство придавали расширению связей АН СССР и республиканских академий наук, согласованию их работы, свидетельствует тот факт, что 24 марта 1945 г. в соответствии с решением Совнаркома СССР был создан Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик.[50] Во главе совета стоял президент АН СССР, его членами являлись президенты республиканских академий наук. Деятельность совета развернулась в послевоенные годы.

В едином строю со всеми защитниками Родины находились ученые филиалов и баз АН СССР. Многие из них в первые же дни войны ушли на фронт и с оружием в руках отстаивали честь и независимость

социалистического Отечества. Остававшиеся в тылу сотрудники филиалов и баз выполняли ответственные оборонные задания.

В 1942 г. Комитет по филиалам и базам был преобразован в Совет филиалов и баз. В состав совета, избранного Общим собранием в мае 1942 г., входили В. Л. Комаров (председатель), В. Н. Образцов и С. Г. Струмилин (заместители председателя). Членами совета являлись академики И. П. Бардин, Б. А. Келлер, Н. И. Мусхелишвили, С. С. Наметкин, И. А. Орбели, Е. Н. Павловский, П. И. Степанов, А. Е. Ферсман, А. Н. Фрумкин и Л. Д. Шевяков, члены-корреспонденты АН СССР И. Ф. Григорьев и Я. И. Френкель, профессора Т. Н. Кары-Ниязов и К. И. Сатпаев.[51]

Работой совета руководило бюро. Во главе бюро совета филиалов и баз стоял В. Л. Комаров, его заместителями были В. Н. Образцов и С. Г. Струмилин. Ученым секретарем совета являлся Б. Н. Митрейкин.[52]

Совет осуществлял руководство работой филиалов и баз. На состоявшейся в октябре 1943 г. второй сессии совета был заслушан доклад С. Г. Струмилина «Роль филиалов и баз Академии наук СССР в развитии народного хозяйства и культуры братских республик, краев и областей», обсуждены отчеты о деятельности филиалов и баз.[53]

Расположенные в глубоком тылу, филиалы и базы оказали неоценимую помощь эвакуированным учреждениям АН СССР, что позволило им в самые короткие сроки возобновить научную деятельность. В свою очередь, ученые центральных академических учреждений по-братски делились с учеными филиалов и баз своими знаниями и опытом, участвовали в проводимых ими исследованиях, помогали в работе по подготовке национальных научных кадров. Сотрудничество эвакуированных учреждений с филиалами и базами способствовало укреплению центров академической науки на местах.

О масштабах научной деятельности филиалов и баз можно судить на основании следующих данных. В течение одного лишь первого полугодия 1943 г. они выполнили 154 научные работы, из которых 32 были внедрены в производство и 111 переданы промышленным организациям для внедрения.[54] В 1943 г. филиалы и базы дали свыше 2000 консультаций промышленным предприятиям.

Свидетельством укрепления сети учреждений филиалов, повышения их роли в научной жизни страны служат такие сведения. В 1945 г. в Академии наук функционировали семь филиалов и четыре базы; в их составе имелись 43 института, 44 самостоятельных сектора, отдела и лаборатории, одна астрономическая обсерватория, две сейсмические станции, четыре музея, девять ботанических садов, восемь заповедников и пять стационаров. В учреждениях филиалов и баз трудилось 1700 научных и научно-технических сотрудников, семь академиков, 10 членов-корреспондентов АН СССР, 180 докторов и 423 кандидата наук. В них обучалось 305 аспирантов.[55]

Характеризуя значение деятельности филиалов, в 1942 г. В. Л. Комаров писал: «Наука проникла у нас во все поры народной жизни. Филиалы Академии наук в национальных республиках сделались

неотъемлемой частью всего народного организма. Выросли свои национальные кадры ученых, работающие, не покладая рук, для использования на дело обороны неисчерпаемых богатств недр советской земли».[56]

В БОРЬБЕ ЗА МОБИЛИЗАЦИЮ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ УРАЛА, КАЗАХСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИИ. РАБОТА КОЛЬСКОЙ БАЗЫ ИМ. С. М. КИРОВА

Уральский филиал. В период войны Урал получил наименование «станового хребта обороны». Здесь работали крупнейшие фабрики и заводы, поставлявшие фронту боевую технику, вооружение, боеприпасы.[57] Уже в 1942 г. по сравнению с 1940 г. военная промышленность на Урале выросла в пять раз.[58]

На Урал был эвакуирован ряд учреждений АН СССР и АН УССР, отраслевых институтов и вузов. В городах Урала работало 35 академиков. С мая 1942 г. в Свердловске находился Президиум АН СССР во главе с В. Л. Комаровым.[59] Здесь протекала деятельность Бюро Отделения геолого-географических наук, возглавляемого В. А. Обручевым. Все это способствовало расширению фронта исследований, которые проводились Уральским филиалом АН СССР.

По свидетельству акад. А. М. Терпигорева, «приехавшие в Свердловск московские, ленинградские, украинские ученые быстро нашли общий язык с отрядом уральских научных работников и стали успешно трудиться над решением важнейших задач мобилизации неисчерпаемых природных ресурсов Урала на нужды обороны».[60]

О готовности ученых филиала встать на защиту Родины 23 июня 1941 г. говорил в своем выступлении на митинге сотрудников Горно-геологического института Л. Д. Шевяков. В опубликованных в первые месяцы войны в газете «Уральский рабочий» статьях Л. Д. Шевякова раскрывалась роль природных ресурсов Урала для развития военной промышленности.[61]

Перестройка деятельности филиала на нужды обороны осуществлялась под руководством и при помощи Свердловского обкома ВКП(б).

Сотрудники филиала участвовали в работе Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны. Они выполняли задания, связанные с развитием горнорудной, металлургической и угольной промышленности, производства огнеупорных материалов, добычи нефти в новых районах и т. д.[62]

Горно-геологический институт филиала работал в сотрудничестве с Институтом горного дела АН СССР, эвакуированным из Москвы в Свердловск. Из состава сотрудников этих институтов и работников промышленности организовывались бригады, которые выезжали в каменноугольные и горнорудные районы Урала и Сибири. Во главе бригад стояли Л. Д. Шевяков и А. А. Скочинский. Рекомендации, высказанные учеными, позволили угольным трестам Урала и Кузбасса увеличить добычу угля. В начале 1943 г. Л. Д. Шевяков вместе

с группой ученых внес предложения, направленные на увеличение добычи каменного угля, железных, марганцевых и полиметаллических руд в Западной Сибири.[63]

«Работы Уральского филиала послужили основанием для успешного промышленного освоения новых месторождений платины и осмистого иридия»,[64] — сказано в «Отчете о научной деятельности Академии наук СССР за 1942 г. и первое полугодие 1943 г.».

Ученые филиала выполняли исследования в области теории металлургических процессов, по комплексному использованию железных и железосодержащих руд, обоснованию новых технологических процессов. Специалисты в области металлургии, металловедения и металлофизики совместно с работниками промышленности предприятий создали и внедрили в практику новый метод производства феррохрома.[65]

Важное оборонное значение имело выдвинутое С. В. Вонсовским и Я. Ш. Шуром предложение — применять метод дефектоскопии для сплошного контроля качества снарядных заготовок на начальных стадиях производства. Это давало возможность увеличить выпуск качественных корпусов снарядов. Благодаря реализации предложения В. Д. Садовского и Н. М. Родигина — осуществлять электрический индукционный нагрев при термической обработке корпусов боеприпасов — стало возможным в десятки раз ускорить этот технологический процесс.[66]

Сотрудники созданной в 1941 г. в филиале Лаборатории лесохимии разработали технологию и аппаратуру получения смазочных масел и жидкого горючего из лесохимического сырья. Этот метод нашел практическое применение.[67]

Следует отметить, что в Институте металлофизики, металлургии и металловедения и Химическом институте работала эвакуированная на Урал группа эстонских ученых. Профессор Таллинского политехнического института А. Альтма, впоследствии член-корреспондент Академии наук Эстонской ССР, занимался изучением проблем магнетизма металлов. Исследования, связанные с синтезом добавок к авиационному бензину и получением высококачественных смазочных материалов, вели старшие научные сотрудники О. Г. Киррет (будущий член-корреспондент Академии наук Эстонской ССР) и Э. Раннак.[68]

Заслушав в октябре 1942 г. доклад председателя Президиума филиала И. И. Бардина «О деятельности Уральского филиала АН СССР в 1942 г.», Президиум АН СССР отметил плодотворную работу на нужды обороны, проведенную учреждениями филиала.

В годы войны продолжался рост филиала. Среди новых его учреждений должны быть упомянуты Институт биологии и Ивдельский стационар (созданы в 1944 г.). К началу 1945 г. в филиале функционировали четыре института (Горно-геологический, Химический, Металлофизики, металлургии и металловедения, Биологии) и Ивдельский стационар. Позднее Институт металлофизики, металлургии и металловедения был преобразован в Институт физики металлов.[69]

«Уральский филиал Академии наук имел прекрасное оборудование и хорошие помещения для своих институтов. Библиотека филиала получала много русских и иностранных журналов и книг. При институтах работали механическая, столярная и прочие вспомогательные мастерские. Чувство удовлетворения за успешное развитие подобных научных учреждений испытывал каждый вдумчивый посетитель этих институтов»,[70] — писал работавший в годы войны на Урале ленинградский ученый чл.-кор. АН СССР Н. И. Никитин.

Не прекращалась подготовка научных кадров. К концу 1945 г. 15 ученых филиала защитили докторские и 43 кандидатские диссертации. Среди ученых, защитивших докторские диссертации, были С. В. Вонсовский, В. В. Михайлов, В. Д. Садовский, Я. Ш. Шур и др.[71]

Многие ученые Академии наук вели преподавание в вузах Урала. В частности, в Уральском университете лекции читали акад. В. П. Волгин, будущий академик М. Н. Тихомиров, члены-корреспонденты АН СССР В. В. Голубев и Я. И. Френкель.[72] Участие крупных деятелей науки в работе вузов благотворно сказалось на их учебно-воспитательной и научной деятельности.

Характеризуя достижения ученых Урала, в 1942 г. А. Е. Ферсман писал: «Ученые, научные работники Урала заняли достойное место в рядах уральцев, бойцов трудового фронта».[73] Эти слова полностью применимы к деятельности Уральского филиала в годы войны.

Казахский филиал. В первые же дни войны деятельность филиала быстро перестраивалась в соответствии с требованиями фронта и тыла. Пересматривались планы научной работы филиала. 6 октября 1941 г. Президиум филиала утвердил план исследований на 1942 г., предусмотрев в нем значительное расширение работ по изучению природных ресурсов республики, повышению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.[74]

23 декабря 1941 г. К. И. Сатпаев направил письмо В. Л. Комарову, в котором информировал президента АН СССР о деятельности филиала. «Следуя Вашему примеру, и мы, работники Казахского филиала Академии наук, со дня начала Великой Отечественной войны в корне пересмотрели свою работу, направив ее на нужды обороны и на укрепление тыла страны»,[75] — говорилось в письме. К. И. Сатпаев сообщал об исследованиях филиала, направленных на поиски новых запасов полезных ископаемых, на использование новых видов минерального и растительного сырья. Он писал, что сотрудники филиала занимали руководящее положение в организованном правительством Казахстана Научно-техническом совете, призванном координировать научную работу в республике. Заключали письмо следующие слова: «Ваша инициатива по организации в Казахстане такой же плодотворной мобилизации внутренних ресурсов, какая проведена Вашей комиссией на Урале, находит самый горячий отклик как в правительстве Казахстана, так и во всех нас — местных научных работниках».[76]

Отвечая К. И. Сатпаеву, 17 января 1942 г. В. Л. Комаров высоко оценил работу казахских ученых. «Очень прошу Вас начать подго-

товку необходимых материалов, подбор людей и создание необходимых условий для работы, обеспечивающих ее быстрый разворот»,[77] — писал он.

Горячее стремление ученых Казахстана приблизить день разгрома фашизма, оказать максимальную помощь фронту и тылу нашло отражение в статьях и выступлениях К. И. Сатпаева.[78] В октябре 1942 г. в речи на собрании интеллигенции Алма-Аты он говорил: «Я думаю, что выражу мысли и чувства всех научных работников, всей советской интеллигенции Казахстана, если скажу, что каждый из нас работает и будет работать с максимальным напряжением всех творческих сил, будет со всей страстью и упорством трудиться на благо Родины, для приближения победы над подлыми немецкими оккупантами».[79] В своих статьях и выступлениях К. И. Сатпаев отмечал, что источником силы и непобедимости Советского Союза является ленинская дружба народов.

В Казахстане работал ряд эвакуированных в республику научных учреждений и вузов. Среди них были институты Академии наук: Географии, Экономики, Философии, Истории и др. В Боровом трудились В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, А. Н. Крылов, Л. И. Мандельштам и другие ученые.[80] В ноябре 1941 г. Президиум АН СССР назначил своим уполномоченным в Казахской ССР В. Г. Фесенкова.[81]

Руководящие органы Казахстана, Президиум Казахского филиала, все его сотрудники тепло встретили эвакуированных ученых, стремились помочь им в создании условий, необходимых для продолжения исследований. Учреждения филиала работали в тесном сотрудничестве с эвакуированными учеными.

Многие исследования выполнялись филиалом совместно с Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны. В мае 1942 г. в Казахстан выехала большая группа ученых во главе с В. Л. Комаровым. В составе группы находились А. А. Байков, И. П. Бардин, Б. Е. Веденеев, А. Н. Заварицкий, В. Н. Образцов, В. А. Обручев, А. А. Скочинский и др.[82] Совместно с руководящими органами республики, казахскими учеными был разработан план исследований по освоению природных ресурсов Казахстана.

Под знаком мобилизации ученых на разгром фашизма в декабре 1942 г. в Алма-Ате работала юбилейная сессия филиала, посвященная 25-летию Великого Октября. Были заслушаны доклады К. И. Сатпаева («Итоги и ближайшие задачи Казахского филиала АН СССР»), Н. Г. Кассина («Геология Казахстана за 25 лет Советской власти»), М. П. Русакова («Минеральные ресурсы Казахстана и задачи их дальнейшего освоения»), У. У. Успанова («Земельные фонды Казахстана»), В. А. Догеля («Животные ресурсы Казахстана и их использование») и др. Сессия определила задачи ученых республики в области исследования и освоения минеральных и водных ресурсов, земельных фондов, растительных ресурсов, развития животноводства, повышения урожайности и размещения сельскохозяйственных культур, развития общественных наук.[83]

В декабре 1942 г. Президиум АН СССР и ЦК профсоюза высшей школы и научных учреждений признали филиал одним из победителей в социалистическом соревновании среди научных учреждений АН СССР.[84]

Росла сеть учреждений филиала. Среди новых подразделений, созданных в нем в период войны, находились институты: Астрономии и физики, Горного дела, Металлургии и обогащения, Зоологии, Языка и литературы, ряд секторов.[85] В конце 1942 г. в филиале имелось 10 самостоятельных учреждений, в том числе четыре института. В 1942 г. при нем была открыта аспирантура.[86]

«Летом этого года я был в столице Казахстана, в чудесном советском городе Алма-Ате, — писал В. Л. Комаров в декабре 1943 г. — Там уже скоро десять лет работает Казахский филиал Академии наук СССР, который можно поставить в ряд с большими современными научными учреждениями».[87]

Ученые филиала развернули поиски местных заменителей дефицитных материалов, новых видов минерального и растительного сырья. Филиал проводил много экспедиций: число организованных им экспедиционных отрядов увеличилось с 32 в 1941 г. до 102 в 1944 г.[88] Изучение марганцевых месторождений, освоение запасов железных руд, месторождений цветных, редких и рассеянных металлов, залежей минерального топлива, исследование нерудного сырья, водных ресурсов Казахстана — такова тематика исследований, которыми занималось одно из ведущих учреждений филиала — Институт геологических наук,[89] руководимый К. И. Сатпаевым.

При участии ученых осваивались месторождения медных руд в Джезказгане, строился Карагандинский металлургический завод, повышались производственные мощности Карагандинского угольного бассейна, Актюбинского комбината ферросплавов и Урало-Эмбенского нефтекомбината. Бюро Карагандинского обкома партии указывало, что благодаря помощи ученых АН СССР Карагандинский угольный бассейн в 1942 г. преодолел отставание и добился увеличения добычи топлива на 50 % по сравнению с довоенным уровнем.[90]

В связи с временной оккупацией Никопольского марганцевого района и большими трудностями, связанными с вывозом руды Чиатурского месторождения на Кавказе, возникла острая необходимость выявить в восточных районах новые запасы марганцевых руд и ввести их в эксплуатацию. Под руководством К. И. Сатпаева ученые Казахстана открыли Джездинское марганцевое месторождение. Рекомендации, касающиеся разработки месторождения открытым способом, дал акад. А. А. Скочинский. В июне 1942 г. в Джезды вступил в строй марганцевый рудник. Джездинская марганцевая руда поступала на Магнитогорский металлургический комбинат, где она использовалась для производства особо прочной броневой стали.[91]

Работы Института почвоведения и ботаники филиала были направлены на расширение посевных площадей республики. Решению этой задачи содействовали исследования, проводившиеся в Казахстане учеными Института географии и Института почвоведения АН СССР.[92]

Сотрудники биологических учреждений филиала работали над решением проблем, связанных с обеспечением фронта и тыла продовольствием и сырьем.

Развивались исследования по астрономии. 21 сентября 1941 г. в Казахстане под руководством комиссии Президиума АН СССР во главе с В. Г. Фесенковым было проведено наблюдение полного солнечного затмения. Подводя итоги работы комиссии, 16 октября 1941 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации в составе Казахского филиала упоминавшегося выше Института астрономии и физики. Его первым директором стал В. Г. Фесенков.[93]

Продолжались исследования в области истории, языкознания, литературоведения. Совместно с учеными Института истории АН СССР сотрудники филиала подготовили труд «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», который был издан в 1943 г. Среди авторов этого издания находились будущие академики Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова, казахский писатель Мухтар Ауэзов и др.[94]

Опубликованные отчеты о работе филиала воссоздают его многогранную научную и научно-организационную деятельность в период войны. Они убеждают в том, что филиал вырос в крупный исследовательский центр, комплексно разрабатывавший проблемы развития производительных сил, истории и культуры Казахстана.

В начале 1944 г. в филиале имелось 13 научных учреждений, в том числе семь институтов, пять самостоятельных секторов и Научная библиотека. К концу 1945 г. он состоял из 25 научных учреждений, среди которых находились 16 институтов, восемь самостоятельных секторов и Центральная научная библиотека.[95]

Успешно осуществлялась подготовка научных кадров. В начале 1944 г. в аспирантуре филиала обучалось 114 человек, в том числе 59 казахов. К концу 1945 г. численность аспирантов филиала выросла до 237 человек.[96]

Представление о росте кадров филиала можно получить на основании следующих данных. К 1 января 1944 г. в филиале работали 810 человек, среди них 558 научных и научно-технических сотрудников. К концу 1945 г. его штат состоял из 1177 человек, при этом количество научных и научно-технических сотрудников достигло 864.[97] С 1942 г. председателем Президиума филиала был К. И. Сатпаев.

Расширение масштабов деятельности филиала, повышение его руководящей роли в научной жизни республики, необходимость дальнейшего совершенствования организации исследований в Казахстане — все это поставило в порядок дня вопрос о преобразовании филиала в республиканскую академию наук.

3 февраля 1944 г. К. И. Сатпаев обратился в СНК и ЦК ВКП(б) Казахстана с письмом, в котором говорилось: «Одной из важнейших по народнохозяйственной и политической значимости задач, стоящих перед Казахстаном в данный момент, является проблема создания Академии наук Казахской ССР».[98]

Идея создания Академии наук Казахстана встретила поддержку в руководящих партийных и советских органах республики. Эту идею одобрил Президиум АН СССР.[99] Академия наук Казахской ССР была учреждена в 1946 г., о чем речь пойдет в следующей главе.

Таджикский филиал. Несмотря на суровые условия войны продолжался рост сети учреждений Таджикского филиала. В 1941 г. в его составе был организован Институт животноводства, в 1944 г. — Сектор экономических исследований.[100] К июню 1945 г. в филиале работали пять институтов (Геологический, Ботанический, Зоологии и паразитологии, Животноводства, Истории, языка и литературы), Химическая лаборатория, Астрономическая обсерватория, два краеведческих музея (Республиканский и Ленинабадский). В состав Ботанического института входили два ботанических сада и две станции.[101]

В 1941 г. в соответствии с постановлением Президиума АН СССР при филиале была открыта аспирантура. В 1944 г. в его учреждениях обучалось 14 аспирантов. В период войны филиал подготовил двух докторов и 10 кандидатов наук. К концу 1945 г. количество научных и научно-технических сотрудников филиала превышало 250; здесь трудились 13 докторов и 42 кандидата наук.[102]

Председателем Президиума филиала был Е. Н. Павловский, его заместителем — Б. Г. Гафуров (впоследствии академик).

Как и в деятельности всех филиалов и баз, центральное место в работе Таджикского филиала стали занимать научно-технические проблемы оборонного значения.[103]

Ученые филиала развернули поиски месторождений стратегического сырья. Геологический институт направил свои усилия на изучение месторождений редких металлов, решение проблемы топлива. Велись поиски запасов олова, ртути и сурьмы.[104] Как отмечалось в «Отчете о научной деятельности АН СССР за 1942 г. и первое полугодие 1943 г.», Таджикский филиал открыл и разведал в Рохитинском районе месторождение торфа.[105] В 1944 г. филиал завершил работу по использованию горючих сланцев в качестве топлива для юга Таджикистана.[106]

Расширилась деятельность Ботанического института, Института зоологии и паразитологии, Института животноводства. Эти учреждения установили прочную связь с эвакуированными в Сталинабад Зоологическим институтом АН СССР, Севастопольской и Мурманской биологическими станциями, Энтомологическим обществом. Благодаря сотрудничеству таджикских ученых с учеными центральных учреждений АН СССР были достигнуты существенные результаты в исследовании фауны и флоры, изыскании растительных ресурсов, повышении плодородия почв. Под руководством Е. Н. Павловского развернулись работы по паразитологии.[107]

Сотрудники Института истории, языка и литературы занимались подготовкой научных и научно-популярных трудов о героическом прошлом таджикского народа. В 1942 г. институт подготовил к изданию «Военный русско-таджикский словарь», который использовался при обучении бойцов в подразделениях всевобуча.[108]

О достижениях ученых Таджикистана свидетельствовала первая научная сессия филиала, состоявшаяся 20—25 апреля 1944 г. Сессия была посвящена 15-летней годовщине со дня образования Таджикской ССР. В работе сессии участвовали руководители республики, ученые центральных учреждений АН СССР, сотрудники исследовательских центров и вузов Таджикистана.

Сессия заслушала и обсудила 60 научных докладов.[109] Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Б. Г. Гафуров выступил с докладом на тему «Глубже изучить богатое историческое прошлое таджикского народа». Были также заслушаны доклады Е. Н. Павловского — «Пути развития науки в Таджикистане», М. С. Андреева — «Таджики долины Хуф», С. И. Ильина — «Наши успехи в изучении геологии Таджикистана», А. И. Толмачева — «Ботаника в Советском Таджикистане» и др.[110]

Сессия показала рост братского сотрудничества ученых Таджикистана со всеми советскими учеными. «Временный перевод Зоологического института Академии наук СССР уже дал благоприятные результаты, и я на положении своем, как директор этого института, могу дать твердое обещание, что и по реэвакуации Зоологического института в Ленинград плодотворная связь с филиалом будет обеспечена»,[111] — говорил в своем докладе на сессии Е. Н. Павловский.

Туркменский филиал. Выступая в октябре 1941 г. с речью на антифашистском митинге ученых в Москве, председатель Президиума Туркменского филиала Б. А. Келлер с гордостью говорил о достижениях Туркмении в хозяйственном и культурном строительстве. Оценивая деятельность Туркменского филиала, он отмечал: «Этот филиал кладет начало будущей Туркменской национальной Академии наук».[112] Годы войны стали одним из этапов, подготовивших условия для преобразования филиала в республиканскую академию наук.

Рост филиала проявился в расширении сети его учреждений, увеличении численности и повышении квалификации научных кадров.

Среди новых учреждений, созданных в филиале, должны быть упомянуты Физико-технический институт (1944), Ботанико-растениеводческий и Зоолого-зоотехнический институты (1942).[113] К июню 1945 г. в филиале работали пять институтов (Физико-технический, Геологический, Ботанико-растениеводческий, Зоолого-зоотехнический, Истории, языка и литературы), Репетекская песчано-пустынная станция, Фирюзинское богарное опытное поле, Ботанический сад и Государственный музей краеведения. В состав Ботанико-растениеводческого и Зоолого-зоотехнического институтов входил ряд лабораторий и станций.[114]

В целях подготовки научных кадров в 1943 г. при филиале была учреждена аспирантура. В 1945 г. аспирантскую подготовку проходили 20 человек. К 1 декабря 1945 г. в филиале трудились 115 научных сотрудников, в том числе 35 туркмен.[115] В 1945 г. здесь работали один академик, девять профессоров и докторов, 51 кандидат наук.[116]

В период войны в составе филиала функционировала Промышленная комиссия, которая вела исследования, направленные на развитие промышленности Туркмении. В работе комиссии участвовали многие ученые филиала.[117]

Сотрудники филиала занимались изучением местного растительного и минерального сырья, что позволяло получать из него продукты, ранее привозившиеся в Туркмению из других республик (кварциты, огнеупорные и тугоплавкие глины, минеральные краски, фосфориты, лекарственные и дубильные растения и т. д.). Благодаря исследованиям филиала Туркменская ССР получила собственные огнеупорные изделия.[118]

Геологический институт развернул исследования по стратиграфии, тектонике, полезным ископаемым, гидрогеологии и сейсмичности Туркмении. Работы по гидрогеологии дали возможность ввести в действие в различных районах Туркменской ССР новые источники водоснабжения. Ученые подготовили новую карту сейсмического районирования республики и дали рекомендации по антисейсмическому строительству.[119]

Ученые-обществоведы вели работы по истории Туркменской ССР, литературе, языку и фольклору туркменского народа.

Заслушав в июне 1943 г. доклад Б. А. Келлера о деятельности филиала, Президиум АН СССР отметил значительную работу филиала, направленную на развитие народного хозяйства Туркменской ССР, на оказание помощи фронту.[120]

В период войны в Туркмению был эвакуирован ряд научно-исследовательских институтов и вузов. В их числе находились некоторые факультеты Московского университета, Одесский университет, Харьковский гидрометеорологический институт и другие вузы. В республике работал Московский ботанический сад.[121] Эвакуированные ученые оказывали большую помощь филиалу в проведении исследований и подготовке научных кадров.

В июне 1942 г. стал функционировать объединенный ученый совет биологических учреждений филиала и Московского ботанического сада, завершивший свою работу в мае 1943 г. На 15 заседаниях совета были приняты к защите шесть докторских и 10 кандидатских диссертаций.[122]

Издавались труды филиала, в которых публиковались исследования его ученых. В 1944 г. начали выходить «Известия Туркменского филиала Академии наук СССР».

6—16 декабря 1944 г. в Ашхабаде состоялась объединенная научная сессия филиала, вузов и научно-исследовательских учреждений республики, посвященная 20-летней годовщине со дня образования Туркменской ССР. В конференции участвовало около 500 человек, было заслушано 59 докладов. В докладах М. П. Петрова — «Советская наука в Туркмении за 20 лет», В. Д. Тимакова — «Двадцать лет медицинской науки в Туркмении», А. П. Поцелуевского — «Итоги и задачи языковой работы в Туркмении», Б. Каррыева — «Туркменское литературоведение к двадцатилетию Туркменской ССР», А. К. Рустамова — «Животные ресурсы и зоологическая наука

в Туркмении за годы Великой Отечественной войны» и других — подводились итоги научной деятельности в республике и намечались их дальнейшие перспективы.[123]

Сессия показала, насколько значительным был вклад ученых Туркменского филиала в развитие экономики и культуры республики, в дело мобилизации ее природных ресурсов на нужды фронта и тыла.

Кольская база им. С. М. Кирова. В начале войны база была эвакуирована в Коми АССР. Следует отметить, что директор Полярно-альпийского ботанического сада Н. А. Аврорин, сотрудники сада Л. И. Качурина, Б. А. Мишкин, А. Я. Мишкина и другие добровольно отказались от эвакуации. В прифронтовых условиях они охраняли сад, его коллекции живых растений. Одновременно решались задачи, связанные с обеспечением фронта и тыла витаминами, лекарственными средствами и сахарным сырьем. Н. А. Аврорин составил реферативную сводку «Витамины в условиях Мурманской области». По договору с эвакогоспиталем выращивались зеленые овощи. В результате изысканий, проводившихся в 1943—1944 гг. в лаборатории сада Н. Н. Дьячковым и А. Л. Курсановым, был разработан способ получения глюкозной патоки и чистой глюкозы из лишайников. В период войны было создано подсобное хозяйство сада.[124]

В 1941 г. Президиум АН СССР, с разрешения Совнаркома СССР, объединил Кольскую и Северную базы в единую Северную базу с центром в г. Сыктывкаре. Было признано необходимым сохранить стационары Академии наук в городах Архангельске и Кировске. Руководство Северной базой возлагалось на А. Е. Ферсмана.[125]

Находясь в составе Северной базы, сотрудники Кольской базы занимались изучением природных ресурсов Коми АССР. В 1943 г. они вернулись в г. Кировск, где продолжили прерванные войной работы по исследованию производительных сил Кольского полуострова.[126]

В 1944 г. Совнарком СССР удовлетворил ходатайство АН СССР о восстановлении Кольской базы в г. Кировске.[127] К концу 1944 г. функционировали 12 научных учреждений базы, в том числе три сектора (Геологический, Почвенный и Геоботанический). Полярно-альпийский ботанический сад, Экономическая группа, семь лабораторий (Ниобиевая, Цветных металлов, Аналитическая и др.). До конца своей жизни базой руководил А. Е. Ферсман.[128]

ОРГАНИЗАЦИЯ АКАДЕМИЙ НАУК УЗБЕКСКОЙ, АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И АРМЯНСКОЙ ССР

Академия наук Узбекской ССР. В 1941—1943 гг. в Узбекской ССР работал ряд эвакуированных в республику институтов Академии наук, других научных учреждений и вузов. В их числе были академические институты: Почвоведения, Сейсмологический, Истории, Истории материальной культуры, Востоковедения и др. Научные исследования в Ташкенте развернули академики Б. Д. Греков,

Л. И. Прасолов, В. В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР Е. Э. Бертельс, М. П. Костенко, М. А. Шателен, В. Ф. Шишмарев и многие другие ученые. Уполномоченным Президиума АН СССР в Ташкенте был назначен Б. Д. Греков.[129]

В первые же дни после приезда в Ташкент ученых центральных академических учреждений они были окружены вниманием и заботой со стороны руководящих органов Узбекистана. Сотрудники Узбекского филиала не жалели сил и времени, чтобы помочь своим московским и ленинградским коллегам преодолеть трудности, вызванные эвакуацией. По словам члена-корреспондента АН СССР В. А. Ковды, «много творческих сил советских ученых было тогда спасено благодаря помощи Узбекистана».[130]

Сразу же установилось плодотворное сотрудничество эвакуированных научных учреждений с Узбекским филиалом. Дружно и согласованно трудились русские и узбекские ученые. Главные их усилия были направлены на исследование природных ресурсов республики.

Благодаря совместным усилиям исследователей в Узбекистане были открыты новые месторождения олова, вольфрама, молибдена, железных руд, нефти, коксующихся углей, флюсов, огнеупоров. Удалось обнаружить новые запасы различных строительных материалов, каолиновых глин.[131] Все это способствовало росту оборонной промышленности Узбекистана, расширению его военно-экономической базы. В марте 1944 г. на металлургическом заводе в Беговате была получена первая плавка стали.[132]

Значительное развитие получили исследования в области биологических и сельскохозяйственных наук. Д. Н. Прянишников предложил ввести в Узбекистане новый севооборот, который включал в себя хлопчатник, пшеницу и сахарную свеклу. Реализация этого предложения дала возможность повысить урожайность хлопчатника и создать в республике собственную зерновую базу.[133] Велись работы, связанные с развитием теории и практики шелководства и тутоводства. Изучался хлопчатник — ведущая сельскохозяйственная культура Узбекистана. Много внимания уделялось исследованию почв, грунтовых вод и опыта мелиорации засоленных почв.[134]

Повышению уровня исследования по энергетике способствовала научная и научно-организационная деятельность М. А. Шателена и М. П. Костенко. Работы этих ученых имели большое значение для улучшения электроснабжения Узбекистана, увеличения мощности энергосистемы республики. М. А. Шателен являлся заместителем председателя Президиума Узбекского филиала.[135] При руководящем участии М. А. Шателена, М. П. Костенко и других ученых в 1941 г. Отдел энергетики филиала был преобразован в Энергетический институт.[136]

В проведении исследований по истории, археологии, этнографии, языкам народов Узбекистана филиал опирался на постоянную помощь русских ученых. В частности, вузовские учебники по истории народов Узбекистана готовились при участии С. В. Бахрушина, Ю. В. Готье, М. В. Нечкиной, В. И. Пичеты, А. Ю. Якубовского и других ученых. В августе 1942 г. в Ташкенте была созвана сессия

Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии АН СССР. Обсуждались вопросы этногенеза Средней Азии.[137]

В период пребывания центральных академических учреждений в Ташкенте здесь работал объединенный ученый совет филиала и институтов АН СССР. В него входили все находившиеся в столице Узбекистана академики и члены-корреспонденты АН СССР. Б. Д. Греков руководил секцией гуманитарных наук совета, М. А. Шателен — секцией технических наук.[138] На заседаниях совета рассматривались научные и научно-организационные проблемы.

Продолжалась работа по подготовке научных кадров, повышению их квалификации. Лишь в 1943 г. пять сотрудников филиала защитили докторские и 13 — кандидатские диссертации.[139]

31 мая 1943 г. в Ташкенте состоялось совместное собрание сотрудников Узбекского филиала и центральных академических учреждений, посвященное проводам русских ученых в связи с предстоящей их реэвакуацией. Выступивший на собрании Т. Н. Кары-Ниязов рассказал о совместной работе русских и узбекских ученых. «. . . Мы расстаемся с чувством искреннего, глубокого сожаления, ибо в результате дружной совместной работы мы настолько полюбили друг друга, что нам трудно представить эту разлуку»,[140] — говорил он.

Пребывание русских ученых в Узбекистане оказало исключительно благотворное влияние на развитие науки в республике.

В 1943 г. в Узбекистане работали свыше 40 научно-исследовательских институтов, многие вузы, научные станции, обсерватории и музеи.[141] Вырос и окреп Узбекский филиал АН СССР. В такой обстановке встал вопрос о создании в республике Академии наук.

27 сентября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Академии наук Узбекской ССР».[142] Новая академия создавалась на базе Узбекского филиала АН СССР.

4 ноября 1943 г. в Ташкенте состоялось торжественное собрание, посвященное открытию Академии наук Узбекской ССР. Первое Общее собрание академии было созвано 19 ноября 1943 г.; на нем рассматривались организационные вопросы.[143]

В составе Академии наук Узбекской ССР предусматривалось создание двух отделений: Естественно-математических наук и Гуманитарных наук. Совнарком Узбекской ССР утвердил 11 действительных членов, 18 членов-корреспондентов и 3 почетных члена академии. Первым ее президентом был избран Т. Н. Кары-Ниязов.[144]

В 1943 г. в состав академии входило 10 институтов, в которых работали 28 докторов и 57 кандидатов наук.[145] К концу 1944 г. академия объединяла 23 научных учреждения, в том числе 11 институтов, сейсмическую станцию, опытные станции, ботанический сад, две обсерватории и два музея.[146]

Академия наук Узбекистана стала высшим научным учреждением республики, возглавившим борьбу узбекских ученых за скорейший разгром фашизма.

Приветствуя Академию наук Узбекистана в связи с 20-летней годовщиной со дня образования республики, в декабре 1944 г. Президиум АН СССР отмечал: «Создание Академии наук Узбекской ССР в условиях Отечественной войны — яркая демонстрация торжества ленинской национальной политики, свидетельство огромной заботы партии и правительства о процветании науки».[147]

Академия наук Азербайджанской ССР. В годы войны Азербайджанская ССР продолжала оставаться главным поставщиком нефти для нужд фронта и тыла. Нефтяники Азербайджана самоотверженно трудились над тем, чтобы увеличить добычу жидкого топлива, в полной мере обеспечить им фронт и промышленность.[148] Научно-технические проблемы, связанные с развитием нефтяной промышленности, занимали одно из самых главных мест в работе Азербайджанского филиала АН СССР.

В ноябре 1942 г. в ознаменование 25-й годовщины Великого Октября состоялось торжественное собрание сотрудников филиала, которое обратилось с письмом к бойцам, командирам и политработникам Южного фронта. В письме говорилось: «Наши ученые — химики, физики, энергетики и геологи — всемерно помогают нашей нефтяной промышленности дать больше высококачественного горючего самолетам, танкам и кораблям, громящим наглого врага, усовершенствованиями и изобретениями помогают оборонной промышленности улучшать нашу боевую технику. Многое нами уже сделано, но будет сделано еще больше».[149]

Исследования Института геологии им. И. М. Губкина способствовали четкой, бесперебойной работе предприятий нефтяной промышленности. Геологи разработали новые методы поиска и добычи нефти, газа и других минеральных ресурсов.[150]

В 1941—1944 гг. Институт химии выполнил свыше 60 работ по заданиям оборонной промышленности. Были проведены исследования по созданию новых методов получения специальных нефтепродуктов, по выделению йода и брома из буровых вод, по реактивации активных углей и т. д.[151]

В сентябре 1943 г. на сессии Общего собрания АН СССР отмечались внедренные в производство работы филиала: «О новых средствах тушения легковоспламеняющихся жидкостей» и «Применение сжатого воздуха для борьбы с поступлениями воды через пробоины в подводных лодках».[152]

Институт ботаники филиала занимался изучением растительных ресурсов республики, поисками заменителей лекарственных растений.[153] Серьезное народнохозяйственное значение имели исследования географов, почвоведов и зоологов.

Проблемы истории, этнографии, языка и литературы Азербайджанской ССР исследовались учеными-обществоведами. В октябре 1942 г. филиал провел научную сессию, посвященную ленинской дружбе народов Закавказья.[154] При участии Института литературы и языка им. Низами велась подготовка 800-летнего юбилея Низами.[155]

В 1942 г. в ознаменование 25-й годовщины Великого Октября был издан юбилейный номер «Известий Азербайджанского филиала АН

СССР». Опубликованные в нем материалы свидетельствовали о крупных достижениях учреждений филиала в развитии естественных, технических и общественных наук. Они показывали, насколько велик был вклад азербайджанских ученых в решение оборонных научно-технических задач.[156]

Филиал развернул большую работу по пропаганде политических и научных знаний. С начала войны по июль 1943 г. сотрудники филиала прочитали 1227 лекций, на которых присутствовало 92 623 человека. Только в 1944 г. было прочитано 664 лекции.[157] Ученые часто выступали по радио, публиковали статьи в газетах и журналах, писали научно-популярные брошюры.

Деятельность филиала получила высокую оценку на второй сессии Совета филиалов и баз АН СССР, состоявшейся в Москве в октябре 1943 г.[158] Тогда же на заседании Совета по научно-технической пропаганде была одобрена работа филиала в области пропаганды политических и научных знаний. Выступивший на этом заседании Л. Д. Шевяков говорил: «...как все присутствующие, я желал бы выразить свое полное удовлетворение деятельностью АзФАН. Работа совершенно блестящая, она должна считаться образцовой, и нам нужно брать с нее пример».[159]

В апреле 1944 г. с работой филиала знакомились прибывшие в Баку президент АН СССР В. Л. Комаров и академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинов.[160] В своем выступлении на собрании сотрудников филиала В. Л. Комаров указывал, что Азербайджанский филиал — это «действительно большой крупный научный центр, большой во всех областях науки».[161]

В годы войны расширилась сеть научных учреждений филиала. К началу 1945 г. он включал в свой состав 18 научных учреждений, в том числе девять институтов, пять секторов, три музея и Центральную академическую библиотеку.[162]

Филиал заботился о подготовке научных кадров. Лишь в 1944 г. в аспирантуру филиала было зачислено 52 человека. В том же году семь сотрудников филиала защитили докторские и 20 — кандидатские диссертации.[163] Общее количество научных и научно-технических сотрудников филиала в 1944 г. превышало 200. Около 50 % из них были азербайджанцами.[164] Работой филиала руководил Г. Н. Гусейнов.

В 1945 г. в Азербайджане работали 66 научно-исследовательских учреждений и вузов. В них трудились около 3000 научных работников, в том числе 150 профессоров и докторов наук.[165]

В Азербайджане сложились все условия, необходимые для создания республиканской академии наук. Обращаясь в Совнарком СССР с ходатайством о ее организации, В. Л. Комаров писал о достижениях ученых республики, росте Азербайджанского филиала. «... Азербайджанский народ имеет достаточно оснований отметить 25-летие установления Советской власти в Азербайджане учреждением Академии наук Азербайджанской ССР»,[166] — отмечал он.

23 января 1945 г. Совнарком СССР, по предложению Президиума АН СССР и Совнаркома Азербайджанской ССР, принял решение о реорганизации филиала АН СССР в Баку в Академию наук Азербайджанской ССР.[167]

В соответствии с решением Совнаркома СССР 27 марта 1945 г. Совнарком Азербайджанской ССР принял постановление об организации на базе филиала и ряда других научных учреждений Академии наук республики. В составе новой академии учреждались четыре отделения: Геолого-химических наук и нефти, Физико-технических наук и нефти, Биологических и сельскохозяйственных наук, Общественных наук. Утверждался первый состав действительных членов академии из 15 человек.[168] Первым президентом академии стал М. А. Мир-Касимов.

В работе, связанной с созданием новой академии, участвовала прибывшая в марте 1945 г. в Баку комиссия Президиума АН СССР во главе с И. И. Мещаниновым.[169]

Первое заседание Общего собрания академии состоялось 31 марта 1945 г. Выступивший на нем с речью И. И. Мещанинов говорил о том, что преобразование филиала в Академию наук Азербайджана является «венцом пройденного пути за 25 лет, венчает науку и культуру азербайджанского народа, национальную по форме, социалистическую по содержанию, открывает пути для еще более интенсивного экономического и культурного развития Азербайджанской ССР».[170]

Академия наук Армянской ССР. В годы войны ученые Армянского филиала развернули исследования, имевшие целью мобилизацию природных ресурсов на нужды обороны страны. О задачах ученых, связанных с перестройкой работы промышленности, с исследованием и выявлением новых видов местного сырья, поднятием урожайности технических и зерновых культур, повышением продуктивности животноводства, говорилось в резолюции IX Пленума ЦК КП(б) Армении, состоявшегося в ноябре 1941 г.[171]

Ученые-геологи филиала занимались исследованием геологии, петрологии и металлогении отдельных районов республики, структуры, минералогии и геохимии месторождений цветных и редких металлов. Изучались месторождения нерудных ископаемых, кварцитов и горючих сланцев. Разрабатывались проблемы, касающиеся использования водных ресурсов республики. В числе достижений геологов должны быть упомянуты открытия нового месторождения высококачественного мрамора, месторождений доломитов, торфа.[172]

Велись работы по получению хлористого алюминия из золы тквибульского угля; в результате их был построен опытный завод. Изучались лекарственные и богатые витаминами растения. Рекомендации Севанской гидробиологической станции находили практическое применение в рыбной промышленности.[173]

При содействии Армянского филиала и Ереванского университета в 1942—1943 гг. Академия наук организовала две экспедиции на Алагез, которые занимались изучением космических лучей. Руко-

водство экспедициями осуществляли А. И. Алиханов и А. И. Алиханьян.[174]

Ученые-обществоведы создавали труды о героическом прошлом армянского народа. В Институте истории был организован кабинет Великой Отечественной войны, в котором собирались докуметы об участии армянского народа в борьбе с фашистскими захватчиками. Литературоведы разрабатывали проблему «Защита отечества и армянская литература». Сотрудники Литературного музея подготовили выставку «Армянские писатели в дни Отечественной войны».[175]

«Значительному усилению работы филиала способствовало прибытие в Ереван целой группы ученых, эвакуированных из Ленинграда и других городов»,[176] — писал впоследствии академик В. А. Амбарцумян. Он особо отмечал большую научную и научно-организационную деятельность приехавших в республику академика А. И. Алиханова, членов-корреспондентов АН СССР А. И. Алиханьяна и К. В. Тревер, профессора Б. Б. Пиотровского, действительного члена АН УССР Н. Г. Холодного и других ученых.

Археолог Б. Б. Пиотровский приехал в Ереван из блокированного Ленинграда. Будучи заместителем начальника пожарной охраны Эрмитажа, он самоотверженно охранял здание и художественные ценности музея. В условиях блокады ученый работал над капитальным трудом «История и культура Урарту», который был издан в Ереване в 1944 г., а в 1946 г. отмечен Государственной премией СССР.

Только в 1943 г. Армянская ССР поставляла для нужд фронта и оборонной промышленности свыше 300 изделий. В их числе были предметы вооружения, запасные части для автомашин, химические продукты и т. д. Производились также ткани, продовольствие, пищевые концентраты.[177] Большую помощь работникам промышленности и сельского хозяйства республики оказывали ученые.

Насколько вырос Армянский филиал, можно видеть на основании следующих данных. В 1943 г. он включал в свой состав свыше 20 учреждений. К 1 декабря 1943 г. в них работало 237 сотрудников, в том числе два академика, один член-корреспондент АН СССР, 23 доктора и 56 кандидатов наук.[178] Стало возможным приступить к созданию Академии наук Армянской ССР.

29 октября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Академии наук Армянской ССР».[179] 10 ноября 1943 г. состоялось постановление Совнаркома Армянской ССР о создании на базе Армянского филиала АН СССР республиканской академии наук.[180]

Первоначально академия состояла из четырех отделений: Физико-математических, Естественных и технических, Биологических и сельскохозяйственных, Общественных наук. Отделения объединяли 27 научных учреждений. В академию входили 23 действительных члена.[181]

29 ноября 1943 г., в день 23-й годовщины установления Советской власти в Армении, была созвана первая сессия Общего собрания

Академии наук Армянской ССР. Первым ее президентом стал И. А. Орбели.[182] В обращении сессии к В. Л. Комарову отмечалась роль АН СССР в становлении и развитии науки в республике. В нем указывалось, что Армянский филиал был «предметом забот Ваших и всей Вами руководимой Академии наук СССР. Он стал центром научной мысли в нашей республике, он сплотил лучших ученых Армянской ССР, среди которых немало Ваших учеников и последователей».[183]

Создание Академии наук Армянской ССР обусловило расширение масштабов и повышение уровня научных исследований в республике. Благодаря организации академии ученые Армении значительно усилили научно-техническую помощь фронту.

СОЗДАНИЕ НОВЫХ ФИЛИАЛОВ И БАЗ АН СССР

Западно-Сибирский филиал. О значении, которое Академия наук придавала исследованию и освоению природных богатств Западной Сибири, свидетельствовала организация упоминавшейся выше Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны. В работе комиссии участвовали ученые Западной Сибири.

Объединению усилий деятелей науки Западной Сибири на решение оборонных задач способствовали созданные в ряде ее городов Комитеты ученых. В июне 1941 г. в Томске начал работать Комитет ученых, которым руководил профессор Б. П. Токин. Почетным председателем организованного в начале 1942 г. в Новосибирске Комитета ученых являлся акад. С. А. Чаплыгин.[184]

Ученым Западной Сибири принадлежали большие заслуги в поисках и освоении месторождений стратегического сырья, повышении производительности труда на предприятиях оборонной промышленности. Расширялось и крепло творческое содружество работников науки и производства.[185]

Как говорилось выше (с. 84), еще в июне 1931 г. на чрезвычайной выездной сессии Академии наук в Москве было принято постановление об организации академической базы в Новосибирске. Вопрос о создании филиала АН СССР в Западной Сибири неоднократно рассматривался и в последующее время. В годы войны он приобрел исключительно важное значение.

За создание филиала Академии наук в Западной Сибири высказывались ученые ее научных учреждений и вузов. Предложение об организации нового научного центра поддержали Новосибирский обком партии, Президиум АН СССР, Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны.[186]

21 октября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР». В состав филиала включались институты: Горно-геологический, Химико-металлургический, Транспортно-энергетический и Медико-

биологический.[187] Филиал размещался в г. Новосибирске. Председателем Президиума филиала был утвержден акад. А. А. Скочинский.

При помощи Президиума АН СССР, партийных и советских органов Новосибирской области, научных учреждений и вузов Западной Сибири определялась тематика исследований филиала, осуществлялся подбор кадров, решались вопросы материально-технического снабжения учреждений филиала.

К июню 1945 г. в состав филиала входили упоминавшиеся выше четыре института.[188] К лету 1944 г. в учреждениях филиала работали 27 профессоров и докторов наук, 42 доцента и кандидата наук.[189] В 1945 г. в штате филиала состояли 96 человек; кроме того, 36 человек работали в нем по совместительству.[190]

«Филиал должен не только оказать мощное научное содействие освоению природных богатств Западной Сибири и подъему культурного уровня ее населения, но и способствовать правильному разрешению чрезвычайно важных для этого края проблем транспорта и энергетики»,[191] — так в 1944 г. А. А. Скочинский определял задачи филиала.

Большое внимание обращалось на проведение экспедиционных работ. Летом 1944 г. филиал направил в различные области Западной Сибири восемь геологических и три ботанических экспедиции. Предметом особой заботы филиала являлось исследование проблем, связанных с развитием Кузбасского угольного бассейна. Развернулись работы по изучению флоры Западной Сибири.[192]

В январе 1945 г. Совет филиалов и баз заслушал доклад А. А. Скочинского о предварительных итогах научной деятельности филиала; работа филиала получила одобрение.[193]

В мае 1945 г. состоялась первая отчетная научная сессия филиала. Среди докладов, заслушанных сессией, был доклад М. К. Коровина «О перспективах нефтеносности Сибири». Сессия показала, что в короткий срок филиал сумел стать главным научным центром Западной Сибири.[194]

Киргизский филиал. Развитие научных исследований в Киргизии было тесно связано с деятельностью эвакуированных в республику институтов Отделения биологических наук Академии наук: Физиологии растений им. К. А. Тимирязева, Биохимии, Микробиологии, Генетики, Эволюционной морфологии им. А. Н. Северцова и Палеонтологического. В годы войны во Фрунзе исследования вели два академика, четыре члена-корреспондента АН СССР, 235 сотрудников академических учреждений.[195] Уполномоченным Президиума АН СССР в Киргизской ССР первоначально был чл.-кор. АН СССР Х. С. Коштоянц, а затем акад. А. А. Борисяк.[196]

Вместе с научными учреждениями Комитета наук при Совнаркоме Киргизии и вузами республики институты АН СССР развернули работы, направленные на подъем сельского хозяйства. Исследования биологов были нацелены на повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, обеспечение фронта и тыла сырьем и продовольствием. Институты Биохимии и Микробиологии разрабатывали способы получения витамина «С»

из незрелого грецкого ореха; для производства этого витамина на основе названного метода в республике был введен в строй витаминный завод.[197] Ученые Палеонтологического института занимались исследованием проблем, связанных с залеганием полезных ископаемых в недрах Киргизии.[198]

То, что в республике работал ряд учреждений АН СССР, обусловило дальнейший подъем уровня научных исследований в Киргизии. Руководящие органы Киргизской ССР, Президиум АН СССР пришли к выводу о необходимости создания Киргизского филиала АН СССР.

5 января 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации Киргизского филиала Академии наук СССР».[199] В осуществление этого постановления Президиум АН СССР образовал комиссию для разработки вопросов, касающихся создания филиала. Возглавлял комиссию А. Н. Бах. Комиссия внесла в Президиум АН СССР предложения о тематике, структуре, кадрах и материальной базе филиала.[200]

В июне 1943 г. Президиум АН СССР одобрил предложения комиссии. В составе филиала утверждались четыре института: Геологический, Биологический, Химический, Истории, языка и литературы, а также Экономическая группа, Библиотека и Музей. Филиал создавался главным образом на основе учреждений Комитета наук при Совнаркоме Киргизской ССР. Председателем Президиума филиала был назначен акад. К. И. Скрябин.[201]

Все вопросы, связанные с формированием филиала, решались при помощи и поддержке ЦК КП(б) и Совнаркома Киргизской ССР.[202]

13 августа 1943 г. состоялось торжественное открытие филиала. Выступивший на торжествах с речью В. Л. Комаров говорил о задачах нового научного центра, отметив, что «особое внимание должно быть уделено подготовке научных кадров из коренной киргизской национальности».[203] Он выразил уверенность, что «Киргизский филиал с первых дней всю свою работу посвятит делу окончательной победы над врагом».[204] В речи К. И. Скрябина определялись задачи и перспективы развития филиала.[205]

Приветствуя киргизских ученых в связи с открытием филиала, К. И. Сатпаев говорил: «Крепка и нерушима дружба народов в нашей стране. Успехи в развитии каждой из союзных республик являются радостью для всего многонационального советского народа».[206]

14 августа 1943 г. проходила первая научная конференция филиала, на которой были заслушаны доклады о задачах его учреждений.[207]

Утвержденная в июне 1943 г. структура филиала оставалась в основном неизменной до конца войны.[208] В 1943 г. в филиале работал 131 сотрудник, в том числе шесть докторов и 25 кандидатов наук.[209]

Сразу же после организации филиала его учреждения приступили к разработке проблем, касающихся изучения и освоения природных ресурсов республики. Только в 1944 г. Геологический, Химический

и Биологический институты завершили 44 темы по этой проблематике. Велось изучение месторождений ртути, вольфрама, солей. Было составлено описание известных в Киргизии ртутных месторождений и дана их классификация по типам. Исследовались лекарственные растения. Ученые подготовили геоботанические карты пастбищно-сенокосных угодий малоисследованных районов, что имело практическое значение для развития животноводства.[210]

Продолжались исследования по общественным наукам. В 1944 г. вышел первый большой русско-киргизский словарь. Изучался героический эпос киргизского народа — «Манас». Развернулись работы по истории Киргизии.[211]

В изданных в 1945 г. «Известиях Киргизского филиала АН СССР» были опубликованы статьи о деятельности ученых филиала, других научных учреждений и вузов республики в период войны.

Казанский филиал. В первые годы войны в столице Татарской АССР — Казани — работали 33 учреждения АН СССР. Это были главным образом институты отделений Физико-математических, Химических и Технических наук. В город прибыли 1884 сотрудника АН СССР, в том числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР. Научные исследования в Татарской АССР вели академики И. М. Виноградов, А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановский, С. С. Наметкин, К. И. Скрябин, Е. В. Тарле, В. Г. Хлопин, О. Ю. Шмидт, Е. А. Чудаков и др.[212] В Казань был эвакуирован Президиум АН СССР, работавший здесь до мая 1942 г.

Партийные и советские органы Татарской АССР сделали максимум возможного, чтобы обеспечить эвакуированных ученых всем необходимым для продолжения научной работы. Казанский университет предоставил свои помещения для размещения академических учреждений. Многие трудности, связанные с организацией труда и быта ученых, быстро преодолевались благодаря кипучей энергии уполномоченного Президиума АН СССР по устройству эвакуированных академических учреждений А. Е. Арбузова.[213]

11 сентября 1941 г. вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт информировал В. Л. Комарова о работе сосредоточенных в Казани учреждений АН СССР. «В настоящее время нашей главнейшей задачей является полное развертывание оборонных работ, — писал он. — При содействии Обкома партии мы имеем хорошую связь с местными заводами. Полный план оборонной тематики уже составлен».[214]

В целях мобилизации ученых на разработку оборонной тематики, укрепления связей академических учреждений с руководящими органами Татарской АССР в сентябре 1941 г. в соответствии с решением Президиума АН СССР создавалась Комиссия для организации научной работы в республике. В решении Президиума отмечалось, что комиссия создавалась в связи с обращением Наркомпроса ТАССР и постановлением республиканской конференции научных работников об организации в Казани филиала АН СССР. Президиум АН СССР, указывалось в решении, считает целесообразным организацию филиала в Татарской АССР начать с создания Татарской комиссии.

Комиссия состояла при Президиуме АН СССР и подразделялась на две секции: 1) по гуманитарным дисциплинам, 2) по изучению производительных сил Татарской АССР и всего Поволжья.[215]

В ноябре 1942 г. по решению Татарского обкома ВКП(б) и Совнаркома республики при Госплане Татарской АССР был организован Научно-технический совет, призванный содействовать развитию производительных сил республики и мобилизации местных ресурсов на нужды обороны. Большой авторитет этому органу придавало то обстоятельство, что наряду с профессорами Казанского университета и сотрудниками местных исследовательских учреждений в его работе участвовали академики А. Е. Порай-Кошиц, В. Г. Хлопин и другие ученые.[216]

Объединению усилий ученых на решение оборонных задач содействовала упоминавшаяся выше Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны.

Оборонную тематику разрабатывали находившиеся в Казани институты: Физико-технический, Физических проблем, Физический им. П. Н. Лебедева АН СССР. Под руководством акад. П. Л. Капицы в Институте физических проблем велись исследования по получению жидкого кислорода.[217]

Задания оборонной промышленности выполняли эвакуированные в Казань химические учреждения АН СССР. В сотрудничестве с ними казанские химики под руководством А. Е. Арбузова вели работы, содействовавшие производству медикаментов, помогали заводам увеличить выпуск оборонной продукции.[218]

Сотрудники Энергетического института АН СССР обследовали энергохозяйство Казани и дали рекомендации по повышению мощностей электростанций. Институт горючих ископаемых и СОПС занимались изучением природных ресурсов Татарской АССР. Значительный размах приобрели работы по использованию местных видов топлива (нефть, уголь, сланцы).[219]

Пребывание в Татарской АССР институтов Академии наук способствовало повышению уровня научной и учебно-воспитательной деятельности Казанского университета. В университете работали И. М. Виноградов, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, О. Ю. Шмидт и другие ученые. Кафедрой физики университета руководил чл.-кор. АН СССР Я. И. Френкель, продолжавший в Казани свои фундаментальные исследования по кинетической теории жидкостей. Среди крупных достижений ученых университета в первую очередь должно быть названо открытие в 1944 г. Е. К. Завойским электронного парамагнитного резонанса.[220] В сентябре 1944 г. возобновилась деятельность Бутлеровского института при университете; его директором стал А. Е. Арбузов.[221]

В период войны развернулась работа по созданию Казанского филиала АН СССР. В этих целях в 1943 г. был сформирован специальный оргкомитет.[222]

13 апреля 1945 г. Совнарком СССР принял постановление о создании Казанского филиала АН СССР.[223] Исходя из этого постановления, 7 июня 1945 г. Совнарком Татарской АССР и Обком ВКП(б)

приняли постановление о структуре и руководящих кадрах филиала.[224]

Вопрос о создании филиала рассматривался на заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 28 августа 1945 г. Была утверждена структура филиала: Президиум, совет при Президиуме и пять институтов с секторами. В состав филиала включались институты: Физико-технический, Химический, Геологический, Биологический, Языка, литературы и истории. Председателем Президиума филиала был утвержден А. Е. Арбузов.[225]

«Открытие Казанского филиала Академии наук — показатель дальнейшего роста науки и культуры в Татарской республике»,[226] — писал в июне 1945 г. А. Е. Арбузов.

Следует отметить, что официальное открытие филиала состоялось 1 января 1946 г.[227]

База Академии наук в Коми АССР. С осени 1941 г. в Коми АССР работали Кольская и Северная базы АН СССР, которые были объединены в единое научное учреждение — Базу АН СССР по изучению Севера. В 1944 г. Президиум АН СССР, по разрешению Совнаркома СССР, восстановил Кольскую и Северную базы в качестве самостоятельных учреждений.[228]

Деятельность Базы АН СССР по изучению Севера в Коми АССР способствовала тому, что в республике создались условия, необходимые для организации самостоятельного исследовательского центра. В 1944 г. Президиум АН СССР, учитывая пожелания Обкома ВКП(б) и Совнаркома Коми АССР, возбудил перед Совнаркомом СССР ходатайство о преобразовании Северной базы в Базу АН СССР в Коми АССР. Это ходатайство было удовлетворено.[229]

База АН СССР в Коми АССР приступила к работе в 1944 г. К концу 1944 г. она состояла из 13 учреждений, среди которых были семь секторов, четыре лаборатории, экономическая группа и шлифовальная мастерская. База размещалась в г. Сыктывкаре.[230]

Основное ядро кадров новой базы составили сотрудники бывшей Базы АН СССР по изучению Севера. В первый год деятельности Базы АН СССР в Коми АССР в ней трудились около 50 научных сотрудников, в том числе два профессора и 22 кандидата наук. В декабре 1944 г. Президиум АН СССР утвердил первым директором базы акад. В. Н. Образцова.[231]

В центре внимания ученых базы стояли проблемы исследования природных ресурсов Коми АССР. Велись поиски полезных ископаемых на территории республики. Был выявлен ряд новых ее районов, перспективных на нефть и уголь. Возглавлявший исследования геологов А. А. Чернов занимался подготовкой сводки полезных ископаемых Северо-Востока европейской части СССР. Развернулись работы по изучению почв, растительности, сельского и лесного хозяйства. Исследовались история Коми АССР, язык, культура, письменность коми народа.[232]

Дальневосточная база им. В. Л. Комарова. В августе 1943 г. Дальневосточная горно-таежная станция им. В. Л. Комарова была

реорганизована в Дальневосточную базу им. В. Л. Комарова.[233] Размещалась база в г. Ворошилове.

К концу 1944 г. в состав базы входили семь учреждений, в том числе четыре сектора, Горно-таежная станция, заповедник «Кедровая падь» и Супутинский заповедник. Руководил базой Н. И. Жиляков.[234]

Базой разрабатывались в основном те же проблемы, исследованием которых ранее занимался Дальневосточный филиал. Изучались флора и фауна региона, вырабатывались методы сельскохозяйственного освоения горно-таежных районов Приморского края.[235]

Архангельский стационар был создан в 1941 г. на основе группы лесного хозяйства бывшей Северной базы.[236] Он вел исследования по лесоведению и лесоводству. Выявлялись новые запасы древесины, особенно сырьевые ресурсы авиационной сосны в разных типах леса, изучались витаминосодержащие и лекарственные растения Архангельской области.[237]

Война была суровым экзаменом для советской науки. Ученые с честью выдержали этот экзамен. Их плодотворный труд в годы войны — вдохновляющий пример высокого патриотического служения социалистической Родине.

Великая Отечественная война продемонстрировала могучую непреоборимую силу советского общественного и государственного строя. В борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом была одержана не только военная, но и политическая и экономическая победа.

Приветствуя Академию наук в связи с ее 220-летним юбилеем, в июне 1945 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) писали: «В годы войны советские ученые вели успешную работу, помогая своим трудом фронту и народному хозяйству нашей страны. Советские ученые внесли ценный вклад в дело разгрома врага».[238]

Война показала глубокую жизненность советской системы организации научной деятельности. Одним из решающих факторов в борьбе за разгром фашизма стало то, что еще накануне войны в СССР был создан сплошной фронт науки.

В годы войны с особой силой проявилась мудрость и дальновидность политики Коммунистической партии и Советского государства, направленной на совершенствование территориальной организации науки, создание в различных районах страны филиалов и баз Академии наук.

В историю науки навсегда войдет тот знаменательный факт, что в годы войны в Советском Союзе были организованы три национальные академии наук, три филиала и две базы АН СССР. В этом ярко проявилась забота Коммунистической партии о развитии науки в союзных и автономных республиках.

«Временная эвакуация учреждений Академии наук СССР на Восток подняла новые пласты культурных сил нашей Родины на уровень задач Академии наук»,[239] — говорил в сентябре 1943 г. В. Л. Комаров.

Победа в войне была победой ленинских идей дружбы и братства народов над человеконенавистнической идеологией фашизма и расизма. В укреплении дружбы народов СССР в годы войны важная роль принадлежала советской науке и ее главному штабу — Академии наук СССР. «Дружба народов нашей страны, скрепленная кровью на фронтах Великой Отечественной войны против фашизма, ярко демонстрирует свою плодотворную силу в росте науки и расцвете культуры в национальных республиках при активном содействии братского русского народа — носителя великих традиций науки и культуры»,[240] — говорил в декабре 1943 г. вице-президент АН СССР акад. А. А. Байков.

Выдающаяся роль Академии наук СССР в организации научной деятельности в национальных регионах отмечалась в многочисленных приветствиях, направленных академии союзными и автономными республиками в дни празднования ее 220-летия, в выступлениях президентов академий наук союзных республик на юбилейной сессии АН СССР в июне 1945 г.

То, что ученые Академии наук, ее филиалов и баз вместе со всеми трудящимися СССР героически отстаивали завоевания Великого Октября, боролись за скорейший разгром фашизма, отражало подлинно народный характер советской науки, ее гуманизм и интернационализм.

[1] *Горбачев М. С.* Избр. речи и статьи. М., 1985. С. 48.
[2] Материалы. М.; Л., 1950. С. 249; ААН, ф. 7, оп. 1, д. 393, л. 160.
[3] Правда. 1941. 29 июня.
[4] *Топчиев А. В.* Строительство коммунизма и наука. М., 1957. С. 15; История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 19—21; Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 47—50.
[5] *Кафтанов С. В.* Организация научных исследований в годы войны // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 54—57, 61; *Маркелова Л. П.* Оружием творчества. М., 1985. С. 13—32.
[6] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. М., 1977. С. 180.
[7] Ордена Дружбы народов Академии наук Литовской ССР. Вильнюс, 1983. С. 14.
[8] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 105.
[9] *Каиров И. А.* Очерки деятельности Академии педагогических наук РСФСР. 1943—1966. М., 1973. С. 16—19.
[10] 50 лет советского здравоохранения. М., 1967. С. 193.
[11] Правда. 1944. 21 дек.; *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. М., 1975. С. 240.
[12] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 570.
[13] Высшая школа СССР за 50 лет. М., 1967. С. 80.
[14] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 450.
[15] ВАН. 1942. № 2—3. С. 118.
[16] *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 90.
[17] Академия наук СССР : Персональный состав. 1917—1974. М., 1974. Кн. 2. С. 46—47.
[18] Там же. С. 47—56.
[19] Там же. С. 201—211.
[20] *Вавилов С. И.* Торжество советской науки // 220 лет Академии наук СССР : Юбил. сес. АН СССР. 15 июня—3 июля 1945 г. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 28.

[21] ВАН. 1942. № 5—6. С. 11.
[22] ААН, ф. 7, оп. 1, д. 458, л. 17—18.
[23] ВАН. 1943. № 11—12. С. 116—117.
[24] 220 лет АН СССР. М.; Л., 1945. С. 307; *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. С. 101.
[25] Подробнее см.: *Алексеев Е. П.* Коммунистическая партия — организатор подготовки научных кадров в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Л., 1984. С. 62—78.
[26] 220 лет АН СССР. С. 306.
[27] *Левшин Б. В.* Перестройка деятельности Академии наук СССР в первый период Великой Отечественной войны // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 2. С. 6.
[28] Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 126.
[29] *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. С. 61—63.
[30] Сорокалетие победы советского народа в Великой Отечественной войне : Документы и материалы. М., 1985. С. 47.
[31] Вопр. истории естествознания и техники. 1975. Вып. 2 (51). С. 51.
[32] *Комаров В. Л.* Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. 11. С. 644.
[33] Там же. С. 645.
[34] *Орбели И. А.* О чем думалось в дни и ночи блокады Ленинграда // Дружба : Статьи. Очерки. Исследования. Воспоминания. Письма об армяно-русских связях. 4-е изд., перераб. Ереван, 1960. Кн. 2. С. 28.
[35] Подробнее см.: *Пиотровский Б. Б.*: 1) Юбилей Низами и Навои // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1948. V. С. 49—50; 2) Эрмитаж в блокаду // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. С. 228—232; 3) Блокадный Ленинград (зима 1941/42 г.) // В годы войны : Ст. и очерки. М., 1985. С. 18—19.
[36] *Пиотровский Б. Б.* Блокадный Ленинград (зима 1941/42 г.) // В годы войны : Ст. и очерки. С. 19.
[37] Юбилейная сессия АН СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1943. С. 49.
[38] Там же. С. 219.
[39] *Лабывир И. И., Матийко Н. М., Панченко П. П.* Ученые Советской Украины фронту // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 12, 21—22.
[40] *Богомолец А. А.* Украинская Академия наук в годы Отечественной войны // ВАН. 1943. № 7—8. С. 9—16; История Академии наук Украинской ССР. С. 19—20.
[41] ВАН. 1981. № 8. С. 128.
[42] *Палладин А. В.* 25 лет Академии наук УССР // ВАН. 1944. № 11—12. С. 53—58.
[43] Там же. С. 52.
[44] Академия наук Белорусской ССР. С. 51.
[45] Там же. С. 52.
[46] Там же. С. 51—56; *Петриков П. Т., Токарев Н. В., Либезин О. В.* Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 24—27. См. также: *Токарев Н. В.* Ученые Академии наук Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 4. С. 23—28.
[47] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 645.
[48] *Кецховели Н. Н.* Академия наук Грузинской ССР за четыре года // ВАН. 1945. № 3. С. 54, 57—58, 60. — Подробнее о деятельности ученых Грузии см.: *Датешидзе Н. Г.* Наука и культура Грузии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Тбилиси, 1985. С. 28—45.
[49] Юбилейная сессия АН СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С. 247.
[50] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 186.
[51] ВАН. 1942. № 5—6. С. 11.
[52] Там же. 1943. № 4—5. С. 124; АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. М.; Л., 1944. С. 280.
[53] *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). Душанбе, 1975. С. 122.
[54] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. М.; Л., 1944. С. 30.
[55] *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. С. 85, 102.

[56] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 631.

[57] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 264—265.

[58] История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1978. Т. 2. С. 74.

[59] Урал — фронту. М., 1985. С. 237—238; *Довгопол В. И.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 2. С. 27—28.

[60] *Терпигорев А. М.* Воспоминания горного инженера. М., 1956. С. 228.

[61] *Курносов А. М., Розентретер Б. А.* Л. Д. Шевяков. 1889—1963. М., 1973. С. 94.

[62] *Ферсман А. Е.* Урал — сокровищница Советского Союза. М., 1942. С. 55, 56; Урал — фронту. С. 239—240.

[63] *Курносов А. М., Розентретер Б. А.* Л. Д. Шевяков. С. 96.

[64] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 30.

[65] Урал. рабочий. 1943. 22 июня.

[66] Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 2. С. 28; Все для фронта! Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : Документы и материалы. Свердловск, 1985. С. 274.

[67] *Козлов В. Н.* Об исследованиях в области лесохимии // Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. С. 151.

[68] *Ребане К. К.* Академия наук СССР и ее роль в развитии науки Советской Эстонии // К 250-летию АН СССР. Юбилейная сессия АН Эстонской ССР, посвященная 250-летию АН СССР. 23 мая 1974 г. Таллин, 1974. С. 11—12.

[69] 220 лет АН СССР. С. 298—299; *Волсков А. А.* Развитие научных исследований на Урале и подготовка кадров: (Из истории Уральского филиала АН СССР) // Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. С. 197.

[70] *Никитин Н. И.* На пути научного работника-химика : (Очерки из прошлого). Л., 1969. С. 111.

[71] Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. С. 197.

[72] Уральский государственный университет. Свердловск, 1980. С. 33.

[73] *Ферсман А. Е.* Урал — сокровищница Советского Союза. С. 57. — Подробнее о работе Уральского филиала см.: *Шевяков Л. Д.* Люди науки на Урале в дни войны (1941—1943) // Ист. архив. 1961. № 1. С. 82—99; № 3. С. 201—224; № 4. С. 159—181.

[74] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 67.

[75] ААН, ф. 277, оп. 2, д. 1012, л. 1.

[76] Там же, л. 2.

[77] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 69.

[78] *Сатпаев К. И.* Избр. тр. Алма-Ата, 1970. Т. 5. С. 49—54; 56—57.

[79] Казахстан. правда. 1942. 15 окт.

[80] В дневниках и письмах военных лет В. И. Вернадский отмечает огромные социально-экономические изменения в Казахстане, происшедшие после победы Великого Октября. В 1941 г. он писал: «Я кончил книгу „Казахстан: XX лет Казахской ССР" (1940). Я ясно почувствовал глубокую силу большевиков на этом примере. Здесь революция еще глубже, чем у нас: сметен тот эксплуататорский слой (баи), который царил. Лицо народа изменилось». См.: *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский (1863—1945). М., 1982. С. 347.

[81] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 69.

[82] Там же. С. 69—70.

[83] См.: Труды юбилейной научной сессии, посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Алма-Ата, 1943. 287 с.

[84] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 71.

[85] Наука Советского Казахстана. 1920—1980. Алма-Ата, 1981. С. 289.

[86] Там же. С. 289; Труды юбилейной научной сессии, посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С. 22.

[87] *Комаров В. Л.* Избр. соч. Т. 11. С. 614.

[88] Казахский филиал АН СССР в 1944 г. Алма-Ата, 1946. С. 21; Известия. 1943. 10 авг.

[89] *Сатпаев К. И.* Избр. тр. Алма-Ата, 1969. Т. 4. С. 24—26.

[90] КПСС во главе культурной революции. М., 1972. С. 199—200.

[91] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 256; Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 1. С. 12.

[92] *Федосеев И. А.* Вклад географов и геологов в Великую Победу // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 2. С. 38; Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 71.

[93] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 68.

[94] *Панкратова А. М.* Задачи советских историков в дни Отечественной войны : (Два года работы Института истории АН СССР) // ВАН. 1943. № 7—8. С. 59; *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 67—69; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 19.

[95] Казахский филиал АН СССР в 1944 г. С. 4—5; Казахский филиал АН СССР в 1945 г. Алма-Ата, 1946. С. 4—5.

[96] Казахский филиал АН СССР в 1943 г. Алма-Ата, 1945. С. 10; Казахский филиал АН СССР в 1945 г. С. 7—8; Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1978. С. 42.

[97] Казахский филиал АН СССР в 1944 г. С. 6; Казахский филиал АН СССР в 1945 г. С. 7.

[98] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 73.

[99] Там же.

[100] Академия наук Таджикской ССР. Душанбе, 1979. С. 321—322.

[101] 220 лет АН СССР. С. 296; АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 302—304.

[102] Академия наук Таджикской ССР. С. 60—61.

[103] *Асимов М. С.* Наука Советского Таджикистана // Сов. наука : Итоги и перспективы. М., 1982. С. 443.

[104] ВАН. 1943. № 6. С. 106—107.

[105] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 30.

[106] Общее собрание АН СССР. 14—17 февр. 1944 г. М.; Л., 1944. С. 146.

[107] Подробнее см.: Академия наук Таджикской ССР. С. 57—59; *Наврузов Г. Н.* О деятельности Таджикского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 4. С. 18—22.

[108] Академия наук Таджикской ССР. С. 60.

[109] *Ульяновская В. А.* Развитие советской науки в Таджикистане // ВАН. 1944. № 7—8. С. 84.

[110] См.: Наука в Таджикистане. Сталинабад, 1945; *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). С. 132—134.

[111] Наука в Таджикистане. С. 64.

[112] ВАН. 1941. № 9—10. С. 19.

[113] Академия наук Туркменской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. Ашхабад, 1982. С. 67; *Говорухина В. А.* Академик Б. А. Келлер — первый председатель Президиума Туркменского филиала АН СССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1974. I. С. 17.

[114] 220 лет АН СССР. С. 297; АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 304—306.

[115] Академия наук Туркменской ССР. С. 16.

[116] *Петров М. П.* Пять лет работы Туркменского филиала АН СССР и его ближайшие задачи // Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1946. № 5. С. 11.

[117] *Келлер Б. А.* Туркменский филиал АН СССР за два года Великой Отечественной войны // ВАН. 1943. № 9—10. С. 50—51.

[118] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 30; Туркм. искра. 1942. 3 дек.

[119] ВАН. 1943. № 4—5. С. 127—128; Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1944. № 1. С. 28—35; 1946. № 5. С. 25—29; 25 лет Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад, 1976. С. 11.

[120] ВАН. 1943. № 7—8. С. 122—123.

[121] Академия наук Туркменской ССР. С. 16.

[122] Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1946. № 5. С. 12; Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1974. № 1. С. 17.

[123] См.: Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1944. № 2—3. С. 5—183.

[124] Полярно-альпийский ботанический сад : Справ. Л., 1984. С. 12.

[125] ВАН. 1941. № 9—10. С. 94.

[126] Ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова. М., 1980. С. 5; *Козлов Е. К.* Ордена Ленина Кольский филиал им. С. М. Кирова — центр научной мысли в Хибинах // В. И. Ленин и развитие производительных сил Мурмана : (Материалы теорет. конф. 17 апр. 1969 г.). Апатиты, 1969. С. 40.

[127] ВАН. 1944. № 6. С. 98.
[128] АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 309; 220 лет АН СССР. С. 302.
[129] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. М., 1970. С. 217; ВАН. 1943. № 1—2. С. 112.
[130] Наука Союза ССР. М., 1972. С. 175.
[131] Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1983. С. 14.
[132] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 533.
[133] Академия наук Узбекской ССР. С. 14.
[134] Там же; *Кары-Ниязов Т. Н.* К вершинам передовой науки // Правда. 1944. 24 дек.
[135] Подробнее см.: *Карцев В. П.* М. П. Костенко (1889—1976). М., 1981. С. 106—121; *Чеканов А. А., Ржонсницкий Б. Н.* М. А. Шателен. 1866—1957. М., 1972. С. 36, 242; Правда Востока. 1943. 2 июня.
[136] Наука в Узбекистане. Ташкент, 1974. Т. 1. С. 129.
[137] 50 лет советской исторической науки. 1917—1967 : Хроника. М., 1971. С. 235.
[138] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 220.
[139] *Мамедова Л. С.* К истории создания Академии наук Узбекской ССР // Обществ. науки в Узбекистане. 1968. № 11. С. 40.
[140] *Кары-Ниязов Т. Н.* Размышления о пройденном пути. С. 223.
[141] Академия наук Узбекской ССР. С. 14.
[142] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 104.
[143] Там же. С. 108, 109—110.
[144] ВАН. 1944. № 1—2. С. 78—79.
[145] Наука в Узбекистане. Т. 1. С. 13; *Абдуллаев Х. М.* 40 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 49—50.
[146] История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 4. С. 114.
[147] ВАН. 1945. № 1—2. С. 5.
[148] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 397.
[149] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1942. № 11. С. 20.
[150] Правда. 1944. 4 нояб.; ВАН. 1944. № 9. С. 75—79; Расцвет науки Советского Азербайджана. Баку, 1980. С. 9.
[151] Правда. 1944. 4 нояб.
[152] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 30.
[153] *Гроссгейм А. А.*: 1) Задачи научно-исследовательской работы в области лекарственных растений // Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1942. № 1. С. 42—46; 2) Оборонные растительные ресурсы Кавказа // Там же. № 12. С. 24—31; ААН, ф. 277, оп. 3, д. 44, л. 252.
[154] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1942. № 10. С. 3—6.
[155] Там же. 1942. № 11. С. 61. — Подробнее о работе филиала см.: Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сб. документов и материалов : В 2-х т. Баку, 1976. Т. 1. С. 99—101, 308—309, 370—375.
[156] См.: Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1942. № 11.
[157] Там же. 1943. № 6. С. 136; 1945. № 1. С. 105.
[158] Там же. 1943. № 8. С. 90.
[159] Там же. С. 91.
[160] Там же. 1945. № 1. С. 110.
[161] ВАН. 1944. № 7—8. С. 16.
[162] АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 294—297.
[163] Изв. Азерб. фил. АН СССР. 1945. № 1. С. 108.
[164] ВАН. 1944. № 4—5. С. 48.
[165] *Пашаев Н. А.* Победа культурной революции в Советском Азербайджане. М., 1976. С. 161.
[166] *Мамедалиев Ю. Г.* Развитие науки в Азербайджане. Баку, 1960. С. 18.
[167] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 176.
[168] Там же. С. 187.
[169] Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 377.
[170] Академия наук Азербайджанской ССР. С. 9.
[171] Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Сб. документов и материалов. Ереван, 1975. С. 103.
[172] Изв. Арм. фил. АН СССР. 1942. № 1—2. С. 4—5.

[173] Там же. С. 4—6; Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 30.
[174] *Алиханов А. И. и Алиханьян А. И.* Новые данные о природе космических лучей // Общее собрание АН СССР. 14—17 февр. 1944 г. С. 86—94.
[175] Изв. Армянского филиала АН СССР. 1942. № 1—2. С. 4; *Азатян В. Д.* Научный центр Армении // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 42.
[176] *Амбарцумян В. А.* Академия наук Армянской ССР // ВАН. 1947. № 10. С. 100.
[177] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 397—398.
[178] *Азатян В. Д.* Научный центр Армении // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 43.
[179] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 107.
[180] Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : Сб. документов и материалов. С. 247—248; Академия наук Армянской ССР : Персональный состав. 1943—1983. Ереван, 1984. С. 6—7.
[181] Академия наук Армянской ССР за 25 лет. Ереван, 1968. С. 9; Академия наук Армянской ССР : Персональный состав. 1943—1983. С. 7; ВАН. 1944. № 1—2. С. 80.
[182] *Худавердян К. С.* Армянская советская культура в годы Великой Отечественной войны. Ереван, 1985. С. 75.
[183] ВАН. 1944. № 1—2. С. 79.
[184] *Малкин Г. В.* Организация Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 255.
[185] Подробнее см.: *Егоров И. В.* Ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1947. 31 с.; *Петрова Т. Н.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск, 1968. 390 с.
[186] Подробнее о создании и деятельности филиала см.: *Дедюшина Н. А.* Из истории организации и деятельности Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 143—153. См. также названные выше в ссылках монографию Т. Н. Петровой и статью Г. В. Малкина.
[187] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 106.
[188] 220 лет АН СССР. С. 300.
[189] *Малкин Г. В.* Организация Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР // Академия наук и Сибирь. С. 263.
[190] *Петрова Т. Н.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). С. 205.
[191] *Скочинский А. А.* Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР // ВАН. 1944. № 4—5. С. 55.
[192] 220 лет АН СССР. С. 300; *Малкин Г. В.* В Западно-Сибирском филиале АН СССР // ВАН. 1945. № 12. С. 90—92.
[193] ВАН. 1945. № 3. С. 107—108.
[194] Академия наук и Сибирь. С. 264.
[195] *Петровец В. М.* Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Фрунзе, 1969. С. 31.
[196] ВАН. 1943. № 1—2. С. 112.
[197] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. 2-е изд., перераб. Фрунзе, 1979. С. 391.
[198] *Петровец В. М.* Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 42.
[199] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 78.
[200] Киргизский филиал АН СССР. Фрунзе, 1943. С. 9.
[201] ВАН. 1943. № 7—8. С. 122.
[202] *Каракеев К. К.* Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1974. С. 31.
[203] Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1945. Вып. 1. С. 16.
[204] Там же. С. 15.
[205] Там же. С. 19—20; Сов. Киргизия. 1943. 13 авг.
[206] Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1945. Вып. 1. С. 23.
[207] Там же. С. 39—84; *Скрябин К. И.* Моя жизнь в науке. М., 1969. С. 342.
[208] 220 лет АН СССР. С. 294.

[209] *Ахунбаев И. К.* X лет Киргизского филиала АН СССР // Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1954. Вып. 2—12. С. 14.

[210] 220 лет АН СССР. С. 295; Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1945. Вып. II—III. С. 95—96, 98—99.

[211] Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1945. Вып. 2—3. С. 101.

[212] История Татарской АССР. Казань, 1973. С. 185; *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. С. 40.

[213] Академик А. Е. Арбузов, каким он был : Сб. воспоминаний. Казань, 1975. С. 24, 32.

[214] ААН, ф. 277, оп. 2, д. 1070, л. 5.

[215] Татария в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сб. документов и материалов. Казань, 1963. С. 47—48, 354.

[216] Там же. С. 177—183, 354.

[217] Казанский университет. 1804—1979 : Очерки истории. Казань, 1979. С. 156.

[218] Во имя отчизны: Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань. 1975. С. 258.

[219] Татария в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сб. документов и материалов. С. 89, 175—177.

[220] Казанский университет. 1804—1979 : Очерки истории. С. 150, 154—156; *Френкель В. Я.* Я. И. Френкель. Л., 1966. С. 409. — Подробнее см.: *Ионенко И. М., Попов В. А.* Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1985. 159 с.

[221] *Гречкин Н. П., Кузнецов В. И.* А. Е. Арбузов. 1877—1968. М., 1977. С. 75—76.

[222] Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны : (Сб. документов и материалов). Казань, 1948. С. 79.

[223] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 191.

[224] Татария в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : Сб. документов и материалов. С. 186—187.

[225] ВАН. 1945. № 9. С. 83—84.

[226] Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны : (Сб. документов и материалов). С. 73.

[227] Рассказы о казанских ученых. Казань, 1983. С. 123.

[228] *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 265.

[229] ВАН. 1944. № 6. С. 98.

[230] АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 308—309.

[231] ВАН. 1945. № 1—2. С. 130; *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. С. 265.

[232] 220 лет АН СССР. С. 301; Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1969. С. 20.

[233] Материалы. С. 274.

[234] АН СССР : Справ.-календарь на 1945 г. С. 310.

[235] 220 лет АН СССР. С. 303, 304.

[236] *Мелехов И. С.* Исследования бывшей Северной базы и Архангельского стационара АН СССР в области лесоведения и лесоводства // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 163.

[237] Там же; 220 лет АН СССР. С. 304.

[238] Правда. 1945. 17 июня.

[239] Общее собрание АН СССР. 25—30 сент. 1943 г. С. 16.

[240] ВАН. 1944. № 1—2. С. 26.

IV

ФИЛИАЛЫ АН СССР В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 1945—1961 гг.

НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СССР НА НОВОМ ЭТАПЕ

Одержав победу в Великой Отечественной войне, Советское государство вступило в период мирного строительства. Война нанесла огромный ущерб экономике страны, и для того чтобы восстановить народное хозяйство в довоенных размерах и обеспечить дальнейший его подъем, потребовались напряженные усилия партии и народа.

В 1946 г. был принят четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Основные задачи пятилетнего плана состояли в том, чтобы восстановить пострадавшие от войны районы страны, достигнуть довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах. Предусматривался дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства.

Восстановление народного хозяйства в пострадавших от оккупации районах РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Литве, Молдавии, Латвии и Эстонии осуществлялось при братской помощи трудящихся Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья. Благодаря взаимопомощи и сотрудничеству народов Советского Союза были обеспечены высокие темпы восстановительных работ.[1]

В 1950 г. четвертый пятилетний план был выполнен досрочно. Это создавало необходимые предпосылки для последовательного упрочения материально-технической базы социализма.[2]

Состоявшийся в октябре 1952 г. XIX съезд КПСС утвердил Директивы по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. В феврале 1956 г. XX съезд КПСС принял Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. В пятом и шестом пятилетних планах предусматривался дальнейший рост социалистической экономики и культуры. Особое внимание обращалось на проблемы, касающиеся размещения производительных сил, ускоренного развития экономики союзных республик.[3]

В результате выполнения пятого и шестого пятилетних планов были достигнуты новые успехи в развитии экономики и культуры, укреплении обороноспособности СССР. Пятилетние планы являлись важными этапами в борьбе партии и народа за упрочение и развитие социализма в СССР.

«В короткий срок СССР залечил тяжелые раны войны, значительно укрепил свой экономический, научно-технический и оборонный потенциал, упрочил международные позиции. **Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно**»,[4] — отмечается в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии.

В период восстановления народного хозяйства, упрочения и развития социализма совершенствовалась советская национальная государственность. Быстрыми темпами росла экономика союзных республик. С каждым годом все более укреплялась дружба народов СССР. Коммунистическая партия заботилась о воспитании трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. В СССР развивалась новая историческая общность людей — советский народ.[5]

Мировое признание получила народная многонациональная советская культура. Возрастала роль науки. Ученые СССР сумели обогатить отечественную и мировую науку многими выдающимися открытиями.

Как известно, в 40—50-е годы человечество вступило в период научно-технической революции. В сфере воздействия научно-технической революции находятся не только наука и техника, но и производство.[6]

Характеризуя значение науки и техники в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, акад. Г. И. Марчук отмечал: «Возросла роль инженеров, ученых, конструкторов и самого научно-технического прогресса. О нем еще не говорили так часто, однако отношение партии, государства, народа уже предопределило то значение, которое было затем придано объединению науки и производства, формированию курса на эффективную экономику».[7]

В обстановке развернувшейся научно-технической революции Коммунистическая партия и Советское правительство приняли меры, направленные на дальнейшее развитие науки в СССР. Организация научных исследований в послевоенный период была сопряжена с преодолением многих трудностей. Предстояло восстановить материально-техническую базу исследовательских учреждений, обеспечить их новейшим научным оборудованием. В порядок дня встала задача подготовки кадров ученых. Необходимо было создать все условия для развития фундаментальных исследований по ведущим направлениям научно-технического прогресса.

В феврале 1946 г. в Обращении ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР Центральный Комитет партии указывал: «Необходимо заботиться о дальнейшем развитии советской науки, всемерно поддерживать людей науки, добиваться широкого распространения научных знаний в народных массах, дальнейшего расширения и улучшения подготовки научных и технических кадров. Советская наука и техника должны непрерывно двигаться вперед и идти в первых рядах мировой науки и техники».[8]

Увеличивались ассигнования на науку. Если в 1950 г. расходы на науку из государственного бюджета и других источников состав-

ляли 1 млрд рублей, то в 1960 г. они составляли 3.9 млрд рублей, т. е. возросли почти в четыре раза.[9] Принимались меры к созданию наиболее благоприятных условий для развития научной деятельности. В марте 1946 г. Совнарком СССР вынес решение об улучшении материально-бытовых условий научных работников. Повышалась заработная плата ученых.[10]

Проблемы организации науки получили творческое развитие в резолюциях съездов партии, постановлениях пленумов ЦК КПСС. Подъему советской науки, росту активности и инициативы ученых способствовали решения XX съезда партии, постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», принятое 30 июня 1956 г.

Развернулся процесс демократизации науки, стали более широкими и плодотворными дискуссии ученых по актуальным направлениям научно-технического прогресса, изживались догматизм, начетничество, субъективизм.

Центральный Комитет КПСС ориентировал ученых на всемерное развитие естественных, технических и общественных наук, скорейшее внедрение новейших научно-технических достижений в производство. В партийно-государственных документах по вопросам науки выдвигались задачи расширения и более рационального размещения сети научных учреждений, улучшения подготовки кадров ученых, укрепления творческого содружества работников науки и производства.[11]

Рост сети научных учреждений СССР можно проследить на основании следующих данных. Если в 1950 г. в стране было 3447 научных учреждений (включая вузы), то в 1960 г. количество их выросло до 4196. Численность научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений увеличилась соответственно с 1157 до 1728.[12]

В послевоенный период еще более возросло значение деятельности Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) — высшего научно-исследовательского учреждения нашей партии. В 1956 г. он был переименован в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. При Центральных Комитетах компартий союзных республик, а также при МК и МГК и Ленинградском обкоме КПСС работали филиалы этого института.[13]

В числе новых научных и учебных центров по общественным наукам должна быть упомянута Академия общественных наук при ЦК КПСС, организованная в 1946 г.

Выросли и окрепли республиканские академии наук.

При помощи ученых Академии наук СССР, других научных центров и вузов страны в короткий срок была восстановлена материально-техническая база Академии наук Украины. Расширилась сеть ее учреждений, выросла численность научных работников. К началу 1957 г. академия включала в свой состав 56 учреждений. Количество академиков и членов-корреспондентов достигло 205, а количество научных работников — 1664.[14] С 1946 г. президентом академии был академик А. В. Палладин.

Мировую известность получили достижения научной школы Е. О. Патона в области сварки металлов. В Академии наук УССР развернулись работы по физике твердого тела и материаловедению, кибернетике, физической химии, геологии и во многих других областях науки. В 1951 г. под руководством С. А. Лебедева в академии была создана первая в стране электронная счетная машина.[15]

Вместе со всем советским народом в 1954 г. ученые торжественно отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией. В ознаменование этой даты историки подготовили ряд трудов, в которых рассказывалось о многовековой дружбе русского и украинского народов. Президиум АН СССР передал в дар АН УССР комплект изданий АН СССР, начиная с XVIII в. и до наших дней.[16]

В апреле 1954 г. в Москве и в Киеве состоялись юбилейные сессии академий наук СССР и УССР. В работе юбилейной сессии АН СССР в Москве участвовала делегация украинских ученых во главе с А. В. Палладиным. Для участия в юбилейной сессии АН УССР в Киев прибыла делегация АН СССР во главе с акад. А. Н. Несмеяновым. «Ученые Академии наук СССР будут всемерно укреплять содружество с украинскими учеными»,[17] — говорил А. Н. Несмеянов в речи на юбилейной сессии АН УССР в Киеве.

К началу 50-х годов завершился процесс восстановления сети научных учреждений Академии наук Белорусской ССР. В последующее время количество учреждений академии быстро увеличивалось. Особенно значительным был рост сети учреждений по физико-математическим и техническим наукам, что позволило развернуть работы по физике твердого тела, теплофизике, спектроскопии и другим областям науки.[18] К началу 1957 г. академия объединяла 20 учреждений; количество академиков и членов-корреспондентов достигло 79, а численность научных работников составляла 595.[19] В послевоенные годы президентами академии последовательно были К. В. Горев, А. Р. Жебрак и Н. И. Гращенков. С 1952 г. в течение 17 лет во главе академии стоял член-корреспондент АН СССР В. Ф. Купревич.

Свидетельством роста Академии наук Узбекской ССР являлось то, что к началу 1957 г. в ее состав входило 25 научных учреждений. В академии трудились 788 научных работников. Количество академиков и членов-корреспондентов составляло 64.[20] Деятельность академии последовательно возглавляли Т. Н. Кары-Ниязов, Т. А. Сарымсаков, Т. З. Захидов и Х. М. Абдуллаев. В академии и других научных учреждениях Узбекской ССР были достигнуты крупные успехи в исследовании химии алкалоидов и химических регуляторов для растениеводства в республике.[21]

26 октября 1945 г. Совнарком СССР принял решение об организации Академии наук Казахской ССР.[22] 31 мая 1946 г. ЦК КП(б) Казахстана, Президиум Верховного Совета, Совет Министров Казахской ССР приняли постановление «Об учреждении Академии наук Казахской ССР».[23] Новая академия создавалась на базе Казахского филиала АН СССР. Устанавливалось количество академиков (14) и членов-корреспондентов (16).[24] Первым президентом академии стал К. И. Сатпаев.

1 июня 1946 г. состоялось торжественное открытие первой научной сессии Академии наук Казахстана.[25] К началу 1957 г. в ее составе работали 26 научных учреждений; количество академиков и членов-корреспондентов выросло до 58, а научных сотрудников — до 1054.[26] К числу наиболее значительных достижений академии принадлежали работы по геологии полезных ископаемых.

В развитии научных исследований в стране все более возрастало значение академий наук республик Закавказья. К началу 1957 г. Академия наук Грузинской ССР объединяла 35 научных учреждений, Азербайджанской ССР — 23, Армянской ССР — 25. В Академии наук Грузии трудились 78 академиков и членов-корреспондентов, 1027 научных сотрудников; в Академии наук Азербайджана — 34 академика и члена-корреспондента, 830 научных сотрудников; Армении — 62 академика и члена-корреспондента, 603 научных сотрудника.[27] Академией наук Грузии руководил Н. И. Мусхелишвили. Во главе Академии наук Азербайджана стояли М. А. Мир-Касимов, Ю. Г. Мамедалиев и М. М. Алиев. В 1947 г. президентом Академии наук Армении стал В. А. Амбарцумян.

В Академии наук Грузинской ССР развивались исследования по теоретической и прикладной математике, математической теории упругости. Одним из главных направлений деятельности Академии наук Азербайджанской ССР являлись работы по нефтехимии.[28]

В мае 1960 г. в Баку состоялась объединенная сессия АН СССР, академий наук Грузии, Армении и Азербайджана. Сессия была посвящена 40-летию установления Советской власти и создания Коммунистической партии в Азербайджане. В заслушанных сессией докладах подводились итоги работы ученых, намечались перспективы научных исследований. По словам Ю. Г. Мамедалиева, «сессия явилась еще одной яркой демонстрацией нерушимой дружбы и братского единства народов Советского Союза, торжества ленинской национальной политики».[29]

В ознаменование 40-летия установления Советской власти в республике и образования Коммунистической партии Армении в октябре 1960 г. в Ереване была созвана объединенная сессия АН СССР и академий наук республик Закавказья. Приветствуя ученых республики от имени АН СССР, А. Н. Несмеянов говорил: «В области астрономии, физики, математики, в ряде разделов химии армянские ученые вышли на самые передовые позиции и внесли много ценного в отечественную и мировую науку».[30]

При содействии АН СССР развивались академии наук Прибалтики.

В феврале 1946 г. состоялась первая сессия Общего собрания Академии наук Литовской ССР, на которой было заслушано свыше 20 научных докладов. Сессия утвердила план работ академии на 1946 г. и обсудила перспективы ее деятельности на четвертую пятилетку. Президентом академии стал Ю. Ю. Матулис.[31] К началу 1957 г. в академии имелось 13 научных учреждений, в которых работали 268 научных сотрудников. Количество академиков и членов-

корреспондентов достигло 37.[32] Академия наук стала главным научным центром Литовской ССР, направлявшим усилия ее ученых на восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства республики.

4 ноября 1945 г. Совнарком СССР принял решение об организации Академии наук Латвийской ССР.[33] Новая академия создавалась при участии комиссии ученых АН СССР, которой руководил акад. Е. Н. Павловский. Комиссия работала в Риге в декабре 1945 г. Она помогла ученым Латвии подготовить проекты устава и структуры академии, определить ее задачи. После завершения работы комиссии Е. Н. Павловский отмечал, что «заложена прочная основа организации Академии наук Латвийской ССР».[34]

7 февраля 1946 г. Совнарком Латвийской ССР принял постановление об учреждении Академии наук республики; утверждались устав и структура академии. Определялся состав академиков (13) и членов-корреспондентов (пять).[35] Первым президентом академии был избран П. Я. Леиньш. В последующее время академию возглавляли Я. В. Пейве и К. К. Плауде.

На первой научной сессии академии, созванной в декабре 1946 г., обсуждались задачи ученых республики, рассматривался пятилетний план исследований. В работе сессии участвовали академики И. И. Артоболевский и Е. В. Тарле.[36]

К началу 1957 г. в состав академии входили 18 научных учреждений; в них работали 33 академика и члена-корреспондента, 497 научных сотрудников.[37] Наряду с фундаментальными исследованиями, в учреждениях академии велись прикладные работы, связанные с развитием народного хозяйства Латвии.

Летом 1946 г. возобновились прерванные войной подготовительные работы по созданию Академии наук Эстонской ССР. Руководил ими организационный комитет, состоявший из видных ученых республики.[38]

5 апреля 1946 г. Совет Министров Эстонии принял постановление «Об утверждении устава, структуры и персонального состава Академии наук Эстонской ССР».[39] Новая академия имела четыре отделения: Физико-математических и технических наук, Биологических и сельскохозяйственных, Медицинских и Общественных наук. Первоначально она включала в свой состав 24 академика и члена-корреспондента.[40]

В апреле 1946 г. состоялась первая сессия Общего собрания Академии наук Эстонской ССР. Первым ее президентом был избран Х. Х Круус. С 1950 по 1968 г. академией руководил И. Г. Эйхфельд. К началу 1957 г. в академии функционировали 16 научных учреждений; количество научных работников составляло 335. Численность академиков и членов-корреспондентов достигла 30.[41] В первые же годы деятельности академии ее ученые внесли существенный вклад в развитие экономики и культуры Эстонской ССР.

О создании академий наук Молдавской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР будет сказано ниже, так как были они организованы позднее, чем названные выше.

В 1961 г. в академиях наук союзных республик имелось свыше 350 научных учреждений; в них трудились свыше 16 000 научных работников, в том числе 5 700 кандидатов и 865 докторов наук.[42]

Наряду с академиями наук союзных республик развивались отраслевые академии — Медицинских наук СССР, Педагогических наук РСФСР, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, Строительства и архитектуры СССР, Академия художеств СССР и Коммунального хозяйства РСФСР. Укреплялась сеть отраслевых институтов.

Увеличивался научный потенциал вузов. Только в 1945—1951 гг. были открыты новые университеты в Кишиневе, во Фрунзе, в Душанбе и Ашхабаде. Во второй половине 50-х годов университеты возникли в Башкирской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Мордовской и Якутской АССР. Наиболее интенсивным был рост сети вузов в восточных районах. Лишь в 1945—1950 гг. на востоке нашей страны стали работать 60 новых вузов.[43]

Представление о росте сети научных учреждений в союзных республиках можно получить на основании приведенных данных (табл. 2).[44]

Таблица 2

Научные учреждения по союзным республикам (на конец года)

Союзные республики	Всего научных учреждений (включая вузы)		В том числе научно-исследовательские институты, их филиалы и отделения	
	1950	1960	1950	1960
РСФСР	1907	2292	668	993
Украинская ССР	576	695	166	228
Белорусская ССР	96	123	28	44
Узбекская ССР	122	143	40	64
Казахская ССР	139	159	38	67
Грузинская ССР	134	188	60	90
Азербайджанская ССР	104	107	41	48
Литовская ССР	51	75	17	31
Молдавская ССР	25	41	5	18
Латвийская ССР	70	87	18	24
Киргизская ССР	27	47	6	21
Таджикская ССР	35	47	11	18
Армянская ССР	74	87	27	42
Туркменская ССР	45	54	11	21
Эстонская ССР	42	51	21	19

Как видно, период с 1950 по 1960 г. отмечен весьма значительным увеличением численности научных учреждений во всех союзных республиках.

Возрастали масштабы подготовки научных кадров. Количество аспирантов в СССР увеличилось с 21 905 в 1950 г. до 36 754 в 1960 г.[45] В 1961 г. в аспирантуре академий наук союзных республик обучалось свыше 3000 человек. Только в 1959—1961 гг. 1600 сотрудников

республиканских академий защитили кандидатские диссертации и 157 — докторские.[46]

О росте научных кадров в СССР и в союзных республиках свидетельствуют приводимые сведения (табл. 3).[47]

Таблица 3

Численность научных работников по союзным республикам (на конец года)

Союзные республики	1950	1960	Союзные республики	1950	1960
РСФСР	111699	242872	Молдавская ССР	745	1999
Украинская ССР	22363	46657	Латвийская ССР	2184	3348
Белорусская ССР	2629	6840	Киргизская ССР	841	2315
Узбекская ССР	4541	10329	Таджикская ССР	715	2154
Казахская ССР	3305	9623	Армянская ССР	2000	4275
Грузинская ССР	4843	9137	Туркменская ССР	656	1836
Азербайджанская ССР	3364	7226	Эстонская ССР	1221	2227
Литовская ССР	1402	3320			
			Всего по СССР	162508	354158

Приведенные данные наглядно убеждают в том, насколько значительными были достижения всех союзных республик в подготовке научных кадров.

Весьма быстрыми темпами развивалась Академия наук СССР. В годы четвертой пятилетки было завершено восстановление разрушенных в период войны академических учреждений. В годы пятой пятилетки Академия наук пополнилась 24 новыми учреждениями. К концу пятилетки в ее системе вместе с филиалами имелось 126 научных учреждений.[48] Еще более интенсивным был рост академии в 1956—1959 гг. За три года — с 1 января 1956 по 1 января 1959 г. — Академия наук организовала 63 научных учреждения, в том числе 48 институтов. К 1 января 1959 г. в состав академии (вместе с филиалами) входило 136 институтов, 25 самостоятельных лабораторий, секций, научных советов, 13 отделений институтов и большое количество научно-исследовательских станций, ботанических садов, экспедиционных баз и т. д.[49]

В послевоенные годы личный состав Академии наук увеличивался с такой быстротой, какой не знала вся ее предшествующая история.

В ноябре 1946 г. Общее собрание избрало 43 новых академика и 112 членов-корреспондентов АН СССР. Академиками были избраны математики М. В. Келдыш, М. А. Лаврентьев, И. Г. Петровский, физики Л. Д. Ландау, Г. С. Ландсберг, М. А. Леонтович, Д. В. Скобельцын, химики С. И. Вольфкович, Б. А. Казанский, П. А. Ребиндер, геологи Д. В. Наливкин, К. И. Сатпаев, ботаник А. А. Гроссгейм, специалист в области машин и механизмов И. И. Артоболевский, специалист в области радиотехники А. И. Берг, металловед А. А. Бочвар, историк И. И. Минц, филологи В. В. Виноградов, В. Ф. Шишмарев и другие ученые.

В сентябре 1953 г. Общее собрание избрало 51 академика и 148 членов-корреспондентов АН СССР. В числе вновь избранных академиков были математики П. С. Александров, Н. Н. Боголюбов, астроном В. А. Амбарцумян, физики А. П. Александров, Л. А. Арцимович, И. К. Кикоин, И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, химик Б. А. Арбузов, геологи А. Г. Бетехтин, Н. Н. Страхов, географ и почвовед И. П. Герасимов, специалист в области радиотехники В. А. Котельников, биохимик В. А. Энгельгардт, экономист К. В. Островитянов, историки Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова, П. Н. Поспелов, М. Н. Тихомиров и другие ученые.

В результате выборов в Академию наук, состоявшихся в июне 1958 г., 26 ученых стали академиками и 55 — членами-корреспондентами АН СССР. Академиками были избраны математик Л. С. Понтрягин, механик Г. И. Петров, физики В. И. Векслер, Я. Б. Зельдович, И. В. Обреимов, химики А. А. Гринберг, М. И. Кабачник, С. С. Медведев, В. И. Спицын, И. В. Тананаев, специалист в области теплотехники В. П. Глушко, историк, партийный и государственный деятель О. В. Куусинен, историки Е. М. Жуков, М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, литературоведы М. П. Алексеев и А. И. Белецкий. Академиком стал крупнейший ученый и создатель первых ракетно-космических систем С. П. Королев.

В июне 1960 г., когда проходили очередные выборы, Академия наук пополнилась 11 академиками и 50 членами-корреспондентами АН СССР. Академиками стали математик П. С. Новиков, механик А. Ю. Ишлинский, физик Б. П. Константинов, геофизик Е. К. Федоров, специалист в области теории автоматического регулирования Б. Н. Петров, специалист в области автоматики и электромашиностроения В. А. Трапезников, биохимик Н. М. Сисакян, физиолог В. Н. Черниговский, философ П. Н. Федосеев и другие ученые.[50]

Как видно, академиками были избраны крупнейшие ученые и организаторы науки.

В числе избранных членами-корреспондентами АН СССР находились президенты академий наук союзных республик Х. М. Абдуллаев, В. Ф. Купревич, Х. Х. Круус, П. Я. Леиньш, Ю. Г. Мамедалиев, Ю. Ю. Матулис, К. К. Плауде, Я. В. Пейве, И. Г. Эйхфельд и другие ученые.

В 1961 г. общее количество академиков составляло 158, членов-корреспондентов АН СССР — 363.[51]

В мае 1945 г. Общее собрание удовлетворило просьбу академика В. Л. Комарова об освобождении его в связи с болезнью от поста президента АН СССР. Президентом был избран академик С. И. Вавилов, который работал на этом посту до последних дней своей жизни. В феврале 1951 г. в связи с кончиной С. И. Вавилова Общее собрание избрало президентом акад. А. Н. Несмеянова. В мае 1961 г. президентом был избран акад. М. В. Келдыш. Вице-президентами в рассматриваемое время являлись академики И. П. Бардин, В. П. Волгин, М. А. Лаврентьев, К. В. Островитянов и А. В. Топчиев, главными учеными секретарями Президиума АН СССР — академики А. В. Топчиев и Е. К. Федоров.

Как и в прежние годы, Академия наук большое внимание уделяла подготовке научной смены, повышению квалификации ученых. Только в 1961 г. в аспирантуре академии обучалось около 3500 человек.[52] Многие сотрудники АН СССР готовили диссертации в порядке соискательства. Ученые АН СССР проявляли большую заботу о подготовке национальных научных кадров. Академии наук союзных республик, филиалы и базы АН СССР, отраслевые институты и вузы направляли своих специалистов для обучения в аспирантуру центральных учреждений АН СССР. Лишь в 1961 г. в АН СССР обучалось 364 аспиранта, прикомандированных республиканскими академиями наук. Примечательно, что в этом году в составе аспирантов АН СССР находились представители 49 национальностей СССР.[53]

Штаты академических учреждений ежегодно пополнялись за счет приема молодых специалистов — выпускников высшей школы. В 1960 г. общее количество сотрудников АН СССР достигло 91 705. В ее учреждениях трудились 22 849 научных работников, в том числе 1362 доктора и 7618 кандидатов наук.[54] Сопоставление этих данных со сведениями, относящимися к 1945 г., показывает огромный количественный и качественный рост кадров академии. Не может не обратить на себя внимание тот факт, что в 1961 г. в составе научных сотрудников АН СССР были представлены 50 национальностей СССР.[55]

В марте 1959 г. Общее собрание утвердило новый Устав Академии наук, который отразил изменения, происшедшие в ее деятельности за 20 с лишним лет, со времени принятия Устава 1935 г.

В Уставе отмечалось, что АН СССР является высшим научным учреждением СССР, объединяющим в качестве своих членов наиболее выдающихся ученых страны.

«Академия наук СССР осуществляет научные исследования, способствующие подъему всех отраслей науки в СССР.

Академия наук своими научными исследованиями и всей своей деятельностью активно участвует в построении коммунистического общества в СССР, помогает делу защиты социалистических завоеваний трудящихся и укрепления мира во всем мире»,[56] — так в новом Уставе определялись задачи Академии наук.

В Уставе четко формулировались права и обязанности академиков и членов-корреспондентов АН СССР, а также права, обязанности и порядок работы Общего собрания, Президиума АН СССР, ее отделений и филиалов. Согласно Уставу Академия наук объединяла девять отделений: Физико-математических, Химических, Геолого-географических, Биологических, Технических, Исторических, Экономических, философских и правовых наук, Отделение литературы и языка, Сибирское отделение.

Новый Устав способствовал дальнейшему улучшению всей работы Академии наук как высшего научного учреждения страны.

С деятельностью Академии наук были связаны выдающиеся достижения в области естественных, технических и общественных наук.

Ученые Академии наук плодотворно работали над проблемами атомной энергии. В 1954 г. в Обнинске вступила в строй промышленная атомная электростанция АН СССР мощностью в 5000 квт. — первая атомная электростанция в мире. В последующие годы атомная энергия стала все более широко использоваться в народном хозяйстве страны.

Осуществлялись крупные комплексные исследования, направленные на освоение космоса. 4 октября 1957 г. в Советском Союзе был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. 12 апреля 1961 г. впервые в истории человечества гражданин СССР летчик-космонавт майор Ю. А. Гагарин поднялся в космос. Достижения в исследовании космоса свидетельствовали о высоком уровне развития науки в СССР, о способности советских ученых решать сложнейшие научно-технические задачи современности.

Следует отметить, что в тяжелых условиях развивалась кибернетика, которая подвергалась дискредитации и была объявлена лженаукой.

Развитию биологических наук огромный ущерб нанесли Т. Д. Лысенко и его сторонники, которые в 40—50-е годы разгромили основные школы генетиков в нашей стране. После состоявшейся в августе 1948 г. сессии ВАСХНИЛ в биологической науке сложилась кризисная ситуация.

Но и в годы запрета на истинную генетику ученые—последователи Н. И. Вавилова не прекращали борьбу с Лысенко. Показательно следующее свидетельство акад. Академии наук Таджикской ССР Ю. С. Насырова: «В сельскохозяйственной биологии Таджикистана незримо царили несгибаемая воля и дух Н. И. Вавилова — завет верой и правдой служить истине. Поэтому в генетической науке нашей республики, к счастью, псевдонаучные взгляды не смогли пустить глубокие корни».[57]

В июне 1950 г. на объединенной сессии Академии наук и Академии медицинских наук, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова, многие биологи и медики были несправедливо обвинены в отходе, отступлении от павловского учения. Необоснованные обвинения высказывались, в частности, в адрес замечательного физиолога, ближайшего соратника И. П. Павлова акад. Л. А. Орбели.

Недостаточное внимание уделялось проблемам экологии. При участии ученых проектировались и возводились крупные промышленные предприятия, водохозяйственные комплексы. Однако при разработке проектов научно-технические проблемы не всегда решались в органической связи с экологическими, что привело в будущем в ряде регионов к отрицательным экологическим последствиям. Как известно, в 1986 г. были прекращены все работы по проекту переброски части стока северных рек в южные районы.

В учреждениях Академии наук проводилась исследовательская работа, направленная на подъем экономики и культуры союзных и автономных республик. Совместно с республиканскими академиями наук АН СССР продолжала изучение природных ресурсов национальных районов, содействуя росту их производительных сил. Ученые-

обществоведы разрабатывали проблемы национальных отношений в СССР, развития и сближения наций. Углубленно исследовались языки народов СССР.

Вместе с тем было бы неправильным обойти молчанием недостатки в деятельности обществоведов. Как впоследствии отмечалось в советской печати, вне поля зрения ученых оказался закономерный переход в 50—60-е годы от излишней централизации к расширению прав союзных республик. Не исследовались с достаточной глубиной проблемы, касающиеся соотношения общесоюзного и местного, интернационального и национального. В некоторых трудах по истории отдельных народов и народностей имели место националистические трактовки исторического процесса.[58]

Предметом постоянной заботы ученых АН СССР являлось развитие науки в национальных районах. «Наша непременная обязанность, наш долг чести — всемерное развитие науки в союзных республиках, в автономных республиках, в национальных округах, — словом, развитие науки на местах. И мы будем эту обязанность выполнять, не щадя сил»,[59] — говорил А. Н. Несмеянов в декабре 1951 г. на X сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик.

В основе всей деятельности Академии наук, связанной с формированием сети научных учреждений на местах, лежали директивы съездов партии, постановления пленумов ЦК КПСС об ускоренном развитии экономики и культуры братских народов, быстром освоении природных ресурсов восточных районов СССР, рациональном размещении производительных сил. Работа по созданию новых научных учреждений в крупнейших экономических районах СССР особенно усилилась после XX съезда КПСС.

Задачи науки в свете решений XX съезда КПСС обсуждались на собраниях актива работников Академии наук в Москве, Ленинграде и Новосибирске.

На состоявшемся в апреле 1956 г. в Ленинграде собрании актива работников ленинградских учреждений академии, ее Карело-Финского и Коми филиалов, Архангельского стационара было признано необходимым усилить помощь филиалам со стороны центральных академических институтов.

Деятельность Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Якутского и Дальневосточного филиалов, Сахалинского комплексного научно-исследовательского института анализировалась на собрании актива ученых, проходившем в Новосибирске в апреле 1956 г. В докладе А. Н. Несмеянова, выступлениях участников собрания отмечались достижения филиалов, их вклад в развитие экономики и культуры Урала, Сибири и Дальнего Востока. Главное внимание, однако, было сосредоточено на критике недостатков. Говорилось о том, что силы и средства филиалов не всегда концентрировались на решении ведущих народнохозяйственных проблем, не были преодолены параллелизм и дублирование в проводимых исследованиях. Материальная база филиалов отставала от требований времени. Остро ощущался недостаток высококвалифицированных научных кадров.

Не получила достаточного развития издательская деятельность. Требовалось усилить помощь филиалам со стороны академических институтов Москвы и Ленинграда. Собрание актива высказалось за скорейшее устранение недостатков в работе филиалов. Оно призвало ученых смелее развивать поисковые работы в ведущих областях науки и техники. В принятом решении подчеркивалось, что основной областью деятельности филиалов является «проведение научных работ, связанных с развитием производительных сил восточных районов страны, применительно к общему генеральному плану преобразования Сибири и Дальнего Востока».[60]

Состоявшееся в мае 1956 г. в Москве собрание актива ученых АН СССР признало необходимым добиваться более правильного размещения научно-исследовательских институтов с целью их приближения к производственной базе. «Особо важной задачей является развитие науки на периферии»,[61] — отмечалось в принятом активом постановлении.

Укреплялась сеть филиалов и баз Академии наук. Руководство ими продолжал осуществлять Совет филиалов и баз (с 1949 г. Совет филиалов). В 1945—1951 гг. этим органом последовательно руководили академики И. П. Бардин, В. П. Волгин, Н. В. Цицин, А. А. Скочинский и В. П. Никитин. С 1951 г. во главе совета вновь стоял И. П. Бардин. Учеными секретарями совета последовательно являлись В. А. Ульяновская и В. И. Кузнецов. В 1955 г. совет был упразднен. Научное руководство филиалами возлагалось на отделения Академии наук. Решение ряда вопросов, в частности подготовка рекомендаций по развитию филиалов, составление сводных планов исследований, созыв совещаний филиалов, и других, возлагалось на Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.[62]

Руководящие органы АН СССР — Общее собрание, Президиум, Бюро отделений — продолжали уделять все бо́льшее внимание проблемам, касающимся работы филиалов. Деятельность филиалов регулярно обсуждалась на годичных собраниях АН СССР, сессиях Общего собрания, заседаниях Президиума АН СССР. Созданные Президиумом комиссии из высококвалифицированных ученых тщательно знакомились с работой филиалов, вносили конкретные предложения, направленные на ее совершенствование. После этого деятельность филиалов рассматривалась Президиумом. В принятых им постановлениях давался всесторонний анализ работы филиалов, отмечались достижения, вскрывались недостатки, определялись пути их устранения. Не было буквально ни одного филиала, отчеты о деятельности которого не обсуждались бы Президиумом АН СССР.

Задачи филиалов, перспективы их развития определялись в статьях и выступлениях руководителей АН СССР, председателей Совета филиалов, председателей президиумов филиалов.[63] Деятельность филиалов систематически освещалась в «Вестнике АН СССР».

В документах Общего собрания и Президиума Академии наук, статьях и выступлениях ее руководителей указывалось, что филиалы должны сконцентрировать свои усилия на разработке наиболее

актуальных научно-технических проблем, нацеленных на развитие производительных сил, рост экономики и культуры республик, краев и областей. Перед филиалами ставились задачи укрепления творческого содружества науки и производства. В то же время отмечалось, что филиалы не должны подменять отраслевые институты и фабрично-заводские лаборатории.

В 1954 г. Бюро Совета филиалов указывало, что научно-исследовательская работа филиалов «должна по преимуществу отвечать двум основным требованиям: давать серьезные теоретические результаты, важные для развития советской науки, и в то же время отвечать задачам развития ведущих отраслей народного хозяйства края».[64] Бюро Совета рекомендовало филиалам «ставить и решать крупные теоретические проблемы, чтобы на этой основе находить новые пути развития сельского хозяйства и промышленности».[65]

Главная идея всех постановлений Общего собрания и Президиума АН СССР по вопросам работы филиалов заключалась в том, чтобы повысить эффективность исследований, проводимых академическими учреждениями на местах. В этих целях укреплялась сеть учреждений филиалов, увеличивались отпускаемые в их распоряжение средства, принимались меры к пополнению штатов филиалов высококвалифицированными учеными. Руководящие органы АН СССР заботились о том, чтобы филиалы работали в тесном сотрудничестве с центральными учреждениями Академии наук. В необходимых случаях рекомендовалось выделять из состава наиболее авторитетных ученых центральных учреждений АН СССР консультантов, которые должны были помогать филиалам в проведении исследовательских работ. Предусматривалась подготовка научных кадров для филиалов в академических институтах Москвы и Ленинграда.

К 1 июня 1947 г. в Академии наук имелось семь филиалов, шесть баз, один стационар и три базы, находившиеся в процессе организации. Филиалы и базы объединяли 30 институтов с 168 лабораториями и отделами, 51 самостоятельный сектор, астрономическую обсерваторию, шесть ботанических садов, четыре заповедника, ряд станций и музеев. В филиалах и базах работало свыше 1200 научных сотрудников, в том числе 14 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 111 докторов наук и профессоров, 356 кандидатов наук.[66]

В октябре 1949 г. Президиум АН СССР принял постановление «Об установлении для филиалов и научно-исследовательских баз Академии наук СССР единого наименования — филиалы Академии наук». В соответствии с этим документом научно-исследовательские базы АН СССР — Кольская им. С. М. Кирова, Дальневосточная им. В. Л. Комарова, База в Коми АССР, Молдавская, Карело-Финская, Дагестанская, Сахалинская, Якутская и Крымская базы были переименованы в филиалы АН СССР.[67]

Постановление Президиума организационно закрепило тот факт, что упомянутые в нем научные учреждения АН СССР на местах переросли рамки баз и по масштабам своей деятельности в полной мере стали отвечать требованиям, предъявляемым к филиалам. Принятие этого документа свидетельствовало о крупных достижениях

в деятельности центров академической науки в республиках, краях и областях.

В 1957 г. исполнилось 25 лет со времени организации первых филиалов и баз.

В начале 1957 г. в Академии наук функционировали 12 филиалов, в состав которых входили 29 институтов. Вместе с Сахалинским комплексным научно-исследовательским институтом филиалы объединяли 159 лабораторий. Кроме того, в составе филиалов имелись 68 самостоятельных отделов, лабораторий, стационаров и заповедников. В филиалах работали два академика, три члена-корреспондента АН СССР, около 100 докторов и 850 кандидатов наук, более 1200 научных сотрудников без ученой степени и до 1500 научно-технических сотрудников. В период пятой пятилетки филиалы ежегодно передавали для внедрения в производство от 120 до 230 предложений.[68]

Учитывая все возраставшую роль филиалов в организации исследований на местах, Президиум АН СССР в постановлении «О деятельности филиалов Академии наук СССР и руководстве ими», принятом в марте 1957 г., решил значительно увеличить ассигнования филиалам, укрепить их материальную базу, обеспечить улучшение руководства ими со стороны центральных академических учреждений. В постановлении Президиума отмечалось, что 25-летняя деятельность системы филиалов подтвердила глубокую целесообразность организации научных учреждений Академии наук на периферии.[69]

В ознаменование 25-летней годовщины со дня основания первых филиалов и баз был издан специальный номер «Известий восточных филиалов Академии наук СССР». Здесь были опубликованы статьи руководителей филиалов, в которых подводились итоги 25-летней работы академических учреждений на местах, определялись их задачи на будущее. В открывавшей юбилейный номер журнала статье И. П. Бардина отмечалось: «Филиалы АН СССР как форма организации науки на местах блестяще себя оправдала».[70]

Высоко оценивая достижения филиалов, Президиум АН СССР в упомянутом выше постановлении вскрыл и недочеты в их деятельности (недостаток в научных кадрах высокой квалификации, слабая материально-техническая база лабораторий и институтов, недостаточное руководство филиалами со стороны отделений АН СССР и др.). Об этих же недочетах говорилось в статье И. П. Бардина. Реализация постановления Президиума АН СССР способствовала устранению отмеченных недостатков, повышению уровня научной деятельности филиалов.

О значении, какое Академия наук придавала развитию филиалов, свидетельствовал тот факт, что в ее Устав 1959 г. был включен раздел «Филиалы Академии наук СССР». В Уставе говорилось: «Академия наук СССР имеет свои филиалы в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза. Филиалы представляют собой объединения научно-исследовательских институтов и других научных учреждений Академии наук».[71]

ОТ ФИЛИАЛОВ АН СССР К АКАДЕМИЯМ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК. КООРДИНАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В рассматриваемый период на базе филиалов АН СССР были организованы академии наук Молдавской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР.

В июне 1946 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР в г. Кишиневе. В состав новой базы вошли Институт истории, языка и литературы, а также ряд самостоятельных секторов (Геологии, Виноградарства и садоводства, Почвоведения, Зоологии, Энергетики (с группой водного хозяйства), Экономики и географии, Ботаники). Директором базы был утвержден акад. В. П. Волгин.[72]

При помощи партийных и советских органов Молдавской ССР, Президиума АН СССР определялись основные направления исследований базы, комплектовались штаты ее учреждений. В распоряжение базы выделялись крупные ассигнования. Все это обусловило быстрый рост базы и создало предпосылки для преобразования ее в 1949 г. в филиал Академии наук.

В 1949—1954 гг. во главе филиала стоял чл.-кор. АН СССР П. А. Баранов. В 1954—1961 гг. председателем Президиума филиала был Я. С. Гросул.

Быстро росла сеть учреждений филиала. На основе секторов и отделов в филиале создавались научно-исследовательские институты. Среди них должны быть упомянуты институты: Плодоводства, виноградарства и виноделия (1950), Почвоведения (1953), Биологии (1957), Геологии и строительных материалов (1958), Химии (1959), Экономики (1960). В 1958 г. на основе Института истории, языка и литературы были организованы два института: Истории, Языка и литературы.[73]

Количество сотрудников филиала в период с 1950 по 1960 г. увеличилось в четыре раза. В 1960 г. в учреждениях филиала работало 928 человек, в том числе 20 докторов и 110 кандидатов наук.[74]

Работа филиала неоднократно рассматривалась на заседаниях Президиума АН СССР и Бюро Совета филиалов. В постановлении Президиума АН СССР «О научной деятельности Молдавского филиала АН СССР и мерах по его укреплению и развитию» (1951) отмечалось, что за сравнительно короткий срок филиал провел ряд важных работ, направленных на обеспечение развития ведущих отраслей народного хозяйства республики. Высоко оценивались исследования филиала по развитию виноградарства и плодоводства, по введению в сельское хозяйство Молдавии новых культур, работы в области почвоведения и др.[75]

В 1956 г. ученые филиала вели исследования по 22 проблемам, имевшим теоретическое и практическое значение. Сотрудники филиала составили сводную почвенную карту республики по 14 административным районам. Развернулись работы в области геологии, биологии, энергетики, экономики.[76]

Совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР ученые филиала организовали Молдавскую археологическую экспедицию.[77] Значительное развитие получили исследования по истории Молдавии, языку и литературе молдавского народа.

В 50-е годы филиал вместе с центральными учреждениями Академии наук провел ряд сессий и конференций, на которых обсуждались задачи ученых в области энергетики, истории, археологии, языкознания. В сентябре 1957 г. в филиале состоялась выездная сессия Отделения биологических наук АН СССР, проходившая при участии ВАСХНИЛ. Сессия определила задачи ученых Молдавской ССР в области биологических наук.[78]

В процессе расширения сети научных учреждений Молдавии, укрепления филиала в республике, наряду с ростом прикладных работ, все бо́льшее внимание уделялось развитию фундаментальных исследований по ряду важнейших направлений науки.[79] Тем самым создавались предпосылки для организации республиканской академии наук.

26 июля 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление «О создании Академии наук Молдавской ССР».[80] Новая академия организовывалась на базе учреждений Молдавского филиала АН СССР.

В академии были созданы три отделения: Естественных и технических наук, Биологических и сельскохозяйственных наук, Общественных наук. Устанавливалось общее количество действительных членов академии (21) и членов-корреспондентов (25).[81]

Торжественное открытие академии состоялось 2 августа 1961 г. Первым ее президентом стал Я. С. Гросул.

Оценивая значение создания Академии наук республики, член-корреспондент АН СССР А. А. Жученко впоследствии писал: «Для Молдавской ССР это событие стало началом нового этапа в истории организации научных исследований. В короткий срок удалось обеспечить опережающее развитие фундаментальных исследований, что позволило республике успешно решать самые сложные социально-экономические задачи».[82]

Насколько быстро развивался Киргизский филиал, свидетельствовал тот факт, что к 1954 г. он включал в свой состав шесть институтов (Геологии, Химии, Ботаники и растениеводства, Зоологии и паразитологии, Водного хозяйства и энергетики, Языка, литературы и истории) и три самостоятельных отдела (Геофизики, Почвоведения, Экономики).[83]

В конце 1954 г. количество сотрудников филиала превышало 500; среди них были 13 докторов и 83 кандидата наук. В филиале обучались 33 аспиранта; шесть ученых готовили докторские диссертации. Кроме того, 20 аспирантов и докторантов филиала готовились к защите диссертаций в академических учреждениях Москвы и Ленинграда.[84]

До июля 1952 г. филиалом руководил акад. К. И. Скрябин, внесший большой личный вклад в организацию и развитие исследований

в Киргизии. После К. И. Скрябина председателем Президиума филиала был утвержден И. К. Ахунбаев.[85]

В начале 50-х годов работа филиала неоднократно обсуждалась на заседаниях Президиума АН СССР. В постановлениях Президиума отмечались достижения филиала, определялись главные направления его исследований.[86]

«Киргизский филиал Академии наук СССР за последнее время организационно окреп и выполнил ряд научных исследований, связанных с народнохозяйственными задачами Киргизской ССР»,[87] — говорилось в постановлении Президиума АН СССР «О деятельности Киргизского филиала АН СССР за 1952 год».

Работа учреждений филиала была подчинена решению проблем, связанных с исследованием и освоением природных ресурсов республики. Геологи вели поиски новых месторождений полезных ископаемых. Исследования биологов имели своей целью изучение фауны и флоры, оказание практической помощи работникам сельского хозяйства. В трудах ученых-обществоведов разрабатывались вопросы истории, языка и литературы киргизского народа. Итоги деятельности филиала за 10 лет были подведены в юбилейном выпуске его «Известий», опубликованном в 1954 г.[88]

Большой рост филиала, укрепление сети научных учреждений республики, увеличение численности и повышение квалификации ученых — все это позволило приступить к организации Академии наук Киргизии.

17 августа 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление об организации Академии наук Киргизской ССР.[89] Новая академия создавалась на базе Киргизского филиала и ряда других научных учреждений республики.

Для подготовки вопросов, связанных с созданием академии, Совет Министров Киргизии образовал организационный комитет, в который вошли и представители АН СССР: акад. К. И. Скрябин, чл.-кор. АН СССР А. А. Сауков и др.[90]

20 декабря 1954 г. во Фрунзе состоялось торжественное открытие Академии наук Киргизской ССР. Первоначально академия включала в свой состав 13 действительных членов и 14 членов-корреспондентов. Первым президентом академии стал И. К. Ахунбаев.[91] В 1960 г. президентом академии был избран К. К. Каракеев.

Росла и укреплялась сеть научных учреждений Таджикского филиала. Увеличивалась численность и повышалась квалификация его кадров. В начале 1951 г. в состав филиала входили шесть институтов, 13 станций и самостоятельных секторов. Тогда же в его учреждениях работало 150 научных сотрудников, среди них — 11 докторов и 71 кандидат наук.[92]

Быстрый рост филиала стал возможен благодаря той поддержке, которую он неизменно встречал со стороны центральных учреждений АН СССР. «Без преувеличения можно сказать, что ряд институтов Таджикского филиала АН СССР явился „плотью от плоти“ таких институтов Академии наук, как Ботанический, Зоологический, Почвенный и другие. Существенную помощь филиалу оказывали институты

Востоковедения, Этнографии, Физиологии растений, Языкознания, Истории материальной культуры, Философии, Геофизический, Органической химии и ряд других учреждений Академии наук СССР»,[93] — писал Е. Н. Павловский в 1951 г.

При помощи ученых центральных академических учреждений продолжалась подготовка национальных научных кадров. Многие таджикские ученые обучались в аспирантуре московских и ленинградских институтов АН СССР. В 1950 г. количество аспирантов филиала достигло 78; из них 46 были представителями коренной национальности.[94]

Своими исследованиями учреждения филиала оказывали помощь промышленности и сельскому хозяйству республики. Серьезное практическое значение имели работы в области химии, геологии, ботаники, почвоведения, животноводства, зоологии и паразитологии. Сотрудники Геофизического сектора филиала занимались изучением сейсмических районов республики.

Под руководством А. Ю. Якубовского в 1946 г. начала работать Согдийско-таджикская археологическая экспедиция, многое сделавшая для изучения археологии республики. Ученые филиала продолжали исследования по истории, этнографии, языку и литературе Таджикистана. В 1947 г. была издана книга Б. Г. Гафурова «История таджикского народа».[95]

В 1941—1951 гг. филиал опубликовал 645 работ, в которых подводились итоги выполненных им исследований.[96]

В процессе расширения филиала, укрепления научного потенциала Таджикистана сложились условия, благоприятствовавшие организации республиканской академии наук. Подготовительные работы по ее созданию начались в 1950 г. В декабре 1950 г. Президиум АН СССР рассматривал проект устава и структуры будущей академии, подготовленный Советом Министров Таджикской ССР. Для оказания помощи в организации академии была создана комиссия во главе с И. П. Бардиным.[97]

14 апреля 1951 г. ЦК КП(б) Таджикистана, Президиум Верховного Совета, Совет Министров республики приняли постановление «Об учреждении Академии наук Таджикской ССР». В тот же день было принято постановление Совета Министров республики «Об учреждении действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук Таджикской ССР».[98]

Новая академия создавалась на базе Таджикского филиала АН СССР. Она включала в свой состав два отделения: Естественных и Общественных наук. В академию вошли 11 действительных членов и 15 членов-корреспондентов. Первым ее президентом стал С. Айни. В 1957—1961 гг. президентом академии был С. У. Умаров.[99]

14 апреля 1951 г. в Душанбе состоялось торжественное открытие академии. Выступивший на торжествах с речью акад. В. П. Никитин отметил значительную роль Таджикского филиала в развитии науки в республике, в подготовке условий для организации академии Таджикистана. «Президиум Академии наук СССР будет оказывать постоянную и всестороннюю помощь Академии наук Таджикской

Советской Социалистической Республики в развитии ее научной деятельности»,[100] — говорил В. П. Никитин.

Созданию Академии наук Туркменской ССР предшествовала большая подготовительная работа, направленная на укрепление сети научных учреждений республики, воспитание национальных научных кадров.

В 1947 г. Туркменский филиал объединял пять институтов (Физико-технический, Геологический, Ботанико-растениеводческий, Зоолого-зоотехнический, Истории, языка и литературы), Сектор экономики и два музея — Историко-революционный и Краеведения.[101] Свидетельством расширения фронта исследований по биологическим и сельскохозяйственным наукам стало образование в 1947 г. на основе Ботанико-растениеводческого и Зоолого-зоотехнического институтов трех самостоятельных институтов — Биологического, Животноводства, Земледелия. В составе Физико-технического института были созданы три химические лаборатории: Химии и технологии нефти, Органического синтеза и Физико-химическая. В 1949 г. в этом же институте сформировался Сейсмологический отдел. Помимо этого, при Президиуме филиала был организован Сектор водного хозяйства, а Геологический институт пополнился Сектором нефти и горючих ископаемых. В целях развития археологических исследований на юге республики в 1946 г. филиал организовал Южно-Туркменистанскую археологическую экспедицию.[102]

В 1947 г. количество аспирантов филиала составляло 54 человека, в том числе 32 туркмена. В этом году в филиале работали один академик, восемь докторов и профессоров, 47 кандидатов наук.[103] С июня 1946 г. филиалом руководил Д. В. Наливкин, который многое сделал для развития науки в Туркмении.[104]

Итоги деятельности филиала за пять лет были подведены на объединенной юбилейной сессии филиала, других исследовательских учреждений и вузов Туркмении, состоявшейся в октябре 1946 г. О диапазоне проводимых исследований говорил тот факт, что на сессии работали пять секций: Гуманитарных наук, Геологических, Ботанико-растениеводческих, Зоолого-зоотехнических и ветеринарных, Физико-химических наук. Д. В. Наливкин выступил на сессии с докладом «Перспективы освоения природных ресурсов Туркменистана».[105]

В 1950 г. в постановлении Президиума АН СССР «О деятельности Туркменского филиала» указывалось: «Филиал стал центром науки и культуры Туркменской ССР».[106] Президиум АН СССР отметил достижения филиала в исследовании полезных ископаемых Туркмении (открытие и изучение ряда месторождений нефти и угленосных отложений, изучение фосфоритов). Высокую оценку получили работы филиала в области изучения почв, флоры и фауны республики. В постановлении Президиума АН СССР подчеркивалось большое практическое значение исследований филиала, связанных с рациональным использованием пустынных пастбищ. В числе достижений филиала назывались труды по истории, археологии, языку и литературе Туркмении.[107]

Одно из центральных мест в работе филиала занимали проблемы изучения природных богатств Кара-Богаз-Гола. Все более значительное развитие получали исследования, направленные на хозяйственное освоение пустынь, которые занимают 80 % всей площади республики.[108]

Начало нового этапа в развитии науки в Туркмении было связано с организацией республиканской академии наук. 14 июля 1950 г. Совет Министров СССР принял решение о ее создании.[109] В соответствии с этим решением развернулась работа по организации Академии наук республики.

29 июня 1951 г. в Ашхабаде состоялось торжественное открытие Академии наук Туркменской ССР. Она создавалась на базе Туркменского филиала АН СССР. Первоначально академия включала в свой состав два отделения — Геологических, физико-технических и химических наук и Общественных наук. Первым президентом академии был избран Т. Бердыев.[110]

В торжествах, посвященных открытию Академии наук Туркмении, участвовала делегация АН СССР во главе с акад. В. П. Никитиным. В связи с открытием академии туркменские ученые направили Академии наук СССР телеграмму, в которой выражалась глубокая благодарность «за все то, что сделано Академией наук СССР для расцвета науки, культуры нашей республики».[111]

В 1961 г. в Академии наук Туркменской ССР работало 550 научных сотрудников, в том числе 17 академиков, 20 членов-корреспондентов, 11 докторов и 126 кандидатов наук.[112]

Из приведенных выше данных видно, что в 1961 г., когда была организована Академия наук Молдавской ССР, завершился процесс формирования республиканских академий наук. Отныне все союзные республики имели академии наук. В связи с этим встал вопрос о координации работы академий. Эти функции возлагались на Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик, о создании которого говорилось выше (с. 184).

Основная задача совета заключалась в установлении постоянной связи академий при разрешении наиболее важных проблем, осуществлении взаимной информации академий о проводимых исследованиях, содействии повседневному обмену опытом в организации научной деятельности. Совет должен был помогать республиканским академиям наук в повышении квалификации научных кадров.

В соответствии с принятым в 1946 г. Положением о совете его членами являлись президент, вице-президенты, академики-секретари отделений АН СССР, президенты и первые вице-президенты академий наук союзных республик.[113] Совет состоял при Общем собрании АН СССР.

Деятельность совета последовательно возглавляли С. И. Вавилов и А. Н. Несмеянов. Заместителем председателя совета первоначально был В. П. Волгин, затем И. П. Бардин.

Начиная с 1947 г. в Москве регулярно созывались сессии совета. Всего было проведено 19 сессий. XIX сессия состоялась в феврале 1961 г.[114]

Характерная особенность деятельности совета заключалась в том, что он глубоко вникал во все стороны жизни и деятельности академий наук союзных республик. На сессиях совета заслушивались и обсуждались планы работы академий, отчеты об их деятельности. Рассматривались вопросы, касающиеся подготовки и воспитания научных кадров. В повестке дня заседаний совета стояли доклады ученых о результатах и перспективах развития исследований в ведущих областях науки и техники.

С докладами на заседаниях совета выступали президенты и вице-президенты академий наук союзных республик, председатели президиумов филиалов АН СССР. В работе совета участвовали академики-секретари отделений АН СССР, многие крупные ученые СССР.

Не имея возможности рассказать о всех сессиях совета, перечислим вопросы, стоявшие в повестке дня одной из них, а именно XIV сессии, проходившей в Москве в феврале 1955 г. На этой сессии был заслушан доклад А. Н. Несмеянова «Некоторые итоги и задачи координации».[115] В прениях по докладу выступили президенты академий наук союзных республик М. М. Алиев, В. А. Амбарцумян, И. К. Ахунбаев, В. Ф. Купревич, Ю. Ю. Матулис, Н. И. Мусхелишвили, И. Г. Эйхфельд и другие ученые. Сессия обсудила доклад президента Академии наук Туркменской ССР Т. Б. Бердыева, посвященный итогам работы академии. Кроме того, были заслушаны доклады о координации исследований по ряду научных проблем.[116]

На сессиях совета рассматривалась деятельность всех академий наук союзных республик. В результате коллективного обсуждения докладов о работе академий выносились постановления, реализация которых способствовала дальнейшему подъему науки в союзных республиках.

Как упоминалось выше (с. 228), после упразднения Совета филиалов и баз АН СССР функции Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик расширились: он стал осуществлять координацию исследований, проводимых и филиалами АН СССР. С 1955 г. на сессиях совета (он стал именоваться Советом по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР) регулярно обсуждалась работа филиалов. В частности, в марте 1958 г. Президиум совета заслушал доклады о состоянии и перспективах развития научных исследований в Казанском и Кольском филиалах.[117]

Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР стал подлинно коллективным органом, обсуждавшим итоги, задачи и перспективы развития исследований в союзных и автономных республиках. Он оказывал большую помощь национальным научным центрам страны. В основе всей работы совета лежали идеи укрепления дружбы и сотрудничества ученых СССР. Президенты академий наук союзных республик, руководители филиалов АН СССР высоко оценивали значение деятельности совета. Создание и деятельность совета — убедительное свидетельство возраставшей роли Академии наук как высшего научного учреждения СССР.

Для оказания помощи республиканским академиям Академия наук СССР направляла туда бригады ученых. В 1949 г. такие бригады ознакомились с работой академий наук Белорусской, Узбекской, Казахской, Литовской, Латвийской ССР. В 1950 г. созданная Президиумом АН СССР комиссия и Совет по координации научной деятельности изучили работу Академии наук Эстонской ССР, в результате чего ей была оказана практическая помощь.[118]

Установлению сотрудничества между Академией наук СССР и академиями наук союзных республик способствовали совместные заседания президиумов академий, проводимые в те годы. По просьбе руководства Академии наук Литовской ССР в 1951 г. с деятельностью этой академии ознакомилась комиссия ученых во главе с акад. Е. Н. Павловским, образованная Президиумом АН СССР. В декабре 1951 г. на совместном заседании Президиума АН СССР и Президиума АН Литовской ССР работа Академии наук Литовской ССР подверглась всестороннему обсуждению. Было принято постановление, направленное на дальнейшее развитие Академии наук Литовской ССР.[119]

В 1959—1960 гг. комиссии ученых Академии наук СССР ознакомились с деятельностью академий наук Казахской, Азербайджанской и Киргизской ССР. Рекомендации, предложенные членами комиссий относительно перспектив развития академий наук Казахстана, Азербайджана и Киргизии, были обобщены в совместных постановлениях Президиума АН СССР и президиумов упомянутых академий.[120]

Деятельность академий наук союзных республик регулярно освещалась в журнале «Вестник АН СССР». Публиковались статьи руководителей академий, других ученых, в которых давался анализ развития научных исследований в союзных республиках.

В ходе координации исследований четко определялись роль и место академий наук союзных республик в государственной системе организации советской науки.

«При организации и развитии академий наук союзных республик имелось в виду, чтобы они не дублировали, а взаимно дополняли одна другую, — говорил А. Н. Несмеянов в сентябре 1959 г. — Каждая академия имеет свое лицо, свою область, свое направление в комплексе математических наук, физики, химии, биологии и т. д. Мы стремились к тому, чтобы в определенных областях, связанных в первую очередь со спецификой производительных сил, академии наук союзных республик играли главенствующую роль в советской науке, обеспечивая тем самым наиболее полный охват разнообразных участков каждой отрасли знания».[121]

Отмечая заслуги Академии наук СССР в создании национальных научных центров, в июне 1961 г. В. А. Амбарцумян говорил: «Самое интересное и самое существенное то, что каждая из республиканских академий имеет свой определенный научный профиль, отличающийся от профиля Академии наук других республик и определяемый требованиями и задачами, выдвигаемыми народным хозяйством соответствующей республики, а в некоторой степени также конкретными условиями развития научной мысли данной республики».[122]

В укреплении сотрудничества АН СССР с республиканскими академиями наук, отраслевыми институтами и вузами большое значение имели проводимые ею научные съезды, конференции, совещания, симпозиумы, число которых в 40—50-е годы быстро росло.[123] Организаторами многих научных форумов были академии наук союзных республик. Съезды, конференции и совещания созывались в Москве, Ленинграде, столицах союзных и автономных республик и других городах СССР.

Одной из форм координации и планирования исследований стали созданные в АН СССР и академиях наук союзных республик советы по проблемам, которые объединяли не только ученых, состоявших в штате академий, но и работавших в других научных учреждениях и высшей школе. В 1961 г. в Академии наук функционировали 27 научных советов.[124]

В процессе координации исследований все более прочными становились связи Академии наук с национальными научными центрами, укреплялись братская дружба и сотрудничество ученых Советского Союза.

РАЗВИТИЕ СЕТИ ФИЛИАЛОВ

В 40—50-е годы все филиалы АН СССР, за исключением Молдавского, работали на территории Российской Федерации. Среди них были ранее созданные Уральский, Дальневосточный, Кольский, Коми, Казанский, Западно-Сибирский филиалы и вновь организованные Башкирский, Восточно-Сибирский, Дагестанский, Карельский, Якутский и Сахалинский филиалы.

В Северо-Западном экономическом районе РСФСР функционировали Карельский, Коми и Кольский филиалы.

Организация Карельского филиала началась в 1945 г. 24 октября 1945 г. Совнарком СССР удовлетворил ходатайство Совнаркома Карело-Финской ССР и Президиума АН СССР о создании в г. Петрозаводске Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР.[125] Вопрос о создании базы, ее структуре и руководящем составе рассматривался на заседании Президиума АН СССР, состоявшемся 31 января 1946 г.[126]

Первоначально в состав базы входили один институт (Языка, литературы и истории), пять секторов, две лаборатории, заповедник «Кивач» и научная библиотека. Первым директором базы был академик А. А. Полканов.[127]

В 1949 г. база была преобразована в Карело-Финский филиал, который с 1956 г. стал именоваться Карельским филиалом. Деятельность филиала быстро расширялась, что находило отражение в создании новых его научных подразделений — институтов, отделов, секторов, лабораторий.

В 1961 г. в филиале работали четыре института (Геологии, Биологии, Леса, Языка, литературы и истории), четыре отдела (Энергетики, Гидрологии, Картографии, Экономики), две станции (Беломорская биологическая и Агробиологическая) и заповедник «Кивач».[128]

Если в период создания базы в ее учреждениях имелось 40 научных сотрудников, а среди них лишь восемь кандидатов наук, то в 1957 г. в филиале насчитывалось пять докторов и 76 кандидатов наук, 44 сотрудника без ученой степени и 94 научно-технических сотрудника.[129] Работой филиала последовательно руководили И. И. Горский, И. И. Сюкияйнен, В. С. Слодкевич и В. П. Дадыкин.

Филиал являлся главным научным центром Карельской АССР. В июле 1951 г. Президиум АН СССР в постановлении «О научной деятельности Карельского филиала» отметил, что за пять лет своей деятельности филиал выполнил ряд важных научных работ по изучению естественных богатств, экономики, истории, языка и литературы республики.[130]

Плодотворными были исследования геологов, которые занимались изучением полезных ископаемых Карелии. В частности, они открыли и исследовали железорудное месторождение в Костомукше, что имело большое народнохозяйственное значение.[131]

Сотрудники филиала изучали флору и фауну, торфяные болота, лесные богатства, водные ресурсы республики. Исследовались рыбные запасы Белого моря и внутренних водоемов Карелии. Обществоведы готовили труды по истории, языку, литературе, фольклору народов республики. В 1957 г. был опубликован первый том «Очерков истории Карелии».[132]

О росте Коми филиала свидетельствовало создание новых его учреждений, в частности Института геологии (1958 г.). Помимо этого института, в 1961 г. в филиале работали отделы: Экономики, Энергетики и водного хозяйства, Языка и литературы, Истории, этнографии и археологии, лаборатории: Радиобиологии, Биологии растений и геоботаники, Биологии животных, Лесоведения и лесоводства, Почвоведения и другие учреждения.[133]

Если в 1949 г. общее количество научных сотрудников филиала составляло 59 человек, то в 1957 г. здесь работали более 100 научных сотрудников, в том числе три доктора и 40 кандидатов наук. 17 кандидатов наук были представителями коренной национальности Коми АССР.[134] Лишь в 1955—1960 гг. аспирантуру филиала окончили 34 специалиста.[135] Председателями Президиума филиала последовательно были Н. А. Сирин и П. П. Вавилов.

Среди значительных достижений филиала должен быть упомянут изданный Академией наук в первой половине 50-х годов многотомный труд «Производительные силы Коми АССР».

Благодаря изысканиям геологов на территории Коми АССР были открыты новые месторождения угля, нефти, газа. Высокую оценку получили исследования геолога А. А. Чернова, которому в 1958 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Ученые-биологи оказывали помощь сельскому хозяйству республики. Развивались работы по радиобиологии. К числу ведущих направлений деятельности филиала принадлежали исследования в области лесоведения и лесоводства.

Языковеды и литературоведы занимались подготовкой словарей, изучением фольклора и литературы коми народа. В 1955 г. увидел

свет первый том «Очерков по истории Коми АССР», написанный сотрудниками филиала совместно с учеными Института истории АН СССР.[136]

«Особенно быстро развивался Кольский филиал Академии наук в последние 5—6 лет. У подножья Хибинских гор, в тундре, буквально на голом месте, вырос целый городок Кольского филиала Академии наук СССР, обладающего хорошо оснащенными лабораториями и вспомогательными учреждениями. Наш филиал теперь — крупное комплексное научное учреждение Заполярья»,[137] — говорил в июне 1961 г. в своем выступлении на Всесоюзном совещании научных работников председатель Президиума филиала А. В. Сидоренко.

В 1961 г. филиал объединял пять институтов (Химии и технологии редких элементов, Геологический, Горнометаллургический, Полярный геофизический, Морской биологический) и Полярно-альпийский ботанический сад.[138] Председателями Президиума филиала последовательно являлись Д. С. Белянкин и А. В. Сидоренко.

Филиал продолжал начатые ранее исследования минеральных ресурсов Кольского полуострова. В 1955 г. Президиум АН СССР в постановлении «О работе Кольского филиала и мерах по его укреплению и дальнейшему развитию» отметил, что в последние три года филиал осуществил геологическое и минералогическое изучение крупнейших в мире кианитовых месторождений Кейв, Печерских и Мончегорских медноникелевых месторождений. Положительно оценивались работы филиала по исследованию ряда других месторождений полезных ископаемых, а также работы по гидрологии и энергетике.[139]

Плодотворной была деятельность Полярно-альпийского ботанического сада, решавшего сложные задачи акклиматизации растений в условиях Заполярья.[140]

В 1959 г. Президиум АН СССР в постановлении «О комплексных исследованиях по освоению минерального сырья Кольского полуострова» одобрил деятельность филиала по комплексному изучению природных ресурсов полуострова, которая способствовала развитию экономики Мурманской области.[141]

Наряду с прикладными работами, в филиале развивались фундаментальные исследования по геологии и геохимии древнейших геологических образований Земли и их металлоносности, по химии и технологии редких элементов. Изучались электромагнитные явления в ионосфере, космические лучи, распространение радиоволн и др.[142]

Деятельность Карельского, Коми и Кольского филиалов способствовала развитию производительных сил Северо-Запада СССР. Работы этих научных центров имели важное значение для пуска в середине 50-х годов Череповецкого металлургического завода. (Ныне Череповецкий металлургический комбинат им. 50-летия СССР).

Следует отметить, что в 1957 г. Президиум АН СССР реорганизовал Архангельский стационар в Северное отделение Института леса Академии наук, которое позднее было преобразовано в академический Институт леса и лесохимии.[143]

Центрами академической науки в Поволжье являлись Башкирский и Казанский филиалы.

Башкирский филиал был открыт в Уфе в апреле 1951 г.[144] В 1961 г. в его состав входили четыре института (Горно-геологический, Биологии, Органической химии, Истории, языка и литературы), два отдела (Экономики промышленности, Экономики сельского хозяйства) и Ботанический сад.[145] Руководство филиалом последовательно осуществляли Г. В. Вахрушев и Р. Д. Оболенцев.

Как отмечалось в постановлении Президиума АН СССР «О состоянии и развитии деятельности Башкирского филиала» (1956 г.), за период своего существования филиал выполнил ряд исследований, имевших теоретическое и практическое значение.[146]

Филиал проделал большую работу по объединению ученых республики, подготовке национальных научных кадров. При его участии решались актуальные проблемы развития народного хозяйства и культуры Башкирии. Особое внимание обращалось на оказание помощи предприятиям нефтяной промышленности.[147]

В июне 1957 г. в Уфе состоялась сессия Отделения исторических наук и Башкирского филиала, посвященная 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству.[148]

В числе достижений ученых-обществоведов следует упомянуть издание в 1956—1959 гг. первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» (в 2-х ч.). Второй том этого труда был опубликован позднее, в 1966 г.[149]

В 1955 г. Президиум АН СССР принял постановление «О состоянии и дальнейшем развитии научной деятельности Казанского филиала». В постановлении указывалось, что «Казанский филиал за 10 лет своего существования сложился в крупное комплексное научное учреждение».[150]

В 1962 г. филиал имел в своем составе четыре института (Биологический, Геологический, Физико-технический, Языка, литературы и истории), а также Отдел энергетики и водного хозяйства.

В 1957 г. в филиале работали 148 научных сотрудников, в том числе два академика, 12 докторов и 94 кандидата наук.[151] Филиалом бессменно руководил А. Е. Арбузов.

Мировую известность получили исследования казанских химиков в области фосфорорганических соединений, которые проводились под руководством А. Е. Арбузова. Физики филиала продолжали работы по парамагнитному резонансу. С деятельностью казанских ученых было связано возникновение новой отрасли физики — радиоспектроскопии.[152] Развивались исследования в области геологии, биологии и других наук.

На труды филиала опирались промышленные предприятия Татарской АССР, других республик и областей. Работы Геологического института имели серьезное значение для развития нефтяной промышленности Татарии. В начале 50-х годов казанские ученые участвовали в решении научно-технических проблем, связанных с возведением крупных гидроэнергетических сооружений, в частности Куйбышевской гидроэлектростанции.[153] Вне поля зрения учреждений фили-

ала не оставались и вопросы развития сельского хозяйства республики. Исследования в области истории, языка и литературы велись обществоведами филиала.[154]

В октябре 1945 г. в соответствии с решением Совнаркома СССР была организована Дагестанская научно-исследовательская база АН СССР. Размещалась она в Махачкале.[155]

В 1961 г. Дагестанский филиал включал в свой состав три института (Физики, Геологии, Истории, языка и литературы), четыре отдела (Почвоведения, Растительных ресурсов, Энергетики, Экономики) и Ихтиологическую лабораторию.[156] Тогда же в филиале работали 382 сотрудника, в том числе шесть докторов и 53 кандидата наук, 124 научных сотрудника без ученой степени. За время своей деятельности филиал подготовил семь докторов наук и около 100 кандидатов наук.[157] Во главе филиала стоял Х. И. Амирханов.

Работа филиала неоднократно обсуждалась на заседаниях Президиума АН СССР. В постановлении Президиума АН СССР «О деятельности Дагестанского филиала» (1957 г.) отмечалось, что в результате исследований геологов филиала, проведенных в содружестве с производственниками, были выявлены новые запасы нефти в Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. Высоко оценивались работы физиков в области полупроводников и термодинамики паров и жидкостей.[158]

Исследования ученых находили практическое применение в промышленности и сельском хозяйстве Дагестана. Работы Отдела энергетики были направлены на комплексное использование энергии рек республики. Отдел почвоведения занимался подготовкой почвенных карт Дагестана. Отдел растительных ресурсов при участии Ботанического института АН СССР составил карту растительности республики. Исследования обществоведов по археологии, истории, языкам и литературе Дагестана способствовали культурному росту трудящихся республики.[159]

Дагестанский филиал стремился координировать работу научных учреждений Северного Кавказа.

С 1947 до 1956 г. в системе Академии наук функционировал Крымский филиал, находившийся в г. Симферополе. Филиал занимался изучением природных ресурсов Крымской области, помогал работникам сельского хозяйства. Он выполнял ряд работ, связанных с сооружением Северо-Крымского канала. Председателями Президиума филиала последовательно были А. Д. Удальцов и Е. Н. Павловский.[160]

Характеризуя развитие науки на Урале, в марте 1958 г. академик И. В. Курчатов писал: «Уральский филиал Академии наук СССР, существующий уже 25 лет, вырос в крупный научный центр на Урале».[161]

В 1961 г. филиал объединял шесть институтов (Геофизики, Химии, Электрохимии, Металлургии, Горно-геологический, Биологии), ряд отделов, комиссий и стационаров, Ильменский заповедник им. В. И. Ленина.[162] Председателями Президиума филиала последовательно были И. П. Бардин и Н. В. Деменев.

В филиале развернулись комплексные работы по изучению природных ресурсов Урала. Деятельность учреждений филиала строи-

лась на основе тесных связей науки с производством. С каждым годом укреплялось творческое содружество его учреждений с промышленными предприятиями Урала. Достижения филиала неоднократно отмечались в постановлениях Президиума АН СССР.[163]

Ученые вели фундаментальные исследования по проблемам физики твердого тела, металлургии тяжелых цветных металлов и др.[164] Следует отметить, что И. В. Курчатов высоко оценивал работы филиала по указанным проблемам, которые осуществлялись под руководством С. В. Вонсовского, Я. Ш. Шура и Г. И. Чуфарова.[165]

В целях подведения итогов научных работ, координации исследований филиал созывал конференции и совещания по актуальным проблемам науки и техники.[166] В сентябре 1958 г. в филиале состоялось первое совещание по охране природы Урала.[167]

В марте 1959 г. на XVII сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР А. Н. Несмеянов говорил: «На Урале уже давно сложился сильный научный центр — Уральский филиал, сфера деятельности которого распространяется на Свердловскую, Челябинскую, Оренбургскую, Пермскую, Тюменскую области и Ямало-Ненецкий автономный округ, представляющие собой крупные экономические районы страны».[168]

Разработка теоретических основ нейтронного геофизического метода, создание адсорбционно-каталитической теории восстановления окислов металлов, создание и внедрение в промышленность методов комплексной переработки металлургического сырья и комплексного использования новых видов редкометального сырья — такие достижения ученых филиала были упомянуты на XVII сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.[169]

В Сибири и на Дальнем Востоке работали Дальневосточный, Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский, Сахалинский и Якутский филиалы АН СССР.

В 1957 г. в Западно-Сибирском филиале трудились 122 доктора наук, профессора и кандидата наук и около 200 научных сотрудников без ученой степени. Филиал объединял институты: Химико-металлургический, Медико-биологический, Транспортно-энергетический, Горного дела, Геологии, ряд отделов, Ботанический сад.[170]

Председателями Президиума филиала являлись А. А. Скочинский, К. П. Шмаргунов и Т. Ф. Горбачев.

В постановлении Президиума АН СССР «О Западно-Сибирском филиале Академии наук СССР» (1958 г.) указывалось, что за 15 лет существования филиал «внес значительный вклад в развитие науки и производительных сил Западной Сибири и Красноярского края. По ряду научных направлений он стал координирующим центром не только в Западной Сибири, но и в масштабе всей страны».[171]

В январе 1959 г. в связи с созданием Сибирского отделения АН СССР Западно-Сибирский филиал был упразднен.

В феврале 1949 г. в Иркутске был организован Восточно-Сибир-

ский филиал.[172] Первоначально он состоял из двух институтов (Геологии, Энергетики и химии) и двух секторов (Биологического и Географо-Экономического).[173] В 1960 г. филиал объединял два института (Геологии, Химии), три отдела (Энергетики, Биологии, Экономики и географии), ряд самостоятельных лабораторий и Байкальскую лимнологическую станцию.[174]

Количество сотрудников филиала увеличилось с 42 в 1949 г. до 764 в 1960 г. В 1960 г. в филиале работали 85 докторов и кандидатов наук.[175] Во главе филиала стояли В. В. Звонков, Е. В. Павловский и В. А. Кротов.

Развернувшиеся в филиале геологические, химико-технологические, биологические и экономические исследования способствовали развитию производительных сил Восточной Сибири.[176]

После организации Сибирского отделения на основе учреждений филиала стал создаваться Иркутский научный центр.

В июне 1947 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации Якутской научно-исследовательской базы АН СССР.[177] В июле 1947 г. состоялась первая научная сессия базы, посвященная 25-летию образования Якутской АССР. В докладах, заслушанных на сессии, определялись задачи нового научного учреждения. Выступая на сессии, первый директор базы чл.-кор. АН СССР П. А. Цытович говорил: «Теперь, с организацией Якутской научно-исследовательской базы Академии наук, открываются новые, широчайшие возможности дальнейшего развития исследовательских работ, изучения природных богатств и культуры Якутии».[178]

В 1957 г. в состав Якутского филиала входили три института (Геологии, Биологии, Языка, литературы и истории), ряд отделов и лабораторий. Если в 1949 г., когда база была преобразована в филиал, в нем работало 150 сотрудников, то в 1957 г. количество сотрудников превысило 300. В начале 1957 г. в учреждениях филиала трудились восемь докторов и 42 кандидата наук.[179] Филиалом руководили Н. А. Цытович, В. П. Дадыкин и И. С. Рожков.

Главными направлениями в деятельности филиала являлись исследования по геологии, биологии и гуманитарным наукам. Филиал внес большой вклад в изучение минеральных богатств республики. Велись работы в области флоры и фауны, исследовались почвы, растительность, животный мир Якутии. Обществоведы создавали труды по археологии, истории, языку, литературе и фольклору. В 1955 и 1957 гг. увидели свет два тома коллективного исследования «История Якутской АССР».[180]

Крупным научным центром являлся Дальневосточный филиал. В 1957 г. в его состав входили ряд химических, геологических и биологических отделов, отделы — Гидроэнергетики и водохозяйственных проблем, Экономики, Истории и археологии, Горно-таежная станция, Дальневосточный ботанический сад, заповедники «Кедровая падь», Супутинский и другие учреждения. В филиале работало свыше 130 научных сотрудников, в том числе пять докторов и 42 кандидата наук.[181] Председателями Президиума филиала являлись В. Т. Быков и А. С. Хоментовский.

В 1956 г. Президиум АН СССР в постановлении «О состоянии и дальнейшем развитии Дальневосточного филиала» отметил, что филиал выполнил ряд исследований, имевших теоретическое и практическое значение. Как указывалось в постановлении, ученые филиалов подготовили обобщающие работы по геологии и стратиграфии Приморья, собрали обширный материал, характеризующий состояние и перспективы развития основных отраслей народного хозяйства края.[182]

Развивались работы по биологии. В 1956 г. во Владивостоке при участии ученых филиала состоялась выездная сессия Отделения биологических наук АН СССР, на которой обсуждались перспективы биологических исследований на Дальнем Востоке.[183]

Работы филиала по изучению природных ресурсов Дальнего Востока способствовали росту производительных сил края.

В 1946 г. была организована Сахалинская научно-исследовательская база АН СССР (с 1949 г. Сахалинский филиал). В 1955 г. Президиум АН СССР преобразовал филиал в Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт.[184] Это научное учреждение занималось изучением природных ресурсов Сахалина. Исследовались месторождения полезных ископаемых, велись работы по изучению почв, флоры и фауны Сахалина.[185]

СОЗДАНИЕ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

В рассматриваемый период было организовано Сибирское отделение Академии наук. Как отметил академик Г. И. Марчук, «Сибирское отделение стало первым отделением Академии наук, построенным по территориальному признаку и объединяющим в своем составе институты, работающие по различным направлениям науки».[186]

В Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. указывалось на необходимость всемерной мобилизации богатейших природных ресурсов восточных районов СССР.[187]

Стремлением быстрее выполнить указания партии об освоении природных ресурсов Сибири, о создании на востоке страны мощной промышленной базы было продиктовано предложение академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича относительно организации крупного научного центра в Сибири. Патриотический почин академиков, выразивших желание выехать на постоянную работу в Сибирь, был одобрен партией и правительством, встретил поддержку среди советских ученых. Выступая 22 февраля 1957 г. на Общем собрании Академии наук с докладом об итогах ее деятельности за 1956 г., акад. А. В. Топчиев говорил: «Заслуживает внимания предложение академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича о создании в Сибири большого научного центра Академии наук СССР, в котором они выразили желание работать».[188]

2 апреля 1957 г. «Правда» опубликовала статью академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича «Важное условие развития науки», в которой ученые высказывались за расширение исследова-

ний на востоке страны. «Опыт показывает, — писали они, — что создание научных центров есть процесс чрезвычайно медленный. Научные центры в Киеве, Харькове, Свердловске, Тбилиси, Ереване и других городах создавались в основном в годы Советской власти на базе старых университетских кадров, когда была очень широко организована подготовка специалистов в Москве и Ленинграде. В силу этого мы считаем, что создание научной базы на востоке не может быть решено только путем эволюционного развития филиалов Академии наук СССР. Необходимо перевести туда крупные, хорошо зарекомендовавшие себя научные коллективы из Москвы и Ленинграда».[189]

18 мая 1957 г. Совет Министров СССР принял постановление об организации Сибирского отделения Академии наук СССР, признав необходимым построить для него научный городок на берегу Оби, близ Новосибирска.[190]

Перспективы развития нового отделения обсуждались на заседании Президиума АН СССР, созванном 7 июня 1957 г.[191] и на Общем собрании академии, состоявшемся 2 ноября 1957 г. Открывая сессию Общего собрания, А. Н. Несмеянов говорил, что «нужно Сибири дать большую научную базу».[192] С докладом о плане строительства Сибирского отделения и об основных направлениях его деятельности выступил М. А. Лаврентьев. Конкретные предложения о путях развития научных исследований в новом отделении высказали академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, И. В. Курчатов, Н. Н. Семенов, С. Л. Соболев, чл.-кор. Академии наук А. А. Трофимук и другие ученые. Общее собрание избрало акад. М. А. Лаврентьева вице-президентом Академии наук и председателем Сибирского отделения.[193]

Правительство отпустило на строительство Сибирского отделения большие средства, и оно велось быстрыми темпами. Одновременно стали комплектоваться научные коллективы учреждений отделения. Многие ученые выразили желание трудиться в новом академическом отделении и переехали на постоянную работу в Новосибирск. Среди них был акад. С. Л. Соболев, который взял на себя руководство Институтом математики с Вычислительным центром.

В январе 1958 г. Академия наук объявила в печати о выборах новых академиков и членов-корреспондентов по Сибирскому отделению. Выборы состоялись 28 марта 1958 г. Академиками были избраны восемь ученых, членами-корреспондентами АН СССР — 27. В числе академиков, избранных по Сибирскому отделению, были математики И. Н. Векуа, А. И. Мальцев, математик и механик П. Я. Кочина, механик Ю. Н. Работнов, физик В. Д. Кузнецов, геологи В. С. Соболев, А. А. Трофимук и А. Л. Яншин.[194]

К началу 1959 г. в составе Сибирского отделения насчитывалось 40 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 14 докторов наук, 129 кандидатов наук и 114 младших научных сотрудников. Общая численность научных и технических сотрудников отделения достигла 1200 человек.[195]

Насколько быстро создавались в Новосибирске новые научные учреждения, свидетельствует то, что к концу 1958 г. здесь функционировали 19 институтов и одна самостоятельная лаборатория. Сибир-

скому отделению были переданы Восточно-Сибирский, Дальневосточный и Якутский филиалы Академии наук, Бурятский и Сахалинский комплексные научно-исследовательские институты, Центральный сибирский ботанический сад.[196]

Новые академические институты приступили к работе. Благодаря всемерному содействию местных партийных и советских организаций научным учреждениям были предоставлены помещения в Новосибирске и созданы условия, необходимые для проведения плодотворных исследований.

Первая сессия Общего собрания Сибирского отделения состоялась в мае 1958 г. На ней обсуждался доклад акад. М. А. Лаврентьева о семилетнем плане развития учреждений отделения, а также рассматривались доклады директоров институтов, посвященные задачам вновь создаваемых научных коллективов в ближайшие годы. Большое внимание Общее собрание уделило строительству научного городка под Новосибирском.[197]

В 1961 г. большинство институтов Сибирского отделения разместилось в новых зданиях, выстроенных в научном городке. Только в составе новосибирской группы отделения в 1961 г. функционировало 20 институтов. В них работало свыше 4000 специалистов, в числе которых было 36 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, более 500 докторов и кандидатов наук.[198]

В учреждениях отделения велись работы по важнейшим проблемам науки и техники. В 1960 г. сотрудники Института физики занимались изучением строения и магнитных свойств веществ, получив в этой области существенные результаты. Коллективы Института химической кинетики и горения, Института теоретической и прикладной механики и Транспортно-энергетического института разрабатывали тему «Процессы горения, турбулентное горение, горение конденсированных систем, исследования топок с высоким давлением и температурами для парогазовых турбин». Исследования, связанные с энерготехническим использованием топлива и дальними электропередачами, проводились в Транспортно-энергетическом институте. Успешно продолжались в Сибирском отделении работы по радиофизике и электронике.[199]

Широкую известность получили выполненные в отделении работы по расшифровке рукописей древней письменности майя с помощью электронно-вычислительных машин, о результатах которых академик С. Л. Соболев докладывал 2 февраля 1961 г. на общих собраниях Отделения физико-математических наук, Отделения исторических наук, Отделения литературы и языка.[200]

Сложный и многогранный процесс становления и развития Сибирского отделения ярко раскрыли в упоминавшихся выше трудах академики М. А. Лаврентьев и Г. И. Марчук. Они рассказали о задачах отделения, тех трудностях, которые стояли на пути его создания, научных кадрах и учреждениях, достижениях сибирских ученых. М. А. Лаврентьев и Г. И. Марчук рассматривают создание Сибирского отделения как выражение заботы КПСС о развитии советской науки на востоке страны, дальнейшем совершенствовании территориальной системы ее организации.[201]

Создание в Сибири крупного научного центра облегчило организацию там нового университета, который был открыт в сентябре 1959 г. в Новосибирске. Первым ректором университета стал акад. И. Н. Векуа. Преподавание в университете вели многие крупные ученые Сибирского отделения. В Академгородке была открыта также специальная физико-математическая школа.

В основе всей деятельности отделения лежали принципы развития комплексных исследований по фундаментальным проблемам науки и техники, тесной связи с практикой, эффективной организации подготовки научных кадров.[202]

Организация в короткие сроки такого крупного научного центра, каким стало Сибирское отделение, — яркое свидетельство творческой мощи советской науки, способности ее деятелей быстро и оперативно решать важнейшие задачи, выдвигаемые практикой социалистического строительства.

«Становление науки в Сибири — пример огромных возможностей нашего общества, способного сконцентрировать свои усилия на решении важнейших задач общегосударственного значения»,[203] — писал акад. Г. И. Марчук.

Период послевоенного восстановления народного хозяйства, дальнейшего развития социалистического общества был ознаменован крупными достижениями в организации советской науки. Именно в этот период завершился процесс формирования национальных академий наук, расширилась сеть филиалов АН СССР. Выдающимся событием в истории организации советской науки стало создание Сибирского отделения АН СССР.

3 апреля 1961 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР», в соответствии с которым создавался Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ (с 1965 г. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике).[204]

Определяя задачи АН СССР, ЦК КПСС и Совет Министров СССР указывали, что Академия наук должна сосредоточить свои усилия «на разработке наиболее перспективных и быстро развивающихся направлений науки, способствующих подъему народного хозяйства и культуры страны».[205] В обязанность Академии наук вменялось научное и методическое руководство и проведение исследований по естественным и общественным наукам, оказание помощи республиканским академиям, поддержание научных связей с учеными зарубежных стран, подготовка научных кадров. Было признано необходимым передать из системы АН СССР государственным комитетам Совета Министров СССР, министерствам, ведомствам, Совету Министров РСФСР научные учреждения отраслевого профиля, а также филиалы.

В 1961 г. Академия наук передала другим ведомствам ряд учреждений и почти третью часть численного состава сотрудников. В веде-

ние Совета Министров РСФСР перешли филиалы АН СССР, за исключением тех, которые входили в систему Сибирского отделения. В то же время за Академией наук сохранялось научно-методическое руководство филиалами и рядом других учреждений, перешедших в ведение министерств и государственных комитетов.

12—14 июня 1961 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание научных работников, обсудившее задачи советских ученых в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. С докладом «Советская наука и строительство коммунизма» на совещании выступил президент АН СССР акад. М. В. Келдыш. Большое внимание совещание уделило деятельности республиканских академий и филиалов АН СССР. Об этом говорили на совещании М. В. Келдыш, президенты академий наук союзных республик Х. М. Абдуллаев, В. А. Амбарцумян, В. Ф. Купревич, Ю. Ю. Матулис, А. В. Палладин, К. И. Сатпаев, заместитель председателя Президиума Сибирского отделения АН СССР А. А. Трофимук, председатель Президиума Кольского филиала АН СССР А. В. Сидоренко и другие ученые.[206]

«В стране Советов наука развивается не только в центре, но и на периферии. Возникшие главным образом на основе филиалов Академии наук СССР республиканские академии наук выросли ныне в научные центры, которые не только содействуют подъему национальной культуры и использованию природных богатств союзных республик, но и вносят большой вклад в развитие всей советской науки. Важных научных результатов достиг и ряд филиалов Академии наук СССР»,[207] — говорил на совещании М. В. Келдыш.

Совещание высоко оценило деятельность Академии наук СССР в области организации академий наук союзных республик, филиалов АН СССР в крупнейших экономических районах РСФСР, координации и планирования исследований, подготовки национальных научных кадров.

Вопросы, касающиеся развития академической науки в регионах, нашли освещение в докладе М. В. Келдыша «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик», с которым он выступил на сессии Общего собрания в мае 1963 г. В этом докладе М. В. Келдыш внес предложение о возвращении филиалов в систему АН СССР. Мотивируя его, президент АН СССР отмечал, что после передачи филиалов в ведение Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ РСФСР они «остались по существу в том же составе, и было создано объединение филиалов параллельно с академией. Это оказалось нецелесообразным. Руководство научной работой институтов филиалов со стороны академии, естественно, ослабло. Сейчас целесообразно передать часть учреждений филиалов тем государственным комитетам, которым соответствует их тематика. А ту часть учреждений, которая занимается в основном разработкой проблем естественных и общественных наук, следует подчинить академии».[208]

В 1963 г. все филиалы были возвращены в систему Академии наук, что способствовало дальнейшему развитию академической науки в различных регионах СССР.

[1] Подробнее см.: История социалистической экономики СССР : В 7-ми т. М., 1980. Т. 7. С. 181—200.

[2] Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР : В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 7.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях). 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 8. С. 262—285; М., 1986. Т. 9. С. 28—90.

[4] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 126.

[5] Подробнее см.: Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. Т. 2. С. 121—148; Интернационализм советского народа : (История и современность). М., 1982. С. 279—319.

[6] Подробнее см.: Социализм и наука. М., 1981. С. 70—76.

[7] *Марчук Г. И.* Горизонты научного поиска. М., 1987. С. 5.

[8] КПСС в резолюциях. М., 1985. Т. 8. С. 13.

[9] Народное образование, наука и культура в СССР : Стат. сб., М., 1977. С. 315.

[10] *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. С. 69.

[11] См.: В. И. Ленин, КПСС о развитии науки. М., 1981. С. 277—296, 410—436.

[12] Народное образование, наука и культура в СССР : Стат. сб. М., 1971. С. 243.

[13] Идейный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 16—18, 195—200.

[14] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957. С. 286.

[15] *Келдыш М. В.* Введение // Октябрь и научный прогресс : В 2-х кн. М., 1967. Кн. 1. С. 11; История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 22.

[16] История Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 138; ВАН. 1954. № 6. С. 43—45.

[17] ВАН. 1954. № 6. С. 7.

[18] Октябрь и научный прогресс. Кн. 1. С. 11 : Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 59—79; 50 лет Академии наук БССР : Документы и материалы юбилейных торжеств. Минск, 1981. С. 27.

[19] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах : Стат. сб. С. 286.

[20] Там же.

[21] Октябрь и научный прогресс. Кн. 1. С. 11. — Подробнее см.: Академия наук Узбекской ССР. Ташкент. 1983. 558 с.

[22] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. М., 1977. С. 220.

[23] Наука Советского Казахстана. 1920—1980. Алма-Ата, 1981. С. 289.

[24] Вестн. АН КазССР. 1974. № 5. С. 75—76.

[25] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 253—254.

[26] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. С. 286.

[27] Там же.

[28] Октябрь и научный прогресс. Кн. 1. С. 11.

[29] ВАН. 1960. № 8. С. 84.

[30] Там же. № 12. С. 41.

[31] Ордена Дружбы народов Академия наук Литовской ССР. Вильнюс, 1983. С. 16; ВАН. 1947. № 10. С. 117.

[32] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. С. 286.

[33] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 221.

[34] *Валескалн П.* Развитие науки в Латвии. Таллин, 1977. С. 13.

[35] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950: Хроника. С. 235.

[36] *Пейве Я. В.* Первая научная сессия Академии наук Латвийской ССР // ВАН. 1947. № 3. С. 58—67.

[37] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. С. 286.

[38] История Тартуского университета. 1632—1982. Таллин, 1982. С. 221.

[39] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 245.

[40] *Ребане К., Сийливаск К.* Развитие науки в Советской Эстонии. Таллин, 1977. С. 13.

[41] Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. С. 286.

[42] ВАН. 1961. № 12. С. 46.

[43] Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. М., 1967. С. 105.

[44] Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. С. 243—244.

[45] Там же. С. 275.

[46] ВАН. 1961. № 12. С. 46.

[47] Народное образование, наука и культура в СССР : Стат. сб. С. 247.
[48] *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. М., 1959. Т. 4. С. 164—165.
[49] Там же. С. 428.
[50] Сведения об избрании академиков и членов-корреспондентов АН СССР см.: Академия наук СССР : Персональный состав. 1917—1974. М., 1974. Кн. 2. С. 56—92, 212—281.
[51] ВАН. 1961. № 12. С. 39.
[52] Там же. 1961. № 12. С. 44.
[53] Там же.
[54] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР : Краткий ист. очерк (в двух томах). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. Т. 2. С. 373.
[55] ВАН. 1961. № 12. С. 39.
[56] Уставы Академии наук СССР. 1724—1974 (далее — Уставы). [2-е изд.] М., 1975. С. 150.
[57] Правда. 1987. 12 июля.
[58] Подробнее см.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. 319 с.; Правда. 1987. 14 августа; Вопр. истории. 1987. № 6. С. 4.
[59] *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. Т. 4. С. 185.
[60] ВАН. 1956. № 6. С. 39.
[61] Там же. С. 50.
[62] Там же. 1955. № 5. С. 72; 1956. № 6. С. 46.
[63] См., например: *Бардин И. П.*: 1) Филиалы АН СССР на службе народного хозяйства : (К 20-летию существования системы филиалов АН СССР) // ВАН. 1952. № 11. С. 65—81; 2) О работе с кадрами в филиалах АН СССР // Там же. 1955. № 8. С. 3—11; 3) Двадцать пять лет развития научных учреждений Академии наук СССР на периферии // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 3—24; *Цицин Н. В.* Филиалы и базы Академии наук СССР // ВАН. 1947. № 10. С. 127—143.
[64] ВАН. 1954. № 11. С. 90.
[65] Там же. С. 90—91.
[66] Там же. 1947. № 10. С. 129.
[67] 60-летие образования Союза ССР и развитие советской науки: Доклад вице-президента АН СССР акад. В. А. Котельникова // ВАН. 1983. № 4. С. 13. См. также: ВАН. 1949. № 11. С. 96.
[68] Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 4—5. С. 234.
[69] Там же. С. 234—235.
[70] *Бардин И. П.* Двадцать пять лет развития научных учреждений Академии наук СССР на периферии // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 23.
[71] Уставы. С. 163.
[72] ВАН. 1946. № 10. С. 96; *Тарасов О. Ю.* Очерки истории организации науки в Советской Молдавии (1924—1961). Кишинев, 1980. С. 62—63.
[73] ВАН. 1958. № 7. С. 117—118; 1959. № 4. С. 8; 1960. № 6. С. 125; № 7. С. 89; Академия наук Молдавской ССР. Кишинев, 1979. С. 18.
[74] Академия наук Молдавской ССР. С. 18.
[75] ВАН. 1951. № 6. С. 91—92.
[76] Изв. Молдавского филиала АН СССР. 1958. № 11. С. 113—120.
[77] ВАН. 1953. № 4. С. 43—51; 1954. № 12. С. 35—43.
[78] Там же. 1958. № 1. С. 125—126 — Подробнее о деятельности филиала см.: *Гросул Я. С.*: 1) Молдавский филиал АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 155—162; 2) Научный центр Молдавии // Наука и жизнь. 1957. № 6. С. 13.
[79] Развитие науки в Молдавской ССР. Кишинев, 1984. С. 400—401.
[80] Академия наук Молдавской ССР. С. 22; *Тарасов О. Ю.* Первый президент. Кишинев, 1982. С. 120.
[81] Академия наук Молдавской ССР. С. 21; *Тарасов О. Ю.* Очерки истории организации науки в Советской Молдавии (1924—1961). С. 83.
[82] *Жученко А. А.* Наука Советской Молдавии // Советская наука : Итоги и перспективы. М., 1982. С. 388.
[83] *Ахунбаев И. К.* Киргизский филиал АН СССР — база для организации Академии наук Киргизской ССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 54; Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1954. Вып. II—XII. С. 91—103.
[84] Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 58; Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1954. Вып. 2—12. С. 14.

[85] ВАН. 1952. № 2. С. 110.
[86] Там же. 1950. № 12. С. 77—79; 1951. № 9. С. 70—73; 1952. № 3. С. 81—82; № 10. С. 96.
[87] Там же. 1953. № 1. С. 80.
[88] Изв. Кирг. фил. АН СССР. 1954. Вып. 2—12.
[89] Сов. наука : Итоги и перспективы. С. 543.
[90] ВАН, 1954. № 12. С. 64; *Скрябин К. И.* Моя жизнь в науке. М., 1969. С. 408.
[91] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. М., 1979. С. 170.
[92] *Павловский Е. Н.* Штаб науки Таджикистана // ВАН. 1951. № 6. С. 39; Академия наук Таджикской ССР. Душанбе, 1979. С. 15.
[93] ВАН. 1951. № 6. С. 38.
[94] Академия наук Таджикской ССР. С. 70.
[95] Подробнее о деятельности филиала см.: Сообщения Таджикского филиала АН СССР. 1947. Вып. 2. С. 3—9; Академия наук Таджикской ССР. С. 62—68; *Шагалов Е. С.* Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). Душанбе, 1975. С. 141—166.
[96] *Умаров С. У.* Таджикский филиал АН СССР и его роль в создании Академии наук Таджикистана // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 53.
[97] Академия наук Таджикской ССР. С. 72.
[98] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. С. 19.
[99] Академия наук Таджикской ССР. С. 73—74, 77—78.
[100] ВАН. 1951. № 6. С. 35.
[101] Там же. 1947. № 6. С. 14.
[102] *Бабаев А. Г.* Наука Советского Туркменистана // Сов. наука : Итоги и перспективы. С. 480—481.
[103] ВАН. 1947. № 6. С. 15.
[104] Подробнее см.: *Наливкин В. Д.* Д. В. Наливкин. Л., 1987. С. 87—91.
[105] Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1946. № 5. С. 113—127.
[106] ВАН. 1950. № 5. С. 89.
[107] Там же. С. 89—91.
[108] Академия наук Туркменской ССР. 2-е изд., перераб., доп. Ашхабад, 1982. С. 18—19.
[109] Там же. С. 19.
[110] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. С. 25; Академия наук Туркменской ССР (1951—1966). Ашхабад, 1967. С. 6—7.
[111] ВАН. 1951. № 7. С. 93.
[112] Академия наук Туркменской ССР (1951—1966). С. 22.
[113] ВАН. 1947. № 2. С. 96.
[114] Там же. 1961. № 4. С. 68—72.
[115] *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. Т. 4. С. 252—263.
[116] ВАН. 1955. № 4. С. 34—54.
[117] Там же. 1958. № 6. С. 103—107.
[118] Там же. 1950. № 10. С. 103.
[119] *Матулис Ю. Ю.* Академия наук Литовской ССР. XXV. Вильнюс, 1965. С. 31—32; ВАН. 1952. № 1. С. 98—100.
[120] ВАН. 1960. № 3. С. 94—95; № 8. С. 109; № 9. С. 95—96.
[121] Там же. 1959. № 12. С. 8.
[122] Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12—14 июня 1961 г.: (стенограммы, материалы). Москва, 1961. С. 114.
[123] См., напр.: Научные съезды, конференции и совещания в СССР. 1946—1953 : Библиограф. указ. М., 1958. 111 с.
[124] ВАН. 1961. № 12. С. 16.
[125] Там же. 1946. № 4. С. 81; Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 219.
[126] ВАН. 1946. № 4. С. 81.
[127] Карельский филиал Академии наук СССР : (К 25-летию со дня основания). Петрозаводск, 1970. С. 18, 20.
[128] АН СССР : Справ. на 1962 г. М., 1962. С. 331—332.
[129] Карельский филиал Академии наук СССР. С. 68; Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 112.

[130] ВАН. 1951. № 9. С. 67.

[131] Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12—14 июня 1961 г. С. 235—236.

[132] Подробнее см.: Карельский филиал Академии наук СССР: (К 25-летию со дня основания); Изв. Карельского и Кольского филиалов АН СССР. 1957. Вып. 1. С. 4—50; *Дадыкин В. П.* В новых условиях // На рубеже. 1961. № 4. С. 89—93; *Слодкевич В. С.* Некоторые итоги научных исследований в Карельском филиале АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 112—116.

[133] ВАН. 1958. № 6. С. 101—102; АН СССР: Справ. на 1962 г. С. 333.

[134] Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1969. С. 9; Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 117.

[135] *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 267.

[136] Подробнее см.: Коми филиал Академии наук СССР; *Вавилов П. П.* Научная деятельность Коми филиала АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 117—125.

[137] Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12—14 июня 1961 г. С. 188.

[138] Там же.

[139] ВАН. 1955. № 10. С. 84—85.

[140] Там же. 1953. № 5. С. 65—66.

[141] Там же. 1959. № 4. С. 107.

[142] Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12—14 июня 1961 г. С. 189. — Подробнее о работе филиала см.: *Сидоренко А. В.* Кольский филиал АН СССР и развитие производительных сил Мурманской области // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 100—111.

[143] ВАН. 1957. № 7. С. 71; 1959. № 2. С. 88—89.

[144] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. С. 20.

[145] АН СССР : Справ. на 1962 г. С. 329.

[146] ВАН. 1956. № 5. С. 74.

[147] Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969. С. 7—9.

[148] ВАН. 1957. № 9. С. 134—137.

[149] Наука в Советской Башкирии за 50 лет. С. 495.

[150] ВАН. 1955. № 8. С. 71.

[151] Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 86.

[152] *Зарипов М.* Славный путь научных поисков // Коммунист Татарии. 1974. № 5. С. 59.

[153] ВАН. 1950. № 12. С. 31—35.

[154] Подробнее см.: *Никоноров К. В.* О некоторых итогах деятельности Казанского филиала АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 86—99.

[155] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 221.

[156] АН СССР : Справ. на 1962 г. С. 330.

[157] *Амирханов Х. И.* Наука на службе народу. Махачкала, 1961. С. 4.

[158] ВАН. 1957. № 8. С. 80—81.

[159] Подробнее см.: *Амирханов Х. И.* Развитие научных исследований в Дагестанском филиале АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 126—129.

[160] ВАН. 1951. № 8. С. 90—91; 1953. № 6. С. 69—70; 1983. № 4. С. 14.

[161] *Курчатов И. В.* Во имя великой цели // Правда. 1958. 16 марта.

[162] АН СССР : Справ. на 1962 г. С. 334.

[163] ВАН. 1952. № 5. С. 85—86; 1957. № 6. С. 93; 1958. № 6. С. 101; 1960. № 7. С. 88—89.

[164] Подробнее см.: *Воксовский С. В.* Проблемы физики твердого тела в работах Института физики металлов Уральского филиала АН СССР // Изв. вост. филиалов АН СССР. 1957. № 8. С. 130—142; *Диев Н. П., Чуфаров Г. И.* Исследование проблем металлургии тяжелых цветных металлов в Институте металлургии Уральского филиала АН СССР // Там же. С. 143—154.

[165] Правда. 1958. 16 марта.

[166] ВАН. 1952. № 10. С. 98—101; Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 6. С. 147.

[167] ВАН. 1959. № 1. С. 143—144.

[168] *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. Т. 4. С. 443.

[169] Подробнее о деятельности филиала см.: Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. I. Свердловск, 1959.

[170] *Горбачев Т. Ф.* Западно-Сибирский филиал АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 60.
[171] ВАН. 1959. № 1. С. 124.
[172] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 399.
[173] ВАН. 1949. № 4. С. 80.
[174] *Кротов В. А., Мелентьев Л. А., Одинцов М. М.* Научные исследования Академии наук в Восточной Сибири в 1917—1967 гг. // Иркутский научный центр СО АН СССР : Проблемы развития науки. Иркутск, 1967. С. 8—9.
[175] Там же. С. 9.
[176] Подробнее см.: *Кротов В. А.*: 1) Изучение производительных сил Восточной Сибири // Изв. вост. фил. АН СССР. 1957. № 8. С. 67—74; 2) Организация и деятельность Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 276—285.
[177] Культурная жизнь в СССР. 1941—1950 : Хроника. С. 313.
[178] Доклады на первой научной сессии Якутской базы АН СССР. Якутск, 1948. С. 23.
[179] *Черский Н. В.* О деятельности Якутского филиала АН СССР // Изв. вост. фил. АН СССР, 1957. № 8. С. 80.
[180] Подробнее см.: *Новгородов А. И., Антипин В. Н., Еремеев В. Н.* Академия наук СССР — организатор научных исследований в Якутии // Академия наук и Сибирь. С. 266—275; *Софронов А. К., Ермолаева Ю. Н.* Организация науки в Якутии (1917—1961 гг.) // Развитие науки в Сибири. Методология. Историография. Источниковедение. Новосибирск, 1986. С. 133—139.
[181] Наука на Дальнем Востоке. Владивосток. 1957. С. 5—6; *Быков В. Т., Майоров В. М., Стоценко А. В.* Форпост науки на Дальнем Востоке // Изв. вост. фил. АН СССР, 1957. № 8. С. 75.
[182] ВАН. 1956. № 9. С. 87.
[183] Там же. № 10. С. 106—109. — Подробнее о работе филиала см.: Наука на Дальнем Востоке. Владивосток. 1957. 111 с.
[184] Там же. 1955. № 10. С. 85.
[185] Там же. 1947. № 3. С. 100; 1950. № 11. С. 106—108; 1952. № 7. С. 84; 1955. № 10. С. 85.
[186] *Марчук Г. И.* Молодым о науке. М., 1980. С. 178.
[187] XX съезд КПСС. Стеногр. отчет. М., 1956. Т. 2. С. 482.
[188] Правда. 1957. 24 февр.
[189] Правда. 1957. 2 апр.
[190] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. С. 261.
[191] Академия наук СССР : Сибирское отделение : Хроника. 1957—1982. Новосибирск, 1982. С. 14.
[192] *Несмеянов А. Н.* Избр. тр. Т. IV. С. 378.
[193] Правда. 1957. 3 нояб. ВАН. 1957. № 12. С. 8—14.
[194] Академия наук СССР : Персональный состав. Кн. 2. С. 81—82.
[195] ВАН. 1959. № 4. С. 42.
[196] АН СССР : Справ. на 1959 г. М., 1959. С. 366—377.
[197] Правда, 1958. 20 мая; Академия наук СССР : Сибирское отделение : Хроника. 1957—1982. С. 22—23.
[198] *Лаврентьев М. А.* Расцветает наука в Сибири // Правда. 1961. 29 сент.
[199] ВАН. 1961. № 4. С. 61.
[200] Там же. С. 64.
[201] Об итогах и задачах изучения истории организации науки в Сибири, деятельности Сибирского отделения см.: Развитие науки в Сибири. Методология. Историография. Источниковедение. Новосибирск. 1986. 206 с.; *Артемов Е. Т., Соскин В. Л.* Сибирское отделение АН СССР : Принципы и этапы организации и деятельности // Вопр. истории естествознания и техники. 1982. № 4. С. 40—53.
[202] *Коптюг В. А.* Сибирь научная // Сов. наука : Итоги и перспективы. С. 206.
[203] *Марчук Г. И.* Молодым о науке. С. 177.
[204] Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : Хроника. С. 454.
[205] КПСС о культуре, просвещении и науке : Сб. документов. М., 1963. С. 497.
[206] См.: Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12—14 июня 1961 г. М., 1961. 327 с.
[207] *Келдыш М. В.* Избр. тр. : Общие вопросы развития науки. М., 1985. С. 22.
[208] Там же. С. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе социалистического строительства в Советском Союзе утвердились дружба и братство народов. «Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»,[1] — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС.

Неуклонно осуществляя ленинскую национальную политику, преодолевая сопротивление шовинизма и национализма, Коммунистическая партия в короткий исторический срок обеспечила экономический, социальный и культурный прогресс отсталых в прошлом наций и народностей. Образование в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик создавало все условия для перехода многих угнетенных ранее народов от патриархально-феодальных отношений к социализму, минуя капитализм.

В борьбе за экономическое и духовное возрождение наций и народностей почетное место отводилось науке, главному научному центру страны — Академии наук.

В апреле 1918 г. В. И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» определил задачи Академии наук по исследованию производительных сил страны, наиболее рациональному размещению промышленности. Руководствуясь ленинскими указаниями, Академия наук развернула огромную работу по изучению природных ресурсов страны, особенно в национальных районах.

Основополагающее значение для всего последующего развития Академии наук, повышения ее руководящей роли в государственной системе организации советской науки имело постановление ЦИК и СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР», принятое 27 июля 1925 г. С этого времени значительно возросли масштабы исследований академии в области природных ресурсов страны. Большое развитие получили ее работы по изучению языков и культур братских народов. При содействии Академии наук создавались научные центры и вузы в союзных и автономных республиках.

В годы первой пятилетки Академия наук организовала первые филиалы и базы. Если первоначально главное место в деятельности

большинства филиалов и баз занимали прикладные работы, то в последующие годы они развернули и фундаментальные исследования, значение которых далеко выходило за рамки регионов. Филиалы и базы стали главными научными центрами соответствующих регионов, разрабатывавшими проблемы развития производительных сил, истории, культуры, языка и литературы братских народов. Значительна их роль в подготовке национальных научных кадров.

По мере роста и укрепления филиалов они преобразовывались в республиканские академии наук. Девять из 14 республиканских академий были созданы на основе филиалов АН СССР.

Свидетельством повышения роли АН СССР в развитии советской науки стало образование в ее системе Сибирского отделения, выдающиеся достижения которого получили признание в нашей стране и за рубежом. Были созданы Ленинградский, Дальневосточный и Уральский научные центры АН СССР, ее отраслевые научные центры в Подмосковье: Троицкий, Ногинский и Пущинский. Тесные творческие связи с Академией наук поддерживает Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

Укрепилась и расширилась сеть филиалов и баз Академии наук. Ныне в ее составе функционируют Башкирский, Дагестанский, Карельский, Кольский и Казанский филиалы. В Сибирское отделение АН СССР входят Бурятский, Восточно-Сибирский, Красноярский, Томский и Якутский филиалы.

В сентябре 1985 г. в выступлении на совещании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев говорил:

«Необходимо и впредь обеспечивать опережающее развитие науки в районах Сибири и Дальнего Востока. Сегодня все мы ясно видим прозорливость ранее принятых решений о создании Сибирского отделения и Дальневосточного центра Академии наук, сибирских отделений ВАСХНИЛ и Академии медицинских наук. И сейчас налицо плоды развития сибирской науки».[2]

Развитие науки в СССР стало одним из главных направлений в борьбе партии и народа за подъем экономики и культуры братских народов, укрепление дружбы между ними. Этим благородным целям и была посвящена деятельность Академии наук, направленная на создание филиалов и баз, подготовку национальных научных кадров. Тем самым Академия наук способствовала повышению научно-технического потенциала народов СССР, их сближению.

Организация филиалов и баз АН СССР, последующее преобразование их в национальные академии наук — яркое выражение экономического, социального и культурного прогресса всех наций и народностей СССР. Расцвет науки в национальных районах стал возможным благодаря братскому сотрудничеству и взаимопомощи народов нашей страны.

Всемерно способствуя росту научно-технического потенциала союзных и автономных республик, ученые Академии наук показали себя как подлинные патриоты и интернационалисты.

Рост науки в союзных и автономных республиках, достижения

национальных академий, филиалов АН СССР убедительно опровергают измышления буржуазных фальсификаторов, тщетно пытающихся исказить национальные отношения в СССР, принизить успехи в осуществлении национальной политики КПСС.

60 с лишним лет, прошедшие со времени принятия постановления ЦИК и СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР», показали, что Академия наук с честью выполняла и выполняет функции высшего научного учреждения первого в мире социалистического государства.

Новые ответственные задачи перед советскими учеными поставили апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд КПСС, январский, июньский (1987 г.) и последующие пленумы ЦК КПСС. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, в принятой съездом новой редакции Программы КПСС, других документах съезда указывается на необходимость ускорения научно-технического прогресса, реконструкции народного хозяйства на основе достижений науки и техники. Партия рассматривает ускорение научно-технического прогресса как главный рычаг повышения эффективности производства.

«Коренной вопрос экономической стратегии партии — кардинальное ускорение научно-технического прогресса»,[3] — говорится в новой редакции Программы КПСС.

В документах XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной конференции КПСС глубоко и всесторонне разработаны проблемы совершенствования национальных отношений, укрепления ленинской дружбы народов СССР.

Решения XXVII съезда КПСС, постановления пленумов ЦК КПСС, другие документы партии направлены на скорейшее преодоление тех застойных и негативных явлений, которые возникли в нашем обществе на рубеже 70-х—начала 80-х годов.

Застойные тенденции оказывали отрицательное влияние на развитие экономики, науки и культуры. В ноябре 1986 г. президент АН СССР акад. Г. И. Марчук в докладе на заседании Президиума АН СССР и Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик говорил: «По многим направлениям уровень отечественной науки превышает мировой, но есть и такие направления, где мы упустили ведущие позиции. Как это случилось? Нужно признать, что экстенсивное развитие как экономики, так и науки привело к тому, что наука не получала от производства заказы, которые бы способствовали расширению фундаментальных исследований в нужном направлении и нужном темпе. В результате на какое-то время притормозился рост фундаментальных исследований».[4]

Партия опровергла распространенный в прошлом тезис о бесконфликтности национальных процессов, вскрыла негативные явления в сфере национальных отношений, наметила пути их преодоления. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость проявлять особую заботу об укреплении дружбы и братства народов СССР, давать бескомпромиссный отпор любым проявлениям национализма и шовинизма, сионизма и антисемитизма, местничества, иждиве-

венческим настроениям, национальной ограниченности и чванству, противопоставлять им последовательный, выдержанный интернационализм. На Пленуме ЦК КПСС была подвергнута справедливой критике деятельность обществоведов за отрыв от реальных процессов развития национальных отношений.[5]

В постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» (июль 1987 г.) подчеркивается необходимость обеспечить более активное участие обществоведов в разработке актуальных проблем борьбы с националистическими и другими негативными проявлениями. Поставлена задача поднять роль Академии наук Казахской ССР в борьбе за ускорение научно-технического прогресса в республике.[6] В партийных документах отмечается, что воспитание интернационализма является необходимым условием социально-экономического ускорения.

Под руководством партии развернулась глубокая перестройка всех сторон жизни советского общества. Перестройка — это продолжение дела, начатого Великим Октябрем.

Процесс перестройки, революционных преобразований, обновления стал мощным импульсом для развития советской науки, совершенствования деятельности Академии наук.

В октябре 1986 г. на сессии Общего собрания АН СССР обсуждались задачи ученых Академии наук, вытекающие из решений XXVII съезда Коммунистической партии. На сессии особо подчеркивалось, что «Академия наук СССР вступает в новую полосу своего развития».[7]

Перестройка Академии наук носит всеобъемлющий характер. В сфере перестройки находятся организация, планирование и координация исследований, работа с кадрами, материально-техническое и информационное обеспечение деятельности академических учреждений. Основные направления перестройки обсуждались на сессиях Общего собрания, состоявшихся в октябре 1986 г. и марте 1987 г.

В марте 1987 г. на сессии Общего собрания рассматривался вопрос, касающийся приоритетных направлений развития науки. Тогда же были утверждены временный устав научно-исследовательского института, положения об Отделении, Секции Президиума АН СССР. Общее собрание признало необходимым внести поправки к Уставу АН СССР. Принятие всех этих документов имеет своей целью перестроить работу Академии наук на основах демократизации и гласности.[8]

Одно из важнейших направлений перестройки — дальнейшее укрепление центров академической науки в регионах. После XXVII съезда КПСС на основе ранее образованных научных центров были созданы два новых региональных отделения Академии наук — Уральское и Дальневосточное. В феврале 1987 г. Президиум АН СССР решил преобразовать Коми филиал в научный центр Уральского отделения, а также организовать в составе этого отделения научные центры в Перми, Ижевске и Челябинске.[9] Возрастают масштабы исследований, проводимых филиалами АН СССР.

В процессе перестройки возникла необходимость усиления координации исследований. «Сейчас во многих академиях наук союзных республик сложилась такая ситуация, что они работают почти независимо от главных задач магистральных фундаментальных направлений»,[10] — отмечал акад. Г. И. Марчук. Поэтому потребовалось еще более укрепить контакты АН СССР с республиканскими академиями наук.

В 1987 г. Президиум АН СССР принял постановление о преобразовании Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик. Было выработано новое Положение об этом органе, в соответствии с которым он преобразовывался в Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме АН СССР. Согласно Положению, в отделениях АН СССР создаются секции совета. В состав совета входят ученые АН СССР, ее научных центров и филиалов, академий наук союзных республик и других научных учреждений. Задача совета заключается в расширении сотрудничества АН СССР с академиями наук союзных республик, отраслевыми академиями и вузами, повышении координирующей роли АН СССР.[11]

Взаимодействие, сотрудничество, взаимопомощь ученых АН СССР и республиканских академий являются одним из важнейших факторов развития советской науки, подъема экономики и культуры народов СССР.

Дружба и сотрудничество ученых Академии наук с учеными союзных республик служат надежным залогом новых выдающихся достижений советской науки в будущем.

[1] *Горбачев М. С.* Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 67.

[2] *Горбачев М. С.* Избр. речи и статьи. М., 1985. С. 251.

[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 141.

[4] *Марчук Г. И.* Перестройка научной деятельности академических учреждений в свете решений XXVII съезда КПСС // ВАН. 1987. № 1. С. 3—4.

[5] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 38—40.

[6] Правда. 1987. 16 июля.

[7] Наука и техника СССР. 1917—1987 : Хроника. 1987. С. 261; ВАН. 1986. № 11. С. 15; 1987. № 1. С. 80—82.

[8] ВАН. 1987. № 7. С. 15, 78—82.

[9] Там же. С. 119.

[10] Там же. № 5. С. 4.

[11] Там же. С. 3—4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН СССР	— Архив Академии наук СССР.
Академия наук XVII партсъезду. I	— Академия наук XVII партсъезду. I : Общий отчет. Л., 1934.
Академия наук XVII партсъезду. II	— Академия наук XVII партсъезду. II : Экспедиционная деятельность. Л., 1934.
ВАН	— Вестник Академии наук СССР.
ВАРНИТСО	— Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.
ВАСХНИЛ	— Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.
ВСНХ	— Высший Совет Народного Хозяйства.
Главнаука	— Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса РСФСР.
220 лет АН СССР	— 220 лет Академии наук СССР : Справочная книга. М.; Л., 1945.
КЕПС	— Комиссия по изучению естественных производительных сил России.
КИПС	— Комиссия по изучению племенного состава населения России.
Изв. вост. филиалов АН СССР	— Известия восточных филиалов АН СССР.
КЭИ	— Комиссия экспедиционных исследований РАН.
Материалы	— Материалы по истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950.
ЛПА	— Ленинградский партийный архив.
ОКИСАР	— Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик АН СССР.
ОС РАН	— Общее собрание Российской Академии наук.
Организация науки	— Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сборник документов. Л., 1968.
Организация советской науки в 1926—1932 гг.	— Организация советской науки в 1926—1932 гг.: Сборник документов. Л., 1974.
ОИФ	— Отделение исторических наук и филологии АН СССР.
ОФМ	— Отделение физико-математических наук АН СССР.
РАН	— Российская Академия наук.
РИСО	— Редакционно-издательский совет АН СССР.

Совнарком (СНК)	— Совет Народных Комиссаров.
СЗиР	— Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР.
СУ	— Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства.
СОПС	— Совет по изучению производительных сил СССР АН СССР.
Уставы	— Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. 2-е изд. М., 1975.
ЦГА РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР.
ЦГАНХ СССР	— Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР.
ЭОС	— Экстраординарное общее собрание РАН.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ведение 3

I

ОТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК К АКАДЕМИИ НАУК СССР
1917—1925 гг.

Образование СССР. Новые задачи науки. Рост Академии наук 10
Деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС) 22
Исследование природных ресурсов 23
Ученые — национально-культурному строительству 26
Участие Академии наук в создании высшей школы и национальных научных центров 28
Признание Академии наук высшим научным учреждением СССР . 36

II

АКАДЕМИЯ НАУК — ВЫСШЕЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ СССР. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
1926—1941 гг.

Национально-государственное строительство и задачи науки 47
Развитие сети научных учреждений в национальных районах СССР . . 52
Перестройка и обновление Академии наук 59
Экспедиционная деятельность 70
Участие в национально-культурном строительстве . 76
Необходимость создания филиалов и баз . . 81
Филиалы и базы АН СССР в РСФСР 93
Филиалы АН СССР в республиках Закавказья 114
Филиалы и базы АН СССР в республиках Средней Азии . 133
Казахский филиал 151

III

ФИЛИАЛЫ И БАЗЫ АН СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941—1945 гг.

Перестройка деятельности научных учреждений 176
В борьбе за мобилизацию природных ресурсов Урала, Казахстана, Таджикистана и Туркмении. Работа Кольской базы им. С. М. Кирова 186
Организация академий наук Узбекской, Азербайджанской и Армянской ССР . 195
Создание новых филиалов и баз АН СССР 202

IV

ФИЛИАЛЫ АН СССР В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
1945—1961 гг.

Научные учреждения СССР на новом этапе 216
От филиалов АН СССР к академиям наук союзных республик. Координация исследований 231
Развитие сети филиалов . . . 239
Создание Сибирского отделения 246
Заключение . . 256
Список сокращений . . . 261

Анатолий Васильевич Кольцов

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ СССР
1917—1961 гг.

Утверждено к печати
Институтом истории
естествознания и техники Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. Б. Нешатаева*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Л. М. Бова, Е. А. Гинстлинг* и *С. В. Добрянская*

ИБ № 33120

Сдано в набор 20.11.87. Подписано к печати 20.09.88. М-42112. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 16.5. Усл. кр.-от. 16.62. Уч.-изд. л. 20.71. Тираж 950. Тип. зак. № 2224. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

3р. 30 к.

«НАУКА»
Ленинградское отделение